

**A Peer Reviewed Journal of the
Centre of Russian Studies**

CRITIC

Issue No. 22, 2024

ISSN: 2229-7146

CRITIC

A Peer Reviewed Journal of the Centre of Russian
Studies

Issue No. 22

2024

Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi – 110067

CRITIC Issue No. 22; April, 2024

2024, Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU, New Delhi, India, 110067

ISSN: 2229-7146

Chief Editor: Prof. Richa Sawant
Editors: Dr. Ashutosh Anand
Dr. Vinay Kumar Ambedkar
Dr. Radha Mohan Meena

Our reviewers:

Prof. Hem Chandra Pande (Retd.), Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Prof. Varyam Singh (Retd.), Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Prof. Debal Dasgupta (Retd.), MS University of Baroda, Vadodara, India
Prof. Harish Vijra (Retd.), EFL University, Hyderabad, India
Prof. Pankaj Malviya (Retd.), Panjab University, Chandigarh, India
Prof. Tereshchenko E.Yu, Murmansk Architectural University, Russia
Dr. Anna Chelnokova, St.Petersburg State University, Russia
Dr. Veronica Usacheva, IAS, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Pushp Ranjan, EFL University (Lucknow Campus), Hyderabad, India
Dr. Kunwar Kant, EFL University, Hyderabad, India
Dr. Shashi Kumar, EFL University (Lucknow Campus), Hyderabad, India
Dr. Suhail Akhtar, Department of Foreign Languages, AMU, Aligarh, India
Dr. Mona Agnihotri, Allahabad University, Allahabad, UP, India
Dr. Hawa Singh Yadav, EFL University, Hyderabad, India
Dr. Arpita Paul, Visva-Bharati, Santiniketan, West Bengal, India
Dr. Sunita Acharya, Visva-Bharati, Santiniketan, West Bengal, India
Dr. Anagha Bhat Behere, Savitribai Phule Pune University in Pune, India
Dr. Divyam Prakash, B.R.A Bihar University, Muzaffarpur, Bihar, India
Dr. Sourabh Kumar, Central University of Gujarat, Gandhinagar, Gujarat, India
Dr. Megha Pansare, Shivaji University, Kolhapur, India
Dr. Shitanshu Bharti, University of Delhi, New Delhi, India

Published by: Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067

Critic is a blind peer reviewed journal, which is published by the Centre of Russian Studies, annually. It publishes articles in the field of Russian language, translation, literature, culture, society and comparative studies. Articles in the journal reflect the views of the authors only.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means without the prior written permission of the publishers.

Editor's Note

It is a matter of immense pleasure to present Issue No. 22 of the Journal Critic. This issue features a total of 38 articles, divided into various sections including literature, language, culture, translation, and book reviews. Specifically, there are eighteen articles cataloged in the literature section, seven in the culture section, five in the language section, five have been selected for the translation section, and three book reviews included in the book review section.

The literature section of this issue emphasizes various aspects of literary criticism, literary works, and the literary cultures of Indian and Russian literature vis-à-vis world literature. Ranjana Banerjee's article «Богоискательство и богостроительство: Образ Христа в поэме Александра Блока «Двенадцать» и в романе Максима Горького «Мать»» discusses the image of Christ in two monumental works of Russian literature. Nagendra Srinivas's article «Художественный образ Сталина в романе Солженицына «В круге первом»» attempts to study the artistic image of Stalin in Solzhenitsyn's novel "The First Circle." Subhash Kumar Thakur's and Vinay Kumar Ambedkar's article «Пространство в новой деревенской прозе: на основе материала романов «Елтышевы» и «Зона Затопления» Романа Сенчина» explores literary space in new village prose in contemporary Russian literature. Sudarshan Raja's article «Раскрытие элементов культурной индустрии в произведении Виктора Пелевина «Поколение П»» applies Frankfurt School critical theory to Victor Pelevin's novel "Generation P," examining rapid technological progress, particularly in the cultural industry. Hrishika Katyayan's article «Сопоставительное изучение персонажей - животных в рассказах Ф. Достоевского и Р. Тагора» is devoted to the comparative study of animal characters in the stories of Dostoevsky and Rabindranath Tagore. Rohit Raj's article «Изучение сказок как педагогических ценностей» examines the relationship between traditional pedagogy and the pedagogical nature of folk tales. Nasar Shakeel Roomi's article "Clash of two ideas: Rereading Aitmatov's novel 'When the mountains fall'" discusses Aitmatov's last novel from the perspective of the clash between modernity and traditionalism. Shubham Singh's article "Faith and Marriage in Post-Soviet Russia: Debates on Free Will in Alisa Ganieva's 'Bride and Groom'" intends to explore Ganieva's work, elaborating on the cultural tradition of arranged marriages and patriarchal subversions. Shraddha Pal's article "Morality under scrutiny: Perspectives of Raskolnikov and Balam Halwai in 'Crime and punishment' and 'The white tiger'" attempts to study the moral complexities faced by the protagonists of these selected works. Rashmi Giri's article "Forced migration in the works 'The inseparable twins' by Anatoly Pristavkin and 'The collapse' by Issa Kodzoev" discusses the theme of migration in Russian society at length. Shrutidhara Hainari's article "Chizh unveiled: A comprehensive exploration of the preschool pioneers magazine" aims to provide a concise introduction to the Chizh magazine in the formative years of the USSR. Arya

G's article "Remembering history through trauma in Svetlana Alexievich's 'Second-hand time' (2016)" examines traumatic experiences and living memories in the selected work. Saptadeepa Banerjee's article "Representation of Mikhail Bakunin in Tom Stoppard's 'The coast of utopia'" analyzes the reception of Bakunin in historical literature. Rizia Begum Laskar's article "Russian children's literature in India: Nostalgia, propaganda, and reality" delves into the nostalgic experience of recalling such books and the reality behind the propaganda. Tanaji S. Kamble's and Tripti Karekatti's article "Russian emigrant writing and man-woman relationships: A Study of Ayn Rand's 'The fountainhead' and Vladimir Nabokov's 'Pnin'" discusses the depiction of relationships in these selected works. M. Aneez's article "Sinner-saint syndrome in L. Tolstoy's 'Father Sergius' and U. R. Anantha Murthy's 'Samskara'" explores the "sinner-saint syndrome" in these works. Nehad Kaniz-Fatima's article "Svetlana Alexievich and the role of 'emotional histories' in shaping history writing" highlights the importance of emotional histories as valuable historical traces in contemporary discourse. Varun Kumar's article "Use of animal characters as instruments of political satire in Soviet literature" discusses the portrayal of animals in various works.

The culture section begins with Meeta Narain's article «Концепция культуры в творчестве Рериха», which describes the beauty of the Himalayas through the works of Nikolai Roerich. Krishnakumar R. S.'s article «Культура как средство власти - проявления массовой культуры» discusses the influence of mass culture on society. Kiran Bandra's article «Метафорическая модель «Политика – это спорт» в политическом дискурсе России и Индии» presents a comparative-cognitive study of the metaphorical model of politics as a sport, based on Russian and Hindi media. M. N. Rajesh's and Arnav K. Anjaria's article "The rise of Indic religions in post-communist Russia: A case study of the Hare Krishna Movement" seeks to understand the dynamics behind the reception of Indic religions in post-communist Russia. Shradha Pal's and Anju Rani's article "Moscow counterculture of the 1970s and 1980s" examines the roles of influential rock bands like Kino and DDT, as well as the impact of dissident literature circulated through samizdat. Punsara Amarasinghe's article "The ideology of Russian thinkers on 'life' and its parallels with Ancient Indian philosophies" explores how Russian perspectives on life parallel ancient Indian philosophies. Nidhi Mathur's article "Reception of sanskrit mahakavi Kalidas in Russia: An Onset of Indology in Russia" focuses on the reception and localization of Kalidas' works, as well as the history and current trends in Indology within Russian and European universities.

The language section begins with Ashutosh Anand's article «Возвратные глаголы в русском языке и их омонимичные варианты», which is devoted to the study of reflexive verbs and their homonymous variants. Suman Beniwal's article «Структурные, семантические и стилистические особенности социальных эвфемизмов в современных СМИ русского языка» analyzes examples of social euphemisms in Russian-language media and their semantic, stylistic, and structural

features. Radha Mohan Meena's and Mohd. Akram Ansari's article "A brief history of languages and their scripts" highlights the script-writing systems in different languages. Kaushal Kishore's article "Gender in the Russian wonder tales" elaborates on how folktales reflect stereotypical gender roles in society. Priteesh Kumar's article "Influences and borrowings of Graecisms in the Russian language" provides various examples of Graecisms in Russian.

The translation section begins with Ravinder Singh's article «Осмысление процесса перевода через понимание роли и места участвующих в нём межъязыковых коммуникантов», which examines and schematically depicts the translation process from a general to a specific perspective. Preeti D. Das's article "Geometric Puzzle of Shri-Yantra" is a translation from Russian to English, written by Alexei Pavlovich Kulaichev. M. V. Lakshmi's article "*Arata Osada's Genbaku No Ko* (Children of the Atomic Bomb) in Russian as *Deti Hirosimy*" highlights children's accounts of the Hiroshima bombing. Radha Mohan Meena's article "ताबूत वाले की बेटी की कहानी: अनुवाद एवं विश्लेषण" is a translation of Fyodor Salugov's short story from Russian to Hindi, accompanied by translation commentaries. Vinay Kumar Ambedkar's and Ujjwal Kumar Vidyarthi's article "जंगल और मैदान- इवान तुर्गेनेव" is a translation of Ivan Turgenev's short story «Лес и степь» from Russian to Hindi. The book review section begins with Suman Beniwal's article, which reviews "Romashka: A Textbook of Text Analysis." Irshad Abdulkarim Vadagaonkar's article "Рецензия на книгу «The Cracked Mirror: An Indian Debate on Experience and Theory»" reviews Prof. Gopal Guru's and Sundar Surukai's book in Russian. Khushboo Roy's and Utkarsh Dixit's article "निकालाई गोगल के नाटक: पुस्तक समीक्षा" reviews the Hindi translation of Nikolai Gogol's plays.

...

Editorial board

Contents

Title of the article	Author	Page No.
Literature		
Богоискательство и богостроительство: образ Христа в поэме А.Блока «Двенадцать» и в романе М.Горького «Мать»	Ранджана Банерджи	1-11
Художественный образ Сталина в романе Солженицына «В круге первом»	Нагендра Шринивас	12-31
Пространство в новой деревенской прозе: на основе материала романов «Елтышевы» и «Зона Затопления» Романа Сенчина	Субхаш Кумар Тхакур Винай Кумар Амбедкар	32-45
Раскрытие элементов культурной индустрии в произведении Виктора Пелевина «Поколение П»	Сударшан Раджа	46-55
Сопоставительное изучение персонажей - животных в рассказах Ф. Достоевского и Р. Тагора	Ришика Катаян	56-60
Изучение сказок как педагогических ценностей	Рохит Радж	61-70
Clash of two ideas: rereading Aitmatov's novel 'When the mountains fall'	Nasar Shakeel Roomi	71-80
Faith and marriage in post-soviet Russia: Debates on free will in Alisa Ganieva's "Bride and groom"	Shubham Singh	81-89
Morality under scrutiny: Perspectives of Raskolnikov and Balram Halwai in "Crime and punishment" and "The white tiger"	Shraddha Pal	90-97
Forced migration in the works "The inseparable twins" by Anatoly Pristavkin and 'The collapse' by Issa Kodzoev	Rashmi giri	98-106
Chizh unveiled: A comprehensive exploration of preschool Pioneers magazine	Shrutidhara Hainari	107-116
Remembering history through trauma in Svetlana Alexievich's "Second-hand time" (2016)	Arya G	117-124
Representation of Mikhail Bakunin in Tom Stoppard's "The coast of utopia"	Saptadeepa Banerjee	125-138
Russian children's literature in India: Nostalgia, propaganda and reality	Rizia Begum Laskar	139-145
Russian emigrant writing and man-woman relationship: A study of Ayn Rand's "The fountainhead" and Vladimir Nabokov's "Pnin"	Tanaji S. Kamble	146-155

	Tripti Karekatti	
Sinner- saint syndrome in L Tolstoy's "Father Sergius" and U R Anantha Murthy's "Samskara"	M. Aneez	156-163
Svetlana Alexievich and the role of "emotional histories" in shaping history writing	Nehad Kaniz-Fatima	164-170
Use of animal character as an instrument of political satire in Soviet literature	Varun Kumar	171-182
Culture		
Концепция культуры в творчестве Рериха	Мита Нараян	183-189
Культура как средство власти- проявления массовой культуры	Кришнакумар Р.С.	190-199
Метафорическая модель «Политика – это спорт» в политическом дискурсе России и Индии	Киран Бандра	200-208
The rise of Indic religions in post-communist Russia: A case study of the <i>Hare Krishna</i> movement	M N Rajesh Arnav K Anjaria	208-216
Moscow counterculture of the 1970s and 1980s	Shraddha Pal Anju Rani	217-225
The ideology of Russian thinkers on "Life" and its parallels with ancient Indian philosophies	Punsara Amarasinghe	226-243
Reception of Sanskrit Mahakavi Kalidas in Russia: An onset of Indology in Russia	Nidhi Mathur	244-250
Language		
Возвратные глаголы в русском языке и их омонимичные варианты	Ашутош Ананд	251-255
Структурные, семантические и стилистические особенности социальных эвфемизмов в современных СМИ русского языка	Суман Бенивал	256-269
A brief history of languages and their scripts	Radha Mohan Meena Mohd. Akram Ansari	270-280
Gender in the Russian wonder tales	Kaushal Kishore	281-285
Influences and borrowings of Graecism in the Russian language	Priteesh Kumar	286-294
Translation		
Осмысление процесса перевода через понимание роли и места участвующих в нём межъязыковых коммуникантов		295-300

	Равиндер Сингх	
Geometric puzzle of <i>Shri-Yantra</i>	Preeti D Das	301-306
<i>Arata Osada's Genbaku No Ko</i> (Children of the atomic bomb) in Russian as <i>Deti Hirosimy</i>	M.V.Lakshmi	307-315
ताबूत वाले की बेटी की कहानी: अनुवाद एवं विश्लेषण	राधा मोहन मीना	316-324
जंगल और मैदान- इवान सेरगेयेविच तुर्गेनेव	विनय कुमार अम्बेदकर उज्ज्वल कुमार विद्यार्थी	325-332
Book review		
Рецензия на учебное пособие <i>Ромашка</i> (Дели 2019, 184 с.)	Суман Бенивал	333-335
Рецензия на книгу «The cracked mirror: An Indian debate on experience and theory»	Irshad Abdulkarim Vadagaonkar	336-344
निकालाई गोगल के नाटक: पुस्तक समीक्षा	खुशबू रॉय उत्कर्ष दीक्षित	345-352

Богоискательство и богостроительство: Образ Христа в поэме Александра Блока «Двенадцать» и в романе Максима Горького «Мать»

Ранджана Банерджи

Университет им.Джавахарлала Неру

Нью Дели, Индия

ranjanab1992@gmail.com

Аннотация: Октябрьская революция 1917 года принесла с собой важные политические, социальные и идеологические перемены в России. Особое внимание левой партией было уделено мерам, способствующим упразднению религии. Именно такой период, когда побежденная партия пролетариата активно провозглашала богоборческую идею, появляется поэма Александра Блока «Двенадцать», в которой Христос изображен как вождь молодежи и народа. Интересен тот факт, что аналогичным образом представлен образ Христа в романе Горького «Мать», который был издан почти десять лет до революции, и был рассмотрен как лучший образец произведений социалистического реализма. В этом нет ничего удивительного.

Для христианина образ Христа, как и образы Дурги или Кришны для индуса, является воплощением сопротивления злу и идеального спасителя. Цель и задача обоих писателей заключались в том, чтобы показать духовное преобразование масс под возглавлением народного вождя. Однако трактовка образа Христа в этих произведениях отличается друг от друга. Блок, раскрывает характер, применяя концепцию богоискательства, и Горький, при помощи концепции богостроительства. Это во многом связано с периодом написания этих произведений.

Ключевые слова: «Двенадцать», «Мать», Христос, Октябрьская революция, богоискательство, богостроительство.

Октябрьская революция 1917 года принесла с собой важные политические, социальные и идеологические перемены в России. Особое внимание левой партией было уделено мерам, способствующим упразднению религии. Именно в такой период, когда побежденная партия пролетариата активно провозглашала богоборческую идею, появляется поэма Александра Блока «Двенадцать» с богоискательским мотивом.

Богоискательство, как новое религиозное сознание, возникло в среде либеральной интеллигенции России в начале XX века. Провозглашали ее

видные деятели того времени такие, как Дмитрий Мережковский, Николай Бердяев, Василий Розанов и др. В своих работах они стремились к идеалу культурно-религиозного обновления в период социально-политического и культурно идеологического кризиса.

Название поэмы «Двенадцать» имеет символическое значение. Слово «двенадцать» постоянно повторяется в поэме. Оно несет в себе разное значение. В временном контексте оно означает перемену, в мифологическом контексте оно представляет собой двенадцать апостолов Христа, шедших за Христом. Двенадцать в данной поэме также определяет число красноармейцев, которые патрулируют на улицах Петрограда. Все они – революционеры, являются героями новой эры, так как исполняют великую миссию, а миссия их связана с тем, чтобы беречь новую идеологию новой эры, связанной с всеобщим равенством, свободой. Однако без креста, т.е без духовного путеводителя, они оказались сбившимися с пути. Хаотичный период новообретенной свободы большевиков характеризуется поэтом словами, такими как ветер, винтовок, огонь:

«Гуляет ветер, порхает снег.

Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,

Кругом — огни, огни, огни...

.....
Свобода, свобода,

Эх, эх, без креста!

(Блок, 1999, гл 2)

Мысли о свободе без креста, без святого начала неоднократно повторяются в поэме. В деятельности двенадцати красногвардейцев отмечается полная хаотичность. На своем пути они совершают самые ужасные поступки.

Разрушительная сила становится доминантной. Слово 'тьма' в поэме (в главе 12) не только определяет ночной час, но и стихийное действие, духовную тьму. Губительное влияние эпохи отражается в поступке Петруха, который убивает свою возлюбленную Катьку. К этому его толкает не только чувство мести, но и душевная стихия, связанная с хаосом в окружающей среде.

Уделяя внимание нравственному убожеству двенадцати красногвардейцев, поэт отмечает, что они идут без имени святого,

Ко всему готовы,
Ничего не жаль.. (Там же, Гл 11)

Аналогичное настроение двенадцати красногвардейцев акцентируется и дальше при помощи выражений таких, как, «Мировой пожар раздуем,/Мировой пожар в крови » (Там же, Гл-3), (они) «идут без имени святого, Ко всему готовы». (Там же, Гл-11).

В то же время выражения, как «Господи, благослови!» (Гл-3), «Упокой, Господи, душу рабы Твоя... » (Там же, Гл-8) намекают на тот факт, что без 'креста' было трудно выстоять.

Стихийность движения красногвардейцев как бы утихает в финальной главе поэмы введением образа Христа, идущего впереди отряда двенадцати красногвардейцев и выполняющего роль праведника.

«Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.» (Там же, Гл-12)

Христос в финале поэмы представлен как предводитель двенадцати красногвардейцев-апостолов новой жизни. Блок видимо хотел подчеркнуть, что, несмотря на стихийность их движения, впоследствии, красногвардейцы могут переродиться и стать апостолами новой веры под духовным учением Христа. В связи с этим Нина Щербак замечает: «Блок создает образ Христа – образ света, спасения, прощения, будущего. Блок, в данном случае, как и многие поэты серебряного века, видят в любой человеческой душе то зерно божественного, которое в ней, по определению, неминуемо присутствует при любых обстоятельствах.» (Щербак, www.topos.ru/.../poema-aleksandra-bloka-dvenadcat-mistika-serdc.)

Интересным является представление противоположных начал при помощи цветового контраста, красного и белого, имеющего символическое значение. В изображении Христа доминирующим является белый цвет. Его венки из белых роз. Роза по христианскому

вероисповеданию является цветком рая, а белая роза символизирует чистоту и целомудрие. Она также воспринимается как атрибут Девы Марии. Портит эту гамму в поэме «Двенадцать» святой земной кровавый флаг. Христос как бы отмывает кровь от рук красногвардейцев и показывает им путь к идеалам любви, к вечным ценностям. По замечанию Сузи, «“Исус” возникает из снежных столбов и вихрей метели

как их порождение и средоточие, ...он —исток, эпицентр бури, в котором — надмирный покой.». (Сузи, 2005, <https://cyberleninka.ru › article › is...>)

Образ Иисуса Христа, являющийся лейтмотивом поэмы, в начале репрезентируется при помощи символов через многократное упоминание числа двенадцать, связанного с различными божественными явлениями. Затем, Христос образно описывается как путеводитель двенадцати красногвардейцев. Эти двенадцать красногвардейцев представлены как блудные сыновья, которым Христос указывает путь. С обновителем духовной жизни, Христом, они переходят от стихийного пути свободы без креста к гармоничному пути свободы. Подобно божественной фигуре в средневековой литературе, он стал воплощением народного идеала правды, символом возрождения, символом «нового мира», во имя которого шагали вперед «двенадцать» красногвардейцев. Введение в поэму образа Христа как путеводителя народа символизирует веру поэта в то, что единственный Христос может вывести заблужденных красногвардейцев, и масс в целом, от кровавого настоящего в гармоничное будущее.

Такой финал поэмы стал предметом полемики. Литературоведы предлагали множество трактовок этого образа. Например, русский советский литературовед, Владимир Орлов пишет, что Христос «был для поэта не только воплощением святости, чистоты, человечности, справедливости, но и символом, знаменующим стихийное, бунтарско-демократическое, освободительное начало и торжество новой всемирно-исторической идеи.» (Орлов, <http://blok.lit-info.ru › blok › bio>, 2021) Орлов, как видимо, рассматривал Христа как благодетель мира. Советский и российский учёный, богослов, литературовед, Михаил Дунаев считает, что образ Христа принимает облик Спасителя для духовно неразвитых ‘апостолов’, т.е красногвардейцев.(Дунаев, Глава

XIV, <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/dunaev-vera/index.htm>, 2022) По Долгополову, образ Христа в поэме представляет собой «воплощение чистоты и оправданности революционного действия», и «морально-этическое оправдание совершаемого зла во имя будущего торжества добра.» (Долгополов, 1959, 233-234).

Не менее интересны и иные, противоположные точки зрения. Например, М. Волошин утверждает, кровавый флаг в руках Христа — «это символ Его нового распятия. » (Волошин, 1992, с. 130–131) Павел Флоренский верит в то, что « В финале появляется не Христос, а его антипод, «враг» «за вьюгой невидим», – антихрист, принявший вид Иисуса. » (Занегина, <https://vk.com>),2019)

Таким образом, каждый, в зависимости от своих пониманий, расшифровывал роль и место образа Христа в поэме. Орлов, Дунаев, Долгополов увидели в этом образе символ светлого будущего России, тогда как Волошин и Флоренский предпочли увидеть образ распятие Христа или антихриста.

Таким образом образ Христа во главе красногвардейцев шокировал и сторонников революции, и тех, которые были против нее, и Блок был осужден и теми, и другими.

Темой обсуждения стала также орфоэпическая неточность имени Христа, 'Исус'. Одно из предположений связано с тем, что, опустив букву 'и', поэт хотел передать особенность восприятия имени Христа простым народом, полуграмотным. Другое предположение заключается в следующем- написав в поэме слово 'Иисус' с одним 'и', Блок создал антихристианский образ.

По утверждению самого поэта, в роли праведника он не мог представлять другого лица такого же масштаба, как Христос. Откликаясь на замечание Гумилева о том, что место, где появился Христос, кажется ему искусственным, Блок говорит: “Мне тоже не нравится конец "12" . Я хотел бы, чтобы он был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее видел Христа. И тогда я записал у себя: к сожалению, Христос”. (Флоренский , www.pereplet.ru/text/florenskiy25ynv02.html)

Причина этого, наверное, кроется в следующем фрагменте из дневника Блока: «Вот что я ещё понял: эту рабочую сторону большевизма, которая за летучей, за крылатой. Тут-то и нужна им помощь. Крылья у народа есть, а в умениях и знаниях надо ему помочь. » (Блок,1918, <https://traumlibrary.ru › blok-ss09-07 › blok-ss09-07>). Блока возмущало то, что неопытные рабочие стараются летать без опоры, без путеводителя, и он считал своим долгом найти им проводника - самого Христа.

Если Христос в поэме Блока стал предметом бурной дискуссии, то образ Христа в романе Горького «Мать» совершенно игнорировался многие годы. Роман, который был издан почти за десять лет до революции, был исследован однолинейно. Его рассматривали как лучший образец произведений социалистического реализма, передающий дух времени и изображающий героя нового времени в революционном развитии. Однако роман чрезвычайно многослоен и несет в себе не только идеи марксизма, но и мотивы богостроительства. Философское понятие богостроительства возникло в начале XX века с целью создать новую концепцию Бога на основе сходных черт социалистического и христианского мировоззрения. Они не признавали мистическую сущность Бога, а пытались создать народного бога. Главными представителями богостроительства являются Анатолий Луначарский, Владимир Базаров, Александр Богданов и Максим Горький.

В связи с этим современная исследовательница творчества Горького, Л. Спиридонова пишет: «... «Мать» нельзя рассматривать лишь как летопись революционных событий начала века. Горький попытался создать не просто хронику деятельности социал-демократов в Нижнем Новгороде и Сормове, а Новое Евангелие пролетариата. Образ матери ориентирован не столько на реальных женщин, которых встречал писатель, сколько на образ Богоматери, а Павел и его друзья напоминают Христа и святых апостолов».(Спиридонова, 2004, с. 72)

Сходство имени главного героя с именем христианского апостола Павла не кажется случайным. Павел из романа «Мать» пережил подобное преображение, как и апостол Павел в свое время. Апостол Павел, образ которого впервые упоминается в Новом Завете, был из другого вероисповедания, но потом крестился и стал проповедником учения Христа. Аналогичным является жизненный путь Павла Власова из романа Горького «Мать». В начале он жил в замкнутом пространстве

рабочей слободки, но потом вырвался из своей привычной среды и начал заниматься политической деятельностью, направленной на преобразование жизни народа, на просветительское воздействие на них. Подобно апостолу Павлу, он стал проповедником гуманизма, работал на благо народа. Чувство любви и преданности у Павла к народу обожествляет его образ.

Мать Павла, Пелагея Ниловна, воплощает в себе лучшие качества — любовь, доброту, отзывчивость, преданность. Подобно Христу и Богородице, она идет впереди и ведет за собой преобразенных людей, желая просветить их. Являющаяся верной поклонницей Христа, она во всех положительных явлениях жизни видит Его. Она сравнивает своего сына и его товарищей с Христом. Как говорит автор, «все они имели в глазах матери что-то одинаково настойчивое, уверенное, и, хотя у каждого было свое лицо — для нее все лица сливались в одно: худое, спокойно решительное, ясное лицо с глубоким взглядом темных глаз, ласковым и строгим, точно взгляд Христа на пути в Эммаус.» (Горький, Мать, Часть первая. XXI, ilibrary.ru/text/1485/p.21/index.html)

Деятельность Павла и его товарищей Ниловна рассматривает также как божественную миссию. В статье «Богостроительские мотивы в повести М. Горького 'Мать' », Пименов отмечает что, Ниловна сравнивает деятельность и идеологию своего сына и его товарищей с христианской идеологией, которая была наполнена сходными мотивами и целями и обладала значительным социал-демократическим потенциалом, хотя и мистического толка. (Пименов, в журнале Вестник Саснкт Петербургского Университета..Сер.6, с.306.) В первомайской демонстрации Ниловна старается убедить толпу в этом. Она говорит: «Идут в мире дети, кровь наша, идут за правдой...: для всех! Для всех вас, для младенцев ваших обрекли себя на крестный путь... Ищут дней светлых. Хотят другой жизни в правде, в справедливости... добра хотят для всех!..... Не отходите же от них, не отрекайтесь, не оставляйте детей своих на одиноком пути.» (Горький, Мать, ilibrary.ru/text/1485/p.21/index.html. Часть первая. XXIX)

Герои романа «Мать» выступали не против Бога, а против ложного бога. Со временем, мать Пелагея Ниловна «стала меньше молиться, но всё больше думала о Христе и о людях, которые, не упоминая имени его, как будто даже не зная о нем, жили — казалось ей — по его заветам.»(Там

же . Часть вторая.VIII)Очевидно, Христос для Пелагеи Ниловны прежде всего был спасителем народа от социального неблагополучия.

Следует отметить, что в романе автор вводит эпизод, когда главный герой, Павел, вешает на стену картину, на которой изображены три человека, шедшие куда-то бодро .Объясняя содержание картины своей матери, Павел говорит, что это картина воскресшего Христа, шедшего в Эммаус с двумя учениками, не узнавшими Его. Аналогичная же картина представляется Блоком в финале поэмы «Двенадцать». Говорит о данном сходстве и В. Ю. Пименов в своей работе.

Характеризуя роман Горького, Л. А. Спиридонова отмечает, что роман «Мать» Горького не был плодом беспрекословного подчинения идеологии партии Большевиков. Он напротив отражал актуальные религиозно-философские искания того времени и впервые представил социализм как проявление духовной эволюции русского народа. (Спиридонова.М.,2004 с.89)

Аналогичным образом оценивает роман и В. Ю. Пименов. Он отмечает, что «Мать» является выражением нового этапа мировоззренческой эволюции Горького, в котором марксизм впервые столь явно наделяется религиозной, христианской направленностью, а традиционная для русской философии идея соборности приобретает марксистские очертания, в чем и будет состоять основная идея богостроительства, суть которого художественным языком Горький сформулирует позже в повести «Исповедь». (Пименов, в журнале Вестник Санкт Петербургского Университета..Сер.6. с.314)

В романе Горький указывает на неразрывную связь социал-демократических идей, сформулированных марксизмом, и христианством. Под влиянием идеи богостроительства Горький пытался создать образ народного бога в лице Павла и Ниловны. Следует отметить, что исследователи находят в образе матери отражение Софии – Премудрости Божией. По данной теме В. Ю. Пименов говорит следующее: «Идея приоритета женского начала — исконно русская тема, берущая начало в древнерусском язычестве, несколько подавленная по преимуществу патриархальным православием и возрожденная в русской софиологии конца XIX — начала XX в. К этому

архетипическому образу Руси <...> вновь обращается Горький в повести «Мать». (Там же. с.311)

Использование женской символики, которая встречается в романе Горького, широко распространено в индийском веровании и представлено в образах разных культов богинь.

В восточной традиции Маха Шакти или Вечная Женственность представляется в образах Дурги, Кали, Лакшми, Сарасвати. Эти божественные образы олицетворяют мудрость, любовь, силу. Богиня-Мать является символом матери и родины. Она нередко представляется в роли вождя в эпоху массовых национальных выступлений. Культ Софии может сливаться и с культом богоматери — как, например, было в средневековье.

В заключение важно отметить, что целью и задачей Александра Блока и Максима Горького при введении образа Христа в свое творчество была демонстрация духовного преобразования масс. Однако трактовка образа Христа в этих произведениях отличается друг от друга. Это во многом связано с периодом написания этих произведений. Создавая данное произведение в самый разгар революционных событий, Блок противопоставил большевистский режим Христу. Он был свидетелем хаотичных действий нового социалистического человека, весьма далекого от идеальных представлений о нем. Горький, напротив, писал этот утопический роман в предреволюционные годы, когда новый герой времени еще только формировался. Образ этого героя был создан в большей мере по воображению писателя, и поэтому он идеализировал его, наделяя его божественными чертами и символически отождествляя его с Христом.

Очеловечивание божественного образа (черта символистской поэзии Блока и др.) и обожествление человека (черта соцреалистического романа Горького и др.) широко распространено и в литературе Индии. В качестве примера можно назвать образы Бога Кришны и Богини Дурги в произведениях бенгальского писателя Бонкимчондро.

Отсюда вытекают следующие вопросы:

Совместимы ли религия и социализм?

Может ли религиозный человек быть социалистом?

Не противоречат ли социалистические идеи религии и ее догмам?

Несмотря на то, что социализм отвергает религию как институциональную веру, он не исключает из жизни все, что в ней содержалось. Все религии по своей сути проповедуют гуманизм, религиозную терпимость и милосердие, что отчасти соответствует идеологии социализма. Социализм пытался удовлетворить те важные потребности, в удовлетворении которых играет роль гуманитарная народная религия. Видимо поэтому, тогда

« революция воспринималась многими как необходимое условие духовного возрождения»("Русская мысль и революция 1917 года"; № 6, <https://www.kantiana.ru/analytics/210333/>), воспринималась как способ реализации христианских идей.

Для христиан Христос -это прежде всего символ сопротивления злу,как для индусов богиня Дурга, Господь Кришна и многие другие мифологические образы.Поэтому неудивительно, что в художественных произведениях Блока и Горького,проповедовавших разные взгляды и являвшихся представителями разных литературных направлений, образ Христа как гуманистического идеала и спасителя становится движущей силой и лидером до-и послереволюционной России.

Литература:

Блок Александр . Двенадцать. Текст произведения. Источник: А. А. Блок. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Том V. М.: Наука, 1999.

Интернет-библиотека Алексея Комарова <https://ilibrary.ru> > text 01.05.17

Волошин М. А. Россия распятая. М., 1992, с. 130–131

Горький Максим. М. Горький. Мать. Текст произведения.

ilibrary.ru/text/1485/p.21/index.htm 01.05.17

Блок Александр,Том 7.Дневники.Читать онлайн

<https://traumlibrary.ru> > blok-ss09-07 > blok-ss09-07. 09.09.17

Долгополов Л.К. «Двенадцать» Ал. Блока. (Идейная основа поэмы) // Вопросы

советской литературы. Сб. VIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 134 –180.

Дунаев М. М.: Глава XIV. Русская литература конца XIX – начала XX веков. Пункт 7. Блок А. А.в кн. Вера в горниле Сомнений. "Православие и

русская литература в XVII-XX вв.". <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/dunaev-vera/index.htm> 30.11.2022

Занегина Анастасия «Двенадцать» без Христа или со Христом?! <https://vk.com> ›.... 27.11.2022

Орлов В. Н.: Гамаюн. Жизнь Александра Блока. "Сегодня я - гений... " <http://blok.lit-info.ru> › blok › bio.2 28.11.2022

Пименов.В.Ю. БОГОСТРОИТЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ» в журнале Вестник Санкт Петербургского Университета..Сер.6. 2009. Вып.3.

"Русская мысль и революция 1917 года": тезисы лекции Алексея ...

<https://www.kantiana.ru/analytics/210333/> 06.08. 17

Священник Павел Флоренский - О Блоке - Русский переплет

www.pereplet.ru/text/florenskiy25ynv02.html 09.09.22

Спиридонова.Л.А.Максим Горький. новый взгляд- М.,2004

Сузи В.Н, "Исус" А. Блока в пушкинской перспективе

<https://cyberleninka.ru> › article › is... 2005

Щербак Нина. Поэма Александра Блока «Двенадцать»: мистика сердца

www.topos.ru/.../поэма-aleksandra-bloka-dvenadcat-mistika-serdc.. 06.08. 17

Художественный образ Сталина в романе Солженицына «В круге первом»

Нагендра Шринивас

Доцент Центра Русских Исследований,
в школе языковых, литературных и культурных исследований,
в университете имени Джавахарлала Неру,
Нью Дели -110067, Индия,
nshreeniwas@gmail.com

Аннотация: Творчество Александра Солженицына (1918-2008) резко осуждает советское государство, Сталина и выступает против наследников Сталина. Автор критикует Сталина за то, что он создал свой культ, который рос на всех уровнях бюрократии и терроризировал всю страну в течение более половины столетия. Эта статья является попыткой изучить художественный образ Сталина в романе Солженицына «В круге первом».

Ключевые слова: Солженицын, Сталин, В круге первом, сталинщина, культ личности

Первая же повесть Александра Солженицына (1918-2008) «Один день Ивана Денисовича» (1962), которая была издана с личным одобрением Хрущева благодаря антисталинскому настроению тогдашнего руководства СССР, хотя очень жестоко осуждает сталинскую систему лагерей, содержит только одну ссылку про Сталина: «батяка усатый», который даже «брату родному не поверит». (54) Несмотря на такие непочтительные слова о Сталине, эта повесть, в основном, только непрямо осуждает его и общество, которым он управляет. Художественное достижение Солженицына состоит в литературном преобразовании типичного дня из лагерной жизни в символ сталинщины. Несмотря на то, что лагерь является одной крайностью эры Сталина, мастерство автора состоит в приобретении суровой одноцветной лагерной жизни в символ ежедневной жизни при Сталине. (Lukacs13)

В романе «В круге первом», изданном за границей в 1962 году, Солженицын рисует тюремную жизнь как отражение социальной структуры страны. Он оживает свое символическое описание всероссийского лагеря при помощи шептания и тонкого отношения между персонажами. Для этого он изображает жизнь и в тюрьме и во внешнем обществе и прекрасно показывает, что не существует

никакой разницы между ними. Этот роман подробно описывает преступления и злодеяния сталинской эры. Он не только ограничивает себя косвенными ссылками на Сталина, но даже представляет Сталина как одного из главных персонажей книги. Этот образ Сталина в романе, всесторонний и описывает его психологию, его мудрость, его способность как администратор, вождь и идеолог. Авторский голос очень сатирический и намерен безжалостно разоблачать все до одного пороки Сталина.

В романе «В круге первом» Сталин появляется только в пяти из 96 глав (т.е. главы 19-23). Он показывается как эпицентр, откуда распространяется все злодеяния страны. В остальных главах все время чувствуется невидимое присутствие Сталина, как-будто он же регулирует сюжетное действие романа. Автор не знакомит своих читателей со Сталиным в начале произведения. Он готовится к этому ознакомлению очень тщательно, тонко и детально. Прежде всего, в ранних главах (главы 1-18), партийные чиновники представлены автором в возрастающем порядке их чина. В то же самое время, наблюдается, что частота ссылки на Сталина постепенно увеличивается. Даже образ Сталина начинается с образом его физического окружения (например- кабинет, стол и т.д.). Роман «В Круге первом», благодаря своей целесобразной композиции, постепенно выстраивает перед читателем разные перспективы, предлагает разные точки зрения разных персонажей о советской системе, и в том числе и о самом Сталине. Дело в том, что разные действующие лица из разных ходов советского общества появляются по разным главам и раскрывают свой характер, и в этом процессе также подготавливают почву для писования образа самого Сталина.

Первая глава романа «В Круге первом» изображает Иннокентия Володина, который работает подполковником дипломатической службы (т.е. государственным советником второго ранга) в министерстве иностранных дел. Иннокентий Володин, 24-ого декабря 1949 года, «в замирающем декабрьском дне» (т.1,г.1,с.10), звонит по телефону американскому посольству в Москве, чтобы сообщить: «На днях советский агент Коваль получит важные технологические детали производства атомной бомбы в радиомагазине...» (т.1,г.1,с.14) «— Атомная бомба?» — недоверчиво повторил атташе. — «А кто такой вы? Назовите вашу фамилию.»

(т.1,г.1,с.14) Телефонная связь отключена третьим лицом, и Володин понял, что уже записали его беседу. Он волнуется об идентификации его голоса секретной службой. Основная сюжет этого романа, на первом плане, двигает вокруг идентификации его голоса, а на втором плане, он раскрывает образ ряд советских чиновников и в том числе и Сталина. Третья глава представляет перед читателем тюрьму Марфино, где высококвалифицированные заключённые были собраны из концентрационных лагерей, чтобы работать над проектом кодирования голоса и впоследствии идентификации голоса. Сейчас уже ясно, что судьба Володина очень тесно связана с судьбой заключённых Марфино, с судьбой проекта кодирования голоса.

От первой главы до блока глав о Сталине автор даёт различные перспективы Сталина и сталинизма от лица разных персонажей. Он показывает то, как Володин, недоверчив к тайной службе государства. Сталин также показывается глазами просвещённых заключённых, глазами директора проекта Марфино – Яконова, глазами непосредственных начальников Яконова – Осколупова, Селивановского и Рюмина, и затем через глаза их начальника – Министра Государственной Безопасности – Абакумова (Главы 16, 17, 18).

Взаимодействие между вышеупомянутыми персонажами помогает автору раскрывать иллюзорную природу могущества каждого из этих чиновников, потому что их сила в конечном итоге зависит только от одной вещи – прихоти Сталина. Например, поскольку они входят в офис Абакумова для решающей встречи, Селивановский, Осколупов и Яконов ходили в порядке старшинства почти на цыпочках, и только шаги Селивановского были слышны. (т.1,г.1,с.10) Эта тройка лгунов, то есть Селивановский, Осколупов и Яконов, в главе 18, унижает себя перед находящимся выше Абакумовым, который в свою очередь унижает себя, в главе 21, перед Сталиным. Но над Абакумовым (и, нам говорят, даже над его превосходящим – Берия) сидит Поскребышев, личный секретарь Сталина. Поскребышева ценит Сталин, потому что он считает себя полным ничтожеством перед боссом. Он допускает дрожащего Абакумова к Сталину (глава 21). После глав про Сталина, автор посвящает две главы инженеру-полковнику Яконову (главы 24 и 25).

Этот шаг вниз в разряде, от Сталина к Яконову, готовит читателя к возвращению в тюрьму Марфино и ее зэкам, которые занимают большинство последующих глав.

После того, как Солженицын уже представлял образ разных чиновников и министра Абакумова, он рисует образ самого владыки. Приближением к главам, описывающим Сталина, как уже заметно, постепенно изменяет авторский подход к Сталину. С самого начала Сталин редко упоминается по имени, а атрибутами. Первое упоминание о Сталине («владыка») встречается в самом начале романа. На первой же странице хотя идёт речь о министрах, автор очень тонко рисует первую линию образа Сталина:

«Зная ночные повадки владыки, все шесть десятков министров, как школьники, бдят в ожидании вызова. Чтоб не клонило в сон, они вызывают заместителей, заместители дергают столоначальников, справкодатели на лесенках облазывают картотеки, делопроизводители мчатся по коридорам, стенографистки ломают карандаши.» (т.1,г.1,с.10)

Последующие страницы содержат ряд ложногероических атрибутов: «владыки» (т.1,г.5, с.29), «Босс» (т.1,г.9,с.54), «и Робеспьер и Наполеон нашей революции» (т.1,г.10,с.57), «Вождь народов» (т.1,г.11,с.63), «Отец западных и восточных народов» (т.1,г.11,с.65), «Вождь всего прогрессивного человечества» (т.1,г.11,с.65) и так далее. Автор до появления 16-ой главы об Абакумове только трижды употребляет фактическую фамилию Сталина (точнее псевдоним) в 3-ей, 6-ой и 11-ой главах. В 14-ой главе, ещё дважды это имя было использовано заключёнными в разговоре. Не удивительно, что это псевдоним без всякого эпитета употребляется в шарашке более свободно, чем в обществе. Псевдоним Сталина упомянуто только дважды даже во фразе как «сталинский лауреат» (т.1,г.11,с.63) и «сталинская премия» (т.1,г.14,с.84). Только с главы 16-ой, описывающей образ министра Абакумова, псевдоним Сталина звучит на страницах романа часто. Автор связывает псевдоним Сталина непосредственно с эпитетами только в 11-ой главе. (т.1,г.11,с.65-66) Установив псевдоним (который более популярен, чем самая фамилия) Сталина, автор готов заявить имя, отчество и псевдоним (а не оригинальную фамилию) своего героя. В этой же

главе, имя и отчество Сталина – «Иосиф Виссарионович» (т.1,г.11,с.68) впервые раскрывается. А оригинальная Фамилия Сталина, «Джугашвили» (т.1,г.20,с.121), раскрывается только в 20-ой главе.

Замечания о Сталине иногда прямые утверждения, иногда косвенные, а иногда передаются через думы персонажей. Бывший чиновник Мамурин, разговаривая с коммунистом Рубином, обращает к Сталину с уважением «Иосиф Виссарионович». (т.1,г.11,с.68) Рубин тоже называет Сталина с уважением: «Робеспьер и Наполеон... революции», «мудр», «величайший человек» (т.1,г.9,с.54). Он также называет Сталина такими атрибутами:

«Умный, добрый, беспредельно-честный писатель, солдат, охотник, рыбовод, пьяница и женолюб, спокойно и откровенно презирающий всякую ложь, взыскующий простоты, очень человечный, гениально-наивный...» (т.1,г.6,с.37)

Чаще всего автор упоминает Сталина со специальным тоном сатиры, например, «владыка» (т.1,г.1,с.10, «властитель» (т.1,г.22,с.161). Глеб Нержин называет Сталина унизительно: «пьяница и женолюб» (т.1,г.6,с.37), «Тупица! Боров тупой!» (т.1,г.9,с.54). Однако, самые сатирические атрибуты взяты из краткой биографии самого Сталина: «стратегический гений», «мудрая прозорливость», «мощная воля», «железная воля», «полководец революции», «мудрый и испытанный Вождь», «великий Сталин», «сокрушительная сила логики», «кристальная ясность ума», «любовь к народу», «чуткость к людям», «нетерпимость к парадной шумихе» и «удивительная скромность». (т.1,г.19,с.114) Автор представляет сатирические эпитеты также через внутреннего монолога Сталина: «Корифей наук» (т.1,г.16,с.101), «величайший из всех великих», «император планеты», «император земли» и «ему равных, нет сравнимых в истории Земли». (т.1,г.22,с.163)

В последней подготовительной главе (т.е. в 18-ой главе), имя «Сталин» употребляется свободно и неоднократно. Солженицын, использует образ пространства и окружения, чтобы описывать образ персонажа и указывать на его место в обществе. Например –

описание кабинета Осколупова, Абакумова и Сталина очень четко объясняет их место в правительстве. Не только кабинет, даже размер стола и портрета на стене зависит от ранга соответствующего работающего. Таким и описывается кабинет министра Абакумова – генерального комиссара второго ранга: «Кабинет Абакумова был если и не зал, то и не комната.» (т.1,г.16,с.94) Такая тщательно и детально разработанная подготовка к образу Сталина подчеркивает его место во власти в пределах романа. Это напоминает о «Инферно» Данте.

Итальянский поэт Данте Алигьери, в своей книге «Божественной комедии», описывает Ад «Инферно», который состоит из девяти кругов, и в каждом из которых раздельно положены разные грешники в зависимости от их грехов. И видно, что величина греха увеличивается по близости от центрального круга, где живёт сам дьявол. Таким же образом, Солженицын в романе «В круге первом», рисует образ чиновников по порядку их звания, и видно, что число эпитетов также увеличивается с рангой. Это художественное путешествие ведёт читателей к вершине зла – к Сталину.

Почти во всех произведениях Солженицына, где встречается Сталин, автор дает читателям понять, что именно от Сталина и от его личного каприза происходит все зло советского союза, и его каприз управляет целым государственным аппаратом. Этот «неломаемый, неуступчивый и чудесный грузин» (т1,г.20,с.134) стоит на вершине пирамиды власти, и мечтает о таких званиях для себя как император планеты и император земли и так далее. (т1,г.22,с.163) В пяти главах о Сталине (главы 19-23), Солженицын рисует образ такого человека, который уже захватил неограниченную власть, и даже один неприятный взгляд которого может означать смерть. Этот человек мечтает, чтобы каждое его слово почиталось как гениальное. Он страдает от мегаломании, паранойи и бессонницы.

Типичная глава в романе «В круге первом» начинается с представлением персонажа в середине проблемы или ситуации. И затем, следует его беседа с другими персонажами или его внутренний монолог. Впоследствии, всезнающий автор предлагает вводную информацию о действующем лице. Только тогда автор говорит о текущем моменте, и происходит новое развитие сюжета.

Глава заканчивается с заключительным утверждением, часто ироническим или сатирическим. Этот образ является динамическим в том смысле, что изображает изменение в ситуации и закладывает фундамент для новой ситуации. Его внутренняя напряженность извлекается из конфликта или взаимодействия между персонажами. Так как Сталин является одним из главных образов, конфликт в этих четырех главах (главы 19-22) появляется почти полностью из-за разницы между перспективами автора и персонажа.

Солженицын применяет некоторые художественные приемы, чтобы рисовать образ Сталина и его культа личности, как – многогранное повествование, всезнающий повествователь, сатира и сатирическое повествование, внутренний монолог персонажа, лингвистическая и интеллектуальная мимикрия Сталина, прямые цитаты.

В творчестве Солженицына чаще всего повествование многогранное, то есть повествование идёт одновременно от разных лиц. Образ Сталина раскрывается перед читателями с разных сторон. Повествователь в романе все знает и понимает. Он дает читателям даже такую информацию, которая ещё недоступна действующим лицам. Иногда повествователь просто высказывает мнения Сталина при помощи внутреннего монолога самого Сталина. Ввиду того, что Сталин страдал бессонницей, он привык к тому, что целую ночь, он обдумывал и размышлял о себе и о своих противниках. Так как эти утверждения (т.е. мнения Сталина) встречаются во втором или третьем лице, их можно считать косвенным внутренним монологом. Автор чаще всего сатирически относится к Сталину. Автор делает утверждения с точки зрения Сталина, но не всегда как внутренний монолог. В этих утверждениях замечается большое расстояние между точками зрения всезнающего повествователя и внутреннего монолога Сталина.

Неотъемлемой частью образа Сталина является мимикрия недостающего дефектного языка Сталина и в речи и в письме. В течение его одиноких и бессонных полуночных часов Сталин думает о своих научно-исследовательских статьях, которые он написал, чтобы опровергнуть установленные лингвистические понятия и принципы. Но читатель сразу хорошо понимает пустоту интеллекта Сталина, когда он использует только высокозвучащие выражения и

термины, не заботясь о том, что он пишет. Солженицын идет еще далее, чтобы указать некоторые грамматические, фонетические и стилистические ошибки в статье Сталина. Беда в том, когда Сталин чувствует трудность объяснить определенное понятие или не может установить его утверждения, он использует такие словосочетания как «каждому ясно», «весь мир знает» и тому подобное, чтобы ему не нужно было бы объяснять тот термин.

Предельная завершающая интеллектуальная мимикрия Сталина замечена в абзаце, где показывают Сталина, работающего над его известной статьей по лингвистике, которую он написал в 1950 году. Поразительно увидеть то, как Сталин манипулирует с хорошо утвержденными и установленными даже марксистскими понятиями. Ужасно узнать, что он определяет язык как «орудие производства» и говорит: «... язык – это орудие производства ...» «Сказал же Ленин: "без почты не может быть социализма". Очевидно, и без языка...». (т.1, г.23, с.170)

Солженицын, чтобы поддержать свое мнение, не редко употребляет прямые цитаты. Эти цитаты даются разными способами: мыслью персонажа (то есть, прямой внутренний монолог), его речью, через диалог, его письменные слова, напечатанный текст, и так далее. Кроме того, Солженицын часто называет главу сатирической цитатой, взятой прямо из самой же главы. Это дает цитате значение или нюанс, который она не имела бы в обычном контексте.

Девятнадцатая глава в романе «В круге первом» называется – «Юбиляр». Это название сатирическое. Эта глава представляет перед читателем детали размышления Сталина по случаю его семидесятого юбилея со дня рождения. Эти размышления даются через его внутренний монолог и противопоставлены с правдой, высказанной всезнающим повествователем. Таким же образом, в главе 23 в романе «В круге первом», которая называется «Язык – орудие производства», автор опять сатирически относится к Сталиному и намекает на его лингвистические способности. Фраза «Язык – орудие производства» взята автором как прямые цитаты из сочинения самого Сталина, чтобы производить интеллектуальную мимикрию.

Название главы 21 тоже указывает на просьбу Абакумова к Сталину о смертной казни. Опять название главы «Верните нам смертную казнь!» является прямой цитатой, которая взята из диалога между Сталиным и Абакумовым. Солженицын дает сатирические названия всем главам о Сталине. Двадцать вторая глава возвращает читателя к внутреннему монологу Сталина после выхода Абакумова из кабинета Сталина. Однако в этом случае монолог Сталина создан перспективой всезнающего автора. Эта глава называется «Император земли» и носит в себе оттенок сатиры.

В этой же главе, также встречается тонкие намеки Сталина на его собственную смерть, его склонность к религии и его тайное, но сильное стремление к тому, чтобы его признали собственно русским (внутренний монолог). Слова смерть и бессмертие звучат неоднократно, потому что Сталин уже почувствовал, что скоро его жизнь конается, и поэтому, он думает о возможности его бессмертия. Он подробно думает о способах для того, чтобы стать бессмертным в истории человечества. Ирония такая, что разговаривая с Абакумовым, Сталин согласился вернуть смертную казнь (глава 21), и сразу после выхода Абакумова (глава 22), он начинает думать о своей смерти и бессмертии. Взаимодействие голосов разных персонажей производит сильное впечатление того, что Сталин ложен, лицемерен и серьезно болен психозом.

Сталин, в романе «В круге первом», как уже заметно, не выходит перед читателем прямо. Автор начинает описывать его образ в главе 19 сначала с детальным описанием его физического пространства, окружения. Сначала описывается комната Сталина. Солженицын мастерски применяет деталь как художественный прием, например – «Комната была невелика, невысока», «В ней было две двери, а окно», «Много места занимала низкая оттоманка», «лампы, прикрытые». (т.1,г.19,с.112)

Замечается, что комната Сталина очень похожа на образ самого Сталина. Автор, описывая комнату Сталина, сначала говорит о том, чего она лишена: высоты («невысока» – роста Сталина тоже был невысокий), величие («невелика» – по автору Сталин невелик), а потом о том, что есть в комнате – низкая оттоманка, которая занимала много места и прикрытые лампы, которые намекают на

закрытый кругозор Сталина. Следует обратить внимание на сатиру, что что-нибудь низкое занимает здесь много место. Отсутствию окон указывает на замкнутую, изолированную атмосферу пространства, которое символично отражает замкнутый кругозор самого Сталина. Потом подчеркивается непроницаемая атмосфера комнаты, ее удаление от нормального свободного мира. Две двери и сдвоенные лампы указывают на двуличность Сталина, которая также выражается, потом, при помощи внутреннего монолога самого Сталина. Солженицын также намекает на отсутствие места в кабинете Сталина, которое, позже, в главе 23, автор соединяет с психологическим побуждением самого Сталина: «Тем и хорош был его ночной кабинет, что здесь не было пространства». (т.1,г.23,с.173) После знакомления читателей с кабинетом Сталина, автор готов изображать единственное присутствие в ней, т.е. самого Сталина.

«На оттомане лежал человек, чье изображение столько раз изваяно в статуях, писано маслом, акварелью, гуашью, сепией, рисовано углем, мелом, толченым кирпичом, сложено из придорожной гальки, из морских ракушек, полированной плитки, из зерен пшеницы и соевых бобов, вырезано по кости, выращено из травы, выткано на коврах, составлено из самолетов, заснято на кинолентку – как ничье никогда за три миллиарда лет существования земной коры». (т.1,г.19,с.112)

Огромная сложная и поразительная структура этого абзаца состоит из одного придаточного предложения, связанного с простым и нейтральным словом человек, превращает его в сложноподчиненное предложение. Главная часть этой предложении – «..человек, чье изображение» – вводит ряд причастий прошедшего времени «изваяно... писано... рисовано... сложено... вырезано... выращено... выткано... составлено... заснято...», которые содержат их собственные по аналогии предлоги «в ... из ... по ... на ... на ...». Взаимодействие причастий и предлогов («вы-резано по... вы-ращено из... вы-ткано на...») и так далее) придает структуре большую энергию, демонстрируя, что «изображение» извлечено из или вызвано в почти каждый существующий материал. Читатель хотя знает об идентичности и присутствии этого человека, он неспособен чувствовать что-нибудь дальше, следовательно, он рассматривает его с чувством шока. После такой детальной подготовки, автор

описывает внешний вид самого героя, который лишит его ауры очарования, его бурной славы и знаменитости.

«А он просто лежал, немного подобрал ноги в мягких кавказских сапогах, похожих на плотные чулки. На нем был френч с четырьмя большими карманами, нагрудными и боковыми – старый, обжитый, из тех серых, защитных, черных и белых френчей, какие (немного повторяя Наполеона) он усвоил носить с гражданской войны и сменил на маршальский мундир только после Сталинграда.» (т.1,г.19,с.112-113)

На другом месте, например в официальной биографии Сталина или в хвалебной беллетристике, написанной о нем, картина первого секретаря, лежащего на низкой оттоманке в старом френче, намекала бы на его человеческие качества или связала бы с очаровательным и пленительным анекдотом. После такого внушительного представления его славы, эта картина привязывает малость, глупость и идиотизм к предмету изображения. Это предложение подстрекается несколькими скромными словами: «А он просто» (указывает снижение); «старый, обжитый... защитных... френчей...» (неприлично в гражданской жизни); «...какие он усвоил носить...» (как бы это была бы чудаковатостью); «...и сменил на маршальский мундир только после Сталинграда» (как бы Сталинград разрешил бы ему повышать его собственное звание). После внешнего сатирического описания Сталина, автор возвращается к колоссальному престижу своего героя. Встречается целый абзац, основанный только именем Сталина, и заканчивающийся гиперболой:

«Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали докладчики в началах и окончаниях речей, выпевали тонкие пионерские голоса, провозглашали во здравие архиереи. Имя этого человека запекалось на обмирающих губах военнопленных, на опухших деснах арестантов. По этому имени во множестве были переименованы города и площади, улицы и проспекты, дворцы, университеты, школы, санатории, горные хребты, морские каналы, заводы, шахты, совхозы, колхозы, линкоры, ледоколы, рыболовные баркасы, сапожные

артели, детские ясли – и группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну.» (т.1,г.19,с.113)

Большой обманчивый престиж Сталина немедленно разрушается при помощи таких же слов. Автор, чтобы изображать действительное состояние Сталина, дальше употребляет такие уменьшительные слова и словосочетание как «маленький», «желтоглазый старик с рыжеватыми волосами», «с рытвинками оспы кое-где по серому лицу», «с усохшею кожей сумочкой на шее», «с темными неровными зубами», «с жирными влажными пальцами», чтобы рисовать внешние черты Сталина:

«А он был просто маленький желтоглазый старик с рыжеватыми (их изображали смоляными) уже редующими (изображали густыми) волосами; с рытвинками оспы кое-где по серому лицу, с усохшею кожей сумочкой на шее (их не рисовали вовсе); с темными неровными зубами, частью уклоненными назад, в рот, пропахший листовым табаком; с жирными влажными пальцами, оставляющими следы на бумагах и книгах.» (т.1,г.19,с.113)

Начальное представление Сталина завершено в следующем параграфе. Как будто автор делает сложную подготовку, он не произносит имя Сталина до последнего момента. Ещё раз видно, что автор сатирически связывает своё объективное наблюдение.

Только сейчас, после такой тщательной подготовки, автор произносит полное имя Сталина: «Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография». (т.1, г.19,с.114) Попутно можно добавить, что здесь метод, который применял Солженицын для разоблачения пороков, отчётливо напоминает метод Толстого. (Кеп 10) Автор намекает на сначала намекает на пороки, иллюзии, а затем он ловко, но безжалостно разоблачает их. Тот же самый метод очевиден в главе 21, где идёт речь о недоверчивости Сталина, который доверился только одному человеку в мире: «Человек этот был – Адольф Гитлеру» (т.1, г.19,с.114):

«Он не доверял своей матери. И Богу. И революционерам. И мужикам (что будут сеять хлеб и собирать урожай, если их не заставлять). И рабочим (что будут работать, если им не установить норм). И тем более не доверял инженерам. Не доверял солдатам и

генералам, что будут воевать без штрафных рот и заградотрядов. Не доверял своим приближенным. Не доверял женам и любовницам. И детям своим не доверял. И прав оказывался всегда!» (т.1,г.21,с.153)

Солженицын, после того, как он уже дал внешние черты Сталина, изображает умственное и психическое состояние Сталина. Поскольку жирные пальцы Сталина нетерпеливо переворачивают страницы маленькой книжки (его краткая биографии), его глаза садятся на слова, написанные большими буквами, удобными даже для неграмотного, и он разговаривает с собой. Солженицын указывает фактические слова из страницы биографии Сталина, сначала изданной в 1948 году:

«Незамысловатые честные слова этой книги ложились на человеческое сердце покойно и неотвратно. Стратегический гений. Его мудрая прозорливость. Его мощная воля. Его железная воля. С 1918 года стал фактическим заместителем Ленина. (Да, да, так и было.) Полководец революции застал на фронте толчею, растерянность. Сталинские указания лежали в основе оперативного плана Фрунзе. (Верно. Верно.) Это наше счастье, что в трудные годы Отечественной войны нас вел мудрый и испытанный Вождь – Великий Сталин. (Да, народу повезло). Все знают сокрушительную силу сталинской логики, кристальную ясность его ума. (Без ложной скромности – все это правда.) Его любовь к народу. Его чуткость к людям. Его нетерпимость к парадной шумихе. Его удивительную скромность. (Скромность – это очень верно.)» (т.1,г.19,с.113-114)

Эта заключительная часть образа Сталина показывает то, что вся похвала в его биографии является ложной и обманчивой. Солженицын представляет перед читателями голый гортрет героя: пустякового и порочного человека с большим именем, лежащего в старом военном френче, перелистывая книжку по его фальшивым деяниям, подвигам и талантам и, стараясь убедить себя, что эта книга является верной и настоящей. Солженицын, чтобы достигнуть этого эффекта, противопоставляет факт (биографию Сталина) и фантазию (мысли Сталина). Однако если обратиться к историческим фактам, никто не может сказать, что вымышленные элементы здесь не основаны на факте. В своей «тайной речи» Никита Хрущев сообщил двадцатому съезду КПСС в 1956 году, что Сталин лично

одобрял и редактировал свою краткую биографию и даже вносил дополнения собственной рукой в текст книги. Приходится согласиться со словами Хрущева про Сталина:

«Хотя он выполнил его задачу лидера партии и людей с законченным навыком и наслаждался неограниченной поддержкой всех советских людей, Сталин никогда не позволял никому испортить его работу даже тонким намеком суеты, сомнения или лести». (Rigby 71)

Писатель Милован Джилас также описывает Сталина почти такими же красками. Существуют сходные элементы между словами Джиласа и Солженицына о Сталине:

«Поэты были вдохновлены им, оркестры ревели кантаты в его чести, философы в институтах написали многотомные книги о его высказываниях, и мученики умерли на эшафотах, выкрикивая его имя. Теперь он стал победителем в самой большой войне в его стране и в истории. Его абсолютная власть царствовала над более чем одной шестой земного шара, и распространялась дальше и дальше без остановки. Это убедило его в том, что его общество не содержало никаких противоречий и это показало превосходство над другими обществами». (Djilas 106-107)

В следующих параграфах, Солженицын показывает то, что семидесятилетний Сталин болен и его память ослабляется и чувствует себя тошнотворно. Тем не менее, он продолжает лгать себе. Эта ситуация напоминает нам повесть Л.Н.Толстого «Смерть Ивана Ильича», где протагонист, хотя хорошо знает, что он скоро умрет, не хочет верить в свою смерть. Таким же образом, в каждом своем размышлении Сталин думает об исторических характерах и событиях, которые подчеркивают лживость и лицемерие его собственного мнения. Сталину совершенно верно, что простой народ, который своими «многими недостатками никуда не годится», сильно любит его. (т.1,г.19,с.116) Хотя Сталину скучно при получении бесчисленных подарков и почестей, он думает о праздновании по случаю его юбилей, чтобы показать миру свои успехи. (т.1,г.19,с.116)

Двадцатая глава романа рисует внешний и внутренний образ Сталина. Она изображает Сталина как соединение старого дряблого тела и злобной души. Он является таким человеком и диктатором, который, в последней части своей жизни оценивает свою роль в истории и проверяет свою биографию, чтобы показывать себя в светлой краске. Сталиным все это «было сделано для бессмертия». (т.1,г.23,с.168) Эта глава заключается таким же образом, как она началась – в тесной комнате Сталина. Конец этой главы представляет зеркальное изображение начала главы. Автор опять употребляется такие слова, как «маленький», «замочка», «суровый», «простой» и «солдатский». (т.1,г.20,с.145) Здесь когда Сталин льёт себя стакан водки и смотрит серьёзно в зеркало, сатирический повествователь повторяет слова из биографии Сталина: «Он позвонил ординарцу-грузину – одевать себя.», «Даже к приближенному он выходил как перед историей.», «Его железная воля», «Его непреклонная воля», «Быть постоянно, быть постоянно – горным орлом.» (т.1,г.20,с.145)

Все пять главы, где рисуется образ Сталина, намекает на его языковую слабость. Например, в двадцатой главе, внутренний монолог Сталина прерван стуком в двери и Поскребышев входит. Этот диалог подчёркивает дефектную речь Сталина, который считает себя лингвистом: «Па-смотрим», «па-требуй», «Цы-фравую», «Иды'-пока». (т.1,г.19,с.120-121) Солженицын нередко употребляет эпитет как один из своих любимых художественных приемов. Он сначала пробуждает какой-то образ, затем помещает его в центре внимания или повествования и возвращается к этому позже. Солженицынская сатира лингвистической статьи Сталина очень едкая и острая. Автор не считает известную статью Сталина о марксизме и филологии серьезной научной работой. Эта интеллектуальная мимикрия уже изучена критиками Эдвард Браун и Гары Керн в их статьях. Солженицын скорее концентрируется на стиле определенных образцов, предлагая очень настоятельно, что нет в этой статье никакой мысли вообще. Бесконечные списки языков, лишних повторений, и принудительной телеологии – все эти стилистические погрешности обнажают слабое, непрочное и сомнительное основание мысли Сталина. Солженицын выбирает

только несколько ключевых предложений как подлинные идеи этой статьи и показывает их ненадежность.

Двадцать вторая глава выставляет истощенный мозг Сталина, который серьёзно мечтает стать «императором земли и императором планета», т.е. подробно рассказывает о политическом тщеславии Сталина. В продолжении, глава двадцать третья демонстрирует интеллектуальную неспособность Сталина, который заменяет слово «редко» словом «не всегда» (т.1,г.23,с.173) и повторяет слово, чтобы делать упор. Один из заметных стилей автора состоит в том, что он немедленно разоблачает ложь и лицемерие. Сталин всегда думал о том, что его считали более великой фигурой в истории, чем Ленина. Следовательно, Сталин, в своем сне, не забывает исправить «опротечивого поверхностного Ленина» (т.1,г.19,с.116), который считал, что «каждый трудящийся свои мысли имеет право высказывать!» (т.1,г.19,с.116). Он также критикует Ленина, который «безответственно напутал» (т.1,г.19,с.119), когда считал образование простого народа важным. По мнению Сталина:

«Кухарка – она и есть кухарка, она должна обед готовить. А управлять людьми – это высокое умение, это можно доверить только специальным кадрам, особо-отобранным кадрам, закаленным кадрам, дисциплинированным кадрам. Управление же самими кадрами может быть только в единых руках, а именно в привычных руках Вождя.» (т.1,г.19,с.119)

Мнение Сталина о других лидерах революции (Каменев, Зиновьев и т.д.) ещё унижительное. Он даже не считает их человеком: они «ничего умного первый не предложит, а как им укажешь – так сразу все соглашаются.» ... «разве это вообще люди?» (т.1,г.19,с.116) Ленин «запутал все окончательно» (т.1,г.20,с.129), а Троцкий «из цирка не вылезал». (т.1,г.20,с.130)

Двадцатая глава показывает ничтожность вклада Сталина в историю России и революции, хотя он старается доказывать, в своей биографии, что все остальные руководители (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие) лишены качества хорошего лидера. Двадцать первая глава напоминает о том, что Сталин в реальности был очень жестоким, мстительным, подозрительным,

обидчивым, злопамятным и раздражительным. Точно перед входом Абакумова, автор сообщает нам:

«Сталин страшен был тем, что ошибка с ним была та единственная в жизни ошибка с взрывателем, которую исправить нельзя. Сталин страшен был тем, что не выслушивал оправданий, он даже не обвинял - только вздрагивал кончик одного уса, и там, внутри, выносился приговор, а осужденный его не знал: он уходил мирно, его брали ночью и расстреливали к утру.

Хуже всего, когда Сталин молчал, и оставалось мучиться в догадках. Если же Сталин запускал в тебя что-нибудь тяжелое или острое, наступал сапогом на ногу, плевал в тебя или сдувал горячий пепел трубки тебе в лицо – этот гнев был не окончательный, этот гнев проходил! Если же Сталин грубил и ругался, пусть самыми последними словами, Абакумов радовался: это значило, что Хозяин еще надеется исправить своего министра и работать с ним дальше.» (т.1,г.21,с.147)

Внутренний монолог Абакумова подтверждает мнение автора о Сталине, в то же время, дальнейший диалог свидетельствует о том, что язык Сталина был под сильным влиянием грузинского языка. Как всегда, такое детальное описание черты Сталина, вымышленные Солженицыным, фактически основаны. Хрущев, в своем секретном докладе 1956 года, выражает такое же мнение о Сталине:

«Сталин был очень недоверчивым человеком, болезненно подозрительным; мы знали это из нашего опыта с ним. Он мог смотреть на человека и говорить: «Почему ваши глаза настолько увертливы сегодня?» или, «Почему Вы поворачиваетесь так сегодня и избегаете смотреть мне прямо в глаза?» Болезненное подозрение создало в нем общее недоверие даже в выдающихся партийных рабочих, которых он знал в течение многих лет. Всюду и во всем он видел «врагов», «двуличность» и «шпионов»». (Rigby 50)

Сталин страдает от бессонницы, и поэтому он занимается целую ночь краткой биографией. Но, беда в том, что он вызывает своих министров к себе ночью и заставляет им ждать долгое время:

«Он [Абакумов] приехал в половине третьего ночи, но еще и в десять минут четвертого с большим чистым блокнотом в руках ходил по приемной и томился, ощущая внутреннюю слабость от боязни, а уши его между тем предательски разгорались. Больше всего он был бы сейчас рад, если б Сталин заработался и вообще не принял его сегодня: Абакумов опасался расправы за секретную телефонию. Он не знал, что теперь врать.» (т.1, г.21, с.149)

Если вождь такой, каково будет государство. Все художественные приемы, применяемые автором, стремятся к единственной цели: разоблачать чудовищность злодея Сталина, который своей пропагандой так упорно распространяет, что все в стране совершенно прекрасное. Зло Сталина не может быть искуплено единственным фактом или рационализацией.

Связь между Божественной комедией Данте и романом Солженицына «В круге первом» уже устанавливаются во второй главе романа. Поэма итальянского поэта Данте Алигьери «Божественной комедии» состоит из трех части Инферно, Чистилище и Рай. В первой части поэме, то есть в Инферно, Данте разделяет ад в девять кругов, и размещает грешников зависимости от величины их греха. Наблюдается, что в первом круге Инферно помещаются самые талантливые и умные люди того времени как: Сократ, Платон, Цицерон и другие великие греки и католики.

В романе «В круге первом», Солженицын намекает на два первого круга – первый круг общества и первый круг лагеря, то есть шарашка. Первый круг лагерного ада занимается самыми талантливыми учеными советского времени. А в первом круге общественного ада расположены самые такие большие партийные чиновники как Абакумов. Здесь логика такая, которую объясняет Джордж Лукас, что в тюрьме «каждый реальный компромисс должен привести к потере человеческого достоинства. Отказ от компромисса во всех человеческих и социальных существах, следовательно, является первой необходимой предпосылкой, чтобы остаться человеческим в лагерях». (Lukacs 58) Сталин, в романе, занимает то же самое место, которое занимает дьявол в поэме Данте Инферно и управляет и общественным адом и лагерным адом.

Близость к Сталину в советском обществе зависит от того, сколько компрометирует человек.

Данте описывает монстра в конце Инферно, первой части его трилогии. Таким же образом, Солженицын описывает Сталина в конце первого дня в романе, включающем в себе всего три дня. Поездка Данте через ад тоже занимает три дня. Во многих отношениях дьявол похож на Сталина. У них одинаковые силы, ограниченное место, желтые глаза, ощущение неприветливости, и обоим нравится работать ночью. Таким образом, Солженицын художественным путем развивает зло Сталина до уровня мифической пропорции, и поэтому постигает его в пределах универсальной философской и нравственности.

Солженицын, чтобы установить связь между мифом и историческим событием, представляет перед читателями иную литературную ссылку из книги Гете «Фауст». Лев Рубин, в своей беседе с Нержиным, в восьмой главе романа, вспоминает некоторые строчки второй части Фауста:

«Я вижу лишь одни мученья человека... ...»

Что нужно нам – того не знаем мы,

Что знаем мы – того для нас не надо.» (т.1,г.8,с.48)

По Рубину, человечество может стать счастливым, если человек знает о нужде человечества и старается достигать ее. В поэме «Фауст», Мефистофель, который потерял интерес к Фаусту, приказывает лемурам копать могилу Фауста. (т.1,г.8,с.48) Тут, Рубин также сравнивает Сталина с Мефистофелем и Ленина с Фаустом и символически намекает на то, что Сталин копал могилу Ленина. (т.1,г.8,с.48) Если в гетовской трагедии, бог освобождает душу Фауста от власти дьявола, то для марфинские зэки нет никакой веры спасения.

Заключение: Солженицын изображает образ Сталина в романе «В круге первом» как врожденное зло. Художественный образ Сталина у Солженицына грубый, жестокий, коварный, страдающий мегаломанией и паранойей. Этот образ такого беспощадного диктатора, который одинок и не в связи с жизнью и людьми, никого

не уважает, никому не верит, боится каждого, даже своих наиболее близких сотрудников. Образ Сталина является предметом аллегории жестокого властолюбивого деспотического диктатора, который захватил свою родину и наводит страх и ужас на своих людей.

Библиография:

Solzhenitsyn, A.I. V Kruge Pervom.
<http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp1.txt> (20.11.2022)

Solzhenitsyn, A.I. V Kruge Pervom.
<http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/vkp2.txt> (20.11.2022)

Solzhenitsyn, A.I. Rakovyĭ Korpus. <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/rk.txt>
(20.11.2022)

Solzhenitsyn, A.I. Odin Den Ivana Denisovica.
<http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> (20.11.2022)

Геллар, М. Александр Солженицын. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1989.

Brown, E.J. Solzhenitsyn's Cast of Characters. Slavic and east European Journal, 15, No. 2, 1971.

Burg, David & Feifer, George. Solzhenitsyn. Hodder and Stoughton, London, 1972.

Djilas, Milovan. Conversation with Stalin. New York, 1962.

Kern, Gary. Solzhenitsyn's portrait of Stalin. Slavic Review, vol 33, 1974.

Lukacs, George. Solzhenitsyn. Cambridge, 1971.

Medvedev, Roy A. Let history Judge. New York, 1971.

Rigby, T. H. (edt.) The Stalin Dictatorship: Khrushchev's "Secret Speech" and Other Documents. Sydney 1968.

**Пространство в новой деревенской прозе: на основе
материала романов «Елтышевы» и «Зона Затапления»
Романа Сенчина**

Субхаш Кумар Тхакур

Преподаватель

Центра современных европейских языков,
литератур и культурных исследований
Университета Вишва-Бхарати, Шантиникетан
subhash91jnu@gmail.com

Винай Кумар Амбедкар

Преподаватель

Университет им. Джавахарлала Неру
Нью Дели, Индия
vinay.ambedkar@gmail.com

Аннотация: Слово «пространство» можно понимать как литературное пространство. По словам Лотмана «Пространство в литературном произведении — это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие». Предлагаемая статья в общем представляет собой пространство в новой деревенской прозе на основе материала романов «Елтышевы» и «Зона Затапления» Романа Сенчина. Будет интересно рассмотреть, какое художественное и языковое пространство показано в этих романах, раскрывающее сущность русской деревни в современной России.

Ключевые слова: пространство, деревенская проза, Елтышевы и Зона Затапления.

С 1950-х годов «деревенская проза» постепенно стала важным направлением в русской литературе и пространство отраженно в их произведениях изображает сельский мир, народные обычаи и условия жизни крестьян, их психологические особенности и их духовное мировоззрение. Они размышляли об соотношениях между человеком и природой, человеком и землей, основываясь на сельских и крестьянских проблемах и пространство вокруг них.

«Художественно пространство в литературном произведении — это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» (Lotman, 1992: 418). Другими словами, литературное пространство можно понимать как совокупность элементов, взаимосвязь которых определяется их положением в пространстве, поэтому выбранный текст представляет собой континуум, в котором происходит действие. Пространство в деревенской прозе является уникальным отражением формирования и развития различных социальных изменений в деревне.

После распада Советского Союза из-за утраты сильного влияния на общественное сознание, пространство «деревенской прозы» стало явно слабой, но старшее поколение писателей, таких как В. Распутин, В. Астафьев, В. Белов и Б. Екимов еще твердо стояли и публиковались замечательные произведения. В современной русской литературе, писатели нового поколения, такие как Р. Сенчин, А. Захаров унаследовали и продолжали традицию «деревенской прозы», сосредоточив внимание на воздействии социальных изменений, на существующих уцелевших и традиционных ценностях сельской местности, разоблачая капиталистическую сторону города, действительность упадка природы и нелепость человеческого характера.

Писатель и литературный критик Роман Сенчин родился 02 декабря 1971 г. в Тувинской республике. В 1993 г. он переехал в Красноярский край. Окончил литературный институт. С 2000-х годов регулярно печатался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов». Его роман «Елтышевы», по мнению критиков, стал одним из главных литературных событий последних лет, а роман «Зона затопления» в 2015 г. получил третью премию «Большая книга». Сенчин также является лауреатом премии правительства Российской Федерации в области культуры. Роман Сенчина «Елтышевы», был включен в список четырех главных литературных премий России 2009 года: «Русский Букер», «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Ясная Поляна», а в 2011 г. в список премии «Русский Букер десятилетия».

Главной тематикой в романе «Елтышевых» является распад дома и семьи, искажение самой человеческой породы в новых социальных

условиях современной России. Пространство в романе показывает особенный диалог с «деревенской» прозой, об этом свидетельствует и сюжет «возвращения к истокам», и тип героя-маргинала, и отображение «роевого сознания», и образ старухи Татьяны, хранительницы традиционного уклада.

Роман «Елтышевы» описывает гибель обычной русской семьи в сибирской деревне, где царит жестокость, а жизнь и смерть - это только события, не имеющие никакого значения для людей. В своем романе Сенчин показывает путь России к тупику, к жизни, лишенной всякой духовности, а в конце – к распаду общества и крушению человечества. Критики утверждают, что портрет разрушения современной жизни и в России Сенчиным является одной из отличительных черт нового реализма.

Сюжет романа изображает судьбу семьи Елтышевых с момента значительного события в их жизни. Глава семьи Николай Михайлович – милиционер, работает в вытрезвителе, и его жена, Валентина Викторовна – библиотекарь. У Елтышевых два сына. Его двое детей принадлежат к первому поколению постсоветского гражданина и демонстрируют признаки разрыва с корнями. Артем, старший сын, слабый мальчик, который не может справиться с собой в повседневной жизни и страдает от эмоциональной тупости, которая мешает ему даже кого-то полюбить, и младший сын Денис, отбывает срок в тюрьме за драку.

В результате несчастного случая во службе, Николай Михайлович теряет свою работу и служебную квартиру. Семья Елтышевых решает переехать к тете Валентине, у которой есть небольшой домик в деревне Мураново. С этого момента начинается постепенная деградация и фактическая гибель Елтышевых, которые тщетно пытаются выжить в чуждом деревенском мире. Постсоветская сибирская деревня Мураново не выделяется особым местным колоритом, знакомым деревенской прозе, представленной произведениями Валентина Распутина, Василия Шукшина или Виктора Астафьева.

Переселение Елтышевых в деревню стало не добровольным уходом героев, а вынужденным бегством от позора и отсутствия жилья.

Сенчин беспощадно показывает суровую реальность деревни, где царят безработица, разруха, бездорожье, отсутствие доступной медицины, низкий уровень образования, пьянство местных жителей и преступность. С самого начала романа у героев возникает чувство разочарования от неудовлетворенной жизни, сожаления и разочарования из-за неиспользованных возможностей, с неположительным мировоззрением, открывшихся в 90-х годах XX века.

Пространство «Мураново» показывает что Елтышевы жили в маленьком сибирском поселении в доме тети Татьяны. Быстро выяснилось, что в Муранове нет работы. Они решают построить дом, но работа по финансовым причинам и в сложных природных условиях уложилось не слишком быстро. Сельский мир и близость природы не заставляют их действовать, напротив, они рассматривают каждый перерыв в погоде как преднамеренное действие природы, направленное на них. Осознание морального разложения жителей Муранова, которое углубляется постепенно, угнетает новых прибывших Елтышевых и усиливает их чувство отчуждения.

Пространство города больше не является для них синонимом домашнего уюта, но они с тоской вспоминают удобство городской жизни и их положительное мировоззрение. Однако, они не хотят ничего менять в своей жизни. Они не следуют примеру старой тети и не переключаются на ритм у времен года, не выращивают овощи, не занимаются сельским хозяйством.

Пространство переезда Елтышевых в Муранове начинается с социального и морального поражений, но не заканчивается их свободой от сельского мира, ставшего враждебным к ним. Они переезжают в деревню, ожидая, что она будет приятной, где они могут жить мирной жизнью в дружественной среде, основанной на более простых и легких правилах, но их надежды скоро рухнули. Хотя грань между городской и деревенской жизнью эфемерна – деревня ведь начинается на периферии города и – даже самый слабый член семьи может ощутить всю свирепость двух противопоставленных мировоззрений и это ощущение явно отражается в мыслях Артема:

«Город он знал неважно, хотя вроде бы что там знать? Родился и вырос в центре, центром и ограничивался город для него – скучноватые четырехэтажные и пятиэтажные здания, внушительный, пятидесятих годов, кинотеатр «Победа», сквер вокруг памятника Ленину, рынок, автовокзал... сколько себя помнил, между «центровыми» и «деревней» существовала вражда...». (Сенчин, 2009: Елтышевы)

Пространство показано в романе как Елтышевы переселяют из центра «города» на периферию «деревню», попадая в ту желтую степь, которая окружает весь город, они знают, что копают собственную, преждевременную могилу:

«[...] с каждым километром он отдалялся все дальше от родного города, он словно скатывался под откос и боялся, что вот-вот сорвется в черную яму». (Сенчин, 2009: Елтышевы)

Их переезд в Мураново не означает, что их первоначальное состояние изменится необратимо; на самом деле, оно только ухудшается. Главные герои совершенно безразличны к своей собственной жестокости, потому что город – это место, столь далекое от деревни, в которую они переехали, и от их повседневной жизни – давно перестал быть образцом для подражания. Разница между пространством города как «центр» и пространством деревни как «периферия» в романе Сенчина не может быть измерена путем сопоставления двух пространств, которые также морально различны. Вместо этого, мировоззрение в романе показывает что город как «центр» давно утратил свой статус хорошей жизни, а деревня как «периферия» является просто продолжением морального краха центра.

Пространство возвращения Дениса, провозглашенное его семьей чудом, является лишь недолгим перерывом в безжалостном спуске Елтышевых к примитивности. В течение одной ночи их надежды рухнули. Денис умирает в драке; вскоре после этого его отец - замкнутый в себе и подвергшийся жестокости - случайно стал причиной смерти своего старшего сына Артема и в итоге выпил себя до самой смерти.

Валентина была связующим звеном, которое поддерживает всю семью, но смерти членов семьи сделали ее физически и умственно истощенной и слабой. Чтобы избежать раздробленности семьи и жалости к мужу, она выбрала молчание. Старший сын жил в своем собственном мире и ни о чем не мечтал. После того, как брак стал не успешным, он отправился на работу в город, но скоро возвращался в деревню. Младший сын, Денис, который все еще отбывает наказание, возлагает большие надежды на своих отчаявшихся родителей, и надеется, что сможет решить все проблемы. Но когда его только что выпустили из тюрьмы, он исчез и позже был отправлен домой на роскошной машине. Когда его убили, семья потерпела смертельный удар.

К концу романа, читатель обнаруживает, что их внук даже не делится своей фамилией, так как невестка Артема начала новую жизнь с кем-то другим и Валентина, которая казалась самой незащищенной, сумела пережить разрушительное действие алкоголизма и невзгод выжить благодаря своей дикой воле.

«Елтышевы» — слабые, безвольные, вечно сожалеющие и сомневающиеся герои. Их можно определить как маленьких людей. В социологическом отношении Валентина Викторовна, которая приехала из деревни и Николай Михайлович, выросший в бараке, являются горожанином, и во втором поколении, — остались людьми промежутка. Они потеряли старые нормы и нравственные ценности, и также не вошли в городской мир, приобщившись лишь к ее внешним материальным свойствам. Однако, Сенчин не винит во всем деревню и ее пространство. Она совсем не является причиной гибели Елтышевых. Писатель изображает пространство распада постсоветской деревни, трагический эффект социальных, экономических и политических изменений 1990-х годов. Их жертвами является семья Елтышевы, представляющая миллионы похожих людей сельского общества, подвергшихся эксперименту по трансформации экономического порядка с неположительным и не открытым мировоззрением.

Критический дух реализма — одна из особенностей постсоветской «деревенской прозы». По степени изменения действительности и социальных мыслей меняется и содержание критики. Если

произведения, связанные с деградацией России в сельской местности в конце XX века, в основном являются предупреждением о том, что перспективы в сельской местности вызывают беспокойство, а крестьянская идентичность слаба, то критичность семьи Елтышевых основана на нравственности новой эпохи. Пространство в романе явно показывает что сельская простота исчезла, традиционная культурная структура раздроблена, люди рассеяны, и нет никакого врожденного импульса развития.

Обращая внимание на психологическую и этическую стороны, Сенчин демонстрирует чувство упадка, вызванного материальной утратой, духовной бедностью и моральными несовершенствами, и делает это темное настроение конца жизни ключевым моментом романа. Без интеллектуального удовольствия и без пути дилеммы неизбежно произойдет разрушительная катастрофа, пережитая семьей Елтышевых. Николай, наконец, встал на путь убийства и уничтожения. Когда проблема выживания становится неразрешимой, смерть становится способом полного освобождения. В конце романа когда внук не вспомнил свою бабушку, Валентина «громко, задыхаясь, рыдала... Помочь ей было некому », показывая закрытое и неположительное мировоззрение в основном в ее жизни.

Взяв семью Елтышевых в качестве образца, писатель посмотрел на трагическое положение русской деревни после распада СССР. Мечта о благоустроенной жизни ушла, и темный и оцепенелый сельский мир уже не может быть духовным обращением и поддержкой людей. Духовная боль крестьянина усиливается, а вездесущее человеческое зло убивает будущее деревни. В романе Сенчин выражает чувство бессилия, вызванное жизненным давлением, крайне, и смысл этого страдания в повествовании заключается не только в том, чтобы разоблачить боль выживания и морального насилия, но и вызвать размышления о причине кризиса. Конечно, поскольку сложные гуманистические образцы поведения сталкиваются со сложными проблемами, возникающими в результате социальных преобразований, они часто бессильны. Сенчин решил сознательно сказать правду и показать нам действительное пространство русской новой деревни, и поднимать вопросы и пытается свободно обсудить его - как искать возможность упадка в сельской местности: от

распада к возрождению и позволить крестьянам избавиться от страданий.

В результате пространство романа "Елтышевы" показывает что это социальный роман, посвященный сельским и крестьянским проблемам. Семья главного героя постоянно отстает на жизненном пути, и ее уходящая траектория дает возможность читателям следить за современными российскими социальными проблемами: кризисом веры, ухудшением общественной безопасности, недоступной медицинской системой, ростом человеческой неестественной смертности и правом граждан на образование. Будучи маленьким человеком на грани выживания, Елтышевы стараются изо всех сил восстановить порядок жизни. Далеко не все усилия могут принести хорошие результаты. У Елтышевых нет выбора, кроме как сидеть на месте. Дети саморазрушительны, либо уклоняются от ответственности, либо идут по «необычному пути», сидит в тюрьме и, наконец, умирают. Показывая действительная положения общество и неположительное мировоззрение.

Пространство в период социальных преобразований сельская местность находится под влиянием рыночной экономики и вступает на путь перемен, но трудно что-либо изменить из-за отсутствия устойчивой внутренней мотивации. Под давлением современной цивилизации, пространство индустриализации и урбанизации сельское хозяйство и животноводство перестали цениться, и большое количество рабочей силы уезжают в города. Семья Елтышевых, впервые прибывшая в Муранове, пережила эту депрессию. Из-за отсутствия возможностей трудоустройства и условий жизни сельские жители утратили свою первоначальную простоту и ценности, что привело к нездоровому поведению, нарушающему этические итоги. Семейная взаимопомощь в традиционном сельскохозяйственном обществе становится все труднее найти. Пространство повседневной жизни стало однообразной, жители деревни много пьют. Кражи, грабежи и мошенничество происходят время от времени. Материальные и духовные потребности людей не могут быть разумно удовлетворены, что неизбежно приведет к депрессии и искажению ума.

Роман Сенчин бесстрашно посвящает свой другой роман «Зона затопления» Валентину Распутину не беспокоясь никаких аналогий с «Прощанием с матерой». Распутинская повесть необычайно поэтична и возведена в степень мифа, а у Сенчина все более приземленно, но не менее трагично и ярко. Начинается роман с диалога Володи и Толи о необходимости достроить Богучанскую ГЭС, строительство, которое началось в середине 70-80-х объявили людям о необходимости уехать из деревни. Закрыли предприятие, распустили колхозы и люди переехали. Горькие истории о переселении. «Зона затопления» Романа Сенчина задела читателя за живое, заставила пережить человеческие потери, отчаяние, горе, одиночество.

Пространство романа показывает что героям романа отдают вместо избы городские квартиры, которые они называют могилки. Это разрыв с традицией, трагедия русского народа, убежденность в том, что технический прогресс - это не всегда движение вперед, что есть только одна надежда ни на правительство, ни на бюрократическую машину государства, а на простых людей. Сплошной пессимизм и тоска считать не просто временами строчки расплывается из-за горьких слез, но все таки это такая свежая, нужная, жесткая и жизнеутверждающая книга о русском национальном характере, о зависимости от государства и абсолютной свободе от него, о вечной российской крестьянской утопии.

На заднем плане «зоны затопления» находится Богучанская ГЭС, построенная советским правительством на реке Ангаре в Сибири в 1974 г. В то время правительство вкладывало много денег в этот проект, но потом перестало работать по разным причинам. Тридцать лет спустя, чтобы удовлетворить растущий спрос на электроэнергию, возобновляется проект строительства. Однако, как только водохранилище было завершено, несколько местных деревень были заброшены, и десятки тысяч сельских жителей должны были переселены. Прощаясь с землей, которая была заселена в течение нескольких поколений, сельским жителям трудно принять, и поэтому они стараются изо всех сил воспрепятствовать строительству, чтобы защитить свои дома. Анти административным директивам суждено было оказаться напрасными, и крестьяне увидели, что дома сожжены, а поля разрушены и бессильны. После

въезда в город условия жизни крестьян становятся еще более тревожными. В романе нет сплошных сюжетных зацепок, а главы относительно независимы, показывая повороты, от которых пострадали крестьяне, которые были вынуждены покинуть свою родину.

«Зона затопления» Романа Сенчина и повесть Распутина «Прощание с матерой», созданные в 1970-х годах, очень похожи. Оба произведения сосредоточиваются на переселении, вызванном строительством гидроэлектростанций. Государство решило построить Братскую гидроэлектростанцию на реке Ангаре. Но, если гидроэлектростанцию построят, то из-за повышения уровня воды будет затоплено большое количество земли. Деревенские жители, которые жили в деревне Матере в течение нескольких поколений, должны покинуть свою малую родину. Пространство в обоих произведениях отражают сложные соотношения между человеком и природой, традицией и деградацией окружающей среды и страхом индустриальной цивилизации при одновременном содействии социально-экономическому развитию. Современная цивилизация разрушает сельскую традицию и приводит к ее разрушению. Эта модернизация продолжилась в деревенском повествовании, что полностью доказывает, что вышеупомянутая тема имеет большое значение по сей день. Повесть Распутина отражает события, произошедшие летом до переселения и особое внимание уделяется совершенно разным взглядам пожилых людей, представленных Дарьей, и молодежи, представленной внуком Дарьи – Андреем, перед переселением. Сенчин начал параллельное повествование и использовал широкий диапазон времени и пространства, чтобы распределить разрыв между людьми до и после переезда, а также выразить общую боль.

Принудительное переселение лишило их многолетнего материального накопления и эмоциональной поддержки. Поселки не позволили людям, потерявшим свои духовные столбы, увидеть надежду, но усилили противоречие в построении своей идентичности. В главе об эксгумации родовые могилы жителей деревни должны были перенесены из деревни на указанное городское кладбище. Непредсказуемые перемены охватили даже кладбище, особое поле, которое продолжало индивидуальную

память. Все в прошлом было нарушено. Неудовлетворительная реальность, постоянное разочарование и беспокойство, от которого трудно избавиться, заставляют крестьян, которым некуда идти, считать смерть лишь единственным способом противостоять или полностью убежать.

На самом деле, ни один писатель не может избежать отношений между собой и временем и пространством, и при этом он не может быть отделен от связи с внешним миром. В романах «Елтышевы» и «Зона затопления» Сенчин сосредоточивается на сельской местности, изучает современное состояние в деревне, тьму повседневной жизни и раскрывает правду. Сенчин излучает историческую судьбу всего крестьянского класса, рассматривая конфликт выживания отдельного человека. Он помещает главного героя в условиях серьезных перемен в его жизни, описывает условия их жизни, выражает их внутренние чувства. Мало того, что когда достоинству их жизни угрожают, и они не могут преодолеть чувство разочарования, мысль о смерти становится чрезвычайно сильным. Главные герои этих двух романов разделяют одну и ту же судьбу: от потери, беспомощности до истощения духовной поддержки и, наконец, достигают примирения с самим собой через смерть. Роман «Елтышевы» показывает разрушение маленьких людей как тяжелую и реальную тему социальной этики, болезненно выражает гуманистическую заботу о крестьянах, и поэтому закрытое мировоззрение.

Пространство в произведениях показывает что сельская местность в традиционном смысле является важным источником русской цивилизации: природные элементы, такие как земля, реки и горы, формируют духовную основу и эмоциональную принадлежность россиян. Тем не менее, процесс модернизации в значительной степени осуществляется за счет отказа от местной земли. Сельскохозяйственная цивилизация постепенно была заменена современной цивилизацией урбанизма, число деревень резко сократилось, а условия жизни в сельской местности постепенно ухудшались. Социальная власть в значительной степени сосредоточена в городах. Сельские районы могут играть только роль поставщиков ресурсов, и трудно получить выгоды, которых они заслуживают, поэтому они подвержены стагнации или даже

деградации. В «зоне затопления» деревенские жители испытывают большие потрясения в своей жизни: они теперь вынуждены покинуть свою родину и переселить из сельских районов в городские. Однако, они впали в культурные и этические проблемы, такие как беспокойство о личности и отсутствие личности, потому что они не могут приспособиться к своим новым домам. Отпечаток сельской культуры в костях крестьян, переехавших в город, неизгладим: они не способны пробиться духом и не могут разрешить беспокойство по поводу «коренной утраты» современности.

В своих деревенских романах Сенчин намечает присутствие городской и сельской двойной структуры. Писатель обращает внимание на то, как сельские и городские пространства взаимодействуют друг с другом, и нынешняя ситуация в жизни крестьян находится в жестоким конфликте между разрушенной сельской культурой и сильной городской культурой. Модель так называемого двустороннего повествования показывает жизненные традиции, моральные устои и духовные нормы крестьян в дихотомии современности и традиций, центра и края, желания и морали. На самом деле главные герои в произведениях Сенчина отличаются от крестьян в традиционном смысле. Эти в основном люди, которые находятся между современным городом и родной деревней, испытывают недостаток в чувстве принадлежности, и в конечном итоге теряют самоидентификацию.

Выразительный словарный запас является важным элементом творческого стиля писателя Сенчина. Деревенские романы Сенчина «Елтышевы» и «Зона затопления» содержат большое количество диалектных, разговорных, и жаргонных слов с очевидной риторикой, которые усиливают повествовательный вкус и богатый уровень выражения, подчеркивая своеобразную сельскую жизнь и ее пространство. В романе «Елтышевы» тетя, которая осталась в деревне на всю жизнь, или Валентина, родившаяся в деревне, могут, естественно, пользоваться диалектами, в то время Николаю и Артему трудно адаптироваться к местному диалекту. В романе «Зона затопления» используемые в тексте диалекты настолько плотны, что автор приложил к концу книги словарь сибирского диалекта, чтобы читатели могли понять разницу между диалектом и литературным языком.

Тематическая обстановка и художественная эстетика «Елтышевы» и «Зона затопления» определяются творческой позицией Сенчина и эстетическим положением современной деревни. Современная русская литература включает в себя постоянное сражение и упадок сельских людей и выражает несчастья и печали крестьянского застоя. Роман Сенчин считает, что необходимо подчеркивать правду. Изображая судьбу деревенского человека, от его душевного равновесия до психологического искажения и потери веры, и подчеркивая насилие, бедность, вымирание, чтобы продемонстрировать жестокость сельской реальности и порок культурной экологии. Можно сказать, что его творчество в определенной степени расширило духовную тему традиционных «деревенской прозы», являясь уникальным выражением русского деревенского мотива в новой эпохе. В то же время писатель воплощает в тексте эстетические характеристики светского и поэтического образа и призывает людей вновь обрести традиционную культурную линию жизни и стабилизировать краеугольный камень национальной психологии в литературной эстетике.

Библиография:

1. Lotman, U (2001). Universe of the Mind: A Semiotic - Theory of Culture (The Second World). USA: Indiana University Press
2. Иванова И. Н. (2013) Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 6 (24), Часть 1, с. 88-94.
3. Икитян Л. Н., Звилинская Л.А. (2016) Культурные «универсумы» деревенской прозы: кон-тексты понимания. Культура и цивилизация. № 2, с. 262-271.
4. Ковтун Н. В. (2017) Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылево. (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, № 4 (17), с. 81-87.
5. Лотман, Ю М (1992). Избранные статьи (в 2 томах) т 2. Таллинн.
6. Лотман. Ю.М. (1994) Лотман и тартуско - московская семиотическая школа. Москва: Гнозис

7. Панкоска Е. (2015) Мир умирающей российской деревни в творчестве «новых реалистов» (на материале романов: Санька Захара Прилепина и Елтышевы Романа Сенчина) *Studia Wschodniosłowiańskie*. Том 15, с. 109-132.
8. Пономарева Т. А. (2017) Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. Т. 22. № 2. С. 274—281.
9. Сенчин Р. (2010). *Елтышевы*. Москва: Эксмо
10. Сенчин Р. (2015) *Зона затопления*. Москва: АСТ
11. Тетерина Е. Н. (2019) Функция антипасторальной топики в романе Р. Сенчина «Елтышевы» // *Вестник славянских культур*. Т. 51. С. 196–207.

Раскрытие элементов культурной индустрии в произведении Виктора Пелевина «Поколение П»

Сударшан Раджа,

Заместитель регионального директора,
ИГНУ, Региональный Центр, Порт-Блэр,
Андаманские и Никобарские острова
sudarshanraja@gmail.com

Аннотация: В этой статье критическая теория Франкфуртской школы применяется в романе Виктора Пелевина «Поколение П» для изучения быстрого технологического прогресса, особенно в области культурной индустрии. Расцвет культурной индустрии демонстрирует новое явление в постсоветскую эпоху, которое подчеркивает взаимодействие между различными заинтересованными сторонами на новом буржуазном рынке и во внутренней политике. Культурная индустрия проявляется в различных формах в романе «Поколение П», и в этой статье предпринята попытка понять сложные отношения между этими формами и их попыткой навязать капиталистический дух. Эта статья завершится раскрытием скрытых функций культурной индустрии в произведении «Поколение П» России и того, как с помощью культурной индустрии Постсоветская Россия переняла нормы и ценности капиталистического способа производства.

Ключевые слова: Культурная Индустрия, Поколение 'П', реклама.

В постсоветской литературе лишь очень немногим авторам удалось изобразить состояние 90-х лучше, чем Виктору Пелевину в условиях серьёзной экономической реформы и применительно к современному потребительскому капитализму и массовому обществу. Далеко идущие последствия адаптации новой импортированной экономической системы с производством товаров культурно-досугового назначения массового потребления занимают значительное место в его художественных произведениях. Произведение «Поколение П» в самом деле показывает, как «культурная индустрия» конструирует реальность и опосредует наше восприятие. С помощью радио, телевидения и рекламы продюсеры и их корпоративные менеджеры воспроизводят классифицированную и схематизированную реальность для аудитории.

In all its branches, products which are tailored for consumption by masses, and which to a great extent determine the nature of that consumption are manufactured more or less according to plan. (Bernstein 1991).

Концепция культурной индустрии в романе «Поколение П» в какой-то мере навязывает капиталистический этос, где ценность продукта определяется институционализированным состоянием и требованием рынка. Культурная индустрия влияет на культуру, язык, память, экономику, идеологию и показывает, как культурные вещи манипулируют и упаковывают по-новому. Это работает как фабрика, которая систематически производит культурные товары с помощью технологической схемы разработки и создает массовую культуру от начальства до подчинённых с помощью технологической и административной концентрации. Эти культурные ценности захватывают индивида, превращая его в пассивного потребителя и покорного гражданина. Культурная индустрия как сложная технологическая управляемая отрасль создает массовую культуру с административным и экономическим управлением. Различные типы филиалов были созданы, и рабочая сила назначается в соответствии со специальной подготовкой в своей области.

Significantly, the system of the culture industry comes from the more liberal industrial nations, and its entire characteristic media, such as movies, radio, jazz and magazines, flourish there. (Adorno 2002)

Более того, культурная индустрия — это проявление огромного капитала и его непрерывный поток. Капитал является основной движущей силой капитализма. Основная идея капитализма заключается в том, что прибыль производства должна быть реинвестирована доходами в увеличение производства. Этой идеи придерживается постсоветская рыночная экономика особенно культурная индустрия в произведении 'Поколение П'.

Буква «П» на первый взгляд в произведении Поколение «П» означает Пепси. Поколение «П» предпочло красный цвет пепси красному цвету коммунизма в отсутствие какого-либо другого символа и идеологии того времени. Скорее всего, причина была в том, что идеологи СССР считали, что истина бывает только одна.

Поэтому у поколения П на самом деле не было никакого выбора, и дети советских семидесятых выбирали Пепси точно так же, как их родители выбирали Брежнева. (Пелевин, *Generation П* 2017) Выбор Пепси вместо прежней идеологии Советского Союза утверждает, что распад Советского Союза не только означал разложение географических границ, но и прорывы идеологии, набора ценностей и традиций прошлого. Общее негативное настроение, преобладавшее в обществе вплоть до начала 1990-х годов, только усилило восприимчивость подрастающего поколения к типичным комплексам, стереотипам и предрассудкам, присущим Советскому Союзу. Оно призналось, что эта вечность была произведена или создана с помощью тоталитарного государства, и миф о вечности Советского союза был отброшен, как только появилась новая вечность.

Вавилен Татарский, который является главным персонажем, автоматически попал в поколение П, хотя долгое время не имел об этом никакого понятия. (Пелевин, *Generation П* 2017) Герой родился задолго до распада Советского союза, учился в техническом институте, чтобы ручаться службой в армии, и потом поступил в литературный институт. Быстрый рост культурного рынка заменил традиционное эстетическое удовольствие и привил людям новые предметы, имеющие культурную ценность. Теперь предметы культурного назначения производятся в больших масштабах и потребляются в бездумном и бессмысленном удовольствии. Герой понял эту ситуацию, когда он символически выразил точку зрения о том, что маленький томик Пастернака, который изменил его жизнь, уже попал в эту вечность, и что не было никакой силы, способной его оттуда выкинуть. (Пелевин, *Generation П* 2017)

Не только искусство и его вид, но и сам Вавилен также кажется в прямой или скрытой форме жертвой политической и экономической ситуации, которая возникла в постсоветское время. Впрочем, Татарский никогда не был большим моралистом, поэтому его занимала не столько оценка происходящего, сколько проблема выживания. (Пелевин, *Generation П* 2017) Поэтому в таком хаотическом времени, он кое-как сводил концы с концами и стал продавцом в коммерческом ларьке недалеко от дома, где продавал сигареты, пиво, презервативы и т.д. Однажды к ларьку неожиданно пришёл его одноклассник по Литинституту Сергей Марковин,

который занимался рекламой и вёл его этот мир. После объяснения новой системы на пальцах, Марковин отвез его в место под названием «Драфт Подиум», и на другой день отправил его на встречу с клиентом. Перед встречей Марковин дал ему пейджер, куртку и дубликат часов Ролекс. Эти вещи устанавливают рыночную стоимость компании и ее представителей, когда осуществляет коммерческую деятельность в условиях рыночной конкуренции. Эти нюансы рынка сложились в России, где деньги говорят сами за себя. «Гламур» необходим на современном российском рынке, чтобы повлиять на клиента и заключить контракт. Встреча с клиентом проходит успешно и сценарий для рекламы, написанный Вавилоном, впечатлил их. И вот так, как объяснил, Вавилон случайно был введен в мир богатства, власти и скрытых сил, правящих постсоветском состоянии и стал копирайтером.

Он начал работать в разных студиях, зарабатывая больше, чем в киоске. После работы в «Драфт Подиум», он работал с разными компаниями, отдельными лицами и агентствами. В начале своей карьеры он работал с Дмитрием Пугиным, человеком с черными усами и блестящими черными глазами, и поручил ему создать рекламу для Спрайта, а позже и сигарет «Парламент». После этого он делал рекламу для различных продуктов, начиная от Davidoff Classic и Lights, Arial, Hugo Boss и духов Benjamin и т.д. Он становится криэйтором от копирайтера у Пугина, поднимается в ранг рекламы и разрабатывает рекламные концепции. Он занимается рекламой с русским менталитетом и психологией для западных продуктов. Постепенно он также изучил искусственную адаптацию и технику создания рекламы, ознакомился с точкой зрения крупных рекламных агентств и людей, как “Positioning: a battle for your mind” («Позиционирование: битва за ваш разум») Райса и начал применять эти теории в рекламе в России. Постепенно мир рекламы открывается перед ним вместе с наркотическими средствами и психотропными веществами, политикой и визионерства и принес ему «длинный рубль» даже в период рыночных реформ и высокого уровня безработицы. Также Покурив однажды очень хорошей травы, он случайно открыл основной экономический закон постсоциалистической формации: первоначальное накопление

капитала является в ней также и окончательным. (Пелевин, Generation П 2017)

Татарский, когда работал в «Институте пчеловодства» в отделе внутренних рецензий, был свидетелем крайнего микро-разделения труда Леонида Азадовского, который был в строгом соответствии с ориентированным на результат. В этой организации используются такие сложные и современные технологии как патч сплайновых, кинофильм, кремния графика и другие технологические инструменты типа адаптивной оптики и кибер-перчаток. Марковин ввёл его в курс, показывая ему всю команду продукции, технологию как захват движения, неравномерный рациональный би-сплайн, графики кремния, адаптивную оптику и т.д, для того чтобы портняжничать продукты, упаковать с помощью этих технологий и показывать прочности индустриальной культуры, ее эффективность и режим работы.

The assembly-line character of the culture industry, the synthetic, planned method of turning out its products (factory-like not only in the studio but, more or less, in the compilation of cheap biographies, pseudo-documentary novels, and hit songs) is very suited to advertising: the important individual points, by becoming detachable, interchangeable, and even technically alienated from any connected meaning, lend themselves to ends external to the work. (Adorno 2002)

Реклама обладает симптоматическими характеристиками индустрии культуры в целом. Реклама в наше время имеет множество значений и функций. Она используется как инструмент распространения информации, конструирования массовой культуры, влияет на образ мышления и поведение индивида. Она работает на мельчайших деталях, расклассифицировав работу с узкоспециальными экспертами вроде авторов текста, творческих отделов, отделов исполнения законов, исследователей, коммуникаторов, менеджеров, главного редактора. Процесс создания рекламных кампаний проходит различные стадии, где специалисты с помощью технического прогресса создают позитивную реальность. Благодаря интеграции экономики с западным миром Россия смогла познакомиться с западными сложными технологиями и использовать их в сфере рекламы.

В ранние времена Советского Союза радио было основным источником развлечений, информации и рекламы. В то же время на советскую рекламу была возложена обязанность пропагандировать, особенно на мировом уровне, «торжество идей марксизма-ленинизма», воплощенных в достижениях советской науки, техники, культуры, социальной сферы, в промышленных изделиях, знакомить мир с плодами реализации «генеральной линии и решений коммунистической партии и правительства Советского Союза.» (Рожков 2007)

В постсоветское время смысл рекламы изменился как для рекламодателей, так и для потребителей. Ее основные черты: упор на формирование символической ценности и мифов о товаре; точная имплантация рекламных сообщений в систему ценностей и внутренний мир потребителей; интенсивное развитие отечественных брендов и полная интеграция лучшего мирового опыта в технологии российской рекламы. (Токтарова и Зарайкина 2015) Функция рекламы была изменена от источника средства распространения информации к коммерческой активности, которая состязается с другими агентствами для того, чтобы приносить прибыль. Многонациональные компании тратят огромные деньги на рекламу, поскольку они нашли в России огромный и неиспользуемый рынок для своей избыточной продукции. Татарский в начале своей карьеры в «Драфт Подиум» получал в долларах 10% от контракта заключенного с компанией. Такие компании, как Sprite, 7UP, Nescafe, Ariel и т.д, начали пробиваться в Россию, делая её глобальным рынком в истинном смысле.

Производители рекламы стратегически связывают продукцию с человеческими чувствами, эмоциями и усиливают фетишизацию. Например, реклама сигареты Мальборо “Marlboro man”, в которой продукт был объективирован как человек. Татарский также делает рекламу сигаретам Парламент - американский бренд, который имеет конкуренцию с другим западным сигаретным продуктом в рынке. И первой прибыльной добавкой Татарского стали сигареты «Парламента». Лозунг сигарета «Парламент» такое «И дым отчества нам сладок и приятен. Парламент». (Пелевин, Generation П 2017) В нынешней российской политической ситуации этот лозунг кажется уместным, так как парламент был убран танками во время

конституционного кризиса 21 сентября 1993 года. Пальмы на берегу Москвы - это, возможно, означало отдых. Танк означает историческое событие, а Белый дом заменяется огромной пачкой сигарет «Парламента». Пачка сигарета Парламент была связана с парламентом России, призыв к другому типу эмоций в сердце покупателя. Поэтому, когда вы покупаете пачку сигарета «Парламент», вы не только покупаете продукт, но и поддерживаете нацию и любите любую сцену, созданную людьми. Реклама увеличила продажу сигарет 'Parliament' в два раза больше, чем 'Marlboro'. Это установило его как создателя рекламы среди рекламного агентства. Далее он сотворил рекламу для Davidoff Classic с заголовком «Понимание приходит с опытом», Davidoff Lights «Во многих мудрости много печали, и умножающий познания умножает скорбь», Лимузин «Господь для солидных господ» и т.д.

В России, как в другой стране в мире, люди окружены рекламой - дома, в мобильном телефоне, в журналах и газетах. Совершенно невозможно остаться без влияния рекламы. Будь то молодые, старые, мужчины, женщины или наша экономика, политика, ничего не остается нетронутым рекламой. В то время как в капиталистических странах, таких как Америка и Великобритания, реклама рассматривается как мощная индустрия, которая стимулирует людей к достижению лучшего образа жизни, потребляя материальные товары. Потребление этих товаров формирует уровень жизни, ценности, этику и нормы для людей.

Однако, реклама имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В то время как реклама, с одной стороны, увеличивает экономическую активность, демонстрирует скрытый потенциал рынка и экономическую стабильность, она стандартизировала образ мышления индивида и фиксирует его образ мышления. В своей книге «Одномерный человек (1968) Герберт Маркузе утверждает, что реклама перестает быть просто рекламой, она становится образом жизни. Как следствие возникает модель одномерного мышления и поведения.» (Чабанюк 2013) В высокоиндустриальном обществе изменения в производстве, потреблении культуры породили передовые формы конформизма, использование технологической рациональности пагубно сказывается на поведении и мыслительном процессе индивида.

Scientific-technical rationality and manipulation are welded together into new forms of social control. (One dimensional man, Marcuse, 1964.)

Адорно и Хоркхаймер описывают рекламу как ‘эликсир жизни’. Эликсир, как уже упоминалось, волшебное зелье, которое было выпито, чтобы обеспечить бессмертие, приняло множество форм с течением времени. В настоящее время потребительский эликсир бессмертной жизни принял форму пищи, напитка или одежды, которые дают потребителям ощущение вечной молодости. Предполагается, что это уменьшит боль и временно приведет к удовлетворению от потребления товаров. Потребление товаров поощряется различными концепциями или определенным образом жизни, который возглавляется элитами в обществе.

According to Veblen`s theory of conspicuous consumption, individual emulate the consumption patterns of other individuals situated at higher points in the hierarchy. (Veblen 1994, 99-115)

Как бы там ни было, но единственная прибыль от рекламы - это получение экономической прибыли за счет увеличения продаж продукции. Прибыль не только посвящена или связана с продажей продуктов, но и выгодна для всей экосистемы рекламы, например - рекламного агентства, актеров, средств массовой информации, таких как телевидение, радио, журналы и т.д. Таким образом, реклама - это бизнес-деятельность, выгодная для нескольких групп и учреждений.

Как обсуждается в тексте, два основных понятия рекламы - “внедрение и вовлечение”. Внедрение означает процент людей, которые запомнили рекламу. Вовлечение - процент вовлеченных в потребление с помощью рекламы. (Пелевин, Generation П 2017) Вавилон смешивает эти два метода рекламы и производит такую работу, которая вызывает оба чувства. Установка и мельчайшие детали рекламы работают как часть, которая выходит удар на консьюмере, но лозунг который соединяет с деталями работает как вовлечение. В случае рекламы Nescafe Gold, офицеры в черном Mercedes-600 появляются на сцене из Службы безопасности. Мальчик сидит на скамейке, делает кофе и пьет его, и происходит взрыв бомбы. И появляется лозунг – ‘Нескафе Голд. Реальный взрыв вкуса’. Процесс создания рекламы тщательно изучен, разработан и

специально ориентирован на психологическое воздействие на людей. Она производится таким образом, что должна напоминать обоим этом потребителю и заставлять его покупать продукцию. Вот почему они также принимают помощь эмоций, патриотизма, красивой героини, религиозных убеждений, чтобы прикрепить эти абстрактные вещи к материальным объектам. Например, реклама лимузина связана с Христом спасителем. В раннем средневековье церковь являлась рекламой, ее цвет, иконы отражают политическое и социальное сообщение. Цель рекламы была в основном религиозной и культурной, в то время как в настоящее время та же церковь используется в рекламе для получения дополнительной прибыли.

Заключение

Неомарксистский подход предлагает всеобъемлющее понимание огромной власти, порожденной этими политическими и экономическими элитами. Большинство людей пребывают в блаженном неведении из-за отсутствия коллективного освободительного сознания. Татарский следует за промышленные нормативы и создает заголовки, которые апеллируют к чувству молодежи. Они связываются затем с производителями, а через него с конкретным брендом. Продукт покупается не на основе его потребительской стоимости, а на основе шумной рекламы, его рейтингов и заголовков, которые колонизируют сознание потребителей и заставляют их покупать. Для потребителя не остается ничего для выбора, классификации и использования. Культурная индустрия делает всё за нас от производства до классификации товаров для людей всех возрастов, чтобы институционально производить эффект. Очевидно, что прикосновение передается деталям, а не сущности работы.

Библиография:

Pelevin, Viktor. (2015). Поколение 'P'. Eksmo. ISBN: 978-5-699-79598-7

Horkheimer, M., & Adorno, T.W. (1972). Dialectic of enlightenment. New York: Herder and Herder.

Arato, Andrew & Gebhardt, Eike. (1978.) The Essential Frankfurt School Reader. Urizen Books. New York.

- Chernetsky, Vitaly. (2007). Mapping Postcommunist Cultures: Russia and Ukraine in the context of Globalization. Montreal: McGill Univ. Press.
- Rzhevsky, Nicholas. (2002). The Cambridge Companion to Modern Russian Culture. [ed.] Cambridge University press.
- Khagi, Sofya. (2008). From Homo Sovieticus to Homo Zapiens: Viktor Pelevin`s Consumer Dystopia. *The Russian Review* 67. October. P- 559-79 (accessed on 30 January 2017)
- Morris, Jeremy. (2007). Drinking to the Nation: Russian Television Advertising and Cultural Differentiation. *Europe-Asia Studies*. Vol.39. No.8
- Rampton, Vanesia and Muireann, Maguire. (2011). Russia on edge: centre and periphery in contemporary Russian culture. *Studies in East European Thought*. Vol.63, No.2, May. Pp 87-94
- Semjonova, Liia & Pervjakov, Juri. (2005). I consume, therefore..? Consumerism in Estonia before and after the collapse of the Soviet Union. SSE Riga Working papers.

Сопоставительное изучение персонажей - животных в рассказах Ф. Достоевского и Р. Тагора

Ришика Катаян

Ассистент профессор,
Кафедра русского языка,
Керальский университет, Керала, Индия
hrishikakatyayan@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному изучению персонажей-животных в рассказах Достоевского и Рабиндранатха Тагора. В настоящей статье рассматриваются особенности персонажей -животных и их характеристики в рассказах “Крокодил” Достоевского и “Рассказ о попугае” Рабиндранатха Тагора. Анализируется смысл, сдерживаемый животным в исследуемых рассказах.

В статье фокусируется внимание на тематики такие как свобода, прогрессивное общество , образование и т.д.

Ключевые слова: персонажи-животные, действующие лица, символ, смех, юмор

В моем понимании крокодил и попугай оба персонажа не являются действующими характерами в рассказах, однако представляют собой что-то абстрактное, воплощающие в себе внешность животных, поэтому называла их персонаж-абстракт. Через них раскрывается проблематику, соответствующую тому времени в обществе и соответственно мировоззренческое восприятие народов.

Персонажи-животные, являющиеся лишь паразитами для окружающих им действующих лиц способствуют развитию сюжета рассказа. То есть на самом деле они появляются на фоне всего происходящего в рассказах .

Что касается крокодила, то он символизирует тюрьма в брюхо которого попал Иван Матеевич и попугай над которым выполняются все действия, в частности они случаются вокруг него впоследствии становится символом свободы (так как в протяжении несколько дней обучения попугая он умирает)

Крокодил играет роль элемента насмешки, не вызывает симпатию читателя, тогда как попугай вызывает симпатию читателя.

В отличие от своего обычного стиля, пишущего о сугубо серьезном, философском и религиозном, Федор Михайлович Достоевский ставит целью рассмешить читателя.

Примеры взяты из рассказа :

1. Это появление и исчезновение еще живой человеческой головы было так ужасно, но вместе с тем — от быстроты ли и неожиданности действия или вследствие падения с носу очков — заключало в себе что-то до того смешное, что я вдруг и совсем неожиданно фыркнул; но, спохватившись, что смеяться в такую минуту мне в качестве домашнего друга неприлично, обратился тотчас же к Елене Ивановне и с симпатическим видом сказал ей:

2.- Иван Матвейч, друг мой, итак, ты жив! — лепетала Елена Ивановна.

— Жив и здоров, — отвечал Иван Матвейч, — и благодаря всевышнего проглочен без всякого повреждения

3. успокойся, друг мой, — продолжал он ей, — я устал от всех этих криков и бабьих дрызг и желаю немного соснуть. Здесь же тепло и мягко, хотя я и не успел еще осмотреться в этом неожиданном для меня убежище.

Согласно Достоевским “Юмор ведь есть остроумие глубокого чувства, и мне очень нравится это определение”. (Дневник Писателя). В одной из своих статей о Достоевском пишет Белинский «С первого взгляда видно, что талант г. Достоевского не сатирический, не описательный, но в высокой степени творческий и что преобладающий характер его таланта – юмор» дальше цитирую Белинского «...молодой талант, в сознании своей силы и своего богатства, как будто тешится юмором; но в нем так много юмора действительного, юмора мысли и дела, что ему смело можно не дорожить юмором слов и фраз» .

Попавший в брюхо крокодила Иван Матеевич озвучивает фразы , которые поднят смех вместо страха например “Я устал от всех этих криков и бабьих дрызг и желаю немного соснуть”. После случавшегося события (после того как Иван Матеевич проглочен крокодилом) от стороны читателя полагается проникновение ужаса,

а оказывается наоборот. Мы должны вспомнить 60 годы когда в стране господствовала политическая нестабильность, именно в 60 годы отменено крепостное право, при этом возрастание так называемых прогрессистов (современников) глубоко повлияло на творчество Достоевского, которое ярко выражено резким тоном главного героя внутри крокодила — это настоящая публичная речь, направленная на «улучшение судьбы всего человечества» говорит Иван Матеевич. Из высказанного ясно, что Достоевский намекает на Чернышевского, духовного лидера журнала Современник, тем не менее он отрицал об этом в Дневнике писателя. Нужно подчеркивать о том, что крокодил служивший помещьем Ивана Матеевича может символизировать ту ловушку, в которую попали прогрессисты. Таким образом мы видим в великого писателя талантливого юмориста, который путем нанизывания слов и фраз умеет насмешить своего читателя, при этом придавая серьезный толчок либеральной обществу.

В рассказе о попугае индийский писатель Равиндранатх Тагор тоже своим особым стилем написания окрашивает портрет существующие социальные слои в обществе в 30 годы 21 века. Нарисовав характер князь и его придворные писатель проникает в общественный строй той эпохи.

Образ попугая в клетке можно сравнивать с Иваном Матеевичем, попавшим в брюхо крокодила. Здесь заметно проводить параллели между сюжетной линией обоих рассказа. Необходимо упомянуть, что Рабиндранатх Тагор являлся мастером коротких рассказов, его сравнивают с Антоном Павловичем Чеховом. Попугай в данном рассказе приобретает аллегорическую форму, развертывающую связь правителя (в системе) и подчиненных, попавших в их руках. Это скорее написано в форме иронии на существующую систему, проглотившую свободу обычных людей, не давая им в покое жить. Согласно автору статьи *UNCEASING WAVES: Thoughts on Tagore. Society and Culture* «Красота произведения Тагор находится в его простоте. Фактически настолько просто, что это является сложным. Его рассказы - отражение социополитической жизни в колониальной Бенгалии, сложные реалии идентичности, класса, касты, рода и колониализма».

Любовь к животным очень конкретно и отчетливо выражено в творчествах обоих великих писателей и их чрезвычайную озабоченность к животному миру раскрывает тот факт, что этот мир животных привносит страсть, эмпатию и любовь в человеческий мир и поэтому человечество не может существовать вне животного мира. Рабиндранатх Тагор считал, что природа включает всю вселенную, которая включает в себя создателя космоса и его творения. Его произведения не только трактуют преходящую красоту природы, описывая все, что захватывает и ошеломляет в природе, но они проникают в визуальную красоту внутри и говорят о божественном присутствии, раскрытом в ее величии. Образ животных в произведениях писателя в большинстве случаев носит метафорическое отношение к происходящему событию, однако животные являлись неотъемлемой частью его творческой работы. Иоана Тужинска в своей статье замечает «Эта истина является фундаментальной для понимания роли органической целостности во вселенной сострадательной любви Тагора. Все, что находится внутри человеческого сердца, ума или души, находит свое отражение, оправдание и реализацию снаружи во Вселенной, в жизни других существ».

Аналогичный подход великого русского писателя к животным предал нам возможность сопоставить персонажей-животных в взятых рассказах. У Федра Михайловича Достоевского животное не просто символический образ чего-то, однако они служат отражением мировоззрения писателя – с точки зрения ценности мира и его окружающей среды. Важно отметить, что крокодил в данном рассказе выявлен как элемент сатиры, тем не менее ласковое отношение других персонажей, в частности, мастера крокодила к нему ярко выражено в виде обращений «унзер Карлхен (наш Карлхен)». «Животный мир определяет важные аксиологемы философии Достоевского, обозначающие его принципиальные убеждения о взаимоотношении человека и природы, о связи человека с землей и ее обитателями сквозь призму ценностей и антиценностей». (Богач Дмитрий Александрович, Аксиология природы в мировоззренческом и творческом опыте Ф. М. Достоевского).

Подводя итоги можно говорить, что в исследовании выявлены такие острые тематики как свобода ,образование ,прогрессивное общество.

Анализируемый рассказ Достоевского нередко вызывает смех следовательно являющийся одним из сатирических произведений великого писателя. По отношению схожести персонажей-животных нами было замечено их присутствие в аллегорической форме. В отличие от сказок о животных, где животные чаще показаны в человеческом облике в данных рассказах они демонстрированы как некое абстрактное существо. Следует признать, что эти рассказы Федра Михайловича и Равиндранатха Тагора обладая всеми своими тонкостями имеют много общего, в частности сложность в простоте. Рассказ Достоевского главным образом сталкивается с резко переворачивающей средой того времени и с другой стороны Равиндранатх Тагор в первую очередь тоже сосредоточивается на социальном окружении.

Список литературы:

1. <https://ilibrary.ru/text/68/p.1/index.html>
2. https://www.parabaas.com/translation/database/translations/stories/gRabindranath_parrot.html
3. Ф. М. Достоевский, Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, Л., 1983, с. 91
4. В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, с. 550 – 551
5. UNCEASING WAVES: Thoughts on Tagore. Society and Culture. June 10, 2010
6. Joanna Tuczynska Animals in Rabindranath Tagore's Spiritual Humanism: Compassionate Love in the Idea of Organic Unity, Rupkatha journal on Interdisciplinary studies on Humanities, Volume 8 ,2016 , стр.63
7. Богач Дмитрий Александрович, Аксиология природы в мировоззренческом и творческом опыте Ф. М. Достоевского : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.01.01 , стр. 7

Изучение сказок как педагогических ценностей

Рохит Радж

Университет им. Джавахарлала Неру

Нью Дели, Индия

rohit11raj@gmail.com

Аннотация: Термин «педагогика» происходит от греческого слова «Paidagogos», где «paidos» означает «ребенок», а «ágos» - «руководитель», что означает руководство детьми. В современном понимании педагогика относится к науке и практике преподавания, включая методы, стратегии и подходы, используемые педагогами для содействия интеллектуальному, социальному и эмоциональному развитию. В данной статье исследуется функция педагогики не только как инструмента обучения, но и как формы культурной передачи через традиционные народные сказки.

В исследовании анализируется, как народные сказки из разных культурных контекстов, таких как индийская и русская традиции, служат педагогическими инструментами для передачи мудрости, морали и социальных ценностей. Такие истории, как «Панчатантра» и русские народные сказки, показывают, что такие элементы повествования, как персонажи, обстановка и структура сюжета, призваны вызывать сопереживание, преподносить моральные уроки и отражать общественные нормы. Сравнительное изучение таких народных сказок, как магадхйская сказка «Форт Вермилион» и русская сказка «Волшебное кольцо», показывает, как эти повествования адаптируются к социальному и политическому контекстам, сохраняя при этом свою воспитательную эффективность.

Ключевые слова: Педагогика, народные сказки, культурная трансмиссия, нравственное воспитание, Магадхи, русские народные сказки, повествовательная структура, мудрость, социальные ценности.

Как педагогика формирует образование, так и народные сказки издавна служили средством передачи мудрости и знаний в обществе. В этих вековых историях, традиционно передаваемых из уст в уста, содержатся ценные сведения о морали, справедливости и человеческой природе. Сказки сами по себе являются педагогическим инструментом, использующим социально-политические конструкции для более глубокого понимания общественных рамок. Затрагивая темы морали и права, сказки

помогают человеку различать понятия добра и зла, служат маяками мудрости.

В статье рассматривается связь между традиционной педагогикой и педагогической природой народных сказок. Анализируя структуру, персонажей и символику народных сказок, мы раскрываем их роль как проводников культурных норм, ценностей и жизненных уроков. Нестареющие сказки "Панчатантры", такие как "Митра-бхеда", "Митра-лабха", "Каколоокийям", "Потеря обретенного" и "Апарикшитакаракам", показывают, как народные сказки гениально передают сложную мудрость в простых повествованиях, вызывая у слушателей воображение и сопереживание. Кроме того, я привел примеры сказок Магада и России.

Педагогика и народная сказка

Слово "педагогика" происходит от греческого слова "Paidagogos", где "paídos" означает ребенок, а "ágMgos" - лидер. Таким образом, по сути, оно означает руководство ребенком. В современном мире педагогика относится к преподаванию, обучению и тому, как все устроено в образовании. Это не только обучение детей, но и целая наука об обучении

Педагогикой называется практика обучения учащихся, ознакомления их с окружающим миром и предоставления им информации, не только теоретической, так и практической. Использование педагогики помогает учащимся тщательно изучить предмет, собирая факты и знания, и помогает им применить полученные знания за пределами класса.

Педагогика — это метод, практика или искусство обучения и воспитания. Она включает в себя стратегии, методы и подходы, используемые преподавателями для облегчения обучения и содействия интеллектуальному, социальному и эмоциональному развитию учащихся. Педагогика включает в себя не только содержание обучения, но и способы его подачи, взаимодействие между преподавателями и студентами, а также общую среду обучения.

Эффективная педагогика учитывает различные факторы, такие как потребности, способности, интересы и культурные особенности учащихся. Она направлена на создание увлекательного и содержательного опыта обучения, позволяющего студентам приобретать знания, развивать навыки критического мышления и становиться активными и непрерывно развивающимися учениками.

Поскольку сказки передавались не в письменном, а в устном виде. Благодаря этому их легко запомнить и пересказать другим. Благодаря этому народные сказки помогают детям узнать о различных персонажах, понять сюжет и запомнить, что происходит по порядку. Неудивительно, что чтение и работа с народными сказками помогают детям лучше овладеть такими важными навыками чтения, как озвучивание слов, плавное чтение, понимание слов и улавливание основных идей. Эти навыки важны в соответствии со стандартами для чтения.

Пять разделов "Панчатантры":

1. "Митра-бхеда/Mitra-bheda: Разлука друзей (Лев и бык)". Через эту историю Шарма учил сыновей Амаршакти, силе единства и доверию к дружбе.
2. "Митра-лабха/Mitra-labha или Митра-сампрапти/Mitra-samprapti: Обретение друзей (Голубь, ворона, мышь, черепаха и олень)". Как получить друга и что нужно делать, чтобы его получить.
3. Война и мир": "Каколоокьям/Kakolookiyam: О воронах и совах". Никогда не доверяйте своему врагу, какими бы ни были обстоятельства.
4. Утрата завоеваний ("Обезьяна и крокодил")/ Loss of Gains (The Monkey and the Crocodile). Даже если ситуация сложная, мы все должны не терять терпения и спокойно принимать решение.
5. "Апарикшитакаракам/ Apariksitakaragam: безответственное поведение/поспешное поведение" ("Брахман и Мангуст"), Мы должны принимать любое решение, оценивая все аспекты, и со всей мудростью, мы не должны всегда доверять своим глазам.

При чтении этих историй Панчатантры нам не нужно объяснять моральный смысл и мудрость истории, задача рассказчика - просто поведать историю и сыграть роль педагога. Прослушав эти истории,

мы автоматически понимаем, какова цель этой истории, какие нравственные послания и мудрость в ней скрыты.

В индийском контексте иногда по касте и другим, благодаря чему сказка выглядит знакомой и дает слушателю ясное представление и пространство для воображения. Поскольку в сказках герой представлен по профессии, то автоматически понятно все, что с ней связано: материальное и социальное положение, стиль и уровень жизни, типичное поведение, если оно есть, и другие характеристики, заданные для данной профессии в конкретном пространстве. Вначале сказка настраивает нашу психику на такое направление мышления и эмоций, которое помогает нам сопереживать герою и связывать себя со страданиями или борьбой героя.

Какие общие фигуры используются в народных сказках и как они служат своей цели? Если взять пример сказки, которая начинается с проекции короля "Жил-был король", то эта общая фигура и свободное время, и пространство дают слушателю возможность представить себе все черты короля, которого он наверно знал. Неважно, как он узнал о нем: может быть, он жил в королевстве, где правил великий король, или в другом месте, и во время рассказа истории слушатель получает знакомые декорации, чтобы соответствовать своему воображаемому миру. Слушатель виртуализирует персонажей, поскольку у него уже есть представление о нем, сохраненное в памяти. Поскольку установка локальна, это помогает пользователю легко понять мотивы и мудрость.

Например: когда рассказчик использует "Once there was a farmer, who lives with her mother/ Жил-был фермер, который жил со своей матерью" или "There was a farmer, who poorly lived with his mother/ Жил-был фермер, который бедно жил со своей матерью" - эти два сценария одинаковы, один фермер жил со своей матерью, но оба они в то же время и разные. Первое предложение, недостаточно для того, чтобы начать путешествие героя, с другой стороны, второе высказывание дает нам понять намерение рассказчика и следующий шаг героя, что он собирается начать свое путешествие до того, как исчезнет кто-либо из членов семьи. Используя профессию, "фермер",

которая в целом обозначает простого человека в иерархической системе, его материальное положение не очень хорошее. Как я уже упоминал, в индийском контексте каста иногда используется для обозначения запрещенных для него характеристик, границ и других социальных вещей, что, по-видимому, и является причиной его страданий. В другой социальной структуре, где кастовой системы нет, а есть другая иерархическая система, используются низшие в этой структуре, чей социальный статус является причиной их страданий, как сословная система существовала в России. княгиня обманывает своего мужа "крестьянина", потому что он был не того статуса, как у ней.

Если мы возьмем в качестве примера две сказки: Форт вермилиона (магадхи) и Волшебное кольцо (русская) - путешествия Протагонистав обеих сказках одинаковы, но некоторые изменения сделаны в соответствии с социальным пространством, в котором они были рассказыванни, чтобы слушатель мог быстро понять, вспомнить мудрость и нравственность в нем и представить их после рассказа.

“В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухою, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотою, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью питал.”

Самое начало этой сказки содержит много информации. Использование слов Старик и Старуха, нам ясно пояснят, физические состояния родителей протагониста и также нам подскажут что, теперь старик не может охотиться и время путешествия протагониста начинается. А конец второго предложения показывает нам их финансовое положение и их страдания, как они охотились и кормили себя, и их жизнь полностью зависела от этого. Поскольку отец главного героя уже стар, он не сможет ходить на охоту, и их семья будет голодать.

В одной из сказок Магадхи, рассказанной мне во время моей полевой работы, она вдова и ей около 75 лет, живущей в соседней деревне "Тикари" десять километров далеко с Гайей, Бихар. Когда у

меня появилась возможность встретиться с ней и еще раз послушать эти сказки, которые дали мне представление о фантазии и познакомил меня с внешнем миром в моем детстве. Я с ее внуком поезжал встретиться с ней. После нашей встречи, когда пришло время рассказывать сказку, ее внук попросил рассказать сказку, которую он называл "Indoor ka Qeela/ Форт вермилиона", и поэтому я дал такое название этой сказке.

Рассказывая эту сказку, рассказчик использовал минимальные подробности. Например: как протагонист получает своих друзей по своему путешествию начало его путешествия. Путешествие Протагониста само начинается. Рассказ начинается с предложением " жил был один крестьянин, он был бедный. Однажды он думает "сидя я буду делать домой, если я выйду из дома, то можно будет зарабатывать" и он отправляется на поиски. С другой стороны, в русской сказке "Волшебное кольцо" рассказчик или писатель подробно обратил внимание на все детали: какая ситуация заставляет протагониста начинать его путешествие и как он получает своих помощников по его путешествию. Далее обе сказки идут совершенно одинаково, исключая социально-политические конструкции, использованные в сказке, и географические сценарии.

Например, в сказке Магадхи кольцо крестьянину передано матерью змеи, задача Протагониста- построить Форт из вермилиона со всеми удобствами и ритуалами, прежде чем просить что-то у кольца, а в русской сказке кольцо дает отец змеи, которого спас герой, и Форт совсем другая, чем в сказке Магадхи. Царь просит построить Форт со всеми удобствами, между ней и Фортом царя должен быть хрустальный мост, кроме того, по обе стороны моста должна быть яблонева орхидея из золота и серебра.

Мы замечаем, что не важен человек, который дает кольцо герою, будь то отец или мать змеи. Как мы видим, в нашей социальной структуре все домашние дела решает женщина. У нас также есть культура, в которой именно мать дарит гостю что-то (чаще всего материю) при прощании, поэтому в сказке о Магадхе кольцо герою передает мать змеи. Как мы видим, в русском контексте, глядя на сказку, можно сказать, что если бы существовала традиция дарить

гостям подарки при прощании, то сказитель, не задумываясь добавил бы это, и это было бы неуместно, если бы рассказчик использовал это. Итак, рассказчик выбирает отца змеи для передачи кольца. Если форт вермильона был использован рассказчиком в русском контексте, то смысл и значение вермильона, как и в индийском контексте, были утрачены. В этом контексте вермильон не несет никакой символической нагрузки, он потерял бы свою сущность, поэтому рассказчик использует форт со всеми удобствами, яблоневою орхидею с серебряными и золотыми яблоками по обеим сторонам, а также хрустальный мост.

Если мы возьмем "Джатак кахтиен", то увидим, что в джатаке главной характеристикой Протагониста было ненасилие, и это учит нас решать любую проблему в любых обстоятельствах с помощью мудрости, но не с помощью насилия.

В ходе этой исследовательской работы я пришел к выводу, что народные сказки подобны океану мудрости и нравственности, из которого берутся некоторые воды и образуют озеро/пруд мудрости и нравственных уроков, как Панчатантра и Джатак Катхайен. В сказках много мудрости, информации, знаний и морали, как много книг в библиотеке или предметов в курсе или учебной программе, но наши учителя выбирают некоторые из них и преподают нам те предметы, которые нам нужны или которые требуются в данном месте или времени. Как я уже говорил, минимальной единицей сказки является одно путешествие человека, это может быть и пятиминутное путешествие, и путешествие всей жизни, но ничто в сказках не выделяется, пока не будет признано важным или не даст нам понимания, мудрости и знания. Как мы видим из Панчатантры Вишну Шармы, вся история — это очень маленькая единица, которая служит для передачи только одной мудрости за один раз. Она создана только для того, чтобы просто дать принцам мудрость, которая поможет им понять те вещи, которые помогут им пройти путь становления царем и впоследствии добрым и мудрым правителем.

Методология

В данной исследовательской работе я использую сравнительно-аналитическую методологию. Сравнительная методология предполагает сопоставление нескольких объектов исследования для выявления общих черт и различий, что позволяет выявить закономерности и факторы, которые зависят от контекста. Аналитическая методология предполагает препарирование отдельного объекта с целью выявления его сложных компонентов, причинно-следственных механизмов и основополагающих принципов. Эти методологии дополняют друг друга: сравнение создает контекст для анализа, а анализ - глубину сравнительных выводов.

Исследовательские вопросы

- Как традиционные народные сказки служат педагогическим инструментом для передачи мудрости, морали и общественных ценностей, как они адаптируются к различным культурным контекстам и социально-политическим конструкциям, сохраняя при этом свою педагогическую эффективность?
- Как народные сказки различаются по своим педагогическим подходам в разных культурных контекстах, например, на примере Магадана и России?
- Как народные сказки функционируют в качестве педагогических инструментов? Какие специфические элементы народных сказок, такие как персонажи, обстановка, структура повествования, способствуют их педагогической эффективности? Как эти элементы способствуют передаче нравственных посланий, мудрости и понимания общества?

Заключение

В заключение следует отметить, что данное исследование показало глубокую роль народных сказок как мощного педагогического инструмента, преодолевающего культурные границы и распространяющего мудрость, мораль и общественные ценности. Исследование показало, что народные сказки служат не просто вместилищем информации, но и практической демонстрацией мудрости, используя местные элементы и обстановку для быстрого восприятия слушателями. Интеграция местных нюансов и близких по смыслу сценариев способствует эффективной передаче

нравственных посланий и общественных ценностей, подчеркивая тем самым динамичное взаимодействие между народными сказками и педагогическими целями.

Кроме того, исследование позволило выявить разнообразие педагогических подходов, применяемых в народных сказках в различных культурных контекстах, что можно проиллюстрировать на примере магадской и русской традиций. Несмотря на то, что обе традиции имеют общую цель - привить основные ценности, в их повествованиях используются различные стратегии, обусловленные уникальной историей и нормами культуры. Эта дифференциация подчеркивает способность народных сказок адаптироваться к конкретной аудитории, сохраняя при этом свою роль воспитательного инструмента. Исследование показало, что народные сказки функционируют как разносторонние педагогические инструменты, опираясь на такие элементы, как персонажи, обстановка и структура повествования. Эти элементы в совокупности способствуют повышению педагогической эффективности, позволяя аудитории усвоить сложные послания через близких персонажей, знакомую культурную среду и увлекательные сюжетные линии. В конечном счете, данное исследование подчеркивает непреходящее значение народных сказок как носителей культурного наследия, моральных норм и общественной мудрости, которые формируют личность и общество на протяжении многих поколений.

Библиография:

- Русские народные сказки. (n.d.). Retrieved from Nu-ka Deti: https://nukadeti.ru/skazki/russkie_narodnye
- Юрий, Л. (2021, April 19). Лукошко сказок. Retrieved from lukoskha.net: <https://lukoshko.net/story/volshebnoe-kolco.htm>
- ALPHONSO-KARKALA, J. B.-K. (1975, April). Facets Of Panchatantra. *Indian literature*, 18, 77. Retrieved from *Stories from Hindu Mythology*: <https://www.jstor.org/stable/23329777>
- Anne Pryor, & Paddy Bowman. (2016). Folklore and Education: A Short History of a Long Endeavor. *The Journal of American Folklore*, 129(514), 436–458. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.129.514.0436>
- Ashliman, D. L. (2020, March 30). The Jataka Tales. Retrieved from pitt.edu: <https://sites.pitt.edu/~dash/jataka.html>

- BEHL, A. (1993). A.K. Ramanujan, Storyteller Extraordinary [Review of Folktales from India, by A. K. Ramanujan]. *India International Centre Quarterly*, 20(3), 156–159. <http://www.jstor.org/stable/23003978>
- Bhattacharyya, P. D. (2021). *Pedagogy, Andragogy and Assessment*. Kalyani, WEST BENGAL, India.
- Dahal, H. (2021, 04 22). Folktales: A Moral Message from the Past to the Future Generation. Retrieved from <https://www.nepjol.info/index.php/njmr/article/download/36618/28542/106039>
- Department of Sanskrit, Miranda House. (2017, March 3). Retrieved from <https://sanskritdepartmentmirandahouse.wordpress.com/2017/03/03/panchatantra-origin-and-significance/>
- Dhar, S. (1976). SOME ASPECTS OF ASIAN FOLKLORE. *India International Centre Quarterly*, 3(4), 294–298. <http://www.jstor.org/stable/23001753>
- Franz, M. (2021, 12 07). What Is a Social Construct? Retrieved 01 05, 2023, from study.com: <https://study.com/academy/lesson/social-construction-of-race-ethnicity.html>
- House, A. (2023). Why Are Folktales Important? Retrieved from August House: <https://www.augusthouse.com/why-are-folktales-important>
- Kirby, K. (n.d.). Retrieved 2023, from https://s3.amazonaws.com/dfc_attachments/public/documents/3266064/Definitions_-_racial_reconciliation_taskforce.pdf
- Mary Gormandy White, M. (n.d.). Retrieved 01 2023, from What Is a Social Construct? Common Examples Explained: <https://examples.yourdictionary.com/what-is-social-construct-common-examples-explained>
- Panchatantra stories and their meaning. (2023). Retrieved August 2023, from vedantu: <https://www.vedantu.com/stories/about-panchatantra-tales>
- Perrie, M. (1989). Folklore as Evidence of Peasant Mentalite: Social Attitudes and Values in Russian Popular Culture. *The Russian Review*, 48(2), 119–143. <https://doi.org/10.2307/130323>
- Poor, A. (2022, 07 20). verywellmind. Retrieved 01 05, 2023, from <https://www.verywellmind.com/definition-of-social-construct-1448922>
- Propp, V. (2009). *Morphology of Folktales (Vol. 2nd)*. Austin: University of Texas Press Austin.
- Vladimir Yakovlevich Propp, *The Russian Folktale*, ed. Sibelan Forrester (Detroit: Wayne State University Press, 2012) 47.

Clash of two ideas: re-reading Aitmatov's novel 'When the mountains fall'

Nasar Shakeel Roomi

Professor, CRS/SLL&CS, JNU

nasarshakeel@gmail.com

Abstract: In this article I am looking at the last novel of Chingiz Aitmatov 'When the Mountains Fall (Aitmatov)' from the point of view of the clash between modernity and traditionalism. Aitmatov traverses through the cultural milieu of Central Asia while deftly examining the conflict between accepting the forces of change which are inevitable and preserving traditional principles. Aitmatov creates a striking portrait of a civilization at a turning point with his well-developed characters and beautiful words. Readers are prompted to consider the delicate balance between tradition and development as a result of these two notions colliding in a way that is poignantly metaphorical for the human experience as a whole.

Key words: Clash, Ideas, Rereading, Aitmatov, Novel and mountains fall

Usually, the rocks that are not held tightly together fall apart especially when water seeps in between them and weakens the base making the mountains vulnerable to landslides which are referred to as the falling of the mountains. It is a natural phenomenon. This is true about human relationships too. The weakening of the base of relationship due to the seepage of different perception of life in the soul of human nature, conflict of different attitudes and beliefs, and the primarily the turmoil of choices within oneself cause the mountains of life to fall.

The mountains, which have existed for a long time, are suddenly in danger from outside forces. Journalist Arsen Samanchin is 35 years old and works as a freelancer. He is described in the introduction as belonging to the group of persons who despise abrupt deviations from established beliefs and values. This clash between traditional and modern aesthetics leads to the first confrontation. The author's own experience of a shift in socio-political circumstances is what brings about the mountains to collapse. Many, including the writer, who retreated from view for ten years, were caught off guard by the dramatic changes that swept the nation in the 1990s.

The legend of the 'Eternal Bride' found little or no resonance with the commercial pop culture to which Aidana the woman in the life of Arsen

gets attached to. It is not Aidana alone but if the canvas is widened it includes the general mood of the people who were more attracted to the hitherto unknown pop culture. It had universal fame and was commercially viable. She went away to the world where ‘talents inevitably flow away’. It has at its disposal the internet and the press which ‘fought against the slavery of the word under totalitarianism - and itself turned out to be a slave to the market’. Aidana Samarova, a preeminent soloist of the opera house, suddenly becomes a pop star who is flashed across all TV channels. She has everything what makes up a star. She has the physical beauty and a mesmerising voice. ‘When the Mountains fall’ is not only a conflict between an opera stage and a stage ‘a la Hollywood’ but an incompatibility between two beliefs. Music was changing from the era of Union of Composers to Russian rock, Russian hip hop, Russian pop. Along with ‘Beatlemania’ of the 60s in between. The State was changing and adapting to the so-called western culture. There was a paradigm shift taking place in the approach to all spheres of life. This attracted diverse responses. Marketisation was welcomed by some while others like Arsen, were uncomfortable. Arsen Samanchin either did not understand or just refused to comprehend the modern show business, His belief in the legend and in the existence of the Eternal Bride was in total contrast to the popular culture which was increasingly assaulting the very existence of traditional culture with ever-increasing strength.

They are not certain where to go now and what to do next – ‘Forget, forget about this same “Eternal Bride”! Who needs it? Pop music triumphs. We have an era of pop! And you either humble yourself submissively or disappear without saying goodbye. And yet, what to do? To leave for Moscow, there are known persons, reliable, but there too after all, pop music is at peak! In a word, the continuous tunnel and the end is not visible ...’ (p55)

What is the legend which has been rejected by Aida and which is so dear to Arsen and which becomes a victim of the ‘wholesale culture, by analogy with wholesale goods’ a neologism formulated by Arsen, just like what happened at the stadium during a grandiose show concert dedicated to the 250th anniversary of the city? (p 77)

The story of the ‘Eternal Bride’ is that there was a hunter in the mountains who was respected for his prowess. Who fell in love with a stunning girl, their love grew, and they joyfully planned their wedding. They rode horses and played a fast-paced game of chase, which stands for happiness.

On the eve of their wedding, however, catastrophe struck. The bride goes missing and it was believed that the bride had eloped, sending the town into chaos. Feeling cursed, the groom withdrew from society and shut himself away in the mountains. Subsequently, it was found that the bride was not a fugitive but had been abducted. She miraculously gained the power to fly like a bird after jumping into a river to escape her captors. Her relatives searched for the groom in vain. The bride also disappears. Since then, there has been the mystery of the Eternal Bride, and in the mountains her eternal cry is heard "Where are you, where are you, I'm running to you! I was kidnapped but managed to escape. I remained a virgin, I am faithful to you..." (p.83).

The sad misunderstanding that separated them is just the opposite of the hunter's strength and the happy times they spent together. The bride's escape and newly acquired skill add a magical touch that goes beyond reality. An unfulfilled relationship and the never-ending pursuit of love are symbolised by the perpetual wail, which gives the song a melancholy depth. With a mysterious mountain backdrop, the story explores the fleeting nature of happiness and the eternal power of love, leaving a lasting impression.

Arsen probably could be the hunter and Aida the Eternal bride who as Arsen feels she has been kidnapped by the glorious world of fame and money. He is perturbed by her indifference towards him. Probably she would have come back to him like the bride, but he is killed in the end of the novel. The novel starts with the snow leopard and ends with the killing of both the snow leopard and Arsen. It is not an isolated case in the whole evolution of Aitmatov's literary work when the writer has taken resort to using a side story of the animal kingdom and the use of folk legend to strengthen the narrative. We have seen the example of the mother deer in his novella 'The White Steamship' and we have encountered wolves in 'The Execution Block', and a group of whales and an owl in 'The Mark of Cassandra'. "Aitmatov weaves the legend of the Eternal Bride, which permeates the entire work and plays an essential role in understanding the characters of the heroes, itself becoming an independent whole image, the concept of pure and eternal love. A beautiful love story, timeless, could not fail to strike the imagination of Arsen Samanchin, a man with a rich inner world and a keen sense of beauty" (Ибраимов).

In the novel the writer wonders in the opening page of the novel that there are two entities with the same fate who are totally unaware of each other's

existence, as one of them lived in a modern city, while the other lived high in the mountains, in wild rocky ravines. The later pages will blend the two entities and their fate – the Snow leopard and Arsen. After his first leopardess died during an earthquake in the mountains, the Snow leopard lived together with a new leopardess for a long time and bred offspring. The Snow leopard had become old and his leopardess leaves him for a new male. “She walked away demonstratively, now wagging her tail left and right, now pressing him, then throwing him up, now twisting it in an arc, rubbing her new partner with her sides and shoulders. She left and did not blink an eye ...” (p. 24). He runs after them and challenges his rival but this time his she-leopard herself attacked him, scuffed, bit him, and this turned out to be the last blow, the final defeat to maintain its former place in the pack, to extend its original role as a male producer in the leap of leopards. He was left alone, deserted, cut off from all. This is a preamble to what happens to Arsen and his relations with Aidana. The narrator remarks that ‘nature is always on the side of fresh arriving forces. Arsen also is left alone after Aida leaves him for new pastures, ‘new forces’ which engulf her. He is left with his unfulfilled dream of bringing the legend of the ‘Eternal Bride’ on to the opera stage with Aida as the main soloist. The leopard too wanted to run away from himself. Just like the question before Arsen, the leopard too wanted an answer to the question -where to go? What next? Both are killed in the end. The narrator says right in the beginning of the novel ‘The only thing that could be supposed, while trying to comprehend the incomprehensible, is perhaps some astrological relationship of the two creatures to be told, their cosmic relationship, in the sense that they could have been born by the will of the same fate under one zodiac sign, - no more. And what could be so ...’ (p. 19). The two fates have been very cleverly juxtaposed – a man and an animal happen to be at the same place and face the same fate. Aitmatov has been successful in creating the atmosphere where the mountains will fall again, and this time will be fatal for both the main characters of the novel.

Aitmatov, a great storyteller, with an effective and vivid but not a verbose narrative sets this novel about a freelance journalist, his struggle with the new social order and above all with his own self. This novel is amongst the best of Aitmatov. His technique of storytelling sets him apart from his contemporaries. He immerses the reader into the narration by bringing the characters to life. We witness the internal agitation of both the man and the animal.

The Snow leopard is regarded as a totemic animal in many of the Central Asian countries and in Tibet, where folks believe that the saints are transformed into snow leopards. In Kyrgyzstan, the snow leopard is called "Ilbirs". It is also called "Ak Ilbirs", which means "white leopard". The snow leopard is depicted as a symbol on the flag and coat of arms of the capital of Kyrgyzstan, Bishkek. From ancient times, the Kyrgyz people interpreted the snow leopard as a holy animal "According to the legend, when the city of Samarkand was founded, a leopard – «palyang» descended from the Zeravshan mountains. He approached the city walls, and proudly, like the king of animals, began to go around all the residential buildings and city walls. Then he went back to the mountains. Since then, the inhabitants of Samarkand began to be called leopards. Since that time, for the inhabitants of Samarkand, their perception and image of themselves was the Leopard. The leopard is depicted on the banner and coat of arms of the city" (Часникова).

In the novel the portrait of the snow leopard is given realistically: "Zhaabars has a firm long and a strong body, endowed with a clearly spotted silky-dense woollen skin, which, as they sing in songs, were worn by shamans and khans. Had he known that he was treading the ground unperturbedly, he would have been very similar to his African colleague leopard, even the tails are equally long and impressive. It is true that a fellow leopard has to climb trees like a cat, so that it would be easier to pounce on the prey, and snow leopards are destined to climb more solidly - on rocks, on cliffs, and there are no such powerful trees as in Africa at four or five thousand meters high; the forest in these places grows down in the valleys, and there is only the lynx tribe lives on the branches and twigs.... It happens that leopards wander into those forest places, and lynxes snort and hiss at them, as if they do not recognize their cousins. For snow leopards there is a different, high-altitude world - their abode is only the mountains under the sky, and a great hunt awaits in fights and competitions..." (p.22)

A lot had changed in the life of Zhaabars, the snow leopard. Age was catching up. He could even hear his own heartbeats when he would run. A fierce leopard, living now as an outcast. His leopardess was attracted to a new younger leopard. The 'crooked eared one' turned out to be an extremely vicious, tireless, persistent beast. He climbed all over her, rubbed itself, flirted. And all this is in front of Zhaabars. Finally, the very she-leopard, with whom Zhaabars, after the first leopardess, who died during an earthquake in the mountains, lived together for a long time and even had offspring, left him and went away with the 'crooked-eared' "rubbing her new partner with her sides and shoulders. She left and did not blink an eye ...". The feelings of an animal have been portrayed as that

of a living human being. Before finally departing, Zhaabars circled for some time around the neighbourhood - it froze on the go, then ran aimlessly, then lay down, then stood up and announced to the mountains with a desperate roar. He wanted to howl like a wolf if it were given to him by nature. Stunned, bewildered, he did not know where to put himself, even the passion for hunting began to leave him.

The Leopard's internal turmoil is given through indirect interior monologue. 'For Zhabaars the entire world had become meaningless, and he desired to listen to the sounds of the waterfall in the mountains (pp.29-30). His whole world seemed to have crashed and destroyed.

The snow leopard is anthropomorphised, and internal feelings of the animal is depicted as that of a human being. Anthropomorphism, an Aitmatovian attribute found in many of his works, is quite common in folklore. Folk tradition and tales and mythological context is omnipresent in the narrative system of many of the author's works. He transforms the tales or legends to merge it with the plot of his work.

Arsen the protagonist was not old in age but maybe he too was considered an out caste as he could not come to terms with the new environment which was awash with material gains. He was old to understand the new. Aida left him as she was attracted to the pop culture, a fierce new domain.

Arsen acts like a person confined to a cave without interacting with anyone especially after he was humiliated in the café where he had gone to listen and watch Aida. It was his uncle who had called him for his services as a translator and interpreter for the princes who were coming to hunt the snow leopards. He agrees readily, thinking of it as a change in his melancholic life. This also can give him the opportunity to get hold of a pistol. He had decided to shoot Aida dead and then put a bullet in his own temple. This is absolute anger, frustration, and intense feeling of revenge. The same feeling which the snow leopard has for his she-leopard who deserted him for a younger leopard. his will to resist did not dry out, he could not reconcile, he did not desire 'to become untouchable', with 'the fate of an outcast forced to live on his knees'.

The contradiction in approach of Arsen comes to light when he agrees to assist the Arabs hunt down the snow leopards. On one side is his commitment to the past and on the other is his acceptance to be a party to the destruction of nature. While the plan was being carried out with his uncle Arsen wanted to shout to the leopards about the impending tragedy in the Tien Shan mountains. Arsen Samanchin sometimes involuntarily

began to sympathize with the leopards, who are now unaware of the impending tragedy in their home. He wonders and feels sorry that these animals don't even know that now somewhere in a distant city a few are deciding their fate. He wishes that 'they rushed away until it's too late, somewhere in the Himalayas'. His decision to take part in the hunting in the beginning was precisely to get a weapon with which he would kill Aida and her director and with the last bullet he would shoot himself.

Before his death Arsen shouts on the microphone interspersed in English, Russian and Kyrgyz: '- Listen, listen to my order, alien foreign hunters! Damn you! - The loudspeaker rolled his words through the mountains with multiple echoes. - Hands off our snow leopards! Get out of here immediately! I will not let you destroy our animals! Dangle into your Dubai and Kuwait, away from our sacred mountains! So that your feet are no longer seen here! Get out immediately, otherwise you will die! I'll shoot everyone! - He backed up his words with a burst of air from a machine gun'. In response shooting starts from all sides and grievously injures Arsen and the snow leopard Zhaabars.

"And are you here?" Arsen said for some reason to the beast, as if they were familiar.

Zhaabars was bleeding.

The same fate befell man.

By the will of fate, they — man and the beast — found themselves at their last hour in one hideout under heaven, in a cave, nearby, side by side ... And as if in disbelief he began to thunder over the mountains, rolling out like an echo, as if asking: what is it? And lightning flashed in clouds just as surprised ...' (228-229)

Leonid Terakopyan says that "the novel "When the Mountains Fall" is polyphonic in Aitmatov's way. It is about people who have experienced the drama of yesterday's change of formations, who have lost their former landmarks and are trying - each in his own way - to find new ones. The components of his conflicts are poverty and wealth, the onset of globalism and the crisis of culture, an outburst of terrorism and the agony of nature at the mercy of greedy predators. But all this interweaving of events is illuminated by a warning about a catastrophe threatening society, if ... If it betrays its humanistic principles and finds itself in the web of alienation laws, on the wake of the proprietary instincts that urge to determine the value of the individual at the exchange rate, in accordance with the dollar quotes or rouble" (Теракопян).

When the foreign hunters were going to come, the whole village seemed excited about the upcoming event - the arrival of foreign hunters of the snow leopards. It is almost as if some guests are coming home, and the entire village comes to life. The excited kids running to the office to find out about the latest news little realising what exactly is the result of this visit. The degree of involvement was such that an adherent of the Tengrism persuaded people close to him to perform a prayer service addressed to the Uzengilesh Mountains, so that the mountain winds would facilitate hunting - so that they would drive the snow leopards out of their den. Small children can be forgiven for being naive to understand the horror humans are about to bring just for the sake of material gains, but here Aitmatov very satirically adds that the village priest even said that one should not pray to the winds but to Allah, all Mighty for favourable winds. It is being materialist with a touch of religion. The human demands are the root cause of the destruction of the natural world. The killing of the snow leopards is like the killing of the herds of deer in the novel "The Scaffold" or the mother deer in the "The White Steamship". Arsen Samanchin becomes a part and a facilitator of this blood bath by being the main person as an interface between the locals and the visiting foreigners. Besides this, we are shown in the beginning of the novel Samanchin as a person who can even take a decision to murder his adversary. There is a change from a person who is dedicated to the legend of the Eternal Brides and desires to make an opera on it with his love for Aidana to a person who can even go the extent of contemplating murder. It is another matter that he might not after all have killed anyone and this hunting can be best described as his getaway from the heart break, he had with Aidana. We need to see Samanchin more closely. When his uncle called him and told him about the plans of hunting trip, Samanchin probably found something to distract him, made him come to his senses, return to normal life. For a long time even after the decision to be the interpreter he keeps thinking of Aidana. Every now and then things around him take him back to her – like the piano or the birds. He almost seems obsessed with her.

At times we get a feeling that we are dealing with contradictions within a man. He himself says that "an idea can be bought as a commodity, an idea, it turns out, can be sold, an embargo can be placed on an idea - for money everything is possible. And you are a stranger in this situation - you are not bought, you are not for sale, you are wandering from a liberal nomad, so get it. Collide head-on, one against all. It will cost you a head, and they will pay off anyone. ...all the same, to fight like that, you can't

go anywhere. But not now. Everything should have its own, albeit small, strategy and its own tactics” (p 100).

It hurts him that money has snatched his loved one from him and from the other side he is a part of a band of capitalists who would be giving good money to him and thereby earn for themselves by taking the leopards. It clearly shows that he has not completely comprehended what he is about to do and what are the consequences of him becoming a partner to the crime. He is just taking this job to distract himself and nothing more than that. What made him change his mind in the end again and to make a call for stopping the carnage against the leopards? It was not sudden. His inner self was woken up by Eles. Her first appearance in the novel is dramatic. Near a courtyard he meets woman pleasant in appearance. She was carrying a camera. She was slender and - tanned, smiling vividly, with shining eyes, in jeans and a half-open sports blouse. From then onwards a love affair starts between Arsen and Eles.

There seems to be a unison in their thinking. Her statement about how sad and worried she is about the fate of the leopards shakes Arsen to realise that what he is doing to the leopards is not fair. She says that though we love to talk about ecology so much, but what we are doing ourselves is destroying it. Arsen agrees with her, and it becomes clear that his mind is saying something, and he is doing just the opposite. Arsen tries to convince himself and Eles that he is doing this because he has given his word to chief Bektur and it is kind of duty that he is performing and there is no way out of it. In the end he shouts and dares to threaten the hunters because he has found someone who thinks like him. The tune of the relationship between the two is absolutely in unison. Eles speaks about the Eternal Bride and feels for her the same way as Arsen. – “Look, Arsen, these mountains were waiting for my love, and that's why I came here so often. And she also waited, although she could not believe that it would be so ... After all, here, in our villages, there is a belief that in these mountains that Eternal Bride wanders” (pp184-185). Arsen Samanchin becomes serious about marrying Eles. They seemed to be made for each other in character and outlook on life. It was as if a heavy load had fallen from Arsen's shoulders, and he himself wondered how this could happen. Suddenly he forgot everything that was in life before he met Eles. She became an integral part of his life. He feels as if she was sent to save him, to take him away from the edge of the abyss. Unfortunately, their affair could not culminate as they would have liked to. Samanchin is killed. The Zhabaars body vanishes and only footprints were seen. They say that he keeps roaming in the mountains.

In summary, Chinghiz Aitmatov's "When the Mountains Fall" deftly ties together the contrasting stories of social interactions and the natural world, highlighting the similarities between the weakening of human bonds and the mountains' susceptibility to disasters. The narrative explores the conflict between modernity's incursion and conventional ideals, as represented by Arsen and Aida. The story of the 'Eternal Bride' is a tale that speaks about both human and animal partnerships. Aitmatov creates a story that depicts the effects of changes in the society and decisions made by individuals.

Works cited:

Часникова, Виктория Александровна. Легенды и мифы о животных. n.d. February 2024. <<https://mybook.ru/author/neustanovlennyj-avtor-2/legendy-i-mify-o-zhivotnyh/read/>>.

Aitmatov, Chingiz. Когда падают горы. St. Petersburg: Азбука-классика, 2007.

Ибраимов, Калык. Когда падают горы (Вечная невеста). 11 December 2018. 24 February 2024. <https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:13582>.

Теракопян, Леонид. "Поволжский контекст." 10 2007. February 2024. <<https://magazines.gorky.media/druzhba/2007/10/povolzhskij-kontekst.html>>.

Faith and marriage in post-Soviet Russia: Debates on free will in Alisa Ganieva's "Bride and groom"

Dr. Shubham Singh

Assistant Professor

Department of English and M.E.L

Central University of Allahabad

mailshubh7@gmail.com

Abstract: Marriage is one of the oldest institutions in the human world that has as rich cultural diversity as formal complexities. Arranged marriages are an interesting aspect of this union of two human beings that ties a thread between their families too. It is a prevalent mode of weddings in the post-Soviet Russian suburbs. Also, the cultural setting of the nation is such that the idea of faith and the concept of free will are intrinsically associated with maintenance of the status quo. This paper intends to read Alisa Ganieva's *Bride and Groom*, recently translated by Carol Apollonio, to elaborate on the cultural tradition of arranged marriages, patriarchal subversion and the associated concepts of free will and faith to examine how a young man and woman have challenging encounters with the orthodoxy of the society of which they are a part and which engulfs and stifles any minimal diversion from the defined customs. The text has larger political, religious and social connotations to the contemporary human civilization and as such the paper also compares and contrasts the practice of the system of arranged marriage in Russia and India at the conclusion, from a non-fictional standpoint.

Keywords: arranged marriage, cultural, diversion, faith, free will, orthodoxy.

Marriage is one of the oldest institutions in the human world which has evolved into diverse forms and practices across the breadth of the globe. Even in this, arranged marriages and the associated socio-cultural contexts are as various as the races spread through different continents. The practice is such that it unites not only two people and families but even two clans in a line of historical tradition that continues through generations. The richness of culture and familial cooperation are in flagrant display in an arranged marriage gathering where the entire array of relatives come together for the celebration of the event and the attestation of a marital union more firmly than any legal registration or formalities. But, the individual will, desires and even choices are seldom the central concern of such an alliance and that raises fundamental questions about the validity of such a system and its advantages and

drawbacks in the twenty-first century. Research has pointed out the distinctions between marriage trends in Russia and Western Europe finding that until the 1980s, in Russia marriage was a frequent phenomenon and happened much early in age as compared to Western Europe ‘where it was becoming rarer and later.’ (Adeev and Monnier, 7) Alisa Ganieva’s *Bride and Groom* is a multi-layered narrative exploring the ideas of faith, free will and predestination on bedrock of the institution of marriages in post-Soviet Russian society. The complex structure of the novel raises several questions concerning individual freedom and liberty amidst an all-encompassing panorama of religious and political tensions and assertions. Carol Apollonio’s translation has captured the true essence of charged textual tensions interspersing words and phrases from the native tongue to paint a realistic picture of how a young man and woman, both educated and relatively independent, leading successful lives in Moscow are brought together to their local Dagestani suburban town by fate and consciously choose to tie the knot navigating through all the political, religious and social hurdles they face along the way. But, subtext of the novel is much more than the union of the protagonists and Ganieva creates several distinctly alive characters to capture the authentic image of the Russian suburbs and the ways of life therein.

Marriage is a crucial concern in the narrative right from the beginning when one of the protagonists, Patimat, or Patya as she is fondly called, expresses how the question of her marriage has been irking her time and again and her family has been pressing to find a potential match for her, at times, with complete disregard to the humiliating situations in which this puts her. She narrates how her brother tries to set her up with the grandson of his boss and the old man invites her out to meet his grandson but all the while brags about his achievements as a fighter pilot back in his day. The meeting never happens because Patya is two years older than the grandson and this to the old man is a matter of ‘shame’. The other protagonist, Marat, too, is under a limited period to find a suitable marriageable girl for him otherwise his mother would do that for him. The bizarre situation is such that his mother compels his father to reserve a banquet hall in advance even when there is no potential bride: “I have to come up with someone pretty soon. The date’s been set, the banquet hall reserved. The only thing missing is the bride.” (21) The narrative sets out the constraints within which both the protagonists – unknown to each other

well into the novel – function and reflects on the conservative and traditional society in which parental wishes are extremely significant even to the point of negation of the individual personalities. In a politico-social context, it would even have been required by mothers back then to see motherhood as ‘the highest duty to the state’ and to take responsibility of nurturing ideal citizens. (Ashwin, 39) The typical listing and presentation of a list of girls by Marat’s mother, Khadizha, offers a glimpse into the customary traditions in the institutional setups of arranged marriages in which women are often projected as objects for possession and the pick and choose happens with absolute disregard to their individuality. The list is equally dependent on the word of mouth and so she picks up the girls who were spoken well of but those whom the neighbours bad mouthed for their independent spirit or a desire to work, were dropped as unfit candidates.

Faith and free will are equally significant drivers of the narrative and the introduction of conflicting viewpoints regarding them offers clash of beliefs between the different potential couples in the text. The town is a largely Muslim population steeped in traditional beliefs and conservatism but there is a stark divisive line between two sections of people who each have their own places of worship and their imams. The mosque across the tracks has been built allegedly at the intervention of the local Russian authorities who even install their man as imam to magnify the rift between the two ideologies regarding the belief in Almighty: one held by the adherents of the mosque on the Avenue being that Allah has predestined every human action and so even those that people seem to perform out of their own free will are really how Allah wills them to be and the other promoted by the new imam is that Allah learns about human deeds only after they have been performed and even though the Holy Quran is eternal in its meaning and essence but the literal written word is not. The imam’s opponents falsely label him a Wahhabi and tensions reach a peak when the authorities meddle to begin the construction of a new mosque. To make matters worse, a local Muslim man is wrongly charged by the authorities as an intruding terrorist and killed under fabricated pretexts. People from the mosque try hard to pressurize Rusik, who is one of Marat’s old acquaintances and a teacher, to write an article extolling him as some saint. Rusik’s denial due to his inability to write an article causes them to target all their rage on the authorities towards him

leading to a point where he is coldly murdered by a gang attack for his agnostic beliefs. Fundamentalism is a crucial conflicting ideology in the subtext of the novel and it is so deeply entrenched in the collective psyche of the citizens of the town that they are eager to believe a false version of the events that claims Rusik to have held a placard denying the existence of Allah whereas he just wrote that he is agnostic. Marat sees the actual note that a police officer comfortably hides to allow the tension and misinformation proliferate and his logical protestations fall on to deaf ears as people including his own mother condemn Rusik's beliefs and claim him to be solely responsible for his death which too gets a fictional version in which he is said to have died by a lightning bolt as soon as he expressed disparaging views. Whereas Marat's father is skeptical for a local community giant named Khalilbek too has been arrested by the authorities, though this one with real reasons, his mother being devout is adamant on her stance.

In a politically and religiously tense environment, the relationships between prospective couples too is subject to heated squabbles, such as when Patya and a local resident Timur, whom she had been conversing on the internet for over a few months, meet for the first time, they reach at a concert that had been organized for showing solidarity with the local leader Khalilbek who has been hailed by one and all as a demigod, performing miracles every now and then to help his people. The conservative outlook of the group causes Patya to argue on a more rational stance citing how Khalilbek is guilty of several heinous crimes including murders and that is an undeniable fact. But, Timur's conservative ideology leads her to a point of desperation: "It is particularly easy, you know, for a beautiful girl to stray from the true path. We observe the vice of the West, and we stumble." (73) In a similar way, when Marat and his mother visit the Shakhovs to see their daughter Sabrina for a match with Marat, the thoroughly reformed and individualistic Sabrina comes off as off-putting to Khadizha. Sabrina even confronts Marat that he is settled in Moscow when he should be using his gift of being a good lawyer to address the continuous violation of the rights of the people in his hometown: "The police here beat up people who go to oppositional mosques. "It's happening everywhere in the district. But it's especially bad in your suburb." (57) The liberal views of Sabrina cause tensions within the family too when her father openly

denounces her for her support of the female activists in niqabs and her growing age which renders her less attractive to potential suitors. Quite similarly, Sabrina's curt reply to Marat's mother stating that the pie she is appreciating so highly has been purchased from a nearby bakery and not made by her for she doesn't know how to cook, makes Khadizha forsake the idea of marrying her son to her. Researchers observe that it is expected of women in traditional Muslim societies to nurture and support the male members of the family. "The contemporary Muslim view," claims critic Valentine Moghadam "sees the family as the fundamental unit of society and stresses the mother's role in the socialization of children – particularly in raising "committed Muslims" and transmitting cultural values. (Moghadam, 138) Domesticity and submissiveness are the two most desirable qualities she hopes for in her daughter-in-law and Sabrina is totally disinterested in household activities and thoroughly fierce to the point that even her cousin Shakh disparagingly refers to her as a dragon and discourages Marat from consenting to marry her.

Arranged marriages form the understructure of the text and before it addresses the wedding day celebrations of the protagonists, the novel delves deep into several connected aspects of the institution relating to the suitability of a possible match, the mutual alignment of ideologies, strict observance of moral codes of conduct and the reverence for religious faith. So much public scrutiny goes on into the personal lives of the individual actors both from the extended families and the neighbouring community that individual conscience is always burdened by the weight of ever-present surveillance, both physical and psychological. Emily D. Johnson in her insightful review of the novel observes: "In this unstable environment, Ganieva's hero and heroine always seem at risk. Mundane choices—stepping away for a private conversation, agreeing to a date, any kind of nonconformity—can open the door for horrifying acts of violence..." (Johnson, 69) Marat's mother repeatedly approaches different relatives and acquaintances to introduce him to suitable girls to choose from while Patya is constantly beleaguered by her parents to find a man to settle down with as she is twenty-six and is already considered old enough to have married and give birth to a child: "Weddings, weddings, weddings. As though there was nothing else to do." (41) The women in the narrative are all under their own predicaments within a clutching hold of patriarchal dictates. Patya's mother and the neighbourhood women

consistently cite examples of girls who did not consent to marry young and later had an unhappy marriage or turned barren. Be it Zaripat, the singer who sang a song and was cursed, or the murdered human rights activist, or free-thinking Sabrina, women have a subservient status. Even her brother's Russian wife becomes a constant target of tirades and is cursed for not being able to conceive a child and the burden of hopes falls onto the shoulders of young Patimat who must marry soon and well. At one point Patya feels overwhelmed to exhaustion by the long line of relatives goading her to marry soon:

And the aunties launched into a mournful litany of all the overripe, over-the-hill, barren old maids in my mother's clan. All those girls had been haughty know-it-alls who had stuck up their noses at good, simple young men, and then withered up, went gray, and sunk so low that no one would have them. (147)

The only relief that visits her is in the form of Marat's proposal of marriage to her which she accepts without a second thought. Marat and Patya are highly reformed and individualistic in their outlooks but they feel guilty for not being able to fulfill the wishes of their parents and start a family. They realize that since they have mutual perspectives about the validity of free will and individual liberty, it would be better for them to marry each other than to engage with someone whom they do not really know. Even though Patya's mother objects to the match because Marat's father Aselder has been a close associate of Khalilbek, they ultimately convince the families and plan a wedding which ultimately dooms for political tensions.

The at times argumentative and other times violent conflict between free will and predestination in the world of the novel culminates at the end with a crucial and revealing conversation between Marat and a drunkard he comes across on the street just as he proposes marriage to Patya. Like all the other townspeople, the man exults in the release of their leader Khalilbek whom they consider to be Khidr, the teacher of Musa or Moses. They perceive ulterior motives behind all his deeds and so the man justifies all the actions of Khalilbek to Marat be it his step-brother Adik's murder who could have been colluding with terrorists or his construction of a building for a casino which later came to be acquired for running an arts centre or Magomedov's death, who sold the stocks that Khalilbek had forbidden Marat's father to have sold. The man claims what even appears

to be the central implication of the novel, “What comes to pass was not destined to pass you by. What passes you by was not destined to come to pass.” (161) The man, however, does not deny man’s free will and states, “Free will and freedom of choice remain.” But he conveniently ignores to answer how the clash between free will and predestination could be explained saying that “Its forbidden to probe into the question of predestination. Abstain from such conversations.” The plot of the novel portrays that there is only so much free will in this politically charged and fundamentally volatile suburban post-Soviet society that aligns itself with the concept of predestined fate. Emily Johnson’s observation in this regard is pertinent:

Ganieva immerses us in a world where corruption and violence are so widespread and legal protections so meaningless that even love at first sight cannot guarantee a happy ending. Social pressures and empty traditions are all that seemingly remain of the fabric of society, and vestigial institutions from the Soviet period (cults of personality, political youth groups and meetings) have somehow macabrely become reanimated. (69)

Therefore, even when the wedding day preparations are in full swing and Patimat is set to dress up as a bride, she receives earth-shattering news from the groom’s mother that Marat has been wrongly framed and detained by Colonel Gaziev who overtook Adik’s home after his death in return for keeping hush about how Adik colluded with the terrorists. The marriage never happens and Marat is caught up in a daydream in which Khalilbek could be seen instructing him how everything is already determined by the Almighty and man is but a trifling player in the overall scheme.

Arranged marriage is a widespread practice in India and many non-western cultures and the scenarios depicted in Ganieva’s narrative are quite comparable to that of the suburban localities across India. Tulika Jaiswal observes in her book that India being a collectivistic society, the thrust on maintaining the integral structure of the family and its traditions is greater than in the individualistic communities of the West:

In line with their primary concern for group loyalty, mate selection practices in collectivistic societies are not individual endeavours. In collectivistic cultures, the preferred norm is to arrange marriages; in this process the individuals have little to no autonomy regarding marriage

decisions...the family takes on the role of searching for a suitable partner for the individual to marry. (6)

However, with the currents of globalization and immigration, there has been tremendous increase in the access to Western culture and that has influenced the practice of arranged marriage in countries like India and Russia. There is a clear trend in the rise of nuclear family structures in urban areas while many rural areas still remain concentrated in the extended joint family tradition. Even in Russian literature of the eighteenth, nineteenth and early twentieth century, there are distinct depictions showcasing that arranged marriages were a cultural practice but while many cultures in South Asia, including India, depended on astrologers to predict the success of a potential match, Russians, such as Marat's mother, were used to consulting fortune tellers for the same. She takes Marat along to see a fortune teller about the when and who of his marriage. There are clear parallels between the state of a suburban area in Russia and India as far as the prevalence of arranged marriage is concerned and today the modern urban dwellings have been redefined in both the nations with increasing number of couples opting for individual choices in selecting a marital partner. But, the traditional way of conjugal union still prevails as in Ganieva's fiction, and even though free will may be a dwindling possibility, Khalilbek's final instruction to Marat sums up the constant struggle between individual wishes and preordained fate: "The main thing is to detach yourself from everything." (175) To be voiced through a character saluted as the embodiment of predestination these words offer a sense of optimism in a surrounding gloom of despair.

References:

Avdeev, Alexandre, and Alain Monnier. "Marriage in Russia: A Complex Phenomenon Poorly Understood." *Population: An English Selection*, vol. 12, 2000, pp. 7–49. JSTOR, www.jstor.org/stable/3030243.

Ganieva, Alisa. *Bride and Groom*. Translated by Carol Apollonio. Texas: Deep Vellum Publishing, 2018. Print.

Issoupova, Olga. "From duty to pleasure? Motherhood in Soviet and post-Soviet Russia." *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, edited by Sarah Ashwin. United Kingdom, Taylor & Francis, 2012, pp. 30-54.

- Jaiswal, Tulika. *Indian Arranged Marriages: A Social Psychological Perspective*. Abingdon: Routledge, 2014. Print.
- Johnson, Emily D. *World Literature Today*, vol. 91, no. 6, 2017, pp. 68–69. JSTOR, www.jstor.org/stable/10.7588/worllitetoda.91.6.0068.
- Kahn, Andrew, et al. *A History of Russian Literature*. Kiribati, Oxford University Press, 2018.
- Moghadam, Valentine M. “Patriarchy in Transition: Women and the Changing Family in the Middle East.” *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 35, no. 2, 2004, pp. 137–162. JSTOR, www.jstor.org/stable/41603930.

Morality under scrutiny: perspectives of Raskolnikov and Balram Halwai in “Crime and punishment” and “The white tiger”

Shraddha Pal

Assistant Professor
SFUS, University of Delhi, Delhi
shraddha.pal13@gmail.com

Abstract: This paper is an attempt to study the moral complexities encountered by Raskolnikov in Fyodor Dostoevsky's Crime and Punishment and Balram Halwai in Arvind Adiga's The White Tiger. The paper explores how their psychological states and socio-political contexts shape their ethical decisions and moral perspectives, emphasizing their internal struggles. Raskolnikov, a 19th-century Russian student, drowns in guilt and seeks philosophical justifications for his crime. In contrast, Balram, a 21st-century Indian servant, rationalizes his crimes as necessary for survival and empowerment in a corrupt society. He shows no remorse or guilt for his deeds.

This juxtaposition shows how both characters navigate moral dilemma which is influenced by their respective environments; Raskolnikov's internal conflict rooted in guilt and redemption, and Balram's opportunism shaped by systemic oppression. The paper discusses the dynamic nature of morality and emphasises that the morality is shaped by personal experiences and societal norms, as there exists intricate interplay between individual psychology and wider socio-political realities.

Keywords: morality, ethical decisions, psychological states, socio-political contexts, internal conflicts

Morality is intricately woven into the fabric of human existence. It has long served as a thematic exploration within literature. This article delves into the moral perspectives of characters Raskolnikov from Dostoevsky's "Crime and Punishment" and Balram Halwai from Adiga's "The White Tiger," focusing on the complex interplay of psychology and socio-political forces that influence their ethical decisions.

By reflecting human nature, literature exposes both the nobility and the flaws that reside within an individual. It portrays characters who grapple with their inner demons, showcasing the internal conflicts between their desires, ambitions, and their sense of right and wrong. In this way, literature facilitates a deeper understanding of our shared humanity,

emphasizing that morality is not a static construct but an ongoing negotiation within each individual. Moreover, literature provides a space for the exploration of moral ambiguity and moral evolution. Characters evolve through their experiences, often transitioning from moral certainties to shades of ethical uncertainty. Moral convictions can be influenced by a myriad of factors such as personal experiences, cultural context, and the shifting tides of societal norms.

Studying the characters in literature who grapple with moral dilemmas and ethical decision-making is of paramount significance for gaining a comprehensive understanding of human morality. These fictional characters serve as intricate mirrors that not only reflect the complexities of moral choices but also provide valuable insights into the nuances of ethical decision-making processes. By delving into the journeys of characters like Raskolnikov in Fyodor Dostoevsky's "Crime and Punishment" and Balram Halwai in Aravind Adiga's "The White Tiger," we embark on an exploration of the intricate interplay between personal psychological dynamics and the broader socio-political context that shapes their moral viewpoints.

Written in different centuries, one in the 19th, and the other in the 21st, both novels are primarily about the transgression of a human in an unjust society. The intriguing aspect lies in how these humans justify their actions and how the concept of morality is perceived by these characters.

Both Raskolnikov and Balram Halwai are complex characters. Rodion Romanovich Raskolnikov is an intelligent contemplative, impoverished university student. Driven by a mix of his philosophical beliefs, desperation due to his poverty, and the desire to prove his superiority, Raskolnikov commits a double murder, killing an elderly pawnbroker and her half-sister. After the murder, Raskolnikov is haunted by guilt, paranoia, and hallucinations. His internal struggle intensifies, and ultimately leading him to confess his crime and seek redemption.

Balram Halwai is the central character of Aravind Adiga's novel "The White Tiger," published in 2008. Hailing from a rural village in India, Balram rises from a background of poverty and servitude to become a self-made entrepreneur in the bustling city of Bangalore. The novel is structured as a letter Balram writes to the Chinese Premier, recounting his

journey from a lowly driver to a successful businessman. Balram is a sharp and observant individual who breaks free from the traditional societal roles assigned to him. He rebels against the limitations imposed by his caste and family circumstances, making a drastic decision to escape the clutches of poverty. He murders his employer and master, Ashok, as an act of rebellion against the oppressive and exploitative system he finds himself trapped within. This crime is a significant turning point in the story, as it symbolizes Balram's decision to break free from his subservient role and take control of his destiny.

Psychological factors play a pivotal role in shaping the perspectives of both characters on morality. The perspectives on morality held by Raskolnikov and Balram Halwai serve as microcosms of the intricate interplay between psychological and socio-political factors. The psychological turmoil, ambition, and internal conflict of these characters are deeply entwined with the broader socio-political landscapes in which they exist. Their moral choices cannot be disentangled from the complex tapestry of personal psychology and societal influences. Raskolnikov's internal struggle is deeply rooted in his Nietzschean belief in the "extraordinary man" who stands above traditional moral boundaries. His psychological journey is characterised by a web of conflicted emotions, ranging from arrogance to guilt. His need to assert his superiority and test his beliefs against reality leads him to commit a heinous crime. As the narrative unfolds, his guilt and internal torment become palpable, revealing the connection between his psychological state and his moral choices.

Balram Halwai's psychological makeup is instrumental in his moral perspective. As a servant aspiring for upward mobility in a society marked by stark class and caste divisions, Balram experiences a psychological transformation driven by ambition. His perception of morality becomes coloured by his determination to escape the confines of his socioeconomic status. The pressure to break free from the "Rooster Coop," a metaphorical representation of his oppressive societal circumstances, underscores the psychological tension between his desires and his sense of right and wrong. His conviction that he is justified in transgressing moral boundaries is rooted in his psychological need for agency and liberation. He believed that he is different from the rest of his

community, he is a “white tiger”, “the creature that comes along only once in a generation” hence he was “destined to not stay slave”.

Raskolnikov's actions are embedded within the socio-political climate of 19th-century Russia. The pervasive poverty, inequality, and intellectual movement of his time contribute to his rationale for committing the crime. The crowded, squalid conditions of the lower classes drive his belief that societal change requires radical action. His belief that he is a Napoleon-like figure who can reshape society is inextricably linked to the societal forces of his era. The socio-political context amplifies his conviction that the greater good justifies transgressing moral boundaries. However, as the novel progresses, we see that his guilt and inner conflict become more evident, reflecting the psychological burden of his crime. His internal turmoil is evident when he rationalizes the murder of the pawnbroker as a means to achieve financial security and philanthropy.

In contrast, Balram Halwai's moral perspective emerges from the socio-political landscape of modern-day India. The rigid class and caste structure, corruption, and systemic inequalities prevalent in Indian society shape his perception of morality. His justification for immoral actions is underscored by his realization that the system itself is stacked against him and his ambitions. His evolution from a subservient individual to an individual willing to transgress moral norms can be understood through the lens of the socio-political factors that perpetuate his disempowerment.

Balram's perspective is fundamentally influenced by the socio-political context of modern India. He is born into a so-called “lowered caste”, a position which keeps him trapped in servitude. His ambition to escape this cycle of oppression (“rooster coop”) is fuelled by his psychological need for agency and self-worth. As a result, he embraces immoral actions such as murder and deceit as tools to break free from his predestined role.

Balram's journey takes him from the "Darkness" of rural India to the "Light" of urban success. This transition mirrors India's own shift from traditional rural structures to a modern, globalized society. Balram's perspective on morality evolves alongside these changes. He begins to view his actions as justified in a society which is rife with corruption and exploitation. Circumstances in the socio-political sphere led him to perceive immorality as a requisite for survival and progression. Balram's

journey from servility to assertion underscores the innate human need for self-discovery when confronted with socio-political subjugation. His conviction that he is "The White Tiger," a rare and powerful individual, stems from his desire to transcend his circumstances. The socio-political environment of modern India reinforces his belief that a departure from traditional morality is essential to achieve personal and societal transformation.

Raskolnikov's growing bond with Sonya challenges his Nietzschean beliefs. A significant moment occurs when Raskolnikov asks Sonya to read aloud the story of Lazarus from the Bible. As she reads, he becomes deeply moved by the story's themes of redemption and resurrection. This marks a turning point in his perspective. He recognizes the sincerity of Sonya's faith and her ability to find solace in religion despite her difficult life. This contrast between his rational, Nietzschean beliefs and Sonya's genuine goodness forces Raskolnikov to confront the limitations of his ideology. As Raskolnikov's bond with Sonya deepens, his internal struggle intensifies. He grapples with the disconnect between his theory of the "superman" and the compassionate instincts awakened by Sonya's presence. This conflict ultimately drives him to reevaluate his beliefs and contributes to his eventual redemption and confession. This psychological transformation underlines the clash between his rationalized morality and the compassionate side of his nature. He starts to notice Sonya's kindness, her selflessness, and her ability to endure suffering with grace.

Whereas Balram refused to suffer with grace. He believed that he was a "lamb" till he was subservient to his employers, but after becoming his own master, an entrepreneur he has become the white tiger. His psychological shift from the "Lamb" to the "White Tiger" represents his journey from passivity to assertiveness. He believed that he is a rebel who changed his fate while others are still waiting for a liberator. His statement "People in this country are still waiting for the war of their freedom to come from somewhere else... that will never happen. Every man must make his own Benaras." reflects his belief that there is a societal inertia and no saviour will come, individual should take charge of their destiny and change their fate. His perception of morality evolved as he acknowledged that his subservient role is a result of societal norms perpetuated by the privileged class.

This shift significantly impacted Balram, leading him to abandon the notion of seeking redemption. Instead, he embraced his role as a calculated opportunist within a flawed system. He believed that the moral boundaries he once held were irrelevant in an environment where corruption and exploitation thrived. The character of Ashok, Balram's employer, embodies the socio-political influence on Balram's perspective. Ashok represents the modern, western-educated elite of India, who, despite being aware of societal inequalities, remains complicit in upholding the existing power structure. This stark contrast further pushes Balram towards adopting a moral stance that challenges traditional notions of right and wrong.

Both characters Raskolnikov and Balram, share a willingness to transgress moral boundaries in pursuit of their goals. They believe in their own exceptionalism and are driven by their own versions of self-justification. However, Raskolnikov's perspective is more influenced by intellectual philosophical ideas, while Balram's perspective is shaped by the practical realities of a corrupt society. Both characters experience internal conflict, but Raskolnikov's is more deeply rooted in guilt and remorse, while Balram's is tied to his navigation of a morally ambiguous landscape. Raskolnikov and Balram Halwai both experience intense emotional responses after committing their respective crimes, but their reactions differ.

After Raskolnikov commits the double murder of the pawnbroker and her sister, he undergoes an intense range of emotions. Initially, he feels a sense of triumph and superiority, as he believes he has proven his theory of the "superman" by committing a crime for a supposed higher purpose. However, this initial arrogance is soon overshadowed by guilt, paranoia, and psychological turmoil. Almost immediately after the crime, Raskolnikov is plagued by feelings of guilt and remorse. He is haunted by his actions and is tormented by the thought of what he has done. As the investigation into the murders progresses, Raskolnikov becomes increasingly paranoid. He believes that everyone around him suspects him, and he becomes hypersensitive to their actions and words. Raskolnikov's emotional turmoil leads to hallucinations and delusions. He imagines conversations with the murdered pawnbroker and her sister, and he is tormented by his own fragmented thoughts. The weight of his crime

takes a toll on Raskolnikov's physical and mental well-being. He experiences extreme fatigue, insomnia, and a deteriorating mental state.

In Aravind Adiga's "The White Tiger," Balram's emotional response after killing his master, Ashok, is also complex and shaped by his own circumstances and motivations. Balram's emotions are influenced by his desire to escape his subservient position and the sense of empowerment he gains from the act. Unlike Raskolnikov, Balram experiences a sense of empowerment after the crime. He believes he has taken control of his destiny and broken free from the oppressive system that kept him in servitude. He is afraid of the consequences of his actions but also relieved that he has asserted his agency. The murder gives Balram a renewed sense of purpose. He becomes more determined to pursue his goals and ambitions, using the crime as a way to fuel his drive for success. He confesses everything through his letters to the Chinese premier but there is no sign of remorse or redemption. This compels us, as readers, to recalibrate the compass of our moral perspective. Whichever stance we adopt will reveal our underlying sense of morality.

It is also important to note the stance of the authors of these works on morality. Dostoevsky's moral framework, as reflected in Raskolnikov's transformation, is distinctly biblical and religious. Raskolnikov's journey from atheism to belief highlights Dostoevsky's belief in the redemptive power of spirituality. This aligns with his response to the nihilism and radicalism of his time, emphasizing the importance of moral values rooted in religious foundations and spirituality. In contrast, Aravind Adiga's portrayal of morality in "The White Tiger" leans toward the radical and even Maoist perspectives. The protagonist's pragmatic approach to navigating a corrupt system stands as a commentary on the harsh realities of socio-political structures. Unlike Dostoevsky's exploration of internal conflict and redemption, Adiga's protagonist embodies a survivalist ethos, reflecting the moral ambiguity necessitated by the corrupt environment.

The characters of Raskolnikov and Balram represent two different perspectives on morality. Raskolnikov is a complex individual who is torn between his own personal desires and the moral code of his society. He chooses to commit murder, but he is haunted by guilt and remorse. Balram, on the other hand, is a more pragmatic character who is willing to bend or break the rules in order to achieve his goals. He does not believe

in absolute morality, and he sees the world as a place where the strong prey on the weak.

The juxtaposition of these two characters allows us to explore the different ways in which morality can be defined and interpreted. It also shows how personal experiences and social circumstances can influence our moral choices. Ultimately, the story of Raskolnikov and Balram is a reminder that there is no easy answer to the question of what is right or wrong. Morality is a complex issue that is constantly evolving.

References:

- Adiga, Aravind. *The White Tiger*. Free Press, 2008.
- Dostoevsky, Fyodor. *Crime and Punishment*. Vintage Classics, 1992.
- Nietzsche, Friedrich Wilhelm. *Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None*. Edited by Walter Kaufmann, Cambridge University Press, 1974.

Articles:

- Bowers, Neil. "Moral Reasoning in 'Crime and Punishment'." *Studies in the Novel*, vol. 5, no. 4, 1973, pp. 455-467.
- Rajan, Tilottama. "Staging the Spectre of 'The White Tiger': Aravind Adiga's 2008 Booker Prize Winner." *Journal of Postcolonial Writing*, vol. 49, no. 2, 2013, pp. 211-222.
- Sadhu, Mukesh Kumar. "The White Tiger as a Neo-Dystopian Novel." *Labyrinth: An International Refereed Journal of Postmodern Studies*, vol. 9, no. 3, 2018, pp. 53-58.
- Sweeney, Susan Elizabeth. "Dostoevsky's *Crime and Punishment*: Investigating Radical Perspectives." *The Explicator*, vol. 74, no. 3, 2016, pp. 164-169.

Forced migration in the works "The inseparable twins" by Anatoly Pristavkin and 'The collapse' by Issa Kodzoev

Dr. Rashmi giri

Delhi, India.

rashmigiri1993@gmail.com

Abstract: Migration is a phenomenon observed in humans and animals alike. The trend of Migration as tool in politics to remove a specific group of people has plagued us in the last few centuries. Russia as a country has its fair share of such forced migration. Deportation of Chechen and Ingush and other ethnicities, Dekulakization, Gulag camps, and exile of various people are some examples of it. Russian literature in its extensive capacity has often given glimpse of Russian socio-political reality.

In this paper the theme of forced migration has been analysed through Russian literary works such as "The Inseparable Twins" by Anatoly Pristavkin and 'The collapse' by Issa Kodzoev. The study also throws light on why migration which happened in the XX century is still relevant as theme in contemporary Russian literature. What different narratives about forced migration are now being presented in literature. Many people who did not had a voice are now telling how those oppressions impacted them and their future generations.

Keywords: forced migration, deportation, Chechen, Ingush, ethnic conflict, contemporary literature.

Migration is a natural phenomenon, nomads used to migrate from one place to another in search of food and shelter. Nomads started settling near riverbeds, which became the origin place to many human civilizations. As the population grew humans settled across the globe but they still migrated for bigger land and resources. In recent times people have started migrating for better jobs and opportunities. Along with migration emerged forced migration, which happens when people unwillingly leave their homeland due to external reasons. There can be various reasons for example natural calamities like earthquakes; ecological problems like sea level rising; development of infrastructure like making of dams; man-made disaster like nuclear power plants accidents, slavery, and human trafficking; lastly the most important reason i.e., politics.

Politics has resulted in thousands of people being forcefully migrated. In some cases, they are displaced from one place to another by the government order and some people are even forced to resettle accordingly. This forced migration is done against a section of society. People of any minority are often under threat of being displaced by majoritarian politics. This has happened throughout the world. From Native Americans in USA to Jews of Germany and Russia, people were forced to leave their homeland. During the establishment of Greek and Turkish territory and the partition of India into India and Pakistan people were forced to migrate from one part to another. (Christopher) In former Soviet Union there were many instances of such forced migration. Deportation of Chechen and Ingush and other ethnicities, Dekulakization of Kulaks Gulag camps and the exile of various people are some of the most famous examples of it. The word “Kulak, (Russian: “fist”), in Russian and Soviet history, means a wealthy or prosperous peasant, generally characterized as one who owned a relatively large farm and several heads of cattle and horses and who was financially capable of employing hired labor and leasing land. At the end of 1929 a campaign to “liquidate the kulaks as a class” (“dekulakization”) was launched by the government.” (Britannica)

On the surface forced migration seems to only affect a group of people, but in reality, it is a phenomenon that affects various generations of forcefully migrated people. As they not only leave their home, they are separated from their cultural heritage, traditions, source of income, and most often friends and family. These forced migrations happen in a way that many people even lose their lives during the process.

During the 20th century the Soviet Union through their government policies forced thousands of people to migrate. There are many literary works that talk about these troubled times; they focus on different things from experiences of children to older people, from women to men, and its effect on various ethnicities. The literature from 20th century focused on, how the general public was affected. Whereas looking at the works related to forced migration from 21st century we see many examples of people from various ethnicities talking about their experiences during the last century. Many of these people were not able to write about their struggles as there was censorship during the Soviet period.

The first work we have studied is “The Inseparable Twins” (1981) by Anatoly Pristavkin. The work is about twin orphan brothers, how their life was when people were being displaced to the Caucasus. Anatoly Pristavkin was an orphan and often wrote about children’s condition especially from orphanages. He was one of the first writers who spoke about the consequences of the displacement of Chechens from their homeland. Pristavkin used to write about simpler things but became an advocate of liberal values when the Soviet Union collapsed. Robert Porter writes about Anatoly Pristavkin

“Pristavkin can be viewed as a barometer of the shifting cultural climate. In 1967 a Soviet reviewer of his novel *Golubka* noted that the work "continues his stories about builders, steeplejacks, engineers, hospital nurses, party workers and geologists", but did not rise to a new level. Yet assessment of Pristavkin changed radically with the appearance of his outstanding novel *A Golden Cloud Spent the Night*, known in English as *The Inseparable Twins*.” (Porter)

In the book *Sasha and Kolka* are two Russian orphans who find themselves on a journey to the Caucasus after they were found stealing in the orphanage; these young hungry boys were promised better home and food in the Caucasus. They were betrayed as they were sent on a journey for many days with almost nothing to eat. For them survival on the way itself was a tough job. They reached the Caucasus and somehow started living there, it wasn’t easy they were just managing to survive. Meanwhile there was government order for deportation of Chechens. The struggle between Chechens and Russians started. Their house was burnt by Chechens, there were military everywhere so they ran away not knowing how to handle this situation. While *Sasha and Kolka* were searching for food. Chechens attacked them they got separated and later *Kolka* found *Sasha*. *Sasha* was brutally killed and made into a scarecrow in a field. The writer has given a soul-shattering picture of *Sasha*’s dead body. *Kolka* still takes his brother along his journey on a cart. In his difficult circumstances *Kolka* put *Sasha*’s body on a train but the train left leaving him alone. He then meets *Alkhuzur* a Chechen boy who was also an orphan and struggling in between this war. In the end, *Kolka* somehow finds his way to a Russian childcare establishment again but instead of *Sasha* he now has *Alkhuzur* as his brother. In the work *Kolka* laments

after Sasha's death, he asks the world couldn't they all live in peace so his brother would be alive.

Kolka say "I would say: "Listen, Chechen, are you blind, or what? Can't you see that Sasha and I are not fighting against you!... You killed us with Sasha, the soldiers came they will kill you ... And you will kill the soldiers, and that's it: both you and they will die. Wouldn't it be better if you lived, and they lived, and Sasha and I also lived?" (Анатолий)

This story is about Chechen and Russian children, who became orphans due to all these endless conflicts in Russia. So many children died during these times. These children who were supposed to be the future of the country, they were burnt by the flames of greed of adults. They were left with scars which would probably never heal. Pristavkin himself was an example as he was never able to forget the struggles he went through.

Denis Panichkin in his article says this work shows that "one's happiness cannot be built upon other misfortune." Kolka and Sasha represent the Russian people, how even they suffered during this war against Chechens. He recalls this forced migration shameful act, which led to the suffering of millions of Russian and Chechens alike. (Panichkin)

At that time Nobel laureate Aleksandr Solzhenitsyn's two works *One Day in the Life of Ivan Denisovich* (1962) *The Gulag Archipelago* (1973) gained a lot of popularity all around the world. They were about life of Russians in GULAG camps, how people suffered in exile. Whereas the works written about forced migration were very few. "The inseparable twin" and "Bread for the Dog" (1970) by Vladimir Tendryakov are namely two works which became famous. These stories are heart-wrenching as we see people in deep hunger and surviving with bare minimum supplies. In "Bread for the Dog" we see the plight of a child who doesn't know how to eat peacefully when everyone around him is starving and dying without food. This story is about the time of dekulakization.

During the dekulakization of Kulaks in 1929-32 and the deportation of Chechen and Ingush in 1944, millions were uprooted, millions lost their lives. Kulaks, Chechens, Ingush, and several other ethnicities were told to leave their homes at once. They were given little to no time to leave their

homes. Many people lost their lives on the way to the exile, as they were not prepared for such a long journey and cold in Siberia was unforgiving.

We get to know more about their experiences as in 21st century many people started writing about that time, some of them were survivors themselves and some were writing from experience of family and others. Some wrote fact-based and some wrote fiction. "I Am a Chechen!" (2006) German Sadulaev, "The collapse" (2007) by Issa Kodzoev; "Crimean Tatars, or Greetings from Stalin!" (2009) by Venera Yakupova and "Zuleikha Opens Her Eyes" (2015) by Guzel Yakhina are few such works.

Our second work is 'The collapse' (2007) by Issa Kodzoev. It is a story about struggle of Ingush people during 1944's forced migration. The novel gives us accounts of various people who after finding the government order of deportation did not just leave, they decided to fight back for their land. These people became Abrek (Agieva) a term which is used in a negative meaning of bandit by Russians but for Chechen and Ingush people they were 'Avenger' who fought for people's pride. In the novel we see old, sick, and disable people were killed even before giving a chance to resettle. Things were looted from these ethnicities and their homes were broken. There are stories of how places of religious and traditional importance were demolished. Their heritage was being destroyed which angered the brave Ingush Men and women. Here is an excerpt from the novel where these Abrek say-

'We are the Ingush national Army and We are left here to save our country... one may argue: what is there to save if all people are exiled. Here are the cemeteries of our ancestors. Our first duty is we must protect them. Bones of our mothers and fathers need peace. (Kodzoev Issa)

Many simple people who never held a weapon decided to fight for Ingush pride. A Muslim priest who spent his life teaching good sermons and helping others. His village was destroyed and people were killed on the day of deportation; he was on the verge of being killed but he somehow survives. He later learns the ways of Abreks and joins them. There is a law university student forced to run away just because he was an Ingush. The woman who married him, she was humiliated and tortured, even when she was a student of medicine. There is a Russian orphan who finds

family in an Ingush home and then this whole family was killed; so, he too joins Abreks. The author gives us many such stories.

Issa Kodzoev is a well-known Ingush writer, poet, as well as a prominent public and political activist. He was born in 1938 in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic. He was five years old when he and his family were deported to Kazakhstan. His entire family died during the exile, resulting in him growing up in an orphanage. In many of his works he writes the stories of the deported Ingush and Chechens. He still actively participates in political activities to restore the autonomy of the Ingush. In this article from 2018 they write about how he is trying to get attention to the anguish of Ingush people who are slowly losing their land. How the effects of deportation still haunt the Ingush people. In an article about the current situation of Ingushetia its written that

“On October 9, the video was posted on the Rustam Leimoev's channel in YouTube. In the video, Issa Kodzoev demonstrates a map which shows the territory in which the Ingush people lived until 1944. The writer reports which areas Ingushetia lost since then. "I want not only the Ingush and Chechen people, but also other North-Caucasian peoples to know why the Ingush residents rose to defend their territory," Issa Kodzoev said. Meanwhile, he called the protest in Magas a spontaneous action. "We also need the land to live on," Issa Kodzoev concluded.” (Issa Kodzoev Speaks About Lands Lost by Ingush People Since 1944.)

Issa Kodzoev has been protesting against Russian government he wants to get the old Ingush territory back. For people like Issa Kodzoev the deportation resulted in a life full of struggles, loss of home and peace. He saw his family, friends and everything loved by him getting destroyed even when 1957 the exile ended Ingushetia, as he knew was lost. To the extent that they are still struggling for Ingush rights. Issa Kodzoev and his son have been arrested several times for it.

In the historical book “Against Their Will ‘The History and Geography of Forced Migrations in the USSR’” by Pavel Polian written in early 2000; the author gives extensive detail how many people from so many regions were uprooted and forced to migrate in various places. Novelist Ruta Sepetys wrote her debut novel "Between Shades of Gray" about deportation of Lithuanian people and resettlement in Siberia; and it

becoming a New York Times Best Seller of 2011. Lastly one book which garnered attention from all over the world the debut novel of Guzel Yakhina "Zuleikha Opens Her Eyes". This work is about Zuleikha a kulak woman who was displaced during Dekulakization in 1929-1932.

The author Guzel Yakhina says, "Then the book was published, and I suddenly started getting letters from people who recognized their grandmother in Zuleikha. I got letters from people who'd gone through the experience of exile." (Tabarovsky)

It's worth noting that in recent time people are revisiting their past and trying to address the issues on which attention was not paid before. Novel of Guzel Yakhina became centre of attraction as she talked about a Tatar Muslim woman. Although it is a story of one woman and how she survives that troubled period. She stands as a representative of women's struggles during resettlement. There is barely any literature written in Soviet times particularly about the condition of woman during of forced migration.

These historical events have very important role shaping the reality of present generation but during 20th century due to censorship the voice of many people was suppressed by the government. Anna Gunin in her article writes how the memory of common people was altered according to soviet government ideology. Only when works like "The inseparable twins" came out people got to see the other side of reality of Soviet regime.

Anna Gunin in her article "The Censorship of Memory" writes that the "The deliberate erasure of a people's collective memory is called historicide. During the twentieth century, the USSR engaged in historicide on several fronts. Under Joseph Stalin's rule, the Soviet authorities would designate individuals undesirable, sending them to the firing squad or the concentration-camp network known as the Gulag. They also persecuted entire social classes, professions deemed ideologically inimical, and minority ethnicities...Discussion of these mass expulsions on ethnic grounds was not tolerated under the Soviet system, and following the collapse of Communist rule, families finally became free to talk and write openly about these episodes. The publication in 1988 of Anatoly

Pristavkin's novel *The Inseparable Twins*, which touched on the topic of the Chechen deportation, marked a turning point." (Gunin)

In 21st century, literature not only highlights the reality hidden by soviet regime. It shows us the pain and suffering all those people who silently suffered. Through works like "The collapse" author tries to get attention towards the hardship of the people of his ethnicity. For Issa Kodzoev writing these stories is matter of socio-political importance. The author is not writing just to visit past; he writes because past has moulded his reality. As he said that maps of Ingush territories have changed after the forced migration and Ingushetia is still not stabilized because of conflict between Russian and Ingush powers. (Kodzoev)

We can see through these two works and several others that life during those times was very tough. All these forced migrations resulted in deaths of many due to starvation, people were left to live in inhumane condition and to freeze in cold Siberia. Many people fought and lost life; some sacrificed for the honour of motherland. All their stories are still a topic of discussion in Russia. These policies have changed history of people and geography of their land. So much heritage and history were lost; through these writing we are reminded of their existence.

It may be said that the issue of forced migration is very much prevalent in contemporary Russian literature as well as Russian society. The theme of migration in contemporary literature is a relevant topic today; as people who suffered, they and their future generations are till date bearing the consequences of these forced migrations. Since the literature is the 'mirror of society' it may help in understanding the aftereffects of such forced actions.

Bibliography:

Agieva, Lemka T. "Abrechestvo as a Form of Social Protest ." n.d. CyberLeninka, <https://cyberleninka.ru>. 2022 December 12.

Britannica, The editors of encyclopedia. "<https://www.britannica.com/topic/kulak> ." n.d. Encyclopedia Britannica . webpage. 09 december 2022.

Christopher, Kurt. "Forced Out: The 10 Largest Forced Migrations in Human History." 23 august 2017. <https://historycollection.co/ten-largest-forced-migrations-human-history/> . webpage. 12 december 2022.

Gunin, Anna. "The Censorship of Memory." n.d. Critical Muslim, <https://www.criticalmuslim.io/the-censorship-of-memory/>. 1 february 2023.

"Issa Kodzoev Speaks About Lands Lost by Ingush People Since 1944." 10 october 2018. Caucasian Knot, <https://www.eng.kavkaz-uzel.eu/articles/44675/>. 20 december 2022.

Kodzoev Issa. "The collapse." Kodzoev Issa. Najran: Pilgrim, 2007. 80. Document.

Kodzoev, Issa. "Issa Kodzoev: Stabilization in Ingushetia Will Start After Removal of Special Units from Its Territory." 10 july 2010. Waynakh Online, <https://www.waynakh.com/eng/2010/07/issa-kodzoev-stabilization-in-ingushetia-will-start-after-removal-of-special-units->. 01 february 2023.

Panichkin, Denis. "About the Story of A.I. Pristavkin The Inseparable Twins. Proza." 23 february 2019. <https://proza.ru/2019/02/23/744>. webpage. 16 december 2022.

Porter, Robert. "Muted Soviet novelist who blossomed into a champion of liberalism." 14 august 2008. <https://www.theguardian.com/books/2008/aug/14/pristavkin.anatolii.obituary>. webpage. 14 december 2022.

Tabarovsky, Izabella. "Forging Hope in Exile: Interview with Guzel Yakhina, Author of Zuleikha Opens Her Eyes. Wilson Center,," 13 june 2019. <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/forging-hope-exile-interview-guzel-yakhina-author-zuleikha-opens-her-eyes>. 20 december 2022.

Анатолий, Приставкин. Ночевала тучка золотая. Москва: АСТ Астрель, 1981. page 134 .

Chizh unveiled: A comprehensive exploration of preschool pioneers magazine

Shrutidhara Hainari

PhD Research Scholar

Department of Foreign languages, Gauhati University

shrutidharahainary@gmail.com

Abstract: During the initial years of the Soviet Era, the realm of children's literature faced challenges stemming from the upheavals associated with a new government intent on propagating its ideology through strict regulations. In the midst of this tumultuous period, a group of enthusiastic authors emerged with a shared mission: to create literature that held promise for the young generation of the nascent Soviet society. While magazines served as a primary platform for disseminating literature to the people of the Soviet Union, new obstacles arose, especially concerning the accessibility of literary resources for preschoolers and young children who were in the early stages of learning to read and write. It was in this crucial juncture that Chizh magazine ascended to prominence, pioneering a revolutionary approach to addressing the unique needs of these young minds. This paper aims to provide a concise introduction to Chizh magazine and explores its journey as a publication that specifically catered to a distinct age group during the formative years of the Soviet Era.

Key Words: Chizh Magazine, children's magazine, Soviet children's literature, preschooler's magazine, Soviet Era

In 1918, with the publication of the article *Forgotten Weapon* in Pravda, it became evident that the landscape of Russian children's literature was on the brink of transformation. L. Kormchy, in his article, emphasized the youth as a potent force in shaping society according to a specific political ideology (Hellman 294). Initially, this topic was largely disregarded, as the advent of the Soviet Era and the pursuit of Lenin's utopian socialist ideals captivated discussions. Nevertheless, party members recognized the crucial role of newspapers and media in influencing society and understood that if they aimed for a truly socialist nation, they needed to seize control over them. Consequently, the notion of the "forgotten weapon" gained increasing prominence during the second decade of the Soviet Era.

The onset of the Soviet era brought about a tumultuous phase for literature, marked by upheaval and uncertainty. Many authors, constrained

by strict regulations and censorship imposed on publishing houses and other media outlets underwent a genre shift from writing for adults to producing children's literature. This shift was prompted by the limitations on freedom of speech, which prohibited authors from expressing views that deviated from or opposed socialist ideals. Consequently, children's literature emerged as a more viable platform for conveying their thoughts and ideas. However, Russian children's literature itself confronted numerous challenges during this period. There was a lack of interest from publishing houses in releasing such works, given the uncertain prospects of finding readership. Additionally, the government's closure of previously established publishing houses that catered to children's books further compounded the struggles faced by authors in this genre.

Despite the challenges faced in the early days of the Soviet era, numerous trailblazers stepped forward willingly to contribute to the development of Russian children's literature. Among them was Maxim Gorky, who had been engaged in children's literature since the revolutionary period and emerged as a prominent figure in the government's centralized cultural efforts (Hellman 295). In 1918, the state-controlled publishing house *Всемирная Литература* (World Literature) was established, with Gorky playing a central role within it. The following year, in 1919, the inaugural issue of the Soviet children's magazine *Northern Lights* was published under Gorky's editorship. Unfortunately, due to financial difficulties, the magazine ceased publication by 1920.

By 1921, the implementation of the New Economic Policy (NEP) introduced certain challenges to the realm of Russian children's literature. However, the momentum of the genre continued to build gradually, thanks to the initiatives and leadership of two young pioneers: Korney Chukovsky and Samuil Marshak. These figures played a pivotal role in the establishment of the renowned publishing house *Raduga*, which propelled numerous authors into the spotlight as creators of children's literature. Vitaly Bianski, Agniya Barto, Boris Zhitkov, and Vera Inber are among the notable names in this group of authors. In 1923, another children's magazine was launched under the name *Sparrow* (1923-24), which was later renamed *New Robinson* (1924-25). This magazine contributed further to the evolving landscape of Russian children's literature.

During the initial two decades of the Soviet era, the progress of Russian children's literature was primarily centered around magazines. Given the scarcity of dedicated publishing houses for children's literature at the onset of the Soviet period, magazines became the preferred medium for Soviet authors to showcase their works for children. While the stability of children's magazines was uncertain, they successfully fulfilled the demand for high-quality literature aimed at the young readers of the new Soviet era. The first Soviet children's magazine, Northern Lights, faced significant challenges and barely managed to survive for two years. Its successor, New Robinson, had a slightly longer run from 1923 to 1925. However, two other magazines, *Yozh* (Ёж/Hedgehog) and *Chizh* (Чиж/Siskin), emerged as the successors to these earlier publications and enjoyed a more extended period of existence. These magazines played a vital role in sustaining the availability of literature for children during that time.

Raduga stood out as one of the prominent publishing houses during the Soviet period, but another publishing house called Gosizdat gained recognition in the early Soviet era. Hellman noted that Gosizdat posed a significant competition to Raduga (Hellman 301). Within Gosizdat, there existed a department called Detgiz, which specialized in books for children and young people. The concept of Detgiz was the brainchild of Korney Chukovsky. The first magazine published by Detgiz was *Ёж* (*Yozh/Hedgehog*), a result of the collaborative efforts and ideas of Korney Chukovsky and Samuil Marshak. Additionally, pioneering figures such as Yevgeny Schwartz, Nikolai Zabolotsky, Daniil Kharms, and others expressed their thoughts through *Chizh*, the second magazine under Detgiz.

Hellman regarded these two magazines as worthy successors to *The New Robinson*, stating, “*The New Robinson* ceased publishing in 1925, following pressure from Marxist critics and teachers, but it found worthy successors in *The Hedgehog* and *The Siskin*, two magazines for children that became legendary for their dazzling literary and artistic standards” (Hellman 302). This statement by Hellman underscores the special significance of *Yozh* and *Chizh* in the history of Soviet children's literature. Hellman also pointed out that both magazines served as organs

of the Young Pioneer Movement, a communist children's organization. Notably, Chizh differed from other children's magazines as it specifically aimed to cater to preschoolers, while previous magazines primarily targeted age groups of 11-13 and older. Chizh came into existence two years after Yozh. As Raznikova mentions, "Soon after 'Hedgehog' was published, letters began to come to the editorial office with requests to print something for younger children and preschoolers. This is how Chizh came into existence, and two years after its creation, it became an independent publication" (Raznikova, para 2).

The magazine Chizh was initially published in January 1930, with Georgy Dietrich serving as its editor. However, as the magazine gained independence, Nina Gernet assumed the role of editor-in-chief. Initially, the party's influence on the editorial board was limited to a few administrative measures. However, in the mid-1930s, the situation escalated, leading to arrests. In 1937, nine individuals, including Oleinikov, Dietrich, and others from the editorial staff, were arrested. Subsequently, Nina Gernet resigned as editor due to the pressure from the party. The party's pressure extended beyond arrests, as many authors were also compelled to resign. In the face of these forceful changes, a completely new team of authors took charge at the magazine's editorial office. This new team included esteemed authors such as Mikhail Zoshchenko, Yuri German, and Elena Danko. Sadly, by the end of 1941, when the Great Patriotic War began, the magazine was forced to shut down entirely.

The editorial board of Chizh undoubtedly comprised a talented group of authors. The magazine's creator crafted an intriguing advertising poem that went as follows:

"One hundred writers once
Wrote one hundred stories,
One hundred nights without respite
Everyone thought and wrote.
One hundred artists to the stories
Attached one hundred pictures,
One hundred workers on machines
Printed a magazine.
And said a hundred times:
"Every little preschooler

Must subscribe by mail
This best of the magazines,
Printed for you."
As soon as the
subscription ended,
"Chizh" went on the train,
flew on the plane.
All subscribers-guys
Received a package,
And from each package
"Chizh" looked with pictures. (Andreva Maria, Karatkova Marina 2007)

Regarding the editorial board, editor Nina Vladimirovna Gernet fondly recalled, "The editorial board was funny. Writers and artists came home, sat all day, told, read, invented, arranged literary pranks and hoaxes. It was almost impossible for us, the editorial staff, to deal directly with the magazine. But we caught poems, themes, thoughts that could be useful to the magazine; worked when hungry writers went to dinner." (Andreva Maria, Karatkova Marina 2007). The works of esteemed authors such as S. Marshak, B. Zhitkov, V. Bianki, K. Chukovsky, E. Charushin, M. Prishvin, V. Schwartz, B. Zhitkov, and M. Ilyin were published in Chizh, and their contributions later became classic textbooks.

As previously mentioned, there was initially no significant party influence on Chizh magazine. However, over time, the magazine underwent a noticeable transformation reflecting Soviet ideology. Initially, the magazine focused on simple and enjoyable topics that would resonate with any child. However, by the mid-1930s, the image of Chizh underwent a drastic change, aligning more closely with the principles of the Soviet regime. Hellman aptly describes this shift, stating, "The Siskin taught children how to pour milk into a glass, how to make toys out of potatoes and matches and how to fly a kite. When the Christmas tree was rehabilitated in the form of a New Year's tree in 1936, The Siskin advised its readers about how to decorate it in an appropriately Soviet way." (Hellman 303). This highlights the evolving themes and ideology of Chizh. To provide an overview of the magazine's content development over time, a brief discussion of its themes is presented below. The inaugural issue of Chizh was released in January 1930, accompanied by a clever storytelling approach from the editors to convey the magazine's

objectives. They included a story titled "Schola Chizha" written by M. Ilina, who was a member of the editorial board. This story served to illustrate the scope of topics that Chizh aimed to address. In the story, a young boy encounters a stranger and seeks guidance on various everyday tasks, such as pouring milk and cutting nails. The author, M. Ilina, responds by saying, "I know of such a school, I know everything. I am the editor of Chizh. From the very first issue, I am opening a school. In this school, they will teach the simplest things - washing the floor, pouring milk, cutting bread, hammering nails, tightening screws, and reading the time from a clock." Following this statement, the author writes about the outcome, "Before, I didn't know how to pour milk, I was afraid of spilling it... but now I know how to do it. The Chizh School taught me how to do it properly." Through these statements, the magazine's aims became evident right from the start. This special series, "Schola Chizha," written by M. Ilina, continued in all issues throughout the first year of Chizh (1930). The series focused on imparting practical life skills that children need for their daily lives. With this series Chizh clearly delivered the message they were trying to give to the readers which helped in popularizing the magazine in the following years.

The magazine continued its mission of educating children, not only in practical life skills but also by introducing them to their surroundings. Through short and simple stories or poems, children were exposed to knowledge about weather, seasons, nature, and animals. In the first issue of 1931, published in January, the editor once again reiterated the aims of Chizh magazine. The editorial of January 1931 began by posing the question, "What is a picture magazine?" The editor responded by stating that Chizh was the first picture magazine for young children, specifically targeting those aged five, six, and seven years old. These children were either unable to read or had just begun learning how to read and write. It was acknowledged that reading long stories might be challenging for them, so viewing pictures with small captions was deemed easier. This demonstrates the editorial board's commitment to prioritize aiding and teaching the younger generation, rather than succumbing to ideological demands from society.

Along with providing knowledge about various captivating topics related to science and social matters another interesting intention came into light when the first issue of 1932 featured an editorial in which the editor

expressed the magazine's intention to acquaint children with hardworking individuals the diligent workers in various settings, such as construction sites, schools, orphanages, collective farms, and other fields of work. Additionally, the magazine pledged to shed light on the lives of international children, discuss the holidays on the red calendar, and contribute to enhancing children's creativity levels.

The year 1932 marked a significant period of transformation for Chizh, characterized by notable changes. Initially, the editors expressed their intention in the Chizh editorial to enhance the magazine's appeal to preschoolers by incorporating more picture-based stories. Unfortunately, their efforts did not yield the desired results. Contrary to their intentions, the number of illustrations actually decreased compared to previous years. Additionally, the editorial content of the magazine became less informative following the year 1932. Another prominent change that emerged in 1932 was the shift towards longer and more intricate stories and articles. Prior to this year, the narratives and articles in Chizh were brief and featured simpler, shorter sentences.

In the January 1933 issue, a noteworthy addition appeared on the back cover. It featured a page displaying the word "Chizh" represented as Ч- Chitai, и- Interechnie, and ж- Jhurnal. This creative presentation demonstrated the editors' ability to convey information about the magazine through engaging stories or poems. Series such as Klub Chizha, telephone Chizha, Zoosad Chizha, and Sotrydniki Chizha successfully showcased the magazine's goals and achievements. Chizh consistently placed importance on providing knowledge about new discoveries, social developments, as well as geographical and cultural information from different countries across the globe. The magazine also prioritized depicting the essence of the country through stories and poems. Examples of such stories include Jima, lieta, and Jilionie gorad, which beautifully portrayed the changing seasons and the nature of Russia.

From the middle of 1932, Chizh magazine introduced an intriguing element through fables and stories featuring anthropomorphic characters. Prior to this period, while animals were present in the stories, they were merely depicted as animals without the ability to speak. The authors did not explore the concept of talking animals, and animals were typically

portrayed solely from a human perspective. However, this changed when the story "Piyerbaya Axota" emerged in the seventh issue of 1932, and this trend continued in the subsequent years. Birds, bears, ants, dogs, foxes, and various other wild animals became prominent characters in these tales. The magazine even featured Tolstoy's Tri Miyedbedi as part of this transformation, embracing stories that brought animals to life with their own voices and personalities. This marked as a very important initiative of Chizh, as this period is known as 'fairytale controversy' in the history of Russian Children's Literature by rejecting fairytales which are mostly revolves around anthropomorphic and unrealistic themes.

When the 1930 was filled with stories like "Lenin Malenki" (January 1930), "Konnoye Ucheniye" (February 1930), a text about the Red Army, "Khudozhniki I Pisatyeli" (March 1930), "Narodi SSSR" (March 1930), "Dyetskii Dom" (March 1930), and then 1932 almost every edition of Chizh mourned the death of Lenin, a significant transformations occurred in the mid-1936 as Chizh magazine underwent a shift to focus on Soviet ideology. Picture stories began to emerge, conveying the message of enjoying things in a distinctly Soviet manner. These picture stories prominently featured Soviet symbols, flags, and colors. In the December issue, a picture was included, depicting children celebrating Christmas in a Soviet way. Another example, "B. Diyen Piyerboba Maiya" from May 1937, showcased the celebration of May Day in a Soviet fashion. Notable instances such as "Prazhnik B detskam sadu," "tort pa zakazu," "Krachnaya Armi yanaotbikhe" (the cover page of the February 1941 issue), and the poem "Bayennoye Ucheniye" exemplify the strong influence of Sovietization on the magazine. The process of Sovietization commenced in 1936 and continued until the magazine's demise in 1941. During the last two years (1940-1941), the representation of Sovietization became more evident and pronounced compared to the previous four years (1936-1939).

Chizh's journey was nothing short of extraordinary, as it underwent a transformative evolution from its humble beginnings as a small part of a publishing house. Over the course of twelve years, Chizh faced numerous trials and tribulations, yet it remained steadfast and resilient in the face of daunting party pressures. This arduous path was particularly challenging due to Chizh's pioneering role as the first magazine dedicated solely to

preschoolers. Amidst the turbulence of the times, Chizh emerged as a beacon of hope and salvation for the youngest members of society. It became a sanctuary where children could find solace, inspiration, and a world of possibilities. The magazine's impact was profound, as it opened up new avenues for young minds to explore, encouraging them to shape their own identities and envision a future filled with potential.

Chizh's significance cannot be overstated. It served as an invaluable educational tool, equipping children with essential skills and knowledge that would lay a strong foundation for their personal growth and development. By providing a rich source of learning, Chizh empowered children with the necessary tools to navigate the complexities of life, enabling them to contribute meaningfully to both their own progress and the advancement of society. The magazine's influence extended beyond the realm of education. Chizh instilled in its readers a sense of curiosity, imagination, and a desire for lifelong learning. It fostered creativity, critical thinking, and a love for literature and art. Through its carefully crafted content, Chizh became an indispensable companion in the journey of childhood, shaping the minds and hearts of generations to come. In essence, Chizh played a pivotal role in preparing the younger generation for the promising future that awaited them. It nurtured the seeds of potential within each child, igniting a passion for knowledge, fostering empathy, and nurturing a sense of social responsibility. Chizh's impact extended far beyond its pages, leaving an indelible mark on the lives of countless young readers, by contributing to the shaping of a brighter and more enlightened society.

Notes and References:

1. Hellman, Ben. *The History of Russian Literature for Children and Young People*. Leiden, Boston: Brill, 2013.
2. Journal "Chizh". Published From 1930 to 1941. www.expositions.nl.ru/ex_rare/child_journals/chig.php. Accessed 6 March 2021.
3. Андреева, Мария, and Короткова, Марина. Материал для подготовки презентации журналов для детей 6–12 лет. Библиотека в школе. No. 15. 2007. <https://lib.1sept.ru/article.php?ID=200701503>
4. Резникова Е.Д. «Чиж(Журнал)» www.w.histrf.ru/articles/article/show/chizh_zhurnal. Accessed 6 March 2021.

5. Суздорф, Эльвира Александровна. "Образы Ленина и Сталина на страницах журналов «Ёж» и «Чиж»(конец 1920-х-1930-е годы)." Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология 6 (68) (2011): 94-102.

(Note: The translations were done by the author, and the journal "Chizh," published from 1930 to 1941, was accessed on 6 March 2021 from www.expositions.nlr.ru/ex_rare/child_journals/chig.php, which is currently unavailable on the website)

Remembering history through trauma in Svetlana Alexievich's "Second-hand time (2016)"

Arya G

Research Scholar

The English and Foreign Languages University

Abstract: Trauma narratives frequently confront catastrophic events in human history, exposing how social, political, and cultural systems produce and perpetuate trauma. This provides a critical perspective on powerful, oppressive cultural institutions and their practices that are often overlooked in conventional historiographies. Svetlana Alexievich's *Second-hand Time: The Last of the Soviets* (2016) presents a poignant portrayal of traumatic experiences and their impact on Soviet citizens. The text explores the Soviet Union/Russia, a focal point of political upheaval, where people have long confronted feelings of powerlessness and disillusionment. As a "monument to suffering and courage in our time," the text delves into the traumatic history of the Soviet Union through the aural narratives from diverse generations. This paper examines how the traumatic experiences and living memories presented in the text constitute an alternative history of Soviet/Russia, utilizing the frameworks of Jeffrey C. Alexander's Cultural Trauma Theory and Kai T. Erikson's Collective Trauma Theory. It reveals how collective communities experience trauma as "horrendous events that leave indelible marks on their group consciousness" (Alexander 1), forever altering their identities. Moreover, this paper argues that the cultural and collective trauma and memory depicted in the text transform into an alternative history of the undocumented past, where traumatic memory serves as a parallel narrative supplementing conventional history with a previously unrepresented perspective.

Key words: History, Trauma, Memory

The narratives of personal histories articulated by marginalized individuals constitute a vital academic resource and a distinct domain of knowledge production. These narratives occupy a significant place in reconstructing the larger, often unheard, narratives of historical events such as wars and revolutions. By focusing on the everyday lives, sufferings, and emotions of ordinary people, they provide a unique social history and simultaneously offer a platform for articulating the unspoken trauma of their past. Consequently, the experiences of ordinary individuals become extraordinary in the grand historical narrative.

Svetlana Alexievich's works explore the traumatic experiences resulting from historical events and their lingering, often unarticulated, consequences for individuals. Alexievich, a Belarusian journalist and writer born in 1948, who predominantly writes in Russian, garnered international acclaim for her polyphonic writings, earning her the Nobel Prize in Literature in 2015. The Swedish Academy lauded her work as "a monument to suffering and courage in our time" (Swedish Academy). Characterized by documentary novels, Alexievich's writing style frequently blurs the lines between reporting and fiction, as evident in her notable works, including *The Unwomanly Face of War: An Oral History of Women in World War II* (1985), *Last Witnesses: An Oral History of the Children of World War II* (1985), *Zinky Boys: Soviet Voices from the Afghanistan War* (1990), and *Voices from Chernobyl: The Oral History of a Nuclear Disaster* (1997). Through amplifying the unknown and forgotten narratives of the past, Alexievich established herself as an oral historian of collective identity. Notably, her criticism of political regimes and anti-Soviet sentiment led to censorship, defamation, and a period of self-imposed exile. Her work, *Second-hand Time: The Last of the Soviets* (2016; originally published as *Vremya sekond chend* in 2013), delves into the social reality within the Soviet Union, spanning the post-war era, the rise and fall of communism, and the aftermath of the Soviet Union's demise. This paper examines the cultural and collective trauma and memory portrayed in *Second-hand Time*, analyzing how the living memory transforms into an alternative history of the undocumented past.

Through the voices of Russian citizens, the text reveals their emotional responses and attitudes towards the idea of communism, the collapse of the Soviet Union, and their nostalgia for an unrealized past. In the text, Alexievich explores the socio-cultural landscape of the Soviet Union/Russia through the memories and experiences of individuals across various age groups, thereby giving voice to the ordinary people and delving into their pain, suffering, loss, dreams, aspirations, and disillusionment as they navigated the consequences of a grand political and ideological experiment that ultimately faltered in the face of practicality.

As a result, the text becomes a voice for the numerous voiceless individuals whose lives were disrupted by the socio-political experiment. Specifically, it amplifies the stories of thousands of ordinary people who

were marginalized in the Soviet history. As Alexievich astutely observed in her Nobel acceptance speech, “It never ceases to amaze me how interesting ordinary, everyday life is. There are an endless number of human truths... History is only interested in facts; emotions are excluded from its realm of interest. It’s considered improper to admit them into history. I look at the world as a writer, not strictly an historian. I am fascinated by people” (Alexievich). By documenting the oral histories of the unrepresented aspects of a larger narrative, Alexievich supplements existing historical accounts with an emotional and lived perspective. This reexamination of history through the lens of ordinary lived experiences exposes the previously unacknowledged collective suffering and trauma that spans generations, thereby providing a more nuanced understanding of the past.

In *Second-hand Time*, Alexievich interweaves the unrepresented narratives from across the former Soviet Union, exposing the harsh realities of life under the Soviet regime. The poignant tales of pain and suffering reveal the enduring impact of trauma, hindering individuals from embracing the future or moving forward from the past. The narrative traverses memories of World War II, the era of Mikhail Gorbachev, perestroika and glasnost, the government putsch, the collapse of the Soviet Union, and the economic crisis of the 1990s. Furthermore, it delves into the unfulfilled promise of freedom under Boris Yeltsin, culminating in widespread hopelessness and disillusionment. The Soviet Union's seven-decade-long experiment in creating an egalitarian society, under leaders like Vladimir Lenin, Joseph Stalin, Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev, Yuri Andropov, and Konstantin Chernenko, ultimately devolved into totalitarianism. This led to geo-political turmoil, internal wars, and ultimately, the collapse of the Soviet Union, paving the way for the transition from socialism to capitalism. The prolonged social experiment inflicted immense suffering on generations, transforming individual pain into collective trauma and leaving a lasting legacy.

During this period, ordinary people endured not only physical torture but also long-lasting psychological wounds that profoundly impacted their sense of self. The memories highlighted in the text represent the collective suffering and voices of one of the most traumatized regions in the world. Theories by Jeffrey C. Alexander (Cultural Trauma Theory) and Kai T. Erikson (Collective Trauma Theory) provide insight into how collective

communities experience trauma, leaving "indelible marks upon their group consciousness" (Alexander 1), thereby forever altering their identities and rendering traumatized communities as collective sufferers of trauma.

The history of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) from 1922 to 1991 is a nation-building narrative rooted in Communist ideology. Following the Bolsheviks' consolidation of power through the Russian Civil War (1917-1921), all financial enterprises, including small-scale businesses, were nationalized, and the government exercised total control over financial activities. Under the Stalinist regime, the NKVD arrested, deported, and executed thousands of citizens for fabricated reasons, consolidating power through brutal repression. The NKVD's massive repressive operations against minorities resulted in the execution of approximately 700,000 people during the Great Purges of 1937-38. A series of devastating conflicts, including World War II, led to mass murder, widespread famine, and immense human suffering, exacerbated by repressive policies, inadequate medical aid, and forced labor. The Cold War further strained relationships with allies, ultimately hastening the Soviet Union's collapse in 1991.

Throughout this period, the majority of people witnessed or experienced traumatic events that left a lasting impact on the nation. In the face of violence and brutality, literary articulation plays a vital role in communicating reality to the outside world, serving as a voice for the voiceless. *Second-hand Time* embodies the physical and psychological violence people endured as individuals and collectively, laying bare historical wounds and exposing unarticulated aftermath realities. The American Psychological Association (APA) defines trauma as an "event beyond the normal human experience." As a narrative of trauma, the text retells experiences, rendering them real to the individual and collective community, and thus providing a platform for catharsis and understanding.

Kai Erikson notes that trauma can result "from a constellation of life's experiences as well as from a discrete event, from a prolonged exposure to danger as well as from a sudden flash of terror, from a continuing pattern of abuse as well as from a single assault, from a period of attenuation and wearing away as well as from a moment of shock"

(Erikson 457). Furthermore, Van der Kolk and McFarlane argue that traumatic experiences and related memories can "taint all other experiences, spoiling appreciation of the present" (4). In this context, Second-hand Time emerges as a narrative of trauma, depicting the profound impact of political movements and totalitarianism on individuals' thoughts, identities, and daily lives. The text voices the experiences of a group of people unable to move forward in time, perpetually haunted by their past. For instance, in the interview with Sergy Akhromeyev titled "On the Lonely Red Marshal and Three Days of Forgotten Revolution," Alexievich reveals that Akhromeyev's grandmother, born in 1922, witnessed shootings, executions, and arrests throughout her life, instilling a deep-seated fear in her family. After her death, his mother disclosed that his grandfather returned from a war camp in Kazakhstan in 1956, after years of imprisonment, and they had to conceal his identity due to fear of retribution. Akhromeyev was advised to come to terms with these traumatic family secrets. His grandmother lived in fear of another Stalinist regime and a new war, anticipating arrest and starvation. Growing up in this environment, Akhromeyev developed a deep-seated mistrust of his surroundings and harbored no affection for the Soviet Union.

The experiences of people affected by the Soviet regime's historical events, as presented in the text, reveal the collective trauma deeply rooted in the psyche of Soviet citizens. This revelation constitutes a significant record of social reality in Russian society, offering insight into the lasting impact of historical events on collective identity. As one of the most militarized regions, having witnessed warfare for decades, the people of the Soviet Union suffered from collective trauma for an extended period. Their memories of the traumatic past and its lasting impact on later life exemplify cultural trauma suffered by a community. Jeffery C. Alexander emphasizes in *Cultural Trauma and Collective Identity* (2004) that "Cultural trauma occurs when members of a collectivity feel they have been subjected to a horrendous event that leaves indelible marks upon their group consciousness, making their memories forever and changing their future identity in fundamental and irrecoverable ways" (Alexander 1).

Soviet citizens endured distinctive conditions conducive to cultural trauma, having been subjected to horrendous events such as war, killing,

violent encounters, abduction, and rape, and living in constant fear of capture and detention. As Akhromeyev recalls in his interview with the writer, "In the nineties... there was always gunfire in the streets. A huge number of people were killed. Shootouts every day... Some people went broke, others went to jail" (52). Even after the Soviet regime's collapse, Akhromeyev's grandmother continued to live in fear, despite relatively peaceful circumstances, underscoring the lasting impact of cultural trauma.

Following the Soviet Union's collapse, survivors often felt disconnected from the existing society. In the section "On Cries and Whispers... and Exhilaration," Margarita Pogrebetskaya, a 57-year-old doctor, expresses her sense of disorientation in the sudden transition from socialism to capitalism. She believes that there is nothing hopeful in this new life to excite her and that she will never find happiness. Pogrebetskaya, who once enthusiastically supported Gorbachev and was prepared to die for Stalin, finds the new world alienating and is unable to adapt. Her psychological dilemma becomes evident in her recollection of memories and struggle to connect with the present.

The writer's interviews with individuals experiencing trauma reveal a strong link between their accounts and the wars and communist ideology that defined the Soviet Union era. While some mourn the loss of loved ones, others regret the time spent idealizing a communist nation. The collective psyche of Soviet citizens is presented through the words of these selected individuals in the text, whose stories of survival transform into resistance and erased realities in the larger history of the nation. They vividly recall unforgettable memories, lived in fear of capture and prosecution, and witnessed the helplessness of a collective population. Their dreams were shattered, lives irreversibly disrupted, and memories continue to influence their behavior and future generations in unpredictable ways.

The experiences portrayed in the text resonate with Eyerman's notion of trauma as "an astounding event" in an individual's life, leaving "wounds and scars on the memory that cannot be erased" (Hanif and Ullah). These memories have the capacity to shape later behavior and impact generations in unforeseeable ways. This becomes evident in "Conversations in a Jail Cell" which states: "There's an old notebook

we've kept in my family. My grandpa recorded his life story for his children and grandchildren. He wrote about what he lived through in Stalin's time. He was imprisoned and tortured: They would put him in a gas mask and turn off the oxygen. Or they'd strip him and put a metal rod or doorknob into his rectum... I was in ninth grade when my mother gave me the notebook" (562). Here, each personal experience serves as a representation of a nuance of the collective feeling of the community, underscoring the lasting impact of cultural trauma.

At this juncture, the text employs living memory as an alternative history, recuperating forgotten segments of the past and offering a nuanced understanding of the collective experience. Traumatic memory reveals a parallel history to traditional narratives by incorporating a previously absent perspective, thereby supplementing the existing historical record. As Pierre Nora astutely observes in *Between Memory and History*, history is "always problematic and incomplete, a representation of what is no longer" (8). In contrast, narratives like *Second-hand Time* present authentic and intimate experiences that have been ignored by cultural suppression or conventional documented history. The writer seeks to convey the numbness and disillusionment that pervade the lives of individuals resulting from decades of brutality. Each generation, having witnessed, experienced, or lived with the memories of their ancestors, is connected to the events of the Soviet Union in their personal history.

The memories of these traumatic events in national history foster a sense of collective and cultural trauma among the Russians depicted in the text. As Cathy Caruth suggests, trauma "becomes a symptom of history," particularly in the context of the Soviet Union/Russia, where "the traumatic person... carries an impossible history within them, or they become themselves the symptom of a history that they cannot entirely possess" (Caruth 4). Through the exploration of traumatic historical events and their lingering consequences, the text offers nuanced insights into the structures and effects of institutionalized oppression. Moreover, it poses essential questions about the nature of history, representation, and the marginalization of voices, illuminating the repressed, unwritten narratives of socially marginalized individuals.

References:

Alexander, Jeffery C. "Toward a Theory of Cultural Trauma." *Cultural Trauma and Collective Identity*, edited by Jeffery C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka, University of California Press, 2004, pp. 1-30.

Alexievich, Svetlana. *Second-Hand Time: The Last of the Soviets*. Translated by Bela Shayevich, Juggernaut, 2016.

Caruth, Cathy. "Introduction: Psychoanalysis, Culture and Trauma." *American Imago*, vol. 48, no. 1, 1991, pp. 1-12.

Erikson, Kai T. "Notes on Trauma and Community." *American Imago*, vol. 48, no. 4, 1991, pp. 455-71.

Erikson, Kai T. "Notes on Trauma and Community." *Trauma: Explorations in Memory*, edited by Cathy Caruth, Johns Hopkins University Press, 1995, pp. 183-199.

Hanif, Samia, and Inayat Ullah. "War Trauma, Collective Memory, and Cultural Productions in Conflict Zones: Kashmir in Focus." *Sage Open*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 1-10, doi: (if available).

Nora, Pierre. "Between Memory and History: Les Lieux de Memoire." *Representations*, no. 26, 1989, pp. 7-25.

Van der Kolk, Bessel A., and Alexander C. McFarlane. "The Black Hole of Trauma." *Traumatic Stress: The Effects of Overwhelming Experience on Mind, Body, and Society*, edited by Bessel A. Van der Kolk, Alexander C. McFarlane, and Lars Weisaeth, Guilford Press, 1996, pp. 3-23.

"Svetlana Alexievich – Facts." (link unavailable), Nobel Prize Outreach AB, 2022, (link unavailable). Accessed 31 Dec. 2022.

Representation of Mikhail Bakunin in Tom Stoppard's "The coast of utopia"

Saptadeepa Banerjee

Assistant Professor

Department of History

Gurudas College

Kolkata

Abstract: This article seeks to examine the manner in which Russian anarchist Mikhail Bakunin has been dealt with, in historical literature, in order to formulate new methods of understanding Bakunin and his anarchism through non-historical accounts. Engagement with literary representations of historical characters involves possibilities of critical exploration of exciting accounts of the lives of individuals and groups. Such studies also facilitate an understanding of the processes through which images of historical characters are constructed through literature based on historical settings, and helps examine how individuals and their ideas have been received and interpreted by posterity. This article undertakes a study of *The Coast of Utopia*, a play by Tom Stoppard, that revolves around the life and activities of nineteenth century Russian radicals like Mikhail Bakunin and Alexander Herzen, in an attempt to understand how Russian anarchist Bakunin and his revolutionary ideas have been received and projected in the realm of literature based on history. Instead of projecting the image of Bakunin as an anarchist thinker who laid the foundations of the international anarchist movement of the nineteenth century, the play treats him as a restless romantic revolutionary influenced by German idealism and thus, raises important questions about the reception and interpretation of Bakunin's revolutionary anarchist ideas in the wider popular culture.

Keywords: Intelligentsia, German idealism, non-historical accounts, literary representations, anarchism

Engagement with the life and revolutionary activities of Russian anarchist Mikhail Bakunin has not merely been confined to historical scholarship but has also spilled over into the domain of literature, which is based on both fiction and history. Bakunin has never ceased to intrigue historians and litterateurs alike, who have, more often than not, been overtly critical in their assessments about him as a revolutionary and an anarchist thinker. A close look at such works of literature enables one to gauge the manner in which the image of historical characters have been projected, mostly

with the purpose of generating and perpetuating certain perceptions about them, in the wider popular culture. Bakunin's representations in such works of literature have often focused on his supposed failures as a revolutionary, his inherent contradictions, and other inadequacies in his character. Failing to attach any importance to Bakunin's ideological contribution to the development of the theory, or practice of anarchism, these literary works have usually facilitated the construction of negative images of Bakunin through a critique of his revolutionary and anarchist ideals. Such an assessment has only resulted in generating imbalanced impressions about the Russian rebel.

The Coast Of Utopia by Tom Stoppard is one such historical play that centres on the revolutionary endeavours and personal lives of some of the revolutionaries of nineteenth century Russia, particularly, the Russian radical Alexander Herzen, and founder of the international anarchist movement, Mikhail Bakunin. Set against the backdrop of the intellectual developments in the first half of the nineteenth century, which mostly resulted from the steady infiltration of German idealist philosophy in Russia, Stoppard, in his play, has interwoven the personal lives of the Russian intelligentsia with their activities as revolutionaries. This period also witnessed a widening of the gap between those who were educated in French Enlightenment thought and, the emerging group of intellectuals from the 1830s that was deeply influenced by German idealism.

Carmen Lara Rallo in her analysis of Tom Stoppard's trilogy, *The Coast of Utopia*, has drawn attention to Stoppard's engagement with nineteenth century historical events and characters. In the twentieth century, this engagement was representative of a specific literary trend in Britain, 'in terms of the renewed fascination for history and memory which has become a landmark of British literature since the last decades of the twentieth century... Thus, contemporary drama is marked by a concern for memory and the past which could be linked with the "return to history" that critics such as Frederick Holmes (1997:11) have identified as one of the defining traits of contemporary British fiction' (Rallo 1-2). Stoppard believed that one could possibly 'reconstruct' the past but not 'reproduce' it. According to him, the past is always rife with uncertainties and characterised by 'incompleteness', hence, one can only imagine what the past could have been like and 'invent' it through a new interpretation.

In one of his latest incursions into the past, *The Coast of Utopia* trilogy, Tom Stoppard displays an interest in history that does not emerge solely in the historical nature of the plays' characters and setting, but which also takes the form of a conceptualization of history that is reflected in several aspects of the series. (Rallo 1)

This belief in the uncertainty about the past was largely a ramification of the rediscovery of Stoppard's identity as a Jew, only after the death of his mother. The revelation, according to Ira B. Nadel, his biographer, left a deep impact on him as he realised that he had for a long time been ignorant of his own past. The rediscovery of his identity reaffirmed his conviction 'that the search for the past is a worthwhile pursuit, not so much because one can reconstruct it but because there is a need to imagine it' (Nadel 23). In Nadel's words, Stoppard's 'effort in writing Russian history in his trilogy *The Coast of Utopia*, extends this concern' (23). This quest for the past, thus, egged him on to capture the private lives of Russian revolutionaries of the nineteenth century in the context of the intellectual and political developments in Russia and the rest of Europe. While dealing with the Russian intelligentsia and their lofty ideals, Stoppard has placed emphasis on the notion that idealism could not possibly lead one to achieve the ultimate objective as – "a distant end is not an end but a trap. The end we work for must be closer" Herzen claims in the final play, 'Salvage' (118)' (Nadel 23). Central to Stoppard's presentation of facts and the treatment that he has meted out to the historical characters in the play, according to Rallo, is his understanding that history has no end. Stoppard has viewed 'the passing of time as a cyclical continuity in which nothing is lost because the past keeps "having its time again"' (1).

The Context

In the first half of the nineteenth century, Russian culture signified the predominance of the gentry. Universities were primarily attended by the gentry, who also served in the army. However secondary education also became popular during this time. The secondary state schools and district schools were attended by students of middle class origin. Children belonging to peasant families and other lower classes attended parish schools. However, unlike the first half of the nineteenth century when education in Russia was under the strict supervision of the Emperor, the

second half witnessed a relaxation of such severe governmental control. There was a marked increase in the number of students attending universities. It is in the context of the emergence of this middle class that Samuel D. Kassow, James L. West and Edith W. Clowes have discussed the meaning of the term *obshchestvennost* in the 'Introduction' to their edited volume, *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* (1991). Unlike the first half of the nineteenth century when there were four predominant categories in Russia – nobility, clergy, merchantry and peasantry – the mid-nineteenth century witnessed the rise of the *obshchestvennost*. They have highlighted that the *obshchestvennost* meant an 'educated society' that considered the Russian 'nation' to be different from the Russian 'state' (Clowes et al. 3). This educated society believed that a 'harmonious balance between autonomous social initiative and state power' should exist in Russia (Clowes et al. 3). It has also been pointed out that this *obshchestvennost* did not constitute a definite social class, with 'economic self-interest' but rather people who were keen on working for the common good and 'progress' of the Russians (Clowes et al. 3-4). This category came into existence as a result of the growing urbanization (the two important cities being – St. Petersburg and Moscow), educational opportunities, creation of the *zemstvo* (local self-government institution) and the economic changes (development of railways) that were taking place, leading to the rise of professionals, industrialists, etc., who did not belong to the gentry, the bureaucracy (*chinovniki*) or the peasantry (Clowes et al. 4). Rather than denoting the term 'middle class', the term 'middling groups' has thus, been used.

The term 'civil society' in nineteenth century Russia, included within its fold 'a critical mass of educated individuals, voluntary associations, journalistic media, professional societies, universities, patronage works, cultural organizations'. A civil society as observed by Kassow, West and Clowes, implied the existence of a 'civic sphere', 'public culture', 'public identity', 'civic responsibility' and 'professional ethics' (6). This concept of 'civil society' made it very clear that the Russians had distinct public and private lives over which the state could not exert its influence.

Another major effect of the high scale urbanization in Russia was the rise of another category of people, that is, the *raznochintsy* or 'people of various ranks' or 'diverse ranks' or 'people of no estate in particular'

(Malia 445), who devoted themselves in working for the betterment of society and the Russian people (narod). The raznochinets were sons of priests, petty officials or ordinary individuals who climbed the social ladder by acquiring education. As regards the intelligentsia in the 1860s, Richard Wortman has pointed out that the term 'intelligentsia' originated in St. Petersburg in the 1860s to specify a particular group of people who had 'a common devotion to enlightenment and the cause of the ideal' (3). Many raznochinets belonged to the intelligentsia. Martin Malia in his discussion on the Russian intelligentsia has drawn attention to the self-perception of the intelligentsia as "the embodied "intelligence," "understanding," or "consciousness" of the nation'. In this context, he has also woven in the notion of the alienation of the intelligentsia who 'felt an exceptional sense of apartness from the society in which they lived' (443). N.A. Riasanovsky has highlighted that the term 'intelligentsia' implied a group of people who were critical of the existing Russian order.

The image of the intelligent, however, from the 1860s underwent a significant change. The intelligent, instead of being referred to as 'superfluous man', became the 'positive hero' (or heroine) in the literature of the time. Insarov and Bazarov, the two characters of Turgenev's novels *On the Eve* (1860) and *Fathers and Sons* (1861), and Lopukhov, Kirsanov, Vera Pavlovna and Rakhmetov, characters of Chernychevskii's novel *What Is To Be Done?*, represented the 'new man' or 'new people' of the 1860s.

Russia in the mid-1850s through to the early 1860s witnessed important political and economic developments. The death of Tsar Nicholas I in 1855 ushered in a relatively liberal era of Tsarist rule under Alexander II. The crushing defeat of the Russian military in the Crimean War shook the confidence of the people in the Tsar, and hence, regaining their confidence became his foremost objective. Consequently, Alexander II initiated reforms in Russia that involved the abolition of serfdom (1861), reform of the local government or the zemstvo (1864), the judiciary (1864) and the military (1874). The considerable relaxation of Tsarist control over universities resulted in education being pursued by a larger section of the population, instead of it being restricted to the gentry. As a result, the second half of the nineteenth century, particularly the 1860s, witnessed the emergence of a new group of radical intellectuals, quite distinct from the intelligentsia of the first half of the nineteenth century.

The 'new man' or 'new people', as distinct from the 'superfluous man' were left dissatisfied with the insufficient reforms undertaken by Alexander II, and became increasingly critical of the existing authoritarian regime in Russia. The Nihilist and Populist movements of the 1860s and 1870s were a clear manifestation of the radical opposition to Tsarist autocracy.

Political developments in Europe in the mid-nineteenth century also stirred the revolutionary enthusiasm of Russian intellectuals, who, being mostly based in France at that time, witnessed the downfall of the monarchy of Louis Philippe in 1848. Much to their consternation, the Second Republic that came into being after the 1848 revolution, was replaced with the monarchical rule of Napoleon III. The revolution of 1848 instead of demolishing the bastions of reaction eventually resulted in strengthening them, by restoring the institution of monarchy, not just in France, but across Europe. It shattered the hopes of Russian revolutionaries such as Herzen and Bakunin, who had dreamt of the overthrow of despotic monarchs across Europe. The Coast of Utopia is set against the backdrop of all these major developments that were taking place in Russia and Europe.

The Trilogy

In his introduction to the play in the one-volume edition that was published in 2007, Stoppard has written, 'the play's own territory...concerns Herzen and Bakunin' (xiii). The on-stage performance of *The Coast of Utopia* took place in London and New York in 2002 and 2006 respectively. The play consists of three parts – *Voyage*, *Shipwreck* and *Salvage* – each of the titles signifying the developments or changes that were taking place in the lives of Stoppard's characters. The first part, *Voyage*, centres primarily on Mikhail Bakunin and his family estate, the Premukhino, in Tver. Stoppard has explored the varied facets of the life of the Bakunins at the Premukhino, with particular focus on Bakunin's relationship with his sisters. Stoppard has also brought to fore the ideological divide between French Enlightenment thought and German idealism, manifested through the disagreements between Bakunin and his father Alexander Bakunin. Stoppard calls Alexander's 'rule' at the Premukhino as 'benign despotism' (7), it being indicative of the nature of control that Alexander Bakunin exerted over his children. The play also

draws attention to the impressions that Stoppard's 'Russian Thinkers' (Berlin) – Alexander Herzen, literary critic Vissarion Belinsky and philosopher Peter Chaadaev – had about the existing authoritarian institutions in Russia. (Zimmerman). Evils of serfdom, still prevalent in Russia in the first half of the nineteenth century, have also been highlighted through Belinsky's critique of the system that, according to him, was primarily responsible for Russia's backwardness in comparison to Europe (Stoppard 36). Attempts made by the Tsar to gag the voice of the printing press by imposing strict censorship on magazines like the *Telescope* and, the *Telegraph*, that gave a call for reform in Russia, also made intellectuals like Belinsky and Chaadaev increasingly critical of the autocratic regime. Herzen believed that Russia needed to be reformed 'from above' instead of it being reformed 'from below' by means of a social revolution.

The second part of the trilogy, *Shipwreck*, directs attention to the life of Stoppard's 'hero', Alexander Herzen, and the complexities of relationships affecting him and his family. *Shipwreck* deals with failures of revolutionaries in 1848 that shattered their hopes of bringing about a revolution to demolish autocratic institutions in Russia. Bakunin's revolutionary enthusiasm, however, did not diminish. In the second part of the play, Stoppard has highlighted another significant ideological divide within Russia at this time – between the advocates of Slavophilism on one hand and that of the Westernizers on the other. The Slavophiles believed that it was possible for Russia to tread her own unique path towards development as a nation by avoiding the generic model of socialist transformation in Europe. Contrary to what the Slavophiles believed, the Westernizers reposed faith in the western path to modernization in Russia.

In the last part of the trilogy, *Salvage*, Stoppard continues to focus attention on Herzen, his family and his journalistic activities in England along with his friend Ogarev. Both Herzen and Ogarev, through their contributions to their journal *Kolokol* ('The Bell') sought to incite the people of Russia into rebellion against Tsarist rule. Bakunin at this time escaped from Siberia and embarked on a new revolutionary journey in Europe. The Tsarist autocracy was also going through a period of political, military and economic crisis resulting from the defeat of Russia at the Crimean War. Alexander II, on accession to the throne, initiated a

new era of liberal reforms in Russia, within safe limits, to avoid any revolutionary change. In this segment, Stoppard has also underscored the third major ideological divide between the first and second generations of the Russian intelligentsia – the second generation being representative of the new men of the 1860s.

Bakunin: Impressions

In the Coast of Utopia, Stoppard has presented Bakunin as a revolutionary who appears to the reader as a man ‘large as life’ (10). As a revolutionary, he was a man of action – a champion of the ideals of liberty and equality. An advocate of Pan-Slavism, he remained committed to the cause of the independence of the Slavic race from the shackles of monarchical control. As an anarchist, however, he urged for the complete annihilation of all established exploitative institutions. Bakunin said:

No – listen! Once – long ago, at the beginning of history – we were all free. Man was at one with his nature, and so he was good. He was in harmony with himself and the world. Conflict was unknown. Then the serpent entered the garden, and the name of the serpent was – Order. Social organisation! The world was no longer at one with itself. Matter and spirit divided. Man was no longer whole. The Golden Age was ended. How can we make a New Golden Age and set men free again? By destroying order. (Stoppard 268-69)

It needs to be emphasised, that, while advocating the need to destroy the existing political and social order that manacled men to authoritarian systems, Bakunin also created an alternate vision of social organisation, devoid of any centralised control, based on the principles of collectivism and federalism. This element of constructivism that underlay his collectivist anarchist thought was integral to his revolutionary formula that held that, ‘the passion for destruction is a creative passion too.’ Bakunin at the Berne Congress of the League of Peace and Freedom and at the Basel Congress of the International Workingman’s Association categorically defined his stand as a collectivist anarchist.

Stoppard has projected Bakunin as a Russian intellectual heavily influenced by German idealist philosophy, who sought to find a true meaning to his life through his endeavour to unite his inner spirit or the ‘self’ with the ‘Absolute.’ Bakunin said:

You don't need a country! There's only one revolution, and it's to make man whole again. This is what I was looking for when I was young and in love with philosophy! – spirit and matter no longer in conflict – the Self in harmony with the Universe and soaring free! (Stoppard 270)

Revolution is the Absolute we pursued at Premukhino. It's where we were always going. (Stoppard 168)

This union with the 'Absolute' could thus be achieved only through 'Revolution.' The social revolution organised in order to free humanity from its enslavement to authoritarian and despotic institutions would fulfill his purpose in life. The revolutionary zeal in him, as Stoppard has brought out in the play, thus, stemmed from his life-long engagement with idealism that stimulated his quest for achieving 'wholeness.' The commitment to idealism can also be discerned in Bakunin's conversation with his younger sister Tatyana Bakunin which highlights the real significance of German idealism in his life:

Tata, Tata, don't you know? Dawn has broken! In Germany the sun is already high in the sky!, it's only us in poor behind-the-times in Russia who are the last to learn about the great discovery of the age! The life of the Spirit is the only real life: our material existence stands between us and our transcendence to the Universal Idea where we become one with the Absolute! (Stoppard 13-14)

The interest Bakunin took in the study of German idealism that had steadily infiltrated Russia and emerged as one of the dominant intellectual currents of the nineteenth century, brought him in close association with the Russian philosopher Nicholas Stankevich and his Moscow circle in 1835. Bakunin's interest in idealist philosophy of prominent German thinkers, such as Kant, Fichte and Schelling, eventually gave way to his interest in the study of Hegelian philosophy. His thirst for a deeper knowledge of philosophy led him to travel to Berlin in 1840, a major intellectual centre in Germany.

In Berlin, Bakunin came in touch with the Left Hegelians who had provided a revolutionary connotation to the otherwise essentially conservative dictum of Hegel: 'That which is rational is real, and that which is real is rational'. This dictum occupies a central place in the study of the development of Bakunin's revolutionary and anarchist ideas as it

became the basis of the ‘algebra of revolution’ formulated in his article entitled, *Reaction in Germany: From The Notebooks of a Gentleman*, that he authored as Jules Elysard in 1842. Bakunin’s urge for destruction had its roots in this Hegelian maxim that necessitated the need to demolish everything that was irrational and hence unreal. Bakunin wrote, ‘Let us therefore trust the eternal Spirit which destroys and annihilates only because it is the unfathomable and eternal source of all life. The passion for destruction is a creative passion, too!’ In this particular pamphlet, Bakunin championed the cause of ‘freedom’ of the human race from the shackles of despotism and authoritarianism, the core constituent of his revolutionary ideas. He underscored the need to attain it through ‘justice and love’. Bakunin directed his attention towards the revolutionary potential of the impoverished class that according to him, ‘...constitutes the true people’, and the potent role that it could play in the imminent social revolution. Bakunin could easily fit into this framework his understanding of the situation that prevailed in Russia during the despotic reign of Nicholas I. In his speech delivered on the occasion of the ‘17th Anniversary of the Polish Insurrection of 1830’, not only did Bakunin critique the policies of the Tsar in Russia and Poland, but also highlighted the immense possibilities of forging an alliance between the people of Poland and Russia to launch a revolution against Tsarist autocracy.

In highlighting Bakunin’s relentless efforts to control the personal lives of his sisters with regard to their marital or personal relationships, Stoppard has tried to bring out the inherent tendency in Bakunin to dominate. Bakunin was a free man who not only refused to be subjected to strict discipline when he served the term at the Artillery school, but also the authoritarian control of his father. His spirit was free and he charted out his own way of life to fulfill a definite revolutionary mission. Later in the play Stoppard has drawn attention to Bakunin’s Secret Alliance and the role of the International Brothers within the Alliance, his closest associates, in an attempt to bring to fore his authoritarian tendencies. Bakunin stated:

This is where my Secret Alliance comes in – a dedicated group of revolutionaries under iron discipline, answerable to my absolute authority. (Stoppard 343)

Stoppard has highlighted the inadequacies in Bakunin's character, particularly his habit of borrowing money, through his friend, Belinskii. Belinskii's critique of Bakunin has drawn attention to the exploitative institution of serfdom in Russia that did not escape the criticism of the emerging intelligentsia. Belinskii shunned Bakunin's commitment to idealism stating that the latter's pursuit of philosophy could not have been possible if Premukhino had not been sustained by serfdom. Pursuit of philosophy was thus a major preoccupation of the gentry.

Stoppard's impressions about revolutionaries in the play have largely been shaped by his reading of E.H. Carr's *The Romantic Exiles* and Isaiah Berlin's *Russian Thinkers*. Consequently, his initial overall unsympathetic attitude towards Bakunin is largely a ramification of his heavy reliance on these texts. Stoppard's projection of the image of Bakunin as an 'erratic' and restless revolutionary is mostly based on his acquired perceptions about Bakunin. In this regard, he has been influenced by the impressions of Herzen who believed that nothing serious with regard to a definite 'meaning' or 'political idea' underlying Bakunin's revolutionary endeavours could ever be derived. Bakunin was always ready to be stirred into action. One would only have to look for a definite purpose behind his revolutionary activities, though in vain. Bakunin, according to Stoppard, cannot be considered to have been a serious thinker because his actions were spontaneous and never well-planned. They were not guided by a definite motive. Bakunin's 'erratic and mutually contradictory goals' often compelled him to leave his work unfinished. Bakunin's maxims 'I am not free unless you, too, are free!' (Stoppard 160), and 'The liberty of each, for the equality of all' (Stoppard 160), did not carry any meaning for Herzen.

However, Stoppard's projection of Bakunin as a reckless rebel, a revolutionary whose concrete anarchist ideas have not been accorded much importance in the trilogy, has led to a somewhat incomplete understanding of the role that Bakunin played in organising the international anarchist movement in the nineteenth century. Stoppard's heavy reliance on Carr's and Berlin's assessment of the 'Romantic Exiles', has led to his dismissal of Bakunin as an anarchist thinker. Such an interpretation, Stoppard has admitted, should be rectified. As a corrective measure, Stoppard added some 'new lines' for Bakunin in the

play *Salvage*. With regard to his own treatment of Bakunin, who for him was ‘grandly bohemian,’ (Stoppard 154) Stoppard has written:

About Michael Bakunin’s virtues there is no dispute. He was courageous, inspiring, big-hearted and tireless. But his way of jumping from one enthusiasm to another, his erratic pursuit of mutually contradictory goals and his staggering metamorphoses between intellectual analyst and romantic idealist, and back again, are a challenge to those who would like to admire him as a thinker.

This was my picture of Bakunin. Then in New York, I began to question my treatment of him. I saw that I had adopted Alexander Herzen’s perspective of his old comrade. Herzen regarded Bakunin as an oversized, irresponsible child, endearing, infuriating, fickle and occasionally admirable. And Herzen was my hero, after all. But as the long process of rehearsal and performance continued, I had the sense that I had let Bakunin down. I had short-changed him, undervalued him. He always came off worse in his exchanges with Herzen. He’d get egg on his face and carry on without resentment and deviation. I began to love him. (Stoppard xiii-xiv)

In *The Coast of Utopia*, Bakunin thus appears as a restless agitator whose revolutionary career had only begun and whose enthusiasm did not peter out even after being incarcerated for a fairly long period of time in the prisons of Austria and Russia, or even on being exiled in Siberia. Stoppard’s Bakunin was yet to embark on the most crucial phase of his revolutionary career, that is, his involvement in the International Workingmen’s Association (1864-1876).

One does not, however, meet a defeated Bakunin in the play. Stoppard has focused on the early phase of the life of Bakunin when he was influenced by German idealism. Through the play, Stoppard has pen-pictured Bakunin as a romantic rebel, a wanderer, who had the indefatigable urge to organise revolutions across Europe. It arose from a conflict within his inner self – between the real and the ideal. If Schelling taught him the need to cultivate the inner self by ignoring the external objective reality, Fichte helped him reconcile his ideal world with the real world to some extent. Fichte taught him to realise the existence of the objective reality through an evolution of the inner Spirit into a higher form of existence.

‘The ‘Self is everything, it’s the only thing,’ (Stoppard 90) declared Bakunin. The ultimate reconciliation of his objective and real world took place after he began his study of Hegelian philosophy. The Hegelian dictum, ‘Everything rational is real, and everything real is rational’ resolved his inner conflict by making him realise that there was no way to escape from the objective reality. One would have to either reconcile his ideal world with the real world, or destroy everything irrational that appeared real, and, in its place create an ideal rational world. For Stoppard, Bakunin’s journey as a revolutionary was thus symbolic of this urge to reconcile the ideal with the real, which was manifested through his revolutionary enthusiasm and endeavours.

Works cited:

Berlin, Isaiah. *Russian Thinkers*. Penguin Books, 2008.

Clowes, Edith W., Samuel D. Kassow and James L. West (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, New Jersey: Princeton UP, 1991.

Malia, Martin. “What is the Intelligentsia?” *Daedalus* Vol. 89. No. 3 *The Russian Intelligentsia* (Summer, 1960).

Nadel, Ira B. “Writing the Life of “Tom Stoppard”.” *Journal of Modern Literature, Writing Life/Fiction* Vol. 27. No. 3 (Winter, 2004)

Rallo, Carmen Lara. ““The past will have its time again”: History in Tom Stoppard’s *The Coast of Utopia* and *Arcadia*.” *BELLS: Barcelona English Language and Literature Studies* No. 15 (2006)

Riasanovsky, N.A. and Mark D. Steinberg. *A History of Russia*. New York, Oxford: Oxford UP, 1963.

Stoppard, Tom. *The Coast of Utopia: A Trilogy*. New York: Grove Press, 2006.

Wortman, Richard. *The Crisis of Russian Populism*. Cambridge: Cambridge UP, 1967.

Zimmerman, Judith. “Tom Stoppard’s *Russian Thinkers*.” *New England Review* (1990-) Vol. 28. No. 3 (2007).

Berlin, Isaiah. “Two Concepts of Liberty” (1958). *Four Essays on Liberty*. Oxford: Oxford University Press, 1969.

Berlin, Isaiah. *Russian Thinkers*. Penguin Books, 2008.

Carr, E.H. *Michael Bakunin*. New York: Vintage Books, 1937.

Carr, E.H. *The Romantic Exiles*. London: Serif, 2007.

Clowes, Edith W., Samuel D. Kassow and James L. West (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, New Jersey: Princeton UP, 1991.

Cutler, Robert. "Bakunin And The Psychobiographers: The Anarchist as Mythical and Historical Object".
<http://www.robertcutler.org/bakunin/pdf/ar09klio.pdf>

Hornby, Richard. 'The Stoppard Trilogy'. *The Hudson Review* Vol. 55. No. 4 (Winter, 2003).

Malia, Martin. "What is the Intelligentsia?" *Daedalus* Vol. 89. No. 3 *The Russian Intelligentsia* (Summer, 1960).

Kelly, Aileen. *Mikhail Bakunin: A Study in the Psychology and Politics of Utopianism*. Oxford: Oxford UP, 1982.

Nadel, Ira B. "Writing the Life of "Tom Stoppard"." *Journal of Modern Literature, Writing Life/Fiction* Vol. 27. No. 3 (Winter, 2004).

Rallo, Carmen Lara. "'The past will have its time again': History in Tom Stoppard's *The Coast of Utopia* and *Arcadia*." *BELLS: Barcelona English Language and Literature Studies* No. 15 (2006)

Riasanovsky, N.A. and Mark D. Steinberg. *A History of Russia*. New York, Oxford: Oxford UP, 1963.

Stoppard, Tom. *The Coast of Utopia: A Trilogy*. New York: Grove Press, 2006.

Wohl, David. *The Coast of Utopia* (Review). *Theatre Journal* Vol. 55, Number 2 (May 2003).

Wortman, Richard. *The Crisis of Russian Populism*. Cambridge: Cambridge UP, 1967.

Zimmerman, Judith. "Tom Stoppard's Russian Thinkers." *New England Review* (1990-) Vol. 28. No. 3 (2007).

Russian children's literature in India: Nostalgia, propaganda and reality

Rizia Begum Laskar

Assistant Professor,
Manohari Devi Kanoi Girls' College, Dibrugarh,
Assam, India
rizia.laskar@gmail.com

Abstract: Russian children's literature in India has a long history and has captured the imagination of generations of readers. The fall of USSR in 1991 has also led to a decline and eventual death of the easy availability of Russian books in India. The memory of reading such books only evokes nostalgia with many online forums trying their best to keep the books alive. It goes without saying that most children's books from Russia were meant as propaganda material presenting a picture of the country which was tightly regulated by the state. However, communist agenda notwithstanding, the books provided wholesome entertainment for readers unaffected by the onslaught of television. This paper delves into the nostalgic experience of remembering such books as well as the reality behind the propaganda.

Key words: Russia, Children's Literature, Nostalgia, Propaganda

Rudine Sims Bishop has once famously said, "When children cannot find themselves reflected in the books they read, or when the images they see are distorted, negative, or laughable, they learn a powerful lesson about how they are devalued in the society of which they are a part" (ix). Surprisingly though, the statement hardly seems to be applicable on Indian children growing up during the 70s and 80s who have almost unilaterally and uncritically accepted Russian children's literature as their own. The nostalgia for such books among the children who grew up to be adults is such that many of them including me browse through old bookshops and second hand book sites to retrieve a part of childhood which is lost in many ways. There is even a facebook page in India dedicated to such books and blogs which have meticulously preserved portable document format (pdf) versions of Russian children's books that have been translated into the vernacular languages. The love or adulation for the books has remained intact to the extent that any discussion among the adults who grew up during those times is almost incomplete without a reference to the Russian books. What exactly constitutes this particular

bond is often beyond understanding as children of various languages and cultures across India subscribe to a connection which defines growing up in Socialist India. The erstwhile Soviet Russia is no longer there and so is the socialist society of India. The Indian market has disintegrated after the opening up of the economy gradually transforming India into a capitalistic democracy. In such a scenario, wistfulness for lost times and books serves as a reminder of the joys of childhood reading as also the fact that life was different then. Today's India can boast of a host of children's books which reflect on the Indian reality while depicting the hopes and aspirations of today's children. However, the books produced by publishers like Raduga and Mir catered to the imagination of a generation of children who were fed on the images of a colourful state controlled world and were very much satisfied with it. This paper will look into the conflicting fact of despite not finding representation the satisfaction of Indian child readers of Russian children's literature. At the same time, the paper will also look into the necessity of adult readers to recapture a long lost period not only in individual lives but also of the nation through an association with Russian children's literature.

Indo-Soviet relationship (Pre 1991)

India's relation with Russia (erstwhile USSR) has always been one of mutual respect and understanding. While the relationship existed even before Indian independence, post independence the relations flourished. As Kanwal Sibal contends, after 1945, few countries have maintained such a steady relationship as India and Russia considering their discrete situations (29). Given the long withstanding bond between the two countries, India's stand regarding the ongoing war of Russia with Ukraine is not surprising. India's freedom struggle has been marked by many Socialist and Marxist concepts (Pandey and Yadav 229) and Nehru's visit to Soviet Russia in 1955 heralded the "beginning of a long phase in Indo-Soviet relations that was to last for the next thirty five years till the disintegration and demise of the USSR in December 1991" (Budhwar 57). The evolving relationship was based on five primary aspects which included political, military, economic, technological and most influential in the context of this paper cultural links between the two countries (Unnikrishnan, 1).

The interest in Russian literature has been strongly influenced by Leo Tolstoy's works along with Tolstoy's "genuine concern" for the plight of the Indians under the British rule (Maurya 36). While Tolstoy remained a massive influence in the Indian literary scene and the October Revolution intensified the influence of Marx and Marxist literature in India, it is only after independence that a systematic study of Russian language and literature started taking growth. The influx of Russian books, especially children's books, marked an era of Soviet propaganda that was easily implanted in the malleable minds of young Indian children. Jessica Bachman however contends that despite the obvious political impetus behind such publications, the sheer volume of children's literature along with books on topics like engineering, science, popular science etc. overshadowed the propaganda perspective (Sreedharan n.p.). The political aspect notwithstanding, or possibly because of it, the pervasive love for Soviet children's books in the minds of readers who grew up reading them becomes part of nostalgia. This nostalgia is seen in the manner in which any mention of such books gives rise to long and excited discussions among readers.

The Nostalgic Experience

The concept of nostalgia first came into being through a longing for a home or an idea of home that probably no longer exists. Swiss physician, Johannes Hofer, first coined the term 'nostalgia' in the later part of seventeenth century to refer to a disease found among the Swiss army caused by acute longing for return to home. Hofer joined together the Greek words nostos meaning to return home and algia meaning a painful condition (Davis1). Originally therefore associated with homesickness, Fred Davies argues that over the centuries the word nostalgia lost its connection with home and came to be universally accepted "that the material of nostalgic experience is the past" (8) and that past is one which has been personally experienced rather than a historical occurrence. The past that holds vivid memories of reading Soviet children's literature is therefore not necessarily connected to the actual history of India although here the political and economic conditions of India do have a direct influence on this personal past of many readers. Julie Sinn Cassidy again argues that nostalgia in evoking memories of the past also stifles undesirable memories and brings to the fore only the pleasant ones in the present context (147-148). It is in this context that most memories of

Soviet children's literature is evoked with a desire to return to the golden days of one's childhood and just lose oneself in the bright colours and hardbound editions that made reading such a pleasure.

Indian children's literature has long been influenced by Enid Blyton. However, the world of Blyton is a faraway place which hardly has any resemblance to the Indian milieu or moment. On the other hand, as Nilanjana Roy muses regarding Russian children's literature, they had the right mix of the familiar and the unknown to keep the interest of the reader glued to the books (262). The familiarity thing apart, the impact of Russian children's literature in India had a lot to do with the easy availability of the books along with the vivid colourful nature of the pages. The 70s and 80s were a period of time when television was non-existent for most Indian households and reading was one of the easiest available ways to connect with the outside world. Far flung corners of India, including the place where I spent my childhood, national newspapers reached quite late and mostly these newspapers were in black and white with hardly anything to engage the imagination of a child. However, Soviet books were easily available even in the remote corners of India and their relatively inexpensive nature made them a favourite among children. One of the primary reasons for their being low-priced was because Soviet Union willingly subsidised the books and Russian socialist and classical literature were given priority promotion by Soviet Culture Centres (Kamalkaran n.p.). The translations were not only available in English but also in Indian languages and this added to the pan Indian popularity as opposed to Blyton's books which were available only in the English language. Translations of Russian literature were also supported by the government of India. Under the Indo-Soviet programme and Cultural Exchange programme, provisions were made for the training of Indian students knowledgeable in Russian language to learn the techniques of translation and then the scholars will be assigned the task of translating selected Russian books (Krishnamurti 6).

Both the Indian and Russian government did have their own ideologies for the promotion of Russian literature but the world depicted in the children's books created an image of a country where children were given prominence and education and schooling was fun. It is probably this mental picture along with a distant memory of holding the books in hand that drives most of the interest in the literature. The actual number of

books being published was difficult to estimate but America's Central Intelligence Agency, in a 1985 report, roughly figured it to be around 25 million which included publication in 13 Indian languages (Sreedharan n.p.). It is therefore hardly surprising that the nostalgia for the books spans across India with readers from diverse places like Bengal or Maharashtra or Kerala equally reminiscing about the books. Divya Sreedharan in an article titled "How Soviet Children's Books Became Collectors' Items in India" engages with the popularity of Soviet books in India among the erstwhile readers and how such popularity had led to the creation of online communities and even archives. She says that digital archives of books in languages including Malayalam, Marathi, Hindi, Tamil, Telugu, Bengali, Urdu, and English is currently being done by online groups and one such collection can be found on the site of a blogger simply known as Da Mitr or The Mitr. The blogger has around 800 Soviet-era books in his collection, many of which have been scanned, converted to digital files, and then posted to The Internet Archive. Other initiatives include a website and Facebook page dedicated to digitising Soviet novels translated into Bengali by Somnath Dasgupta and a Facebook group started by Sajid Latheef in Kerala is dedicated to Russian books written in Malayalam.

Propaganda and Reality

The whole nostalgic experience and online communities notwithstanding, the fact remains that Russian children's literature created an experience of Soviet life especially that of the children where opportunities were galore. The very notion that life is better there in many ways is the clever way in which propaganda worked and American capitalism with its glitzy lifestyle which was yet to make entry into India in the 70s and 80s was never even imagined by the generation of Indian readers who were fed such propaganda. The reality however was quite different and it was much later that a whole generation realised that the cosy picture hid within itself the ugly reality of "authors and artists...(who) had to heed State policy of censorship norms and that many were incarcerated or sent away to labour camps in Siberia for allegedly anti-Soviet activities" (Jankevičiūtė and Geetha 10). It is astonishing that the minutely state controlled Soviet propaganda came across as liberalism for many young readers but that is how propaganda works. The breakdown of USSR and India's own foray into globalization happened almost simultaneously

leading to a diametrically opposite worldview where American capitalism rules and propaganda works in a different manner altogether. Such a notion projects a different picture where the “American dream” becomes the dream of many Indians with migration being one available option in order to live a better life.

The reality of the times can be gauged in another dimension too where Indian children’s literature especially in the English language has become quite an accomplished industry in itself. While Indian children’s literature still competes with Western children’s literature for a market share, the pleasing reality is that the reading scenario has changed with readers also becoming inclined to know about the country from our own literature. That being said, the young readers of the generation which actually read Russian children’s literature are all adults now and their sense of the past has a strong connection with the erstwhile Soviet Union.

Conclusion

The nostalgia for the corner of childhood which was populated by colourful books might have been tinged with the grimness of reality but the evocativeness of the past remains. This lingering connection with the past arises not only from a desire to go back and relive the simple joys of childhood through literature but also has much to do with the realisation that India still struggles with the problems that Soviet Union addressed then, and therefore such an approach is “valuable in a heuristic as well as historical sense” (Jankevičiūtė and Geetha 25). At the same time, the shared past of readers who engage with nostalgia regarding the books in social media platforms or online communities evokes a sense of belonging which Pankaj Mishra aptly sums up in the following lines:

But when we got drunk, and raised a toast to socialism and non-alignment, I couldn't suppress a pang of affection for our vanished past, for the austere worlds in which we had to find our small joys, and in which the solidarities that now seem merely rhetorical had given us consolation and hope. (“The East was Red” 2006, n.p.)

Works cited:

Bishop, R.S. “Mirrors, windows, and sliding glass doors.” *Perspectives*, vol. 6, no.3, 1990, pp.ix-xi.

Budhwar, P. K. "India-Russia Relations: Past, Present and the Future." *India Quarterly*, vol. 63, no.3, 2007, pp.51–83.
<https://doi.org/10.1177/097492840706300303>

Cassidy, Julie Sinn. "Transporting Nostalgia: The Little Golden Books as Souvenirs of Childhood." *Children's Literature*, vol. 36, 2008, pp. 145-161. Project MUSE, doi:10.1353/chl.0.0010.

Davis, Fred. *Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia*. The Free Press, 1979.

Eve, Martin Paul, and Joe Street. "The Silicon Valley Novel." *Literature and History*, vol. 27, no. 1, May 2018, pp. 81–97.
<https://doi.org/10.1177/0306197318755680>.

Jankevičiūtė, G., and V. Geetha. *Another history of the children's picture book: From Soviet Lithuania to India*. Tara Books, 2017.

Kamalakaran, Ajay. "Looking at Russia with Nostalgia" *Russia Beyond*, 3 Oct, 2014,https://in.rbth.com/blogs/2014/10/03/looking_at_russia_with_nostalgia_38777

Krishnamurti, T. S. "Promoting book production: Role of the Government of India." *ALIS* vol.19, no.1, March 1972.pp. 5-11

Maurya, Abhai. *Indian and Russian Literary Mutuality*, Atlantis Press, Paris 2015. <https://dx.doi.org/10.2991/icadce-15.2015.5>

Mishra, Pankaj. "The East was Red." *The Guardian*, 4 Feb, 2006, <https://www.theguardian.com/books/2006/feb/04/society.politics>

Pandey, Sanjay Kumar., and Ankur Yadav. "Contextualizing India–Russia Relations." *International Studies*, vol.53, no.3–4, 2016. pp.227–257.
<https://doi.org/10.1177/0020881718758810>

Roy, Nilanjana. *The Girl Who Ate Books: Adventures in Reading*. Harper Collins, 2016

Sibal, Kanwal. "India-Russia Relations: An Analysis." *Indian Foreign Affairs Journal*, vol. 3, no. 2, April-June, 2008, pp. 29-40. JSTOR, <https://www.jstor.org/stable/45340724>

Sreedharan, Divya. "How Soviet Children's Books Became Collectors' Items in India." *Atlas Obscura*, 14 April, 2021, <https://www.atlasobscura.com/articles/soviet-childrens-books-in-india>

Unnikrishnan, Nandan. "The Enduring Relevance of India-Russia Relations," *ORF Issue Brief*, no. 179, May 2017, pp.1 4. <https://www.orfonline.org/>

Russian emigrant writing and man-woman relationship: A study of Ayn Rand's the fountainhead and Vladimir Nabokov's Pnin

Tanaji S. Kamble

Shahajiraje Mahavidyalaya,
Khatav, Satara
tanaji431981@gmail.com

Tripti Karekatti

Department of English,
Shivaji University, Kolhapur
triptikarekatti@gmail.com

Abstract: Ayn Rand and Vladimir Nabokov are Russian emigrant writers of the first wave of Russian emigration. They were born and brought up in pre-revolutionary Russia. They quit the country of birth after the revolution and took shelter in America. The present paper discusses depiction of man-woman relationship in Ayn Rand's *The Fountainhead* and Vladimir Nabokov's *Pnin*. It compares the two author's depiction of man-woman relationship and tries to understand how the depiction reflects the authors' views on life, society and culture. The paper compares how the two writers respond to the numerous changes in their lives and around them another extent to which they accepted the new life in America and its culture and what they felt about the Russian life and culture that they left behind.

Key words: Russian Emigrant Writing, Russian Revolution, Man-woman Relationship, Popular literature, Nazis.

Russian emigrant writing is a rich and vast body of writing. The Russian Revolution of 1918 has been a crucial event in the history of Russian literature which gave rise to the bifurcation of the Russian literature into two currents: Russian emigrant writing or Russian literature abroad and domestic literature produced in the Russian homeland. Russian emigrant writers have enriched and embellished the great Russian literary tradition abroad. The post-revolutionary Russia witnessed four great waves of emigration: 1917-23, 1941-05, the 1970s and 1990s onwards. According to Ronald Hingley (1979), the first wave of Russian emigration is the most important from a literary point of view because outstanding literary personalities were driven out by the Revolution of 1918. The Russian

authorities expelled in 1922 over a hundred and sixty intellectuals as they were hostile to the new regime. The Russian émigrés writers and artists settled down and worked in Berlin and Paris and got involved in political and literary controversies.

Prominent writers such as Ivan Bunin, Ayn Rand and Vladimir Nabokov belong to the first wave of Russian emigration who never returned to their homeland. Other non-returners were— Mark Aldanov, Dmitry Merezhkovsky, Aleksey Remizov, Ivan Shmelyon and Boris Zaytsev. As mentioned by Ronald Hingley, Gleb Struve, a well-known literary historian, considers these non-returners as “the best in post-revolutionary prose that left the country” (1979 60).

The present research paper compares how Nabokov and Rand depict man-woman relationship in their selected works and try to understand how this reflects the authors' views on life, society and culture. It will be essential to compare how they responded to the numerous changes in their lives and around them. It will also be essential to understand to what extent they accepted the new life in America and its culture and what they felt about the Russian life and culture that they left behind.

Alice Rosenbaum, alias Ayn Rand, was born in a distinguished St. Petersburg middle class family on February 2, 1905. Her family was Jewish in origin. Her father owned a small pharmacy in pre-revolutionary Russia. The Russian Revolution of 1918 played a destructive role in Rand's family life. The newly formed Communist government, after the revolution, nationalized Rand's father's pharmacy and her family went into exile in order to avoid terror created by the Bolsheviks. Rand's family took a short residence in Crimea in order to recover financially. During Rand's stay in Crimea, she burned her diary which contained anti-soviet writing. Rand's family returned to Petrograd by the end of the Civil War of 1918-22. Rand witnessed new changes in social, political, economic fields that took place in Russia after the Revolution. She also witnessed the treatment given to the bourgeoisie. The State demanded the members of the society to exist for sake of the state and this was resented by Rand. She got admission in the University Petrograd and graduated in 1924. She was tired of Bolshevik Russia and its atmosphere and decided to leave it. Leaving behind her whole family, Rand left Russia for the United States of America in 1926.

Vladimir Nabokov was born on April 23, 1899 in St. Petersburg, Russia, in a noble and distinguished aristocratic family. Nabokov's father was a jurist, statesman, and a prominent member of the Provisional Government. Nabokov enjoyed his childhood days in pre-revolutionary Russia. The Russian Revolution of 1918 played a very destructive role in his life. After the Revolution, Nabokov family went into exile in Crimea and later on took a short residence of nearly eighteen months in Berlin. A fatal tragedy occurred to Nabokov family in 1922 when his father was assassinated at a political meeting in Berlin in 1922. This incident led Nabokov family to disperse in Western Europe: Nabokov's mother went to Prague with three children; Nabokov's brother, Sergie went to Paris and Nabokov remained in Berlin and completed his graduation.

Whereas Rand migrated directly to America and began her career as a writer only after going to America, Nabokov was an already established writer and poet of Russian literature before arriving in America. He used to write his works under the penname V. Sirin. Rand's literary career in English started with the publication of a play entitled *Night of January 16th* in 1935. Rand's career as a novelist and philosopher flourished in America. She wrote four novels—*We the Living* (1936), *Anthem* (1938), *The Fountainhead* (1943) and *Atlas Shrugged* (1957) and eight works of non-fiction which expressed her Objectivist ideas.

Vladimir Nabokov left Russia at twenty in 1919. He lived his life in three countries—Germany, America and Switzerland. His literary career as a poet had already started in Russia. In his stay in Berlin, he wrote poems that appeared in Berlin based Russian émigré journals. Despite his physical departure from Russia, Nabokov devoted his life to Russian language and literature even during European emigration. During his stay of nearly twenty years in Germany, he wrote ten excellent novels in Russian language. He left Germany when Hitler rose to power.

Nabokov arrived in America in May 1940 and remained an American citizen till his death. Upon his arrival in America, he met Edmund Wilson and began to write reviews for the *New Republic* and the *New York Sun*. He joined various colleges and universities and taught Russian language and literature. Nabokov's literary career flourished in America. He wrote eight novels in English language but the actual recognition as a writer and economic success was made possible by the publication of his

masterpiece *Lolita* in 1955. Later on, he settled in Montreux and devoted his time for the study of Lepidopterology and introduced his Russian novels to English readers through translations.

Dr. Berton Johnson regards Rand and Nabokov as strange bedfellows and pinpoints difference between them regarding literary influences. The literary influence on and the literary development of Ayn Rand and Vladimir Nabokov bring out the differences in them. Both of them were born and brought up in the same period where Nikolai Chernyshevsky was the dominant literary personality of anti-establishment intelligentsia. Both of them were greatly influenced by Chernyshevsky, still, both responded in different ways to this influence. Chernyshevsky's novel *What is to be Done?* From *Tales about the New People*, written in prison, laid down the foundation of socialist realism style in Russian literature. Rand and Nabokov were both least fascinated by his socialism but responded to him in diverse ways.

Rand borrowed her utilitarian view of literature from Chernyshevsky. Rand explicitly acknowledges Victor Hugo to be her professional model but Chernyshevsky's *Rakhmetov* is the role model for Rand's heroes and heroines. In *Atlas Shrugged*, Dagny Taggard and John Galt are trying to build a new society after the fall of the old one. The same attitude is already presented by Chernyshevsky's *Rakhmetov*. On the other hand, Nabokov's literary career as a Russian novelist started with his novel *The Gift* in which the protagonist of the novel describes Chernyshevsky as 'the bad seed' of the nineteenth and twentieth century Russian cultural history. Nabokov presented him in negative light and held him responsible for displacement of Pushkin's aesthetic tradition which was replaced by Chernyshevsky's utilitarian anti-aesthetic tradition. So, both Rand and Nabokov responded differently to Chernyshevsky.

Berton Johnson also pinpoints difference in their perceptions of Dostoevsky, Tolstoy and Nietzsche. Rand (1969) expresses her admiration for Dostoevsky's mastery of superb plot-structure and also for his merciless dissection of the psychology of evil. Rand also admires Dostoevsky for his gift of melodramatizing philosophical and moral issues. Rand responds to Tolstoy negatively and argues that the reading of his literary works is difficult and a boring act. She further adds that Tolstoy's philosophy and views of life are not only mistaken but are evil.

Even if Rand's protagonists can be seen as based on Nietzsche's idea of superman (in fact critics have found them to be direct descendants of characters of Nietzsche like Verbitskaya and Artsybashev), she said she had profound disagreement with Nietzsche's philosophy: "Philosophically, Nietzsche is mystic and an irrationalist (1943 x). Nabokov, who had read Thus Spake Zarathustra during his exile in Crimea, immediately took up Nietzsche's concept of 'eternal return' as a part of his search for literary modernity. Nabokov in his autobiography entitled *Speak, Memory* disliked Dostoevsky and his "Bedlam turned back into Bethlehem" aphorism. He regards Tolstoy as the only 'A1' in Russian prose.

Berton Johnson also discusses these two Russian compatriot's opinions about one another. Rand and Nabokov never met each other in their American emigration. We know Rand's views about Nabokov but can only guess Nabokov's views on her work. Rand in her *Playboy* interview said she found *Lolita* much difficult. In spite of praising Nabokov's brilliant style, Rand despises his sense of life and his views of man and subject matter as extremely evil. Nabokov never come across Rand but his mocking of Chernyshevsky's views of 'rational egoism' as foundation of human action which is shared by Rand, can be a clue to guess his views about Rand. So, both writers differ immensely in regard to literary heritage.

Rand and Nabokov also differ immensely as far as their views about two countries—the old and the new—are concerned. Rand became an American citizen and accepted American social, political system and went on glorifying individualism, freedom, capitalism. On the other hand, she completely rejected Russian social, political changes and bitterly denounced Russian socialism, communism, and collectivism. In her fictional and non-fictional works, she never says anything good about Russia or mentions any good things there.

Unlike Rand, Nabokov accepts and rejects some social political changes in both countries but his works are not made for political criticism. Though Nabokov denounces some political changes in Russia, the country with its all good things is present in his works. He often alludes to Russian writers, their works. On the other hand, he also passionately declares America as his second home and admires the country. But he is

never ignorant about its problems. He hates American consumerism. He maintains balanced views about the two countries. This is another difference between Rand and Nabokov despite their being Russian-American. Let's discuss how these two Russian-American writers perceive man-woman relationship in their selected works keeping in mind cultural as well as literary differences between the two authors as discussed above.

Depiction of man-woman relationship by Rand and Nabokov and their perceptions of man-woman relationship are the focus of the present research paper. Rand's *The Fountainhead* presents Objectivist philosophy. The prime motive and purpose of her writing is: the projection of an ideal man. She wants to portray Howard Roark as an end in himself. Rand has another aim to present through the novel. She wants to present the kind of social system that will make it possible for her ideal man to exist and to function. That society will be a free, productive, rational system that demands and rewards the best in man. Rand sees such ideal social set up only in Laissez-Fair-Capitalism. In short, Rand is trying to present Howard Roark as an ideal man and laissez-fair-capitalism as an ideal social set up. Rand is trying to suggest that rational self-interest, independence and egoism can lead human relationship towards happiness and success. These principles play a very crucial role in the construction of man-woman relationship.

Before presenting her ideas about an ideal man-woman relationship, Rand creates a number of other pairs who act as a foil for the ideal pair. There are numerous pairs: Dominique-Peter, Peter-Catherine, Dominique-Gail Wynand, etc. There are two parent-child pairs. However, both, the blood and the sexual relationship are failed relationships. Rand, to clarify her ideas of ideal relationships, first proceeds to contrast all the failed relationships with the ideal, successful relationship of Dominique-Roark.

Ayn Rand's men and women can be divided into two neat groups: the believers in individualism, freedom and nobility of human beings—the man worshipers—and the believers in collectivism, altruism and the need to put the good of all over that of one—the man haters or parasites or second handers. Depending on which group a man or woman belongs, a reader can guess beforehand if his relationships with others can become successful. As Rand believes only an ideal man and ideal woman can

create an ideal man-woman relationship, all other relationships in her novel fail because of the same reason. Her idea of ideal man-woman relationship is, thus, stereotypical: an ideal man, a first hander meets his ideal partner, or an ideal woman who is his perfect priestess. This relationship becomes ideal because the man knows his worth and what he wants and will not compromise with the collective force at any cost. The woman also knows his worth and knows her own interest—to be with him—in which lies her ultimate happiness. As both have the courage to withstand the pressures of the parasites around them and to realize the ultimate greatness of human race, they can make the relationship successful. On the other hand, all other relationships fail because the individuals involved have not realized the greatness of man and the necessity of 'selfishness'. Thus, it is a world only of two colours: the ideal and the evil, the successful and the unsuccessful.

As this world and ideas are based on universal ideals not bound to any particular time or region, in her work, we have no complexities arising from changes in family structure, changes in gender roles, the second World War or Nazi experiences, modernization or consumerism. As she says in the Introduction to the Twenty-Fifth Anniversary Edition of the novel, the motivation, and purpose of her writing is “the projection of an ideal man”, (vii) and also “ ... to present the kind of social system that makes it possible for ideal man to exit and to function...” (vii), it is futile to search for common people, their day-to-day problems and cultural and time specificities. That is why we can find that one ideal man-woman relationship is foregrounded against the background of numerous failed man-woman relationships. We have no variety of colours and shades of unsuccessful relationships.

On the other hand, Nabokov's *Pnin* can be considered as an excellent example of depiction of emigrant experience. As *Pnin* is both the exile and alien, the problem he faces in adjusting with a new language, life, culture and the attempts he makes to overcome these problems become very poignant. *Pnin* lives in two worlds simultaneously. His past, his memories constantly keep on intruding with the present and trouble him so much that it causes physical discomfort: breathing becomes difficult and twice he has heart attack. *Pnin* is completely unable to separate his past from his present. The memories of his near and dear relatives have been a constant source of grief and melancholy. In front of the Cremona

audience he gets lost in his thoughts and sees in the audience his dead relatives and friends. Language adds much to Pnin's pathetic state at the second home. English language is an area of special danger in his life and he is unable to express his grief when Liza leaves: "I has nofing," wailed Pnin between laud, damp snifs, "I has nofing, nofing, nofing" (340).

Sometimes he is unable to distinguish between English and Russian words at the second home—America. For instance, at the Whitechurch station, he demands 'Quittance' in Russian instead of 'receipt' in English for his luggage. There are some minor Russian émigré characters who confuse between American and Russian places and the surroundings. In the fifth chapter, Russian émigrés are invited to the Pines by Alexandr Petrovich Kukolnikov where Varvara Bolatov confuses the American countryside, its trees, with that of Russia which she had seen before fleeing the Bolsheviks. So, it becomes impossible to the Russian émigrés to separate themselves and the present from Russian past and culture.

Even if Nabokov has suffered extremely because of the political upheavals in Russia, he loves Russia. So also, his characters try to maintain their bond with Russia through their reading on Russia and its literature. For instance, Pnin undertakes to write history of Russian culture, customs and literary anecdotes. Nabokov's characters appear real human beings trying to cope with specific problems of the time.

There are numerous pairs in the novel: Pnin—Liza, Liza—Narrator, Liza—Eric Wind, Pnin—Mira, Pnin—Betty, Lawrence and Joan Clements, Count Poroshin—Countess Poroshin, Varvara—Bolotov, etc. Additionally, there are numerous unnamed young pairs, university students, and children of the Russian emigrants. These relationships create a colorful canvass broad enough to depict most of the shades of twentieth century American life — of original Americans as well as of Russian emigrants. Some of these characters have been ditched by their partners, some have ditched their partners, some are unwed mothers, some divorcees, and some are loyal to their spouses. This range is so rich and varied that it can not lend itself to any categorization. Also, unlike Rand, Nabokov's writing is not so simple as to reveal his idea of ideal man-woman relationship easily through contrast with failed relationships.

There are numerous minor characters in the novel creating a rich background of various colours and shades. Their relationships have various degrees of success and failure and we cannot have easy categories like ‘man-worshiper’ or ‘man-hater’ or give straightforward reasons or their success or their failures. Each relation is distinct from another and cannot be analysed on a trouble-free scale of success and failure.

Liza–Pnin, Eric–Liza relationship have become the way they are because of their tragic experiences of political changes in Russia and the necessity of emigrating to America. The way intimate relationships change under the pressures of coercive political system has also been shown by Mikhail Bulgakov in *Master and Margarita* and by Gao Xinjian in *One Man's Bible*. Liza is no exception to it and falls prey to the desire to escape to America at the cost of relationships. She has no scruples in deceiving Pnin or anyone else to achieve her objective. On the other hand, American couples in the novel are trying to cope with other problems like changing gender roles, and its effects, premarital sex and children, growing commodification of human body, etc. Some relations like that of Mira–Pnin get nipped in the bud because of tragic events like the Second World War and genocide.

All the relations in Pnin seem to be weighed down heavily by social and political issues of the time. Hence, there are no simple categories—successful and unsuccessful—in the novel as in Rand’s *The Fountainhead*. Nor are there any simple reasons and solutions to the problems in the novel. In *The Fountainhead*, we have two clear categories of relationships and a formula for successful human beings and relationships. Nabokov, with his rejection of stereotypes, can't be expected to advocate any such formula, and, on the contrary, takes help of parody and cultural multiplicity to talk about life and its problems. This difference between two author’s perceptions of man-woman relationship has to do with the difference in the way they look at life as well as their views of literature and its function. Nabokov, a postmodern writer, embraces human life with all its complexities, whereas, Rand, a popular writer and philosopher, resorts to the populist strategy of reducing the complexity of human life into two neat categories of good and evil.

Works cited:

Boyd, Brian. Ed. Nabokov: Novels 1955 - 1962. USA: The Library of America, 2000. Print. Under this title, Boyd has collected Nabokov's three novels—Lolita, Priglasenie, Pale Fire and Lolita: A screenplay. All references to Nabokov's Priglasenie in this research paper are to this edition.

Rand, Ayn. *The Fountainhead*. New York: Signet, 1943. Print.

Rand, Ayn. "The Goal of My Writing." *The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature*. New York: World Publishing Co., 1969. Print.

Hingley, Ronald. *Russian Writers and Soviet Society 1917-1978*. New York: Random House, 1979. Print.

Johnson, D. Berton. "Strange Bedfellows: Ayn Rand and Vladimir Nabokov". *The Journal of Ayn Rand Studies*.2:1 (Fall 2000). Penn State University Press. Web. 24 May, 2014.

Sinner-saint syndrome in L Tolstoy's "Father Sergius" and U R Anantha Murthy's "Samskara"

Dr. M. Aneez

Assistant Professor of English

Guru Nanak College,

Velachery, Chennai

aneez.m@gurunanakcollege.edu.in

Abstract: The article delves into the exploration of the "sinner-saint syndrome" in U.R. Ananthamurthy's "Samskara" and Tolstoy's "Father Sergius." Analyzing the moral dilemmas faced by Praneshacharya and Father Sergius, the narrative highlights their initial piety, subsequent moral falls, and eventual transformations. Praneshacharya's encounter with Naranappa's companion, Chandri, challenges his righteousness, while Father Sergius grapples with lust and vanity, leading to a drastic change in their lives. The protagonists transition from revered figures to sinners, confronting the fragility of moral convictions. The narratives serve as poignant reminders of the intricate nature of human morality, emphasizing the potential for individuals to oscillate between saintliness and sinfulness in the face of inner conflict and temptation.

Keywords: Sinner-Saint Syndrome, Moral Dilemmas, Praneshacharya's Moral Fall, Human Complexity, Temptation and Redemption

The "sinner-saint syndrome," depicting the duality of human nature, is explored in both U.R. Ananthamurthy's "Samskara" and Tolstoy's "Father Sergius." This concept challenges the notion that individuals are purely good or wicked, emphasizing the complexity of human behaviour. The belief that someone can be both morally upright and immoral is known as the "sinner saint syndrome." This idea, discussed in many philosophical and theological traditions, captures the complexity of human nature.

Ananthamurthy's Samskara delves into the moral dilemmas within the Brahmin community of Durvasapura. Naranappa's unconventional life disrupts deeply ingrained traditions, sparking heated debates among the Brahmins about his worthiness for funeral rites. Praneshacharya, a respected Brahmin leader, grapples with the community's concerns, leading to a significant fall from grace when he unintentionally becomes involved with Naranappa's companion, Chandri.

Tolstoy's Father Sergius follows the transformation of Stepan Kasatsky, a soldier turned monk. Initially driven by pride and a desire for perfection, he faces temptations as a hermit, ultimately succumbing to lust with Marie. This moral crisis prompts him to seek redemption, adopting a life of humility and service.

Praneshacharya is a renowned scholar and leader of the Madhva Brahmin Agrahara of Durvasapura and is devoted to his sick wife, Bhagirathi. He adheres to a rigid daily routine of taking care of her and performing rituals. The Brahmin community faces a dilemma when Naranappa, one of its members, dies. A heated discussion ensues among the Brahmins about Naranappa's behaviour and whether he is worthy of funeral rites. Concerns about his relationships with low-caste people, abandoning his wife, and disrespecting Brahmin traditions are expressed. Some Brahmins question Naranappa's actions, while others defend him.

Durgabhatta advises Praneshacharya to address the dilemma. Chandri, Naranappa's companion, offers her jewellery for the funeral expenses. The community discusses Naranappa's corrupting influence and misdeeds and his threatening to become a Muslim.

The debate over who should perform the rites and receive the gold ornaments continues, causing concern among the Brahmins. Praneshacharya understands the importance of addressing these issues to restore harmony and preserve their cherished traditions. He decides to convene a meeting with all the Brahmins of the region to discuss the matter and find a solution, hoping to achieve mutual understanding and resolve the conflict.

Overwhelmed by the responsibility, Praneshacharya seeks guidance at the Maruti temple, performing rituals to navigate the moral crisis. Vultures appear in the Agrahara, causing distress among the residents. The Brahmins attempt to scare the vultures away, and Chandri, feeling responsible for the situation, struggles with guilt. The vultures vanish as the day ends, and the exhausted Brahmins await Praneshacharya's return.

In a forest temple dedicated to Maruti, Praneshacharya accidentally experiences an intimate encounter with Naranappa's concubine, Chandri. This unexpected connection leads Praneshacharya into a state of confusion and disorientation. Yielding to his body's demands, he tastes

sexual pleasure for the first time in his life. This event marks a significant turning point in Praneshacharya's life. Unable to guide the Brahmins, he informs them of his incapacity and urges them to follow their hearts.

Naranappa, a bold figure challenging traditional Brahmin norms, questioned societal values and moral integrity during his life and even in death. Living a libertine lifestyle in an orthodox Brahmin colony, Naranappa defied taboos and exposed contradictions, prompting reflection on societal norms.

In both life and death, Naranappa scrutinized the Brahmins of the village and revealed their level of refinement or the absence thereof in their spiritual maturity, as per the concept of samskara. He led a libertine existence amidst a staunchly orthodox community (Agrahara), disregarding established taboos by indulging in alcohol, consuming meat, fishing with his Muslim companions in the sacred temple tank, and cohabiting with a woman from a lower caste. He had abandoned his legally wedded Brahmin wife and alienated his relatives. Shielded by contemporary secular laws and further by the Brahmins' guilty conscience, he lived boldly among them, defying their expectations.

Praneshacharya and Chandri discuss their encounter and the plan to inform the Brahmins. Chandri discovers Naranappa's body and seeks help, initially facing religious concerns from a farmer. Eventually, she turns to the Muslim community for assistance in cremating the body.

R.K. Gupta suggests that although Pranesharya loses his virtue, he attains physical and emotional fulfilment and experiences increased moral awareness. Naranappa's death prompts the Parijata Drama Group to volunteer to cremate his body. However, upon reaching Naranappa's house, they find his body missing. The Brahmins in the area are disturbed by the stench of Naranappa's decaying body and worry about Praneshacharya's absence.

Praneshacharya's internal struggle and moral crisis intensify. Despite his commitment to his invalid wife, Bhagirathi, he grapples with a growing sense of disgust and desire for something more. The Brahmins look to him for guidance, but he feels a sense of freedom and relief from his responsibilities. He decides to stay behind and care for his bedridden wife.

Through a series of experiences, including swimming in the river, reflecting on his past, and caring for his wife, Praneshacharya becomes increasingly distressed as her condition worsens. Eventually, she passes away, and he arranges for her cremation, mourning her loss.

Praneshacharya struggles with his identity and responsibilities as a Brahmin, feeling trapped by societal expectations. Contemplating his past actions and desires, he feels a yearning for touch and thinks about Chandri. The internal conflict and fear of being discovered weigh heavily on him as he continues his journey. Walking through dusty roads, Praneshacharya's mind is occupied by conflicting emotions.

While participating in a Brahmin feast, Praneshacharya, after taking food, leaves the gathering, citing a false reason to avoid Putta's insistence on accompanying him. Putta shares his reasons for wanting to go to Durvasapura, and Praneshacharya, initially hesitant, eventually agrees to let Putta accompany him.

Prince Stepan Kasatsky, an elite soldier, is expected to become an aide-de-camp to the king. He excels in everything he attempts but becomes angry quickly. He was very good at everything he tried but sometimes got angry quickly. He tried to achieve perfection, so the king liked him. He demonstrated remarkable aptitude and exceptional ambition, achieving top honours in military exercises, equestrian skills, and academics particularly in mathematics, a subject he particularly favoured.

Prince Stepan wanted to be famous in high-class society, so he got engaged to a beautiful lady named Countess Mary Korotkova. They loved each other, but things changed when he found out that she was the king's mistress. Feeling upset, he ran away and decided to become a monk.

Even though he was proud and wanted to be better than others, he also had real religious feelings mixed with his pride. Prince Stepan Kasatsky changed his name to Father Sergius and is now part of a monastery. He follows the guidance of the abbot, a spiritual leader, finding comfort in obedience and putting aside doubts about his new monastic life. "All that he had to learn, all that he had to attain, was done, and he had nothing more to do". (Pg.49) Despite this, he struggles with memories of his past fiancée.

Similar to his advancement in the military, Father Sergius ascends through the ranks within the monastery, eventually attaining the status of a priest. Assuming the title of Father Sergius, he dedicates himself to his spiritual journey, disregarding the news of his mother's demise and his sister's wedding. However, over time, he experiences a sense of boredom and spiritual lethargy.

Just as he took pride in surpassing the standards of an impeccable officer during his military service, Father Sergius endeavours to embody perfection in his monastic life. His goal is to be diligent, temperate, gentle, and humble, prioritizing purity of both action and thought, along with obedience.

When he is offered a position in a monastery, he faces temptations. He dislikes the new abbot and is upset when reintroduced to a general from his military days. He writes to his old spiritual guide about his pride, and the guide suggests to become a hermit. Father Sergius decides to leave the monastery for the Tambov hermitage to live as a recluse in a hillside cell.

When Father Sergius leads his life as a hermit, a woman named Makovkina arrives at his doorstep. Makovkina is a divorced woman who enjoys shocking people. She makes a bet with her friends that she can seduce Father Sergius, the handsome hermit. Father Sergius, experiencing inner conflict and doubts about his profession, is disturbed by lust, which he considers an enemy. He struggled with two main challenges: doubts about his faith and temptations related to desire. He believed these were distinct problems, but they were interconnected. Once he resolved his doubts, his temptations disappeared as well. However, he mistakenly tried to combat these issues separately, when in reality, they always plagued him simultaneously.

When Makovkina knocks on his door, Father Sergius initially thinks of her as a devil in a woman's form. Trying to resist temptation, he reads a psalm on his knees. However, Makovkina pleads to be let in, citing the cold weather. Despite Father Sergius explaining his hermit lifestyle, Makovkina begs him not to let her freeze and tries to seduce him. She says that she apologizes for disturbing his peace but says she couldn't help it, fearing she might fall ill due to being wet and cold.

Father Sergius allows her in but keeps a partition between them. Makovkina tries to tempt and expose herself, claiming to be ill. Father Sergius attempts to distract himself by burning his finger with a candle's flame. When that doesn't work, he takes drastic measures and cuts off the left forefinger with an axe. Shocked and ashamed, she asks for forgiveness and offers to help with the wound.

Father Sergius tells her to leave, assuring her that God will forgive her. Distraught, Makovkina eventually joins a convent a year later. His fame grew as a healer. People travel from far away, believing in his reputed healing abilities and referring to him as a starets, a spiritual elder. But he feels a sense of emptiness and believes that what he does is for people, not God, perceiving it as the devil's work.

A merchant requests healing for his daughter, Marie, who has been ill since her mother's death. Father Sergius agrees to see her but struggles with vanity and questions the existence of God. In a moment of weakness, he succumbs to lust with Marie. The next morning, horrified by his actions, Father Sergius decides to escape. He cuts his hair, changes into peasant clothes, and contemplates suicide before opting to pray. He doubts the existence of God and begins to reflect on his childhood playmate, Pashenka. He dreams of an angel instructing him to find Pashenka for salvation. He walks 200 miles and arrives at her humble dwelling. Despite her poverty, Praskovya Mikhaylovna offers him money and food, expressing regret that she doesn't have more.

Father Sergius admits to Makovkina that he has committed adultery, murder, blasphemy, and deceit. He seeks guidance on how to continue living, and she shares her own difficult life experiences, expressing gratitude for the gift of life and her healthy grandchildren. She asks for his blessing, blesses him in return, and seeks forgiveness.

Realising the difference in their perspectives, Father Sergius acknowledges that he should have lived more like Pashenka. He reflects, acknowledging that he had lived his life ostensibly for the approval of others, while Pashenka lived hers with the belief that she was serving God through her actions for others. Recognizing the hollowness of seeking human admiration, he resolves to earnestly pursue a connection with God. He also confesses to his friend Pashenka that he is a sinner. He tells her

that he's not a saint, not even as good as an ordinary person. He describes himself as a terrible, awful sinner who has strayed from the right path. He thinks he might be worse than most really bad people.

After their meeting, Father Sergius transforms into a more generous and giving individual, continuing to live as a beggar. He is arrested for lacking a passport and is sent to Siberia. In Siberia, he embraces a simple life, working as a servant, tending to the garden, teaching children, and caring for the sick.

According to Anna Glab's analysis, Father Sergius exhibits a lack of strong determination. Glab asserts in her article that Father Sergius expresses a desire to serve God, stating that he also stops being controlled by the rigid structure of the Orthodox Church that has ordained him. She notes that he adopts the lifestyle of Pashenka, serving God without seeking any reward or punishment.

Both protagonists, Praneshacharya and Father Sergius, undergo a moral fall from their esteemed positions. Praneshacharya's encounter with Chandri challenges his righteousness, while Father Sergius grapples with lust and vanity. Despite their initial piety, both characters experience internal struggles, leading to a realization of their fallibility.

Stepan Kasatsky lived a devout Christian life, avoiding things like desire and greed. When a divorced woman approached him, he avoided wrongdoing by cutting off one of his fingers. The woman felt sorry, asked for his blessings, and later became a nun. However, when Father Sergius got old, he unintentionally got involved with a mentally troubled young girl who sought his blessings. This caused a big problem for him, and he had to leave the monastery. He ended up living as a beggar, wandering around. Eventually, because he didn't have the right documentation, the authorities sent him to a prison in Siberia.

Similarly, Praneshacharya is an upright man, a saint who never enjoyed marital bliss as his wife is invalid. Such a poor saint after seeing the beauty of the concubine committing a blunder and therefore, he becomes a sinner. His association with Naranappa's wife Chandri in the forest is considered a great downfall for him. He said that he has now become a sinner and is not in a position to advise the Brahmins or cremate the body

of Naranappa. So Chandri approached Muslim men who were Naranappa's friends and they cremated him.

In Shakespearean tragedies, the upright heroes will suddenly fall due to a small flaw in their character. Likewise, the upright hero Praneshacharya, once a revered saint known for his purity and righteousness, finds himself in a state of inner conflict. He has always been hesitant to indulge in worldly pleasures, but the sight of a beautiful concubine awakens desires within him. Enchanted by her beauty, he falls victim to temptation and commits a grave sin. His soul is now burdened with guilt and remorse as he realizes that he has fallen from grace. Praneshacharya's transition from a saintly figure to a sinner serves as a poignant illustration of the inherent frailty of human nature and the enduring battle between morality and immorality. The protagonists of both *Samskara* and *Father Sergius* are pure, moral and pious at the beginning. But in the end, there is a great fall for both. They leave their original places and move to different places doing service for fellow human beings. Saints become sinners and repent.

In conclusion, the narratives of *Samskara* and *Father Sergius* explore the fragility of moral convictions and the potential for individuals to transition from saintly figures to sinners in the face of temptation and inner conflict. The profound transformations of these characters serve as poignant reminders of the intricate nature of human morality.

Works cited:

Anantha Murthy, U.R. *Samskara*. New York: Oxford University Press, 1978. Print.

Tolstoy, Leo. *Father Sergius*. WWW. Gluteberg E book.2009. Web.

Glab, Anna. "The problem of Weak Will on the Basis of Leo Tolstoy's short story *Father Sergius*." *Philosophia*, vol. 50, no. 1, 2022, pp. 1-25. Web.

Gupta. "The Fortunate Fall in U.R. Ananthamurthy's *Samskara*." *The International Fiction Review*, vol. 7, no. 1, 1980. Web.

Svetlana Alexievich and the role of “emotional histories” in shaping history writing

Nehad Kaniz Fatima

Research Scholar

Department of English,

University of Kashmir, South Campus

Abstract: The article attempts to highlight the role of emotional histories as valuable historical traces, of dissemination of the present through a reading of Svetlana Alexievich’s work. For Alexievich, a journalist by training, the truth remains an ambiguous phenomenon but her attempt to rewrite the history of the Soviet era through emotional histories becomes a counter-narrative to the official Soviet historiography. In the era of post-truth, emotions are often instrumentalized for political exploits by individuals and governments, but even so for Alexievich emotions are indispensable for discerning truths, albeit subjective. Her works underscore the significance of subjective historical narrative through an engagement with the real-life encounters and experiences of individuals under the Soviet Union. Through the use of interviews, she tries to capture the truth of the historical events as they were felt, she is able to highlight the biases of her interviewed subjects and thus despite the post-truth rejection of the emotions and subjective she showcases how these emotions lead to an expose of the subjects’ cherishing of internalized propaganda. This paper tries to bring attention to the value of looking at "emotional histories" to trace deeper historical insight into life under the Soviet Union.

Keywords: Svetlana Alexievich, Post-truth, Emotional histories, Historical narratives, Soviet Union,

In the political arena, emotions have a very strong presence and impact, Martha C. Nussbaum in Political Emotions speaks about the “importance of cultivating appropriate emotions”. She insists: “All political principles, the good as well as the bad, need emotional support to ensure their stability over time, and all decent societies need to guard against division and hierarchy by cultivating appropriate sentiments of sympathy and love”. She, therefore, attempts to point out the positive role that emotions have had in national building and other such constructive phenomena. But at the same time, there is an acute awareness that effective manipulation of the emotions of the masses has had disastrous impacts, as was shown by various fascist regimes’ exploitation of the same. The role of emotions in the shaping of public discourse is becoming increasingly evident and

cannot be brushed aside, their role in history too is coming to the fore. As Rob Boddice put it “passions made history, one way or another”. Historical decisions of the major stakeholders were not always objective decisions but must have taken into account the personal choices and prejudices of different decision-making bodies.

Even when trying to dig for facts in the post-truth era, trying to understand the complexity of the world around us only through facts has come to be questioned variously. It is not just because of the popularity of postmodernism, or the rise of identity politics that critiques of every grand narrative are espoused. But in fact, the appeal of the notion of multiple perspectives on ideas and events is as old as history itself. Boddice claims that the father of historiography, Thucydides himself was writing “the first history of emotions” even when it was disguised in objectivity. The idea remains that no matter how sure we are of a certain point of view it remains open to debate. As Lee McIntyre put it:

“Since there is no such thing as “truth,” anyone who claims to “know” something is just trying to oppress us, not educate us. Having power allows us to control what is true, not the other way around. If there are many perspectives, then insisting that we accept any particular one is a form of fascism”.

Postmodernism which is often criticized for being a theoretical background /precursor to post-truth only reinforced our earlier notions that facts cannot be absolute, they come with their own sets of contingencies. No perspective is free of its contingencies, and no history is completely factual, anyone who insists upon the same may not be meaning well.

The facts that any history writing endorses depend on which perspective is to be enriched. As James Conant put it, “perspectives are perspectives on something so that the same thing can appear differently depending upon the perspective, from which it is viewed”. The constructed-ness of our facts and our perspectives and the politics behind them regularly comes into debate in the present times where the convoluted aspects of post-truth are an acute apprehension. The facts of Soviet History (or any history writing) are complex, depending on whose version of history the perspectives propound. The subjectivity of history writing and the

challenges to the objectivity of history from different schools of thought give various arguments to expose the biases, the politics, and the interpretations of objective histories. Scholars of historical constructivism, hermeneutics, post-modernism, post-colonialism and other areas emphasise the contexts of traditional notions of historical truths. Hayden White, Dominick LaCapra, Paul Ricoeur, Gayatri Chakravorty Spivak, Dipesh Chakrabarty, Clifford Geertz, Edward Said are some of the seminal voices from these fields who argue against the conventional approaches to history, language and knowledge production.

In this era of post-truth where truths are constructed and reconstructed for political and even personal gains, the Belarusian writer, Svetlana Alexievich is aware of her responsibility as a writer in the post-truth era. In a press release on 8 October 2015, the permanent secretary of the Nobel Prize committee awarded Alexievich the Nobel prize for literature “For her polyphonic writings, a monument to suffering and courage in our time”. This win was critiqued on several fronts, it raised anew the questions of objectivity in journalism and history writing and the value of subjectivity and emotions in writing. The debate contends between objective truths that journalism professes and subjective truths that literature works with, even when it never proclaims truth. Turning journalistic reportage which does not shy from highlighting the emotional lives of the interviewees into rich narratives is an interesting intervention she proposes to bring out the histories that have remained hidden and censored.

For Alexievich, despite being a journalist by training, the truth remains ambiguous. Yet, her attempt to revisit the history of the Soviet era through emotional histories becomes a counter-narrative to the official Soviet historiography. A teacher for example says that “I’m a history teacher... Within my memory the history textbook has been rewritten three times.” (*The Unwomanly Face of War* xliii). Presently, the world is becoming increasingly aware of the misuse of the sensitivity that emotional narratives bring to the fore and also of their manipulation of this sensitivity for personal and political ends. This contentious issue of emotional narratives becomes for Alexievich a key to discovering truths, albeit subjective, individual ones. Her work highlights the value that subjective historical narratives hold for a richer and deeper look into history as we know it.

The objectivity of histories has thus been an important debate and has become increasingly subject to critique over the years. The subjective aspects of history writing become a relevant site to analyse to understand historical progression. As the place of the subjective is sometimes demonized in a post-truth framework, where a lack of objective truths is equated with subjectivity and its flaws. The phenomenological way of looking at the subjective lived experience as the basis for meaning shapes much of Alexievich's poetics. Some sides of the "truth" remain unreachable and cannot be grasped without delving into the emotional states that they come with. Alexievich focuses on the traces and suggestions that an individual living in a moment of history holds, things that history writing will have missed. Rather than looking for hard facts, she endeavours to highlight perspectives of lives that lived through a time and can often tell us more than a history text.

Referring to Martha Nussbaum's book "Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions" and her work on the important framework of political emotions, one can argue that Alexievich's works can highlight the role of emotions in political life. Numerous interviews in Alexievich's oeuvre showcase the hold of emotions on the everyday decisions of individuals. Such decisions again are not irrational impulses but in fact, are crucial aspects of political life. The ethical and political value of such emotions and their paradigmatic relationships expose their inherent as well as contextual importance. A key dimension that binds their work is the value that Nussbaum ascribes to Love and loss. The traumatic stories of love and loss in Alexievich uphold the emotional dimensions of political upheavals at the individual as well as the collective levels.

Women on the battlefield whose emotionally fragile narratives never made it to public platforms raise their concerns and showcase their lives in *The Unwomanly Face of War*. Their personal narratives make the reader critique their knowledge of the Soviet Union in World War II and the place of the Soviet women in it. Listening to emotionally charged stories and narratives remains crucial despite the post-truth focus on digging for the facts. In our attempts to bring out objective and often generalized versions of history, we end up losing various perspectives and viewpoints of the world. It shall lead us to be "depriv[ed] of 'objective' relationships to others and reality guaranteed through them"(57-58) as Hannah Arendt in *The Human Condition* said. If we disapprove of the

facts of the emotional interviewee, if we only look for misshapen ideology in it and debate how post-true something is, then we shall again be left with our version of the truth and be “imprisoned in the subjectivity of their [our] own singular experience” (Arendt, 8). In the Preface: *The Unwomanly Face Of War*, Alexievich says: “Women’s stories are different and about different things. —Women’s war has its colours, its smells, and its range of feelings”. These unmapped historical voices reclaim truths which give new horizons to the past as well as to the future writing of testimonies.

Alexievich’s subjective human stories where history is brought alive and deconstructed by the subjects themselves make us only more aware of the façade of the truth claims and aware of truth versions. “I buy three newspapers and each one of them has its version of the truth. Where’s the real truth?” (*Secondhand Time*). Alexievich focuses on such nuances of the personal or individual suffering of the Soviets that the appeal to the emotional is immediate. Each character/interviewee holds a certain position in history, not just through their social position but also their dreams and ambitions also give them a certain place in the hierarchy of Soviet historiography. In *Secondhand Time*, we become acquainted with a factory worker who thought her labour could shape the entire course of Soviet history, it was her truth. Now, whether or not her truth was shaped by Stalin’s propaganda can be our attempt to understand it objectively but her version holds something else too. Historical distance and retrospection can tell us that this was heavily influenced by the Soviet dreams of Utopia. If this dream was influenced by lies that the communist regime inflicted on the people, then we can claim to be more objective about her claims as we know better now. But isn't the individual’s truth her belief in Stalin? Her truth needs to be voiced to give us a fuller understanding of how a fascist regime worked hegemonically. Our historical distance and claims of facts and objectivity should not be accepted at face value without delving into the emotions that this woman expressed. Alexievich’s work implicates a reader to not avoid the quest for the subjective and the emotional to understand the world. She highlights that not having the answer about which truth is truer than the other is a problematic nuance whose answers are more questions. Such questions she argues are our sole claim to the truth. Being more aware of our position, our privilege and our ethical standpoints when we call something

fact or mere propaganda should become a regular practice when consuming news and narratives in the post-truth world.

Looking at emotional narratives as counter-narratives is a necessary precondition to understanding any narrative better. Thus our facts can become clearer to us when we read them through emotions. Whatever we say about an event should have multiple testimonies or at least perspectives on it from those who lived the event which can act as a filter to any biases we may be carrying.

Alexievich's use of emotional histories can help foster an interesting methodology for the post-truth to make sense of the past and arrive at a more nuanced truth about the past. Her truths may or may not be objective but shall push us to undo our biases as we read the real accounts of individuals trapped in critical moments of historical suffering. A time and space in which looking for truth was a privilege few could aspire to. Dictatorships, wars and historical tragedies did not give Alexievich's interviewees an option to dig for the truth, an option we have and should use to look at her "emotional histories" and dig for the truth and also the post-truth in them. "Whatever resilience factual truths may have depends ultimately on the continual testimony of human beings, who is the practice of freedom, in their ordinary speech and action, affirm reality as shared" (Zerilli 6). The place of the subjective in post-truth and indeed any truth shall, I presume remain a debate with no single resolution. Does the subjective and the emotional and the lack of objective facts only pose a threat to the post-truth era or can this be a device to look into a more visceral version of the truth? Can the truth of history's tragedies be claimed by bringing out the emotional histories of people or will that only be an emotional account that lacks objectivity anyway? The debate is big and longstanding as Linda M. G. Zerilli put it "...debates over post-truth too often repeat the deep and long-standing distrust of human experience as the basis for knowing what is real and what is not that characterizes the Western philosophical tradition."

Conclusion:

The subjects that Alexievich encounters via interviews capture the actual events as they were felt and trace the "emotional histories" of the larger historical events that they are a part of. This gives shape to a new history

of the Soviet individual. The minor, seemingly unimportant narratives of everyday life find space in her works. Narratives of women, children, and the elderly are curated to bring a radically nuanced approach to historiography into focus. Testimonies replace the official history passed down to the public. Her works bring into focus how emotions have their own place in the histories of the past. “The historian’s role has come to include an appraisal of what it was like to be in the past: we have come to ask, what did it feel like?” (Boddice 18). Thus writing about the past demands an analysis of the emotional aspects of historical narratives. It becomes important to note how it felt to be under a political regime whether in the stories by the fiction writer or in the history writing of the historian. The understanding of the emotions and feelings of the individuals within their historical contexts in the past, as well as today, could be crucial to understanding the present as much as the past itself.

Bibliography:

Alexievich, Svetlana. *The Unwomanly Face of War: An Oral History of Women in World War II.*, Random House Trade Paperbacks, 2018.

Alexievich, Svetlana. *Second-Hand Time.* Juggernaut, 2018.

Arendt, H. *The Human Condition.* Chicago: University of Chicago Press. 1989.

Boddice, Rob. *A History of Feelings.* 1st ed., Reaktion Books, 2019.

Conant, James. “The Dialectic of Perspectivism, II.” *SATS*, vol. 7, no. 1, 2006.

McIntyre, Lee. *Post-Truth (The MIT Press Essential Knowledge Series).* The MIT Press, 2018.

Nassbaum, Martha C. *Political Emotions.* The Belknap Press of Harvard University Press, 2015.

Nassbaum, Martha C. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions.* Cambridge University Press, 2001.

Zerilli, M.G. Linda. "Rethinking the Politics of Post-Truth With Hannah Arendt". *Political Phenomenology*, Routledge, 2019.

Use of animal character as an instrument of political satire in Soviet literature

Varun Kumar

Research Scholar

SFUS, University of Delhi

varun.russia@gmail.com

Abstract: Political satire is one of the fascinating and amusing genres of literature in which writer is able to express her/his criticism of society or government in a comic manner. As satirists indirectly criticize any person or issue using various techniques thus they save themselves from the censorship and repression from the ruling political power. Satire is a long-lasting genre and since ancient times has not lost its relevance in society. It has even evolved itself with the changing time and developed many new techniques and instruments to be more effective and interesting. While writing a satire the writer uses various methods of expressions such as allegory, grotesque, exaggeration, irony, parody and incongruity. This paper intends to analyze one of these methods i.e. the use of animal characters. This method of satire has been used by different satirists from time to time to write exemplary satirical works. A great example of this is Mikhail Bulgakov's novelette "Heart of a Dog" (Sobache Serdtse) published in 1925, and Mikhail Zoshenko's story "Adventure of a Monkey" (Prikllyucheniye Obezaniya), published in 1945. The paper is intended to make a lucid analysis of these works by comparing them with each other to point out at the unique qualities of the image of animals that both of these writers have used in their works. The paper also makes a discussion about how the method of using animal character by these writers is different from the previous writers.

Keywords: Satire, Censorship, Intent of Reforms, Humor, Irony, Animal characters

The word satire comes from the Latin language word "satur", which means "well-fed". The word "satur" when used in the phrase "lanx satura" gives meaning "a dish full of many kinds of fruit". However this meaning of "satura" is very different from what we think of as satire today. Now a days satire is imagined as a work of humor in which some characters which represent some particular vices of society or political authority are ridiculed. The word "satire" started to be used in the English language from the sixteenth century. Robert C. Elliott, a professor of English Literature in University of California and author of "The Power

of Satire”, defines satire as a literary work in which social evils are ridiculed with the help of various methods of satire. As per Elliott, the primary goal of the author behind this satire is to bring reform in the society (Elliote, 2023).

Satire has been defined differently by various people. While discussing this it is worth mentioning the name of M.D. Fletcher, who has written many significant books on satire. He writes that satire is a kind of verbal aggression which ridicules different aspects of contemporary socio-political events (LeBoeuf, 2007, p. 4).

Although satire is usually meant to be humorous, but more often it also intends to criticize society constructively using different techniques of expressing satire. In satirical works fictional characters are created which represent real people. These fictional characters are full of different social evils such as stupidity, greed, cruelty and corruption. The target of satire can be a particular person or entire society. Politicians are often ridiculed by satire for their self-righteous or hypocritical behavior and acts.

Boris Lanin, in his article “Ironiya I satira v russkoi literature XX veka-zabitiye imena” (Irony and satire in Russian literature of the XX century forgotten names) draws our attention to the aesthetic category of satire propounded first by the German philosopher Friedrich Schiller. According to Friedrich Schiller, in satire, reality as a kind of imperfection is opposed to the ideal as the highest reality (Lanin, 2002, p. 231).

Satire is written in almost every genre of literature such as novels, short stories, drama, and even poems. Apart from written literature one can also find satire in various modes of expressions such as printed media (caricatures in magazines and newspapers) and mass media (Television shows, standup comedies, cartoons, radio programs etc.). As satirists indirectly criticize any person or issue using various techniques thus they save themselves from the censorship and repression from the ruling political power. In this manner satire plays a significant role for writers to express their dissent circumventing the censorship by the authority. Satire makes ample use of different methods of expressions such as irony, sarcasm, humor etc., but at the same time it is different from them. For example humor is the quality of being amusing or comic to provoke laughter, however laughter is not an essential component of satire. We can

always find a work of satire which does not have any element of humor. Conversely, not all humor is necessarily satirical.

While analyzing the role of humor in political satire I.D. Osipov elucidates that humor is reflected in the philosophical and political literature of Russia as an important trend of Russian humorous literature. Satirical proverb and saying, playful story, satirical portrait, fairy tale and joke, comic songs make up various types of folk humor and satire from 16th to 18th century (Osipov, 2018, p. 175).

In the same manner satire can be compared with irony. Irony can be defined as inconsistency between actions and intentions. In the simple manner this can be understood as when someone says or does something but actually means something else. Satire and irony are interlinked because satire is frequently used to highlight the hypocritical and dishonest deeds of people. Sarcastic irony is considered as a way of expressing the author's position. It is one of the efficient tools of creating literary images, portrait sketches and speech characteristics of different characters in the story.

Political Satire

Throughout its journey satire has played a significant role to criticize not only socio-cultural & religious evils but political wrongdoings and hypocrisy also. In the present era of democracy it is the government machinery which is held responsible for every evil prevailing in the society since it assumes immense power not only to regulate social and cultural conduct but also to eradicate the evils prevailing in the cultural and social life of citizens. Also, politics cannot be divorced from the society since the people holding power are representatives of the citizens and elected or appointed from among them and part of the same society.

Hence due to increased responsibility of state towards society and culture of a country it is the political class which often becomes the target of satirists. Political satire is directly intended to criticize the shortcomings, vices and inefficiency of political systems of town, state, country or even entire world politics. Writers take the help of political satire when there is an atmosphere of restrictions on free speech by the political authority. Political satire allows the author to discuss such political arguments with

the readers which cannot be discussed directly due to curtailment of the free speech.

Dustin Griffin, author of “Satire: A critical reintroduction”, helps us to understand the importance of political satire in the atmosphere where free speech is curtailed and writer has to use various methods to convey his message and expression of discontent with the regime, without inviting direct reaction from the regime which can be detrimental to his life or career. Dustin Griffin observes that when there is a restriction of open arguments and free speech, the writer has to resort to create a fictional work of satire with the help of various methods and techniques such as allegory, irony, fables, in order to circumvent the suppression from political authority. (Griffin, 1994, p. 139).

Vladimir Propp, a famous Soviet folklorist, scholar and writer of “Problemy komizma i smekha” (Problems of the comic and laughter), also believes that satire is an efficient tool of criticism without offending such authoritative sections of society which control the prevalent media for discussing different socio-political opinions (Singh, 2017). However it is important to mention that there is a difference between political protest and political satire. While political protest always has an agenda to influence some political issue or seeking the advantage of some interest groups, political satire may or may not have such goal. The main aim of political satire is to condemn and awaken the people to certain ills in an entertaining manner using wit, humor and other devices. However, it can at times become the catalyst for serious dissent and change.

Animal characters as an instrument of depicting political satire in Russian Literature

Historically and in the present time animals have played a significant role in literature. Animals as instrument of conveying social and moral messages in Russian fables are widely discussed. Different animals are associated with different characteristics in different cultures. Based on these characteristics certain evils and flaws in society in general and specific personality in particular are depicted by the personification of these characteristics in animals. For example, the fox is generally associated with cunningness, the donkey with foolishness and so on.

Characters of animals are widely used not only for spreading some moral message but also for attracting attention towards serious social and political issues in an entertaining manner. Many Russian writers have taken a single or several characters of animals for creating a masterpiece of satire on society or the political system and establishment.

For example Mikhail Saltykov-Shchedrin, the renowned 19th century Russian writer wrote many fairy tales about animals to depict political satire. He utilised this method in many of his works such as «Премудрый пескарь» (The Wise Minnow), «Самоотверженный заяц» (The Selfless Hare), «Орел-меченат» (The Eagle-Patron), «Верный Трезор» (The Faithful Trezor), «Медведь на воеводстве» (The Bear in the Voivodship) and so on.

Behind the images of animals in these tales, well-known human vices and shortcomings are hidden. In one of these works, “The Selfless Hare”, Saltykov-Shchedrin shows many positive traits of a hare such as nobility, love for neighbours, honesty and straightforwardness. However, he also depicts how all of these positive characteristics of the hare are meaningless in front of the slavish obedience and fear of disobeying the wolf, that is, power. Through the image of the hare, he draws the reader’s attention to the images of the townsfolk who have resigned themselves to the authorities and gives an idea of the real life of Russia in the second half of the 19th century. Saltykov-Shchedrin while emphasising on the essence of his works notes that his writings are so imbued with modernity, and fit so tightly to this modernity that anyone can find their value for the future (Anonymous).

Taking another example of the image of the animal from the famous novel of renowned Indian writer Manu Bhandari’s “Mahabhoj (1979)”, this method of political satire can be highlighted more elaborately. The novel revolves around the death of one of the main characters of the novel, Bissu, and different selfish sections of the society who are compared with the vultures who feed on the dead bodies. Manu Bhandari shows how different sections of society, politicians together with bureaucracy and media use a sensitive matter for their personal interests. The title of the novel “Mahabhoj” refers to the feast that is organized on the death of someone. After reading this, the reader is filled with curiosity as to whose great feast the author is talking about. As soon as the news of

Bissu's death is received, the vultures, which are eager to use him for their selfish ends, clarify the meaning of this name. In this way the author compares the selfish sections of the society with the vultures who feed on the dead bodies (Kumari).

Though in this novel animal characters are used to depict the selfishness of the humans, but the whole story is not revolving around an animal character representing the whole society or political system. The vultures are used just as a symbol feeding on dead bodies. But we have many such literary works where a single animal is put in the center of the story as a main character of the story. One such story is by Mikhail Bulgakov, the renowned Russian writer, playwright, theater director and actor. His novelette "Heart of a Dog (Sobache Serdtse, 1925) depicts an image of a dog keeping this character at the central stage. In the same manner the short story of Mikhail Zoshenko "Adventure of a Monkey" (Priklucheniye Obezaniya, 1945) revolves around a monkey. The comparison of both the literary works gives an opportunity to explore interesting shades of political satire.

Heart of a Dog (Sobache Serdtse, 1925)

Heart of a Dog is a socio-philosophical satirical story by Mikhail Bulgakov. The main theme of the story is an experiment in which a dog turns into a human. The main character of the story Professor Philipp Philippovich Preobrazhensky operates on a dog named Sharik with the help of his assistant. Some human organs are transplanted into him from a deceased human drunkard. As a result of this operation the dog turns into a man named Sharikov. This new Sharikov has still many bad habits such as drinking, smoking, and familiarity with abusive language. He is given a new identity of Polygraph Polygraphovich Sharikov with supporting documents. He is also appointed as in charge of the Moscow Cleansing Department with a job of eliminating vagrant quadrupeds (cats etc.). However, Professor Preobrazhensky later realizes the bad consequences of his experiment and again performs an operation on him and transforms him back into the ordinary stray dog.

Bulgakov's plot allegedly tries to depict the reality of the 1920s following the Russian Revolution. In the story Bulgakov intends to show that any sudden violent change in public consciousness does not lead to anything

good in all spheres of the country's life. Thus the story is widely considered as a criticism of Soviet society, especially the newly emerged class that arose after the Bolshevik revolution. Even Sharikov strongly believes that as a proletariat it is his duty to fight for his rights. He expects to get more respect from society. For this reason Sharikov sees himself against Preobrazhensky, who belongs to the educated elite class.

As is well known this satirical story caused Bulgakov much trouble. "Heart of a Dog" is considered by many critics as a harsh satire on disappearing civilized values of earlier Russia under the Soviet system. The story ridicules the Soviet theories of human perfectibility through communism. In the words of Viktor Losev, who explains Bulgakov's idea behind the novelette, in the preface of one of the Bulgakov's work, the socialist revolution did not follow the natural socio-economic development of Russian society. It was a result of a haphazard and impulsive experiment and therefore it is necessary to return the country, if possible, to its former state (Bulgakov, 1993, p. 2).

However many critics have raised issue on such interpretation of the novel. They object that this interpretation of Viktor Losev compares the Russian ancestors with the four leg animals who were transformed into two leg human overnight without any natural pace of evolution. They disapprove the interpretation that the experiment conducted by Professor Preobrazhensky is an analogy of the Russian revolution which in a short span of time changed the entire political and economic system of the Russian society. If we make an objective and neutral analysis of the story we find that all the Sharikov's negative characteristics are highlighted to criticize the new reforms initiated in the society. This can be better understood after reading a conversation between professor Preobrazhensky and Sharikov. Professor tells Sharikov that he is still being formed, and is mentally weak. All his actions are purely bestial and he should inculcate social values and skills so that he can be accepted as a civilized person in society. «Вы стоите на самой низшей ступени развития, – перекричал Филипп Филиппович, – вы ещё только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, и вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости о том, как всё поделить»

(Bulgakov M. , 2023, p. 54). According to the professor education, perhaps, would have given Sharikov an opportunity to learn different values and acceptable norms and manners. But, this chance was not given to him due to sudden transformation in the society.

On the contrary, the following words of Sharikov help us to understand his point of view against professor Preobrazhensky. «Да что вы всё... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даёте?! И насчёт «папаши» – это вы напрасно. Разве я просил мне операцию делать? – человек возмущённо лаял. – Хорошенькое дело! Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего разрешения на операцию не давал.» (Bulgakov M. , 2023, p. 40). These words show Sharikov's frustration with the new instructions, orders and rules which he is being told to abide by. Sharikov complains against the instructions given by Preobrazhensky. As per him Preobrazhensky has made Sharikov's life miserable. He also objects to Preobrazhensky's operation which he performed on Sharikov when he was a dog without his permission. In the same manner, Sharikov still has hatred of cats, for this reason he is appointed as head of the department for making the Moscow city free from the stray animals (including cats). The writer here perhaps tries to show that though a dog turned into a human being, but he still has a heart of a dog.

Thus, in the opinion of many critics Preobrazhensky's experiment helps to expose the absurdity of a society, in which, as a result of a historical experiment, everything abnormal becomes normal all of a sudden.

Adventure of a Monkey (Priklyucheniye Obezaniyi, 1945)

While discussing about satire one cannot skip the name of Mikhail Zoshenko (1894 – 1958). His works are predominantly a satire on Russian life in the 20s and 30s of the Soviet era. This period of literature in the Soviet Union was marked by dominance of the socialist hero, but Zoshenko provided an alternative to the reader to enjoy something which was close to ground reality. Mikhail Zoshenko is one of the most amusing Russian writers and at the same time one of the authors with puzzling mystifying quality. Many readers of the 1930s admired the folk language of Zoshenko's characters.

His stories mainly targeted the Soviet bureaucracy, and day to day life style of soviet society. The writing style of Zoshenko's satire can be best summarized in his own words. He says that he writes very briefly, and his phrases are short enough to be easily understood by all. Perhaps this is the reason that he has many readers (Zoshenko, 1928, p. 11). Many of his stories demonstrate negative characteristics of Soviet people's life. In his stories he mocks at certain aspects of Soviet life, ways and people, as he does in his story "The Adventures of a Monkey".

"The Adventure of a Monkey" was first published in the children's magazine *Murzilka* in December 1945 and then was reprinted several times in other publications. However, it was only after the publication in the *Zvezda* magazine in the following year it had to face the reaction of the authorities. A large-scale campaign in the Soviet press turned into a persecution of the writer and another tightening of censorship in the press. The newspaper "Culture and Life" on August 10, 1946 published "the voice of the people" - a letter to the editor by the writer Vsevolod Vishnevsky, who called the story absurd, where everything is meaningless and slander on the life of the Soviet people. Zoshenko was not only expelled from the Writers' Union, but had to undergo the deprivation of food cards, stopped being published and even being mentioned in the press. Thus his entire subsequent life was overshadowed by the publication of this story (Batyushina, 2020).

The story depicts the adventure of a monkey of a zoo from where he escaped to the city streets of Soviet Russia. Zoshenko depicts the life of Soviet people as uninteresting and chaotic; however the monkey is portrayed as a logical creature that has the ability to assess human actions. In his adventure amongst the common people the monkey finds the lifestyle of Soviet people as illogical and insensitive. Monkey feels that life in the zoo is better than the free life in Soviet society. For him taking breath in the cage is easier than amongst the Soviet people. Thus the monkey acts as a judge of Soviet society.

Some of the incidents from the stories reflect Zoshenko's idea that the attempt of Soviet system to impose aristocratic culture on the people overnight will not bring any meaningful change in the society. For example the boy Alyosha Popov takes the monkey home and gives him tea to drink but Alyosha's grandmother reacts in an offensive manner. She

is annoyed by the fact that monkey has grabbed the grandmother's piece of candy and put it into his mouth. Grandmother is unable to consider that he was not a human being but simply a monkey. She expects him to take something not right under her nose but with permission in a civilized manner. For this Alyosha assures his grandmother that he will train the monkey how to eat with a spoon, and how to drink tea from a glass (Zoshenko, *Preklyucheniye Obezyani*).

This view of Zoshenko finds the reflection in another such example of the retired soldier Gavrilich, who plans to sell the monkey at the market. He takes the monkey to public bath to make him clean and nice to get a high price for him at the market. He soaps monkey but some soap gets into the monkey's mouth and later in his eyes. This drives the monkey completely crazy (Zoshenko, *Preklyucheniye Obezyani*). Another incident from the story is worth mentioning. In the story we see that a crowd is mindlessly running after the monkey to catch him. The sarcastic manner in which this event is narrated by Zoshenko is a good example of Zoshenko's style of satire. When Alyosha Popov sees people running, at first he doesn't even realize that they are chasing his monkey. He thinks that they are running due to an air strike. However he later realizes that it was due to his monkey. Here the writer tries to depict the crowd mentality of the Soviet people, who have stopped thinking in a rational manner and just follow the crowd. The individual intellect has been replaced with the crowd following (Zoshenko, *Preklyucheniye Obezyani*).

Conclusion

If Zoshenko's *Preklyucheniye Obezaniyi* is compared with other works of satire in which animal characters are presented such as "The Heart of a Dog", the clear difference is visible to the reader. While analyzing the story "The Heart of a Dog" what is worth mentioning is that rarely such a masterpiece is written where a single character plays the role of both animal and human with the help of revolutionary technology of transforming an animal into human. In Bulgakov's story the dog itself becomes the part of the absurdity of the society which is criticized by the writer but in Zoshenko's story the monkey remains aloof from such absurdity and even acts as a judge. In this way, the two writers have very craftily utilized the animal character in different manners and set an

example before other writers, prompting them to explore innovative methods to create satire.

Socio-political satire as a genre of literature is widely discussed by the literary critics. This genre is multidimensional considering the various methods used by different writers. This is one of the foremost genres of literature which is widely used in mass media and standup comedy shows. As satire is closely censored by the government authorities it has to find new ways and methods to pass the scanner of the government authority. Thus, satire becomes an ever evolving and very dynamic literary genre.

However, the real challenge that remains in front of writers is not only how to adopt innovative methods, but also to convey their ideas in a simple manner so that they can be understood and appreciated by a wider public. At the same time, they should be entertaining and amusing.

Works cited:

Bulgakov, Mikhail.A. “Sobachaye Serdtse.” *Azbyka Veri* [2023, 72 p].

<https://azbyka.ru/fiction/sobache-serdce-bulgakov/>

Zoshenko, Mikhail. “Preklyucheniye obezyani.” *Russkaya skazka* [2023].

<https://russkaja-skazka.ru/priklyucheniya-obezyanyi/>

Elliot, Robert.C. “Satire.” *Britannica* [2023].

<https://www.britannica.com/topic/Pulitzer-Prize>

Leboeuf, Megan. “The Power of Ridicule: An Analysis of Satire.” Senior Honors Projects, University of Rhode Island [2007, 46 p].

<http://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1065&context=srhonorsprog>

Lanin, Boris. “Ironia i satira v russkoi literature XX veka (Zabitiye imena).” *Acta slavica iaponica*, Slavic research center, Hokkaido university [19, 2002, p. 228-242].

https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39388/1/ASI19_009.pdf

Osipov, Igor.D . “Humor v Polichicheskoye Kulture.” *Studia Culturae*, Article written under the grant of РГНФ No 10-03-00840a [2018, p. 173-175].

https://hugepdf.com/download/5b171f2634f5a_pdf

Griffin, Dustin. “Satire - A Critical Reintroduction.” *The University Press of Kentucky*, Lexington [1994, 256 p].

<https://www.kentuckypress.com/9780813108292/satire/>

Singh, Jai. "Laughter, the best medicine." Hindustan Times [2017].

<http://www.hindustantimes.com/books/laughter-the-best-medicine/story-W3PDscAvyVrbF0QHABUK6L.html>

Kumari, Shilpi. "Mahabhoj Upanyas Manu Bandhari Ki Samiksha." Hindikunj.Com, Literary Web Patrika.

[2021]. <https://www.hindikunj.com/2021/08/mahabhoj-upnyas-ki-samiksha.html>

Bulgakov, Mikhail.A. "Gryadushiye perspectivi: Iz luchshikh proizvezanii/Foreword and comment by Viktor Losev." IZOFAKS [1993, 671 p]. <https://www.libsmr.ru/card/num/111323>

Zoshenko, Mikhail. "O sebe, o kritikakh i o svoeyi rabote." Mastera sovremenoi literaturi, Academia Leningrad [1928, 94 p].

https://imwerden.de/pdf/zoshhenko_stati_i_materialy_academia_1928_text.pdf

Batyushina, Khristinna. "Priklucheniye Obezaniyi: Ot rasskaza k partiture." Mariinskii Teatre [2020].

<https://vk.com/@mariinskytheatre-priklucheniya-obezyany-ot-rasskaza-k-partiture>

"Obrazy zhiivotnykh v skazkakh saltykova shhedrina." Sochinenya po russkoi literature. Home Task.com

<https://home-task.com/obrazy-zhiivotnyx-v-skazkax-saltykova-shhedrina/>

Концепция культуры в творчестве Рериха

Мита Нараян,
Профессор,
Центр Русских Исследований,
Университет имени Джавахарлала Неру,
Нью Дели, Индия

Аннотация: Николай Константинович Рерих был не только известным русским художником, но и писателем и поэтом, творческое наследие которого было очень обширное. Его картины, вместе с его стихами и философским и духовным понятиями - все были окружены понятием культуры. Все читатели с восторгом читают и понимают его работы, так как его жизнь действительно многосторонняя, его творческий путь необыкновенный и его натура высоко духовна! В понятии концепции культуры, Рерих сыграл глобально-мессианскую роль. Он считал, что человек должен заботиться о культуре и, следовательно, развивать её, поэтому в его творчестве культура изображается в разных формах. Горный пейзаж сыграл особенно значительную роль в его картинках - огромные и разнообразные образы горного мира служили темой большинства его работ. Красота Гималаев очень выразительно изображена в его работах – они стали частью его души и такое понятие культуры выражается в его разнообразных красивых работах. Данная статья описывает такое понятие концепции культуры и отвечает на вопрос, почему культура считается предметом глубокого исследования.

Ключевые слова: творческое наследие, философское знание, духовный мир, изображение, глобально-мессианская роль, живой источник, глубокое исследование.

***

Язык любой страны изображает черты культуры и понимается при помощи её культурных систем, так как эти черты являются неотъемлемой частью каждого индивидуального народа и находят значительное место в его творчестве. Н. К. Рерих был, именно таким символом культуры, для которого культурные особенности обществ, составляющих их народов, придают значительное своеобразие работ и влияют на мировоззрение человека. Поэтому каждый компонент жизни связан с постижением сущности культуры, в понятии которой, Рерих сыграл глобально-мессианскую роль. Он считал, человек должен заботиться о своей культуре и, следовательно, развивается культура, обозначая победу света над тьмой. Весь

смысл эволюции человека, который помогает нам идти от хаоса к порядку, основан на принципах культуры, считал он. Самое главное, для человека, подумал Рерих — это развитие внутренней культуры. Оно основано на моральные качества - доброта, истина и любовь.

Николай Константинович Рерих - выдающийся русский художник, мыслитель, учёный, писатель, поэт и общественный деятель, творчество которого было окружено понятием культуры. Культура для Рериха - это какое то волшебное вещество, которое имело способность связывать все стороны жизни человека и все направления его работ. По его мнению - наука, искусство, религия и весь прогресс человечества — это всё возможно благодаря культурой. Концепция культуры – это базис существования человечества. Николай Рерих был первым художником, который дал различие между культурой и цивилизацией. Культура - это выражение духовного мира человека и цивилизация – это зеркало всех культурных аспектов, которая делает человека человеком.

От самого детства, Николай Рерих был связан с историей и культурой российских народов. С каждым годом его интерес к культуре больше и больше развивался. Он начал изучать фольклор и работал как редактором в журналах по истории русского искусства и икона. Он много рисовал для церквей, храмов, вокзалов и домов в России, как художник, он создавал мозаики и росписи. Он также стал декоратором оперных, балетных и драматических постановок. Такие разнообразные области – все были связаны с его понятием культуры. Его стиль работы был показан использованием разных цветов, которые изображали его мировоззрение к жизни.

Культура изображается во всех его работ, она была связана с его понятием Востока, Азии и Индии. Поэтому, в его работах особое место занимает Восток, Азия, и, в частности, близкая ему по духу Индия, которые назвали ему махариши — великим учителем. Они были для него не только частью его художественных и научных интересов, но и частью его личности, его глубинной внутренней сути. Мировоззрение Рериха относится к понятию индийских источников, которые направлены к духовному миру человека, чтобы совершить самоусовершенствования. Такое понятие является неотъемлемой частью культуры и помогает человеку напомнить своё

прошлое не только как простое действие прошлого, но и напомнить прошлое, как путь к светлому будущему. Он был сильно связан с философией Востока, с японским искусством, о которых он много писал и рисовал картины, связанные с индийскими мотивами, такие как - Девассари Абунту, Девассари Абунту с птицами, Граница царства, Мудрость Ману.

Масштабная Центрально-Азиатская экспедиция в Индии была организована Рерихом в 1923 году. Его книга - Алтай — Гималаи была написана в это время и одновременно, он продолжал своё исследование по предмету археологии в разных частях Азии. С большим интересом он собрал и читал фольклорные материалы и произведения. Он успешно смог создавать около 500 творческих работ, которые отражали многогранность понятий культуры. Все разнообразные научные материалы, которые собрали Рерихи во время экспедиции должны были бы систематизированы. Вместе с женой он создавал Институт гималайских исследований в Нью-Йорке и потом в Гималаях, в долине Куллу - Институт Урусвати (в переводе с санскрита Свет утренней звезды).

С 1931 года Индия стала постоянным местом жительства Рериха и дни, проведённые в Гималаях, были как его второе рождение, так как красота Гималаев, теперь дала ему новую силу для изображения своих чувств. Великие творческие достижения и сильная духовная углублённость нашли своё место именно здесь в Индии, и он закончил две книги и более тысячи картин. В Индии были написаны серии Шамбала, Чингис хан, Кулута, Кулу, Святые горы, Тибет, Ашрамы, за которые художественные критики называли Рериха мастером гор.

Николай Константинович Рерих был первым русским художником, творчество которого было окружено горным пейзажем. Его имя было известно как мастером горного пейзажа в российском обществе, и также в мировом искусстве XX века. Огромные и разнообразные образы горного мира служили темой большинства его работ до конца его жизни. Гималаи, в частности, занимает особое место в его творческих работах, не только как простые горы, но и как живущие субъекты, имеющие разные значения. Горы, как будто окружали его

- войдя в его творческое мышление, они стали неотъемлемой частью его духовного мира.

Гималаи для Рериха – это драгоценность Индии, который по его понятию, был символом красоты и духовного восхождения человека. Гималаи, для него символизируют красоту природы, о различных видах которой он много рисовал. В горах Гималаи он испытывал такие качества, как доброта, силы и энергии, которые дали человеку мужество, выдержку и терпение. Он твердо верил, что Гималаи хранят ключ ко многим тайнам истории планеты и человечества. Такие тонкости выражены в его творческих работах.

Его первые картины были посвящены высочайшим горам Азии — Гималаи, Эвересту, Канченджанге, Нанда-Дэви. Для него они стали необыкновенными предметами красоты природы и служили темой его будущих работ и исследования. Краски, которые он употреблял, имели глубокое значение, так как он удивительно глубоко почувствовал и потом передал величие Гималаев. Канченджанга, которая была нарисована в 1924 году имела сине-голубоватой цвет, Жемчуг исканий - синий и голубой и картина Эверест, которая была сделана в 1935 году, имела сильные синие и белые тона цвета. Другие высокие вершины Гималаев, как Нанда-Дэви тоже были нарисованы Рерихом, вместе с вершинами, Эверест и Канченджанга. Он использовал в первой картине Нанда-Дэви (1941), синие тона цвета, а во второй Нанда-Дэви - (1944), он использовал тёмно-синий цвет, так как она была на фоне неба. Постепенное повышение интенсивности цвета – это замечательная черта, которая видна в его изображении горных вершин.

Употребление таких цвет говорит о большой художественной мудрости, как будто эти горы стаи живыми фигурами. Его горные цепи блестяли и говорили, показывая цветовые гармонии между красотой гор и нашей планеты. Вот и показывает глубокую внутренность художника. Синий и голубой цвет начали иметь глубокое значение, которое связанное не только с красками, но и с тем, как изменяется взгляды человека. Один и тот же цвет показывает разные тона, которые можно сравниваться с чувствами жизни. Такое богатство можно испытывать в его творческих работах.

Внутреннее философское значение, выражается через понятие культуры. В своих работах, Рерих изображал Кришну как символ доброта и энергии. Его спокойное лицо много научит человека. Нарисовал Рерих Кришну в разных формах - Весна в Кулу (Кришна - 1930 г.), Кришна -1932 г.) Считается, что в образе Кришны, можно найти качество достоинства, красоты, богатства, власти, знания и отречения.

Картина Бхагаван (Рамакришна, 1931 г.) говорит о том, что хотя жизненный путь трудный, но человек может преодолеть все проблемы с своей силой. И именно тогда он может узнать себя. Такое понятие изображен через прекрасного лица Рамакришны, путь которого был не лёгким. Он нарисован в окружении очень высоких, труднопроходимых гор. Горы, здесь изображают трудности, но и одновременно они показывают путь к дальнейшему, путь к тому, как спокойно преодолеть сложности жизни. Блестящий цвет будет вперед. Картина изображает великолепную ауру Бгавана – его любовь, терпимость и мудрость нарисованы с белым, голубым, зеленым и желтым цветами, которые делают картину очень привлекательным, утверждая употребление этих цветов художником.

Картина Николая Рериха Брахмапутра (1946) занимает особое место в его творчестве. Брахмапутра – всем известно, что это название реки в Индии и такое название было переведено, как Сын Брахмы с санскрита, так как слово Брахма обозначает индусский бог.

Гималаи, Кришна, Брахмапутра - для Рериха, являются символом развития культуры человека. Здесь можно познакомиться с глубиной историей Индии в разных формах красоты, философии, силы и энергии. Вот, по понятию Рериха – есть настоящее понятие культуры.

Бывший премьер-министр Индии, Джавахарлал Неру написал о творчестве Рериха, уточняя его любовь к культуре, так: «Когда вы смотрите на эти картины, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались над равнинами Индии и были нашими стражами. Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного

наследства, многое не только о прошлом Индии, но о чем-то постоянном и вечном». «Я горд, что мне было предназначено прославить во многих картинах величавые Священные Гималаи, - писал Н.К.Рерих. - Любя Индию и будучи русским, я счастлив, что в истории русского искусства Гималаи и Индия будут воспеты с любовью и уважением». [Картины Н. К. Рериха С.Н. Рерихов, 2015]

Концепция культуры осталась с ним до конца его жизни. Она была красиво изображена через его картины о горах - Гималаев и об образах великих духовных лиц и конечно через его легендарную духовную общину Востока – Шамбала. Внутри каждого человека есть Солнечный Огонь! как позитивный трансформационный центр Вселенной Человека. Вот такое философско – культурное понятие Н.К.Рериха, которое он пытался раскрыть через свои картины до конца своей жизни.

Так Николай Константинович Рерих является исключительным явлением в истории мировой культуры. Его жизненный путь - это путь многосторонний и удивительный, который научит нас не только любить красоту природы, но и понимать суть жизни. Философская мощь, красота и убедительность образов много говорили об его мировоззрении и до сих пор его картины являются элементами большого интереса.

Его большой художественный вклад живут и дышат, благодаря которым имя Рериха никогда не умирает. Богатство его интересов видно в его разных художественных и творческих работах, поэтому их занимаются философы и мыслители, искусствоведы и художники, литературоведы и историки, географы и археологи. Его имя имеет важное место в культурных анналах страны. Знакомство с его идеями, богатством и глубиной его внутреннего мира просто открывает новые шаги к понятию его концепции культуры!

***

Литература:

1. Башкова Н. В., Директ-Медиа// Жизнь и творчество Н. К. Рериха: документально-художественная литература, 2011. Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=14311&contrast=1 (дата обращения: 28.10.2022)

2. Картины Н. К. Рериха. Галерея картин Н.К. и С.Н. Рерихов. 2015. <http://irmtkullu-rus.com/drugie-obekty-tresta/galereya-kartin-nk-i-sn-rerihov/kartiny-nkreriha/> (дата обращения: 15.11.2022)
3. Картины Н. К. Рериха. Галерея картин Н.К. и С.Н. Рерихов. 2015. - <http://irmtkullu-rus.com/drugie-obekty-tresta/galereya-kartin-nk-i-sn-rerihov/kartiny-nkreriha/> (дата обращения: 18.11.2022)
4. Митрошенков О.А.// Культура и цивилизация: журнал "личность. культура. общество" избранные статьи, 2000, т.2, выпуск.2(3) http://reznik-um.ru/lko/jur_miroshenkov_2_2_00.htm, 14.10.22
5. Рерих Н.К. и Рерих Е.И. о культуре // (Подборка цитат) Зов о Культуре. 16 декабря 1942 г.//Режим доступа: https://roerich.spb.ru/page/nk_rerih_i_ei_rerih_o_kulture (дата обращения: 15.12.2022)
6. Рерих Николай// «Поездка по старине»: Режим доступа: <https://www.culture.ru/persons/8245/nikolai-rerikh> (дата обращения: 20.11.2022)
7. Саночкин Дмитрий. Николай Рерих. Брахмапутра 2013. <http://laloken.livejournal.com/353493.html> (18.11.2022)
8. Урикова Н.В. Описание 100 картин Н.К.Рериха Кришна (1932 г.) <http://gallery.facets.ru/show.php?id=454> (15.11.2022)
9. Шустова А.М.//Вклад Н. К. Рериха в науку о Востоке. //Ориенталистика. 2019; 2(4): с.890-915. Режим доступа: <https://www.orientalistica.com/jour/article/view/134>(дата обращения: 20.11.2022)

Культура как средство власти - проявления массовой культуры

Кришнакумар Р. С.

Преподаватель и Заведующий
Кафедрой русского языка
Университета Кералы, Индия
kkmeerkk@gmail.com

Аннотация: Термин «культура» еще не получил окончательного определения; и не наша задача сейчас его определять. Но поскольку термин «массовая культура» основан на термине «культура», необходимо рассматривать термин «культура» в правильной перспективе.

Концепция массовой культуры определяет всю власть, поведение, мифы и явления, которым трудно противостоять и которые производятся промышленными методами и распространяются в массы. Идеи, взгляды и взгляды массовой культуры присущи большинству людей. Это бесконечный поток развлечений и информации, который отвечает интересам и потребностям конгрегации. Массовая культура является отражением практики, убеждений и обычаев, преобладающих в обществе в определенный период времени. Он показывает специфику мышления, систему ценностей, потребности, страхи и желания людей. Эта культура проникла во все сферы человеческой деятельности и стала неотъемлемой частью изо дня в день жизни.

Ключевые слова: Культура, Массовая культура, средства массовой информации (сми) и индустрии культуры

Культура - это характеристики и знания определенной группы людей, включающие язык, религию, кухню, социальные привычки, музыку и искусство. Для Центра перспективных исследований в области языковых исследований культура - это «общие модели поведения и взаимодействия, когнитивные конструкции и понимание, которые усваиваются в процессе социализации». Другими словами, культура - это групповая идентичность, созданная постоянным взаимодействием социальных паттернов, уникальных для данной группы. Эти социальные модели происходят из традиции, которая создает и создается данной социальной группой.

Сила Культуры до некоторой степени определяется традицией, которая ведет к проявлениям массовой культуры. В постоянном взаимодействии социальных паттернов мы можем видеть постоянное взаимодействие между различными потребностями, порожденными продолжающейся социальной жизнью. Следовательно, культура не может быть статичной; он меняется от одного пункта к другому в результате диалектического отношения между традицией и необходимостью. В данный момент мы живем в особой культурной среде, которая представляет собой синтез, являющийся результатом постоянного конфликта между традицией и необходимостью. Изменение общей структуры культуры обычно не является чем-то революционным. Ключевое слово - эволюция. Первые вехи культурного прогресса группы могут стать чуждыми для людей этой группы сегодня. Но те, кто пережил изменяющиеся модели культурного поведения, не чувствовали чужеродности, которую чувствуют сегодняшние члены. Но в этом противоречии между традициями и новыми вызовами традиция оказывала сильное сопротивление. Неудивительно, что проявления «массовой культуры» имеют начало в США: по понятным причинам США никогда не могли похвастаться традициями 100 лет назад.

Проявления массовой культуры имеют 100-летнюю историю. Первые признаки массовой культуры видны в золотых двадцатых годах с 1924 по 1929 год. Вначале это был феномен большого города. Это новое явление имело в основном два аспекта: культурный и экономический. Избыток (изобилие) культурных предложений был признаком первого, а обилие новых потребительских товаров характеризовало экономический аспект нового явления. В культурном отношении это было началом СМИ как всеобъемлющей силы. Радио и кино стали проникать в жизнь простого человека, особенно в городе. В области печатного слова дешевые издания в мягкой обложке приблизили письменное слово к публике. Рекламы в газетах приобрели новый облик, и это стало началом поп-арта, который впоследствии стал самостоятельным жанром. Иллюстрированные журналы стали проводником новообретенного сдвига в существующих парадигмах. Рынок изменился с появлением дополнительных товаров,

удовлетворяющих дополнительный спрос. Технологии породили новое оборудование для утонченной домашней культуры.

Эти новые удобства освободили обычного мужчину от его домашних забот, и в первую очередь от него выиграли женщины. Женщины постепенно освобождались от домашних принуждений и могли заниматься другой работой, как и мужчины. Это привело к финансовой независимости, и «женщина-носитель» стала кумиром.

«Общее воздействие одних и тех же средств массовой информации, источников новостей, музыки и форм искусства приводит к развитию набора идей и ценностей, известных как массовая культура. Массовая культура передается отдельным людям посредством трансляции или другими способами, в отличие от естественного развития в результате повседневного взаимодействия людей друг с другом. В результате региональные и местные культуры и их отличительное содержание, как правило, отсутствуют в основной культуре. В нем часто подчеркивается роль людей как потребителей. С ростом издательского дела и радиовещания в 19-м и 20-м веках масштабы массовой культуры резко расширились. Фольклор, который служил основой культуры местных традиционных обществ, был узурпирован ею. Многочисленные границы между средствами массовой информации и фольклором стали более размытыми в результате расширения Интернета в 1990-е годы.»

Exposure to the same media, news sources, art, music, and on a regular basis forms results in the development of a set of ideas and values known as mass culture. Mass culture is communicated to individuals through broadcast or other means, as opposed to developing naturally from people's everyday interactions with one another. As a result, regional and local cultures and their distinctive content are typically absent from mainstream culture. It usually emphasises the consumer roles that people play. The reach of mass culture increased significantly in the 19th and 20th centuries with the growth of printing and broadcasting. Folklore, which functioned as the cultural cornerstone of regional traditional cultures, was usurped by it. Numerous boundaries between mass media and folklore have become fuzzier as a result of the Internet's expansion during the 1990s.(1)

В философии и социологии - понятие, в целом относящееся к буржуазной культуре с середины 20 века. Существенный прогресс в механизме буржуазной культуры отражен в концепции массовой культуры, включая развитие средств массовой информации, промышленное и коммерческое производство и распространение стандартизированных культурных товаров, относительную демократизацию культуры и повышение уровня образования населения. масс, увеличение количества свободного времени и увеличение расходов на отдых в среднем семейном бюджете.

При государственно-монополистическом капитализме средства массовой информации превращаются в культуру, превращая ее в культуру массовую. Система массового распространения массового заражения большинства представителей общества. Массовая культура стремится к культурной «колонизации», то есть к охвату и подчинению культуры всего мира.

Продукты массовой культуры обладают рядом специфических черт, включая примитивную характеристику человеческих отношений и тенденцию сводить социальные и классовые конфликты к развлекательным столкновениям между «хорошими» и «плохими» людьми, цель которых - достичь личного счастья любой ценой. . Практически без исключения есть счастливый конец.

Для массовой культуры характерно появление и ускоренное развитие специализированной профессиональной группы, задача которой - использовать содержание потребительских товаров, технологию их производства и распространения для подчинения массового сознания интересам монополий и государства и искажения и подавить протест.

Система массовой культуры включает исследовательскую, плановую, коммерческую и организационную работу высококвалифицированных специалистов.

Mass culture can be defined as the establishment and rapid growth of a specialised professional group whose task it is to use consumer product content and distribution technology to manipulate and stifle public opinion in favour of monopoly and state interests. The mass culture

system includes work done by highly qualified specialists in research, planning, business, and organisation.(2)

Особенности развития массовой культуры в России включают слабое использование новейшей выгодной компьютерной культуры. Современные потребительские, культурные и образовательные стандарты являются особенностями людей, живущих в основном в крупных городах. Массовая культура не всегда выполняет все функции социальной адаптации индивидуума к меняющимся условиям жизни в обществе. В результате возникает неоправданно более высокая степень социальных ожиданий, не оправдываемых расширением культуры труда.

В России массовая культура все еще развивается со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. Постепенно развивается новый политический ритуал, тип обновленного монументального стиля; и там появилась особая деловая этика новоутовных российских бизнесменов. Примечательно также, что начала формироваться новая социальная и культурная жизнь, особенно в сфере повседневной массовой культуры.(3)

Многие исследователи рассматривают массовую культуру как определенный культурный феномен, автономное образование с частыми разрывами между формой и содержанием. Массовая культура, напротив, определяется как явление, характеризующее характер переноса культурных ценностей в современное общество. Популярная культура – это культура изо дня в день жизни, доступная для прихожан посредством массовой коммуникации.

С точки зрения Д. Белла, некая организация обыденного сознания в образовательном обществе называется массовой культурой. Особый символ, система или язык, с помощью которых члены общества выражают взаимопонимание. Здесь мы видим связь между узкоспециализированным постиндустриальным обществом и людьми, которые являются лишь его частью. К сожалению, общение между «частичными» людьми, узкими специалистами происходит, скорее всего, только на «массовом» уровне, то есть в среднем на общем языке, массовой культуре. Популярная культура сейчас

пронизывает практически все сферы общественной жизни, образуя единое семиотическое пространство.(4)

Люди стали более открытыми друг к другу и к новым идеям. Это была доступная культура, и то, что она предлагала, было доступно всем. Люди могли массово участвовать в этом новом культурном опыте. СМИ, в свою очередь, обратились ко всем слоям общества и представили им различные возможности проведения своего времени. Возникла новая концепция развлечения; время классифицировалось как работа и отдых. Эта новая культура стала местом назначения, и рабочие, интеллектуалы и ремесленники, короче говоря, люди, принадлежащие к каждому слою, имели общие культурные интересы. Так было с городами. Но жители сельской местности увидели в этом угрозу культуре.

Большими преимуществами были: появление новых товаров, особенно новых и доступных предметов роскоши, включая предметы домашнего обихода. Больше досуга для людей и разнообразные предложения, которые помогли провести досуг. Прежде всего массовая культура воспринималась как демократическая.

Но у феномена массовой культуры были и свои недостатки. Была осязаемая поверхностность. В эпоху растущих стремлений к социализму новая массовая культура оказалась пародией на социализм. Город стал символом упадка общества.

Массовая культура предшествовала сегодняшнему обществу потребления. Однако усиление акцента массовой культуры на материале сделало общество подверженным разного рода кризисам.

Но как общества, движимые традициями, могли медленно поглощаться массовой культурой? Как мы упоминали ранее, каждый момент культурной жизни общества он обнаруживает среди постоянной критики существующей культуры, побуждающей общество к реформированию и поиску новых моделей в компонентах культуры. Это внутреннее требование, которое требует изменений в обществе. Вместе с технологическими и научными взрывами новые возможности коммуникации, представленные средствами массовой информации и другими средствами

коммуникации, начали диктовать, какую форму должна принять культура группы. Средства массовой информации сначала использовались группами с корыстными интересами, чтобы обратиться к общественности, чтобы повысить осведомленность о своих интересах. Когда средства массовой информации начали доминировать в повседневной жизни людей, эти группы начали использовать возможности средств массовой информации для реализации своих планов расширения. Эта коалиция постепенно превратилась в серьезного в социальном плане гиганта, который мог диктовать и определять потребности общества. Они начали продавать культурные составляющие и культурные образцы. Культура, которая когда-то была обусловлена традициями, постепенно превратилась в товар, управляемый средствами массовой информации. Массовая культура пришла, чтобы остаться.

Сегодня концепция проявлений массовой культуры относится к культуре как к средству силы повседневной жизни, которое выдвигается индустриальным обществом. Вся культура стала рынком для продажи потребительских товаров, предлагаемых организованным сектором, будь то предметы домашнего обихода или так называемые культурные продукты: литература, фильмы и т. д. Массовая культура, другими словами, стала культурой, которая была задумана организованным сектором. Секторов, будь то промышленное или иное лобби, которые формируются и осуществляются средствами массовой информации и рекламой. Именно в этом контексте Теодор Адорно рассказал о Kulturindustrie (индустрии культуры). Но поскольку это был тот же спрос, спрос, созданный организованными группами, стимулирующий потребление, существует единообразие в потреблении этих «культурных товаров». Параллельно с феноменом сформированного спроса и единообразного потребления независимо от разных слоев в обществе начало формироваться социальное уравнение. Это так называемое «равенство» должно было быть долгожданным знаком для марксистских и социалистических критиков, но они увидели в нем, правильно или ошибочно, сознательно созданную аполитизацию и средство для эксплуатации масс. В этой критике они были не одиноки.

Консерваторы, с другой стороны, видели банальное и бесцельное уравнивание без какой-либо прочной устойчивой культурной конструкции. В этом контексте интересно отметить, что не только индустриальное общество стремится создать культуру, соответствующую его экономическим замыслам, но также и социалистические режимы, которые пытались создать культурную среду, способствующую росту и распространению их идеологии. . Регламентация была потребностью этих обществ, и они определили форму этой массовой культуры: что читать, что писать, как писать и т. д.

Не подписываясь ни на одну из вышеперечисленных идеологических позиций и теоретических ограничений, допустим, что в случае массовой культуры необходимо новое средство. Но как все эти учреждения достигают масс? Именно через средства массовой информации они соблазняют массы в одном случае и контролируют их во втором. Массовая культура нейтрализует традиции и выравнивает различия между культурами. Более того, конечный продукт становится господствующей культурой группы, которая сильнее в политическом, социальном и экономическом плане. Практически на этом фронте происходит американизация, особенно после краха Советского Союза. В этом контексте стоит упомянуть инициативу «Перестройка». Но насколько успешна перестройка в этом направлении, все еще остается предметом споров. Однако существует сильное недовольство этим уравниванием других культур в пользу массовой культуры. Утрата идентичности, происходящая параллельно с появлением массовой культуры, вызвала недовольство последней. Если мы должны думать о сопротивлении натиску массовой культуры, какие варианты доступны?

Как и любой базовый паттерн коммуникации, проблема массовой культуры связана с отношениями отправитель-медиа-получатель. Как мы видели ранее, СМИ играют очень важную роль в распространении массовой культуры.

СМИ - это проводник. Это тоже виноват.

Поэтому первым шагом в оказании сопротивления является борьба со средствами массовой информации. В демократическом обществе это ситуация «уловки 22». СМИ нельзя подчинять себе. Свобода СМИ - это свобода людей. Но как противостоять натиску сознательной массовой аккультурации, не ограничивая средства массовой информации? У СМИ тоже есть свои принуждения. Выживание современных СМИ, электронных или любых других, зависит от крупных финансов. С другой стороны, крупные финансы обретают свою экономическую мощь за счет умных манипуляций с общественностью, дезинформации их или даже дезинформации, обманном путем заставляя общественность тратить деньги на предлагаемые им продукты. Это порочный круг, и из-за этого становится все труднее контролировать атмосферу, создаваемую ложными обещаниями: рекламой. В этом контексте бесполезно думать о нападении на СМИ или рекомендовать СМИ сдержанность. Следовательно, инициатива должна заключаться в первую очередь в том, чтобы найти баланс между традициями и современностью. Принимая современность, получатель должен использовать усмотрение вместо обычного побуждения «принадлежать». Но кто возглавит это сопротивление? Это не может быть повесткой дня определяющих сил в обществе, таких как СМИ или индустрия - индустрия в том смысле, что в массовой культуре все является индустрией - по внутренним причинам. В этом контексте даже государство беспомощно, поскольку его жизнеспособность зависит от экономики, которую строит отрасль. (СМИ-средства массовой информации)

Зключение: Помочь в этом деле может только постоянная бдительность и сдержанность общественности. В этом вопросе очень важна роль общественных инициатив. Лозунгом здесь является способность понимать собственные традиции, дополнять и исправлять их современностью с чувством социальной ответственности.

Список литературы:

- (1) <https://www.chegg.com/homework-help/definitions/mass-culture-47>
- (2) <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/mass+culture>
- (3) https://studopedia.ru/12_130086_massovaya-kultura-v-rossii.html

- (4) <https://mydocx.ru/1-8488.html>
- (5) Ashin, G. K. Mif ob elite i “massovom obshchestve.” Moscow, 1966.
- (6) Glazychev, V. L. “Problema ‘massovoi kultury’.” Voprosy filosofii, 1970, no. 12.
- (7) http://nlenskaia.narod.ru/masskult/045576_57A63_akopyan_k_z_massovaya_kultura_uchebnoe_posobie.pdf
- (8) <https://sfk-mn.ru/PDF/04KLSK118.pdf>

Метафорическая модель «Политика – это спорт» в политическом дискурсе России и Индии

Киран Бандра

Преподаватель

Кафедра Русского языка

Пенджабский университет

Чандigarх

kkbandra@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию метафорической модели «политика — это спорт» на основе СМИ русского языка и языка хинди, то есть в работе предпринимается попытка найти ответы на эти исследовательские вопросы: каковы сходства и различия в использовании спортивных метафор? Каковы сходства и различия в концептуализации между российским и индийским политическим дискурсом? Целью данной статьи является сопоставительно – когнитивное изучение метафорической модели «Политика – это Спорт» на основе СМИ русского языка и языка хинди.

Ключевые слова: метафорическая модель, когнитивный анализ, политическая метафора, спортивная метафора.

В течение последних лет распространилось использование спортивных терминов в политических текстах. Спорт как универсальный феномен присутствует во всех сферах деятельности человека и во всех языках мира. Он также играет важную роль в отношениях, предполагающих борьбу и соперничество. Таким образом, мы исходим из того, что спорт играет очень важную роль не только в проведении времени, но и также в концептуализации нашего мышления.

Метафорическая модель «политика – это спорт» в СМИ русского языка и языка хинди разделяются на следующие три фрейма: «основные компоненты спорта», «состяжание в скорости», «разные виды спорта». Данная модель сходится по фреймовой структуре, но имеют также различные слоты в обоих исследуемых языках.

Фрейм «основные компоненты спорта» в СМИ русского языка и языка хинди

В фрейме «основные компоненты спорта» выделены метафоры, в которых нет конкретизации-уточнения того, о каком виде спорта идет речь. В этих метафорах выделены основные компоненты, которые являются важными для спорта. В текстах СМИ языка хинди и русского языка, политическая деятельность концептуализируется с помощью лексики из сферы «спорт». На основе этого выделяются ниже данные пять слотов в составе фрейма «основные компоненты спорта»: «игра», «спортивная команда», «спортсмен», «спортивная площадка», «победа и поражение».

Слот: Игра

В слоте «игра» в современных СМИ русского языка и языка хинди политическая деятельность, выборы, политические переговоры часто представляются как «игра»: «игра президента», «политическая игра», «большая игра Путина», «राजनीति का खेल», «राजनीतिक खेल».

Например,

- «Игра президента, которая могла закончиться совсем иначе.» (Ведомости)

- «राजनीति के खेल में शह – मात, हार – जीत लगी रहती है।»

(जागरण)

Слот: Спортивная команда

В Слоте «спортивная команда» в СМИ русского языка и языка хинди представляется политическая партия в образе команды: «команда путина», «команда президента», «команды губернаторов», «команда Бречалова», «команда Навального», «टीम अण्णा», «टीम केजरीवाल»,

«टीम मोदी», «राहुल की टीम», «भाजपा की टीम» и т.д. На языке хинди

спортивный термин «टीम» заимствован из английского языка, и в политическом дискурсе используются как метафора. При сопоставительном анализе мы обнаружили, что данный слот является полностью схожим в обоих исследуемых нами языках. Например,

- «Итогом разговора стало публичное признание Путиным того факта, что команда Бречалова смогла добиться определенных успехов.» (Независимая газета)

- «भाजपा को फिर पछाड़ा केजरीवाल की टीम ने।» (अमर उजाला)

Слот: Спортсмен

В Слоте «спортсмен» примеры в СМИ русского языка и языка хинди сочетаются с разными политическими терминами. В СМИ русского языка и также в СМИ языка хинди политические деятели концептуализируются в образе «спортсмена». Политические метафоры такие как «фавориты», «лидеры», «победители», «чемпионы», «игроки», «провал» и другие существуют в русском языке. Но на языке хинди метафоры как «**खिलाड़ी**», «**राजनीति के माहिर खिलाड़ी**» «**राजनीतिक खिलाड़ी**» очень часто употребляются.

Например,

- «Фаворит президентской гонки Владимир Путин в ходе избирательной компании оперативно реагировал на изменения в стране» (Единая Россия)
- «**बिहार के मुख्यमंत्री नीतीश कुमार को राजनीति का माहिर खिलाड़ी माना जाता है। उन्होंने न केवल राज्य में मुख्यमंत्री के रूप में दो पारियां खेली हैं। बल्कि केंद्रीय मंत्री के रूप में भी वे सफलता के साथ काम कर चुके हैं**» (आज तक)

Слот: спортивная площадка

В слоте «спортивная площадка» в СМИ русского языка и на языке хинди употребляются метафорические выражения как «политическое поле», «стадион» и на языке хинди такие как «**मैदान**», «**पाला**», «**पवेलियन**», и т. д. В обоих языках эти выражения употребляются чтобы концептуализировать страну или политический округ. Например,

- «Для Путина, я полагаю, это тоже небезопасная конструкция, потому что все-таки совсем уж выпускать Пригожина в официальное политическое поле – это значит выстраивать карьеру практически конкуренту» (Радио Свобода)
- «**राजनीति के मैदान में खिलाड़ियों का खेल।**» (राजस्थान पत्रिका)

Слот: Победа и поражение

В ходе исследования наблюдается, что в слоте «победа и поражение» в СМИ русского языка используются концепты как «выиграть», «проиграть», «победитель», «поражение», «нокаут», которые сходны с метафорами языка хинди как «**जीत**», «**सफल**», «**असफल**», «**शह**»,

«मात», «हार», «फतह». Эти метафоры используются в политике для обозначения результатов выборов, политических достижений и неудач. Например,

- «राजनीति के खेल में शह-मात, हार-जीत लगी रहती है!» (जागरण)
- «Эксперты: В. Путин “проиграл” на выборах Д. Медведеву» (РБК)
- «Путин проиграл битву за Москву: Владимир Путин Выиграл выборы, но окончательно проиграл столицу. И это может дорого ему стоить» (Forbes.ru)

Фрейм «соревнование в скорости» в СМИ русского языка и языка хинди

Сопоставление фреймов «соревнование в скорости» в СМИ русского языка и языка хинди показывают, что в фреймах «соревнование в скорости» метафорично концептуализируются политические деятельности в образе соревнований в скорости. В составе фрейма «соревнование в скорости» в СМИ русского языка выделяются пять слотов, как «гонка», «марафон», «спринт», «старт» и «финиш», но в СМИ языка хинди выделяются четыре слота «гонка», «марафон», «старт» и «финиш».

Интересно заметить, что в политических дискурсах обеих страна используются наименования таких скоростных видов спорта как «гонка», «спринт» и «марафон» в русском языке, и на языке хинди такие как «दौड़», «रेस». Представление предвыборной кампании как «гонка» и «марафон» являются общеупотребительными и традиционными метафорами для политического дискурса обеих странах.

В процессе сопоставления политических метафор русского языка и языка хинди, в слотах «старт» и «финиш» используются концепты «старт» и «финиш» в русском языке как начало и конец выборов и предвыборной кампании, а в СМИ языка хинди употребляются метафорические выражения «चुनावी मैराथॉन शुरू», «चुनावी मैराथॉन खत्म», «चुनावी दौड़ शुरू», «चुनावी दौड़ खत्म». Например,

- «Предвыборный марафон: все на старт!» (Выбор Народа)
- «Предвыборный марафон. Кто дойдёт до финиша?» (Канаш)

- «ज़िला कांग्रेस की प्रधानगी के लिए दौड़ शुरू, अश्विनी शर्मा रेस में सबसे आगे।» (जागरण)
- «पाँचवे चरण की 16 सीटों पर शुक्रवार को वोटिंग के साथ ही झारखंड विधानसभा चुनाव का मैरथॉन खत्म हो गया।»(जागरण)

Фрейм: Разные виды спорта

Некоторые виды спорта как «бокс», «карточная игра», «перетягивание каната» и «шахматы» представляют собой самые любимые игры журналистов и политиков России и Индии в роли метафоры. Политические метафоры, основанные на вышеупомянутых игр часто встречаются в политических дискурсах и разговорах в обоих странах. В фрейме «разные виды спорта» в СМИ русского языка выделяются четыре слота: «бокс», «шахматы», «перетягивание каната», «карточные игры», а на языке хинди выделяются пять слотов: «бокс», «карточные игры», «перетягивание каната», «шахматы» и «крикет».

Слот: Бокс

При сопоставлении слот «бокс» языка хинди и русского языка, мы обнаружили, что на языке хинди встречается больше политических метафор для представления политической деятельности Индии на языке хинди такие как «**चुनावी दंगल**», «**चुनावी अखाड़ा**», «**चित्त**», «**पटकनी**» и т. д. Наши наблюдения показывают, что очень мало политических метафор встречается в лексике спорта «бокс» в русском языке. В русском языке встречаются политические метафоры, которые составляют этот слот только со словом «нокдаун». Концепты как «нокдаун» на русском языке и на языке хинди «**चित्त**», «**पटकनी**», часто встречаются в качестве метафоры, чтобы представить поражение кандидата в выборах или целой партии». Например,

- «Комментируя обложку журнала Foreign Affairs с изображением раненого медведя и подписью Россия Путина. В нокдауне, но не в нокауте, президент отметил, что кто-то мечтает о том, чтобы Россия Путина была повержена». (Ведомости)

- «दंगल में अखिलेश-रामगोपाल चित, राहुल-जयंत देंगे सीएम का साथ»
(आज तक)

Слот: Шахматы

Едва ли не самая любимая игра политиков и журналистов в России и Индии – шахматы. В политическом дискурсе обеих стран нередко встречаются спортивные термины как «шах и мат» в русском языке и «शह और मात» на языке хинди. Например,

- «Путин поставил Европе “шах и мат”» (Радио Спутник)
- «महाराष्ट्र में सत्ता के शतरंज की बिसात पर आखिर कौन करेगा शह और किसके हिस्से आएगी मात» (New State)

Слот: Перетягивание каната

Слот «перетягивание каната» в СМИ русского языка и языка хинди включает в себе такие метафорические выражения как «перетягивание каната» и «रस्साकशी» соответственно.

Сопоставление данных слотов, показывает, что политические метафоры связаны со этим спортом в России и Индии сходные. Выборы, избирательная компания, разные мнения политиков, дипломатические споры между странами часто представляются как соревнования по «перетягиванию каната». Например,

- «Перетягивание каната «дипломатическая война» продолжается: дипломаты России покидают США, Россия обещает симметричный ответ» (Новая Газета)
- «महाराष्ट्र में सियासी रस्साकशी के बीच भाजपा ने बाज़ी मारते हुए राष्ट्रवादी कांग्रेस पार्टी के साथ मिलकर सरकार बना ली।» (अमर उजाला)

Слот: Карточные игры

В ходе исследований наблюдается, что слот «карточная игра» очень популярный в политическом дискурсе России и Индии. Политические метафоры данного слота в обоих языках в большинстве случаев сходные. Структура власти в современной политической речи России и Индии часто сравнивается с «карточной колодой». На языке хинди данная игра называется словом «ताश».

Самый мощный человек в власти сравнивается с картой «तुरूप का इक्का», «हुकुम की रानी» и «हुकुम का इक्का», таким же образом в

русском языке обозначают самого мощного человека с помощью слов «тузы» и «пиковая дама», «козырь». Метафорические выражения как «раскрыть свои карты» в русском языке и «**पत्ते खोलना**» на языке хинди концептуализируют политическую стратегию. Например,

- «Возможно, буду баллотироваться: зачем Путин раскрыл карты, скрытые цели президента». (Московский Комсомолец)
- «**भाजपा ने खोले अपने पत्ते, अन्य दल अब तक 'खामोश'।**» (अमर उजाला)

можно заметить, что на языке хинди есть больше количества политических метафор как «**राजनीति की पिच**», «**सत्ता की पिच**», «**सीटों का शतक लगाना**», которые связаны со спортом «крикет». Так как в СМИ языка хинди этот вид спорта хорошо известен и популярен среди народов Индии. С другой стороны, в России спорт «крикет» не так известен, поэтому примеры связаны с этим спортом не часто встречаются в СМИ русского языка.

Заключение

При сопоставлении метафорической модели «политика — это спорт», мы заметили, что политические метафоры в СМИ русского языка и языка хинди в большинстве случаев сходные. Можно сказать, что спорт является наиболее универсальным и поэтому основные лексикой сферы спорта употребляются как политические метафоры в обоих языках подобно. В языке хинди употребляются с большей частотой метафоры крикетных терминов, в русском языке число метафор, относящихся к игре в крикет, меньше, и это связано с особенностями культурной жизни и традициями страны.

Библиография:

1. Артюнова, Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь. 2002.
2. Чудинов, А. П. Актуальные проблемы политической лингвистики. Екатеринбург: Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества, 2003.
3. Ведомости. 12 March 2020. [vedomosti.ru](https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/11/824972-igra-prezidenta). 25 August 2020. <<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/11/824972-igra-prezidenta>>.

4. Независимая Газета. "Независимая газета." 17 January 2021. Независимая газета.ru. 3 February 2021. <https://www.ng.ru/dipkurer/2021-01-17/9_8058_chances.html>.
5. Россия, Единая. Единая Россия. 02 March 2012. 16 March 2023. <<https://er.ru/activity/news/grigorev-putin-v-hode-kampanii-operativno-reagiroval-na-izmeneniya-v-strane>>.
6. आज तक. 17 May 2015. 29 February 2020. <<https://aajtak.intoday.in/story/political-career-of-nitish-kumar-at-a-glance-1-764799.html>>.
7. Радио Свобода. 25 February 2023. March 2023. <<https://www.svoboda.org/a/kak-kitay-proglatyvaet-rossiyu-putin-ne-protiv-grani-vremeni-s-muminom-shakirovym-efir-v-19-05/32287933.html>>.
8. РБК. РБК. 6 March 2012. March 2023. <<https://www.rbc.ru/politics/06/03/2012/5703f4519a7947ac81a658db>>.
9. Forbes.ru. Forbes.ru. 05 March 2012. 17 March 2023. <<https://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/79712-bitva-za-moskvu>>.
10. Народа, Выбор and Выбор Народа. Выбор Народа. 31 July 2018. 3 January 2021. <<http://vybor-naroda.org/stovyborah/116356-predvybornyy-marafon-vse-na-start.html>>.
11. Канаш. Канаш. 24 July 2020. July 2020. <<http://kanashen.ru/2020/07/24>>.
12. Ведомости. Ведомости. 14 June 2017. January 2021. <<https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/06/14/694285-putin-tramp-nichego>>.
13. Радио Спутник. Радио Спутник. 10 October 2021. 17 March 2023. <<https://radiosputnik.ria.ru/20211009/gaz-1753830253.html>>.
14. New State. New State. 20 November 2019. <<https://www.newsstate.com/states/maharashtra/what-ncp-chief-sharad-pawar-is-thinking-over-maharashtra-politics-only-one-man-knows-116329.html>>.
15. अमर उजाला. 23 November 2019.
16. Московский Комсомолец. 21 June 2020. 7 January 2021.
17. अमर उजाला. 28 March 2019. 16 February 2020.

The rise of Indic religions in post-communist Russia: A case study of the Hare Krishna movement

Dr M N Rajesh,

Assistant Professor,
Department of History,
University of Hyderabad
tibet@uohyd.ac.in

Arnav K Anjaria,

Assistant professor
Department of Political Science,
RR Lalan College,
Bhuj, Kutch, Gujarat

Abstract: the rise of new religious movements in Russia is an issue that has attracted the attention of many scholars has been studied under the rubric of the organised religions that are part of the four traditional religions of Russia. However, Russia has also played host to many of the new religious movements and the Hare Krishna movement is one among them that has around a million or so adherents according to their claim. This paper tries to understand the dynamics behind the reception of Indic religions with special reference to the Hare Krishna another new religious movements in Post Communist Russia.

Keywords: Religion, movement, *Hare Krishna*, India and Russia

Post communist societies have witnessed a phase of religious or cultural revivalism. They have also witnessed a mushrooming of religious institutions and sects from Eastern Europe to East Asia (the cult of Supreme Master Chiang Hai SMCH in Vietnam). The Middle East also witnessed a trend towards Islamism after its tryst with socialism namely Bathism. Though the ideologies and the theology differ (in perception and perspective) yet the revivalist and zealous outcoming of the Mass Devotion in Post Communist societies is indicative of Communism as an experiment had largely been unsuccessful in uprooting the Faithfulness of the people from its root i.e. the Mind. The calls by the respective regimes for a rational, scientific, and majorly atheistic perspective of the masses provided for an irreligious society at the outset. This being facilitated by rigorous and vehemently codified and colored corrigendum of regulations, grossly illiberal in nature.

In Inner Asia, Mongolia witnessed a revival of the cult of Genghis Khan after a brief stint with Soviet Style communism. This era saw mass disbanding of his legacy, Vajrayana Buddhism and the clannish cultures . The rationalist and scientific ideology could exert only a peripheral influence on the Mongolian mind which at its core remained in conjunction with its primordiality. The withering away of the imposed rationality made space for a grounded and culturally harmonious idea of what can be termed as “primordial sensibility” .

The Orthodox Church continued and even today continues to exert influence over Post Communist societies of Eastern Europe and Russia. While the discussion is largely limited to the Russian context, the Latin American Post Communist societies have also witnessed a trend similar to their “once upon a time ideological brethren” . The emergence of the Jai Radhe and Hare Krishna movement in countries such as Venezuela are a indicator of the similar destinies of the Post Communist societies .

In this context it is apt to assert what the Dawa Norbu has highlighted that neither Communism nor Modernization could dislodge the primordial character of the societies . Hence the curious case of the Post communist societies especially in the context of Russia has been that the new “cults” which have gained ascendancy in the post communist Russia are not primordial in nature. Yet the intriguing question has been on the reason behind their popularity in a post communist society such as Russia? As Alexander asserts that Russia essentially isn’t Europe. While European modernity is a key element of Russian culture, the uniqueness of Russian culture remains its folk cultures across different Russian republics . Hence the folk element of Russian culture stands testimony to the fact that Russia as a Bridge between Europe and Asia is neither truly Asian nor fully European rather has elements of both of these cultures. Thus the new religious movements in Russia and their popularity amongst the youth is a rekindling of a tradition very similar to the old folk cultures of Russia. These were shadowed by the European modernism of Czarist Russia and the Communist Rationality of the Soviet Republic. It would not be an overstatement too assert that the largest number of practitioners of Indian classical art, are present not only in Russia but also in Ukraine and other former satellite republics of the erstwhile Soviet Russia. In another context, Russian mind and the evolution of the mentality has specifically relied upon a certain notion of questioning and Dialogics. As Karpitsky

Nicolai explains in his paper that an inter religious theological discussion between theologians and adherent of different faiths is a distant possibility whose potential as a value neutral exercise is questionable. IT is essentially the nature of philosophy and philosophizing upon religion, i.e the philosophy of religion that paves the way for a conclusive and intellectually value oriented discussion between different faiths . A theological perspective is limited to the theological contours of the faith and may fail to broaden the horizon, forget about breaking them. On the other hand the philosophical discussion isn't bounded, it is open to inquiry, question and reasoning. In this context, the Russian mind has been akin to thinking and philosophizing, owing largely to the communist experience and influence. The Dialectical nature of thinking pertaining to Thesis, Anti Thesis and Synthesis is an everyday apparatus of the thinking Russian. And rightly so, the Hare Krishna movement has adapted to this philosophical reality by Philosophising the Vedantic knowledge . While also innovating and inventing the tools of questioning and facilitating a logical experience of seeking the truth for a seeker. This largely also pertains to the experience of the founder Acharya of the ISKCON movement, namely Srila Prabhupada who founded the Hare Krishna movement in the United States. As he himself wrote to the first and the only Russian whom he personally initiated into the ISKON sect “No one has got any philosophy nowadays, everyone is acting according to his own whims. Therefore there is no security, no peace, everything is unpredictable and dangerous. Therefore all the young boys and girls in your country—and all over the world—are fed up with this lack of philosophy and they have taken to the philosophy of hopelessness: Everything is empty, therefore let me enjoy, it doesn't matter. But this philosophy is also useless. Because if you want to enjoy and I also want to enjoy, there will be clash, fighting. And we have seen in Moscow that Marx and Lenin philosophy is no better. God is dead, the State is God: this philosophy has killed the spirit, and the Russian people are very morose and unhappy. They want to join us, that is a fact. (Letter from Srila Prabhupada to: Danavir — Delhi 12 December, 1971) ”

In 1971 Srila Prabhupad visited Russia for the first time, he had been trying to visit the Soviet Union on many occasions but his request was continuously being rejected. He even tried to visit the Soviet State as a member of the Indian delegation but the effort made no inroads with the

Soviets. Finally in 1971 he was granted an entry to the Soviet Union with several limitations on his free movement within the Soviet Union. Though Prabhupada visited Moscow for only Five days, this period of time was enough to initiate and convince Anatoli Federovich Pinyayev to join the Hare Krishna Movement. As a devotee and member of ISKCON, an initiated one , he was given the name Ananta Shanti Dasa. He began by preaching the text Bhagwad Gita – As It Is by Srila Prabhupad to his Russian counterparts. Initially in a highly monitored environment and despite abundant surveillance, Pinyayev began a translation of the Bhagwad Gita into the Russian language and made several handwritten copies of the text in the Russian language and distributed far and wide, which slowly started gaining popularity . The project of Pinyayev was very similar to the grand project of translating the Dharma from the Sanskrit language to Tibetan language undertaken by the Indian Acharya, Atisa Dipankara in Tibet for the propagation and popularization of the Dharma amongst the commoners.

Similarly while Falun Dafa and other New Religious Movements also attempted to gain a foothold in Russia but were largely not as influential as ISKCON and Vedism. The curious case of Russian Vedism is as intriguing as the case of ISKCON and its popularity in Russia has been.

Vedic religious practices alongwith observances and artistic performance based on the same or cosmological and theological debates continue to thrive in Russia. The nearby regions also have witnessed a similar trend. This is largely on account of a variety of factors that have larger questions and also because of the actions of certain specific individuals who took the lead. Both the location of the individuals and the larger issues can be contextualized in the last decades of the Soviet Union beginning from the late 1970s and 80s that was a period when most people of the Soviet Union had long since become accustomed to new questions. To elaborate, one may locate the foundational period of the USSR as a historical threshold. This period was dominantly represented by the questions of whether the fledgling republic would survive or whether the socialist experiment would collapse. During the march of history the rapid the events of World War II unleashed another set of issues when the Axis powers were at the doors of the USSR. It led to another set of debates that centered the question of survival for most Russian people and if the USSR would exist or not. In this large scale narrative, questions of religion and

identity were subsumed and this was the heyday when many of the ethnic nationalities were deported en masse by Stalin. With the rise of Khrushchev and the opening up to a limited extent of the Iron Curtain, some other issues like the questions of faith and identity were slowly being debated in Russian society. While there is always a distinction between the West and Russia and the Russian particularity was stressed on both by the Marxists and other members of the civil society who harped on the uniqueness of Russia and the difference between the west. This question led to a convergence of many traditions safely couched under the rubric of Marxism as it was legitimate and could be expressed openly. but, in reality many of these anxieties grew from ecclesiastical, czarist and regional traditions and most important among all was the disappearing Russian folk culture. This was because many elements of Russian folk culture like loyalty, the idea of the strong man etc informed these debates. The reason for the Russian folk culture's resurgence was also the cultural hunger on account of the rapid urbanisation and displacement of many Russians from the farm to the industry. In such a situation it was only the older members of the family who are the repositories of this folk culture. On the contrary, the younger generation were socialised into more industrial forms of association who had a cultural hunger. This was expressed in a profusion of literature in Russian and other languages on the aspect of longing for Russian folk culture. One of the important works in Russian folk culture was undertaken by Prof Preeti Das as part of a doctoral study Russian folk traditions. In this work she also finds some similarities between the Indic traditions and the Russian folk culture that led to a resurgence of interest in India. She already had invested heavily in ethnology, language, linguistics, and anthropology and employed interdisciplinary methods from the same. The final output of these intellectual projects was available to the common man through the publications of reputed houses like Progress publishers, Moscow.

As part of the Russian search or redefinition of the identity the robustness of folk culture form certain parallels in the Indian culture and this happened largely in the city of St Petersburg and hence the moment towards the interesting Hinduism is also known as Peterburgian vedism . St Petersburg was already a cosmopolitan city that had hosted many Indian and Asian forms of religions like Tibetan Buddhism and the first

Buddhist temple in Russia was built here in St Petersburg. Therefore, the vedism that started from St Petersburg centred on the origin stories and posited a common origin between the Slavs, Aryans and other peoples of Europe and Asia. Benefiting from anthropology, particularly the study of mobile societies in which ratio is a fine year, particularly the nomadic societies, they found that the early Vedic ideas had travelled through the nomadic groups and found fertile ground in Russia. Going against the conventional narrative that the Christianisation of Russia eliminated the traditional practices, the proponents of the St Petersburg School of vedism proposed an alternative. They, argued that the Vedic practices were already part of the Slavic culture and these practices had mutated considerably but could not be erased and hence were always available in Russian Christianity in a residual form. Some of these have been reinterpreted as the adherence to the clockwise circum-ambulation and related practices. A new chapter was added in the aftermath of the collapse of the Soviet Union when the cultural hunger and the search for identity led to the search for a utopia. Russian neopaganism developed very strongly and in this particular phase the affinities between neopaganism and the Russian folk culture and Vedic culture was asserted. One aspect of this was the question of fire worship and it was also very much prevalent in many of the question influenced areas that were the Central Asian republics of Russia where fire is celebrated as part of the Persian New Year. Drawing upon many different layers, new associations that focused on the study of the Vedic texts, Vedic sacrifices led to their adoption and consequent performance. Societies were established and in a departure from the works of St Petersburg School of vedism we also have one or two more adherents and the big names associated with this are Victor. It also brought in a sense of community among the practitioners of this religion and also had a template in the sense that the 1960s which was a period of turmoil in the West was enacted in a different way in Russia.

It entails the performance of rituals in the open fields, with priests of Russian origin who are dressed in a neopagan outfits with hammers et cetera. One of the objectives of this was to assert that all the spirits of the ancient world including the spirits that populated the Slavic world had connections with the ancient Vedic world. This was cemented by the ideology of pantheism which understood all communities and their religious practices and immunities as emanations of one God. It therefore

brought about the unity of many different religious practices into easy transferability and can be explained by the fact that there is a easy adoption of non-Semitic religious practices since they are not bounded. Some of the important gods were the Hindu god Shiva who figures in many narratives throughout the world on account of his dance of destruction that is suited to the solution of a crisis. Questions of death and afterlife were attracting some audiences in Russia who were part of the revolutionary generation but had greyed. With the collapse of the USSR many such questions could be freely debated and the Hare Krishna movement seized this moment. One of the uniqueness of the Hare Krishna movement in dealing with questions of death is that eschatology and philosophy had a meeting point. This meeting point bypassed the theological aspects as it dealt with questions of death and afterlife through a philosophical outlook without entering into any theological debates. Therefore, it proved to be doubly attractive to the new audiences.

Conclusion: conventional understanding explains the rise of new religious movements in Russia within the general pattern of researchers of religion in the post Communist societies. While this explanation is sufficient to understand certain aspects of the rise of religious revivalism in the post Communist. It also leaves much to be explained. Some of the unresolved aspects in Russian culture that were there long before the Communist rise was the question of Russian folk culture and its disconnect with certain aspects of Russian Orthodox Christianity. At that particular point of time during the Russian Revolution most of the Russian people were elite rate and the literary elite largely included the church fathers who did not take up this question but followed a path of syncretism. With the rise of literacy such questions are taken a backseat because of the prohibition of open religious organisation in the USSR. However such philosophical questions and questions of practice were always there in the Russian mind. The uniqueness of the Russian identity was also were part of the question of the Russian particularity and they emphasized their difference from Europe. The fact that there is a cultural distance from mainland Europe and Russia in was expounded by some of the extreme ideologues like Alexander Dugin. It is in this context that the new religious movements answered not just the cultural or religious hunger but also the philosophical questions and their relation to everyday practices which opened a fertile field for many new religious movements in Russia. The

Petersburg Vedic influences resonated with the primordial Slavic identity which was itself a new discourse and in this adjoining space the Hare Krishna movement also flowered. One of the main reasons for the flowering of the Hare Krishna movement was its shift to philosophy rather than theology wherein many questions could be answered from a philosophical basis and large followers could be engaged. The organisational structure and the mass participation give them a community feeling in which many of the ordinary practitioners would engage not just in ritual practices that was a top-down affair like in the case of the Falun Dafa or many other new religious movements sweeping Russia but as part of a community where multi-vocality was encouraged and many voices that questioned certain issues could find a space in this philosophical discourse. Therefore the unit of the organisation which give a community feeling and a multi-vocal space centred on the union of philosophical debate and the practices suited to the Russian mind led to the relative success of the Hare Krishna movement.

Bibliography:

“Ananta Shanti Dasa - Danavir Goswami,” July 18, 2015. <https://danavirgoswami.com/ananta-shanti-dasa/>.

Anthony.D. Ethnic Origins of Nations, Blackwell, MA, USA, 1986.

Das, Preeti. “Ethnicity and Culture in Post Soviet Russia.” In Two Decades of Re-Emerging Russia: Challenges and Prospects: Challenges and Prospects. KW Publishers Pvt Ltd, 2015.

Guerriero, Silas. “L’ISKCON Au Brésil: La Transformation Occidentale d’une Religion Védique et l’incorporation de Ses Caractéristiques Culturelles à La Société Locale.” *Social Compass* 47, no. 2 (June 1, 2000): 241–51. <https://doi.org/10.1177/003776800047002007>.

Ivankovic, Milorad. “Vedism as a Living Force in Our Digital Age,” June 7, 2020.

Kano, Kazua. “The Transmission of Sanskrit Manuscripts from India to Tibet : The Case of a Manuscript Collection in the Possession of Atisa Dipamkarasrijnana (980-1054).” In *Transfer of Buddhism Across Central Asian Networks (7th to 13th Centuries)*. BRILL, 2015.

King, Matthew. “Change in Democratic Mongolia.” In *Finding the Buddha Hidden below the Sand: Youth, Identity and Narrative in the Revival of*

Mongolian Buddhism, 15–29. Brill, 2012.
https://doi.org/10.1163/9789004231474_003.

Norbu, Dawa, *Culture and Politics of Third World Nationalism*, Routledge, London, 1992.

Olson, Laura, *Performing Russia: Folk Revival and Russian Identity*, Routledge and Curzon, London, 2004.

Sarkissian, Ani. “Religious Reestablishment in Post-Communist Polities.” *Journal of Church and State* 51, no. 3 (January 2009): 472–501. Hung, T. V., & Linh, N. T. (2016). *The Situation of New Religious Studies in Vietnam*. *Tattva Journal of Philosophy*, 8(1), 45-60.

До 150-річчя від дня народження академіка А. Ю. Кримського: матеріали Міжнародної наукової конференції (Київ, 19–20 жовтня 2021 року). Odessa, Ukraine: 2021.

Moscow counterculture of the 1970s and 1980s

Dr. Shraddha Pal

Assistant Professor
Department of Slavonic and Finno-Ugrian Studies
University of Delhi
spal@sfus.du.ac.in

Ms Anju Rani

Assistant Professor
Department of Slavonic and Finno-Ugrian Studies
University of Delhi
jnu.anju@gmail.com

Abstract: This paper aims to explore the emergence and significance of the Moscow counterculture during the 1970s and 1980s, a period characterized by a social, political, and cultural awakening among Soviet artists, activists, and intellectuals. The desire for creative freedom and individuality was prominently expressed in reaction to state-sanctioned aesthetics and ideology. This multifaceted movement not only challenged the prevailing status quo but also inspired contemporary movements for social and political change, leaving a lasting legacy on Russian society. The paper discusses pivotal events, such as the "Bulldozer Exhibition" of 1974, which became a symbol of resistance against state oppression and censorship. This paper also examines the roles of influential rock bands like Kino and DDT, as well as the impact of dissident literature circulated through samizdat.

Keywords: Moscow counterculture, Bulldozer Exhibition, dissent, samizdat, Artistic freedom

The Moscow counterculture of the 1970s and 1980s emerged as a result of social, political, and cultural awakening among the soviet artists, intellectuals, activists, and individuals of that period. The desire for freedom of creativity and individuality was expressed in the era of state-sanctioned aesthetics and ideology. The artists, poets, and sculptors boldly asserted their autonomy over their art and self-expression. The Moscow counterculture not only challenged the repressive state-sponsored aesthetics but also propagated an alternative vision of society.

The Birth of Rebellion

In 1974 painters Oskar Rabin and Aleksandr Glezer led a small group of non-conformist artists and poets of the underground movement and

organized an exhibition of paintings in a space near Bitsevsky forest park in the suburban Belyaev, at the outskirts of Moscow. The exhibition is famously known as the "Bulldozer Exhibition". They had to organize this exhibition in the open because before this the non-conformist artists attempted to organize exhibitions at galleries but the repressive authorities did not let them successfully showcase their work. For example, in 1967 the non-conformist artist of the "underground" put an exhibition in the "Friendship Club" but the authorities closed down the gallery within hours. The organisers of the exhibition Oskar Rabin and Aleksandr took permission from the authorities for the open exhibition. More than 500 artists, spectators, journalists, and diplomats participated in the exhibition but soon they were asked to leave as the artists were suddenly attacked by "workers". After the violence broke the organizers of the event were arrested, and several participants were detained, stopped by the trucks and bulldozers. The works of the artists were knocked down and destroyed. The police used water cannons and bulldozers to forcefully stop the exhibition, due to which this exhibition is famously known as the "Bulldozer Exhibition".

The Bulldozer Exhibition became a pivotal event in the history of the soviet Avant Garde movement of non-conformist artists of Soviet Russia. Many foreign newspapers widely covered this event. American newspaper The New York Times on 16, September 1974 reported; "Today, the paintings were seized too swiftly for spectators to get an idea of their content. But many of the artists are known for their modernism, abstractions and fantasies, pop art and nudes, as well as sombre street scenes and landscapes that do not fit into the mould of heroic optimism demanded of art by Soviet authorities.

However, Oskar Rabin, an artist known abroad and an organizer of the exhibition, said earlier that the artists would not bring any works that would be considered anti-Soviet or pornographic.

The exhibition attracted diplomats from the United States, Western Europe, Asia, and Latin America. They ended up running for safety”

This event attracted international attention and it was widely condemned by the Western media. The US embassy in Moscow put pressure on the Moscow authorities and eventually, the authorities eased their stance and allowed the non-conformist artists to organize the exhibition, two weeks later on 29th September 1974 at Izmailovsky Park. However, the repression of the soviet regime continued, and several non-conformist

artists were persecuted, exiled, or died under mysterious circumstances. The Bulldozer exhibition became the symbol of resistance against state oppression and censorship. It highlighted the tension between the state-sectioned aesthetics and the non-conformist artists in the Soviet regime.

Sonic Dissent and Icons of Defiance

The underground music scene of the 1970s and 80s played a significant role in the Moscow counterculture. It gave a platform for dissent and rebellion against the conformist state-propagated art and aesthetics. The rock and punk rock music scene was challenging the norms of the Soviet regime-approved cultural landscape. Bands like DDT, Kino, and Akvarium gave a fresh breeze of modernity to the disillusioned youth, who were fed up with the highly regulated, conformist art and music of soviet realism.

Band Akvarium was formed in 1972 by Boris Grebenshchikov. This band played a significant role in establishing the Russian rock culture. It is considered one of the most influential rock bands in Russia. The band presented a blend of rock, folk, blues, and psychedelic rock and produced a unique and eclectic sound, which was very different from the officially endorsed music. The main themes of their lyrics were freedom, individuality, and existentialism which resonated with the counterculture sentiments of the youth. The band through their lyrics gave voice to the aspirations of the youth under a strict Soviet regime. The band evoked a sense of defiance and rebellion amongst its listeners and encouraged them to challenge the status quo and imagine a better future for themselves. Songs like Train on Fire, Electric Dog, Ancient Russian Blues, Glasses, Campfire, and others touch upon the themes of freedom and individuality and reflect the counterculture sentiments of the Russian youth. The band had many lineups since its formation. Boris Grebenshchikov is the only remaining original member of the band.

The band faced censorship and repression. To evade persecution the band chose to distribute its work through underground channels, participated in secret concerts (they played in living rooms and dormitories) and recorded songs on home tapes, chose samizdat networks to distribute their work. The band kept on inspiring artists and activists to challenge the norms of the soviet regime and aspire for a free, liberated way of life.

Another legend of the Russian rock scene was the band "Kino". The band was formed in 1981 by Viktor Tsoi. He led the band and wrote the lyrics of their songs. Through their music and lyrics, the band played a

significant role in the counterculture movement in Moscow during the 1980s. Their rebellious sound embodied the spirit of rebellion and defiance, which challenged the mainstream conformist music scene of that period. Viktor Tsoi wrote the lyrics of the songs and explored the theme of disillusionment and search for the meaning of life in the turbulent world. His lyrics deeply resonated with the youth who were yearning for authenticity and freedom of expression. Viktor Tsoi emerged as a cultural icon and symbol of dissent. He was admired for his uncompromising stance and artistic integrity. The song "Khochu Peremen"(Change!) became the anthem for the change. The song was released in 1986 and a year later it was re-released in the movie called "Assa". The song is also known as the "Perestroika anthem".

"Our hearts require the changes,
Our eyes require the changes,
Into our laugh and our tears,
And into the pulse of veins
Changes!
We are waiting for changes."

The band's evocative music and lyrics resonated with the aspiring youth of the USSR and the band became extremely popular. Viktor Tsoi died mysteriously at the age of 28. His fans created the "Cult of Tsoi". Kino's role played a significant role in the counterculture movement in Moscow as it inspired people to seek freedom of self-expression.

Another seminal force in the Moscow counterculture scene of the 1970s and 1980s became the Rock band DDT. The band was formed in 1980. It was founded by the lead singer of the band Yuri Shevchuk. Their innovative punk rock music and meaningful lyrics resonated with the listeners, who were more amenable to artistic innovation, and socially relevant themes, which can reflect their social reality. Through their song, the band gave voice to the grievances of the people and propagated for change. The songs echoed the feelings of the people, who were disillusioned by the status quo. It inspired the youth to break the shackles of the confined art of the Soviet regime and search for alternative perspectives on art. DDT channelled criticism of the system and propagated social activism through its music. The contribution of DDT in the counterculture scene was profound. It inspired the people to question authority, challenge injustice, and seek a society that is more compassionate and authentic.

Embracing the Alternative: hippies and bohemians

Influenced by Western counterculture movements in the 1970s and 1980s, Moscow saw the emergence of small communities of hippies and bohemians, who embraced a different lifestyle and posed a serious challenge to the norms of the cultural landscape of that era. They rejected the mainstream soviet norms and espoused an idealistic life where there would be peace, love, and personal freedom. In 1967 a group of musicians and vagabonds announced their manifesto with a declaration that they were the propagators of the new movement, which was aimed towards a "system of real values". Most of these people belonged to the families of "Soviet elites". Their fathers and forefathers were known as rich Bolsheviks. Soviet hippies wore American-style shabby clothes and followed Western pop culture. The hippiedom and bohemianism were a result of the disillusionment of youth from soviet policies. Clubs, and café's in and around Moscow were the popular outdoor spaces where through small concerts, and get-togethers, hippies and bohemians expressed their dissatisfaction with the system and created their own commune.

The Hippies were very much inclined towards Eastern philosophy; Zen Buddhism and Hinduism. Hippies had long hair, wore shabby clothes, usually hitchhiked, and lived like nomads, which made them look like Indian saints. They faced social stigma for their appearance and way of life. They were criticized for their shabby, dirty, and unkempt looks. The wider public abhorred such people. Soviet hippies mostly worked with Western music and recreated the music they heard on the radio. Hippies also contributed to the rise of drug culture, especially marijuana, hash became their staple drug. The soviet government saw them as a threat to the Russian culture. The KGB kept an eye on their activities and authorities implemented harsh crackdowns on their locally organised concerts.

Soviet hippies and bohemians were a handful of people, mostly offspring of "soviet elites". Even though there were not more than a thousand participants in this hippie movement in Russia, they exposed the authoritarianism of the Soviet regime and its hypocritical stance on commune living. Hippies challenged the status quo and the dominant social political cultural system of their time in several ways; Hippies and bohemians rejected the conformist norms and values which prevailed in the society. They believed in a simple lifestyle and rejected social

hierarchies. They embraced new unconventional art, music, and fashion and through their creativity challenged the existing cultural conventions of the mainstream society. Hippies propagated the idea of love, peace, and social harmony in the era of the aggressive Cold War between two mighty states US and the USSR. They advocated a non-violence, compassionate, and empathetic approach to social and political issues. Hippies also believed in sustainable living and advocated conservation, recycling, and ecological awareness at a time when authorities paid the least interest to such issues. Hippies were also actively engaged in the movements for civil rights and social justice. They were at the forefront of the LGBTQ rights movement and other social justice causes.

Hippies and bohemians offered an alternative vision of a society that was based on principles of individual freedom, peace, love, and social justice. They challenged the norms of the mainstream culture with their counterculture. Even though the hippies and bohemians were dismissed by the wider public as mindless counterculture rebels, their influence on the people was widely felt and it continues to resonate even in the contemporary movements for social, political, and cultural reforms.

Counterculture of performance artists and conceptualists

In Moscow, during the 1970s and 80s, a group of innovative performance artists and conceptualists began to gain popularity. Performance artists and conceptualists pushed the boundaries of mainstream state-sanctioned aesthetics. Some of the notable performance artists of this era are; Irina Aktuganova, Oleg Kulik, Natalia Ablakova, Anatoly Zhigalov, Sergei Bugaev, Vladimir Kupriyanov, Elena Kovylyna, and others. Through their innovative and thought-provoking performances, these artists explored the themes of identity, and gender, delved into existential questions, and critiqued the norms of the soviet society. The performance artists blurred the lines between art and everyday life with their experimental performances. Their art aimed to bring spontaneity and interact with the audiences directly. The performance artists rejected the traditional artistic mediums. Through their unconventional art, they challenged the existing perceptions of art and its role in society and encouraged their viewers to deconstruct their perception of art and its importance in society.

During the 1970s and 1980s, Moscow Conceptualism emerged as an avant-garde art movement, under the influence of European and American conceptualist movements. Conceptualists preferred theory over the

depiction of objects in their art. Through their art conceptualists subverted the perception of existing socialist artistic norms and gave an alternative form of artistic expression. Collective action was an integral part of the Moscow conceptualist movement. This group consisted of artists, poets, musicians, and intellectuals of Moscow. They believed in collective creativity and active engagement with the audiences, and readers. The founding members of the CAG were Nikita Alekseev, photographer Georgy Kizevalter, and poets Andrei Monastyrski and Lev Rubinshtein. In 1977 the CAG showcased a performative art piece "The Balloon".

In this performative art piece, participants gathered in an open space and released balloons into the air. This act of releasing the balloon symbolized the artistic vision of the fleeting nature of existence, the search for individual freedom. Such arts were usually open for viewers' interpretation. The performances of CAG were documented through photography or videography. Some of the major works of the CAG artists can be found in the Museum of Modern Art in New York and on CAG's official website and other museums in Russia.

Through their performative art pieces, conceptualist artists encouraged the participation of audiences. By doing this they removed the traditional barriers between artists and viewers and democratized art. Art became more accessible to the common public. Through their innovative art pieces, they blurred the lines between poetry, action, objects, and photographs.

Voices of Dissent

During the 1970s and 1980s Moscow was buzzed with an underground literary scene, which was defying the strict censorship and repressive policies imposed by the Soviet regime. The literary works produced during this period are collectively known as dissident literature. Writers, poets and intellectuals used their literary works as a means to voice their dissent. They critiqued the authoritarian system and propagated a call for political and social change. The literature was circulated through "samizdat," wherein works were self-published and circulated independently of state-sanctioned publishing houses, without any support from the government. Often the copies were made using typewriters, carbon papers and other methods of duplicating. Thereafter works were distributed among trusted networks of individuals. Samizdat played a

crucial role in spreading dissenting voices and ideas at a time when official publishing houses were strictly controlled by the state. The policies of the Brezhnev- Kosygin led soviet government reversed the progress made by Khrushchev's de-Stalinization programme. It became a reason for the growth of samizdat again which was stalled after the arrest of the editor of the underground journal "Syntaksis" Alekzander Ginzburg in 1960.

The trial of Andrei Sinyavsky and Yuly Daniel in 1965-66 raised a clear threat to the dissident writers, and writers and critics refrained from publishing their work through official channels and they turned to samizdat to distribute their works. The Sinyavsky-Daniel trial resulted in dissatisfaction and even dissidence among the intellectuals; economists, and scientists. A similar trial was done in 1967-68 of biologist Zhores Medvedev. The unfair treatment and harassment of Solzhenitsyn exemplified the extent to which the soviet regime could go to suppress the critics of its policies. The dissident writers opposed the repressive policies and stood for the preservation of constitutional rights and liberties for the people. Poetry became one of the most potent forms of expression for dissident writers. Poets such as Joseph Brodsky, Alekzander Galich, Leonid Borodin, Lev Kopelev, Venedikt Yerofeyev, Natalya Gorbanevskaya, Irina Ratushinskaya used their verse to challenge the repressive policies of the Soviet regime. They gave voice to the struggles of the oppressed individuals. Despite the persecution and exile of the many dissident writers the dissident literary activities continued and kept on inspiring others. The dissident writers became the symbol of resistance within the Moscow counterculture of that era. Their courage to engage in acts of cultural and intellectual rebellion against the mighty repressive regime served as an inspiration to the disillusioned Soviet people. Political Dissidents and Human Rights Activists were also integral in the development of Moscow's counterculture. Political dissidents and activists such as Andrei Sakharov, Alexander Ginsburg, and Lyudmila Alekseyeva spoke against the soviet government's repressive policies and advocated for democratic reforms and human rights. The political and literary dissidents played a crucial role in fuelling dissent by giving an alternative perspective to the authoritarian regime's official narrative.

Thus, we can say that Moscow's counterculture of the 1970s and 1980s was a strong force in the socio-political and cultural landscape of that period. It stands as a testament to the resilience of the people and the bold unconventional creativity of artists, musicians, poets, and sculptors in a repressive regime. They challenged the status quo, propagated freedom of expression, and individuality, and fought for human rights.

The Moscow counterculture of the 1970s and 1980s was a multifaceted cultural, political, and artistic movement which was driven by the shared desire of the soviet people for freedom of expression, creativity, and social reforms. The legacy of the Moscow counter-culture continues to inspire contemporary movements for social, cultural, and political change. The participants of the Moscow counterculture have left an indelible mark on the Russian people and society. They challenged authoritarianism and paved the way for a more free and inclusive society.

Reference:

1. Jackson, Matthew Jesse. *The Experimental Group: Ilya Kabakov, Moscow Conceptualism, Soviet Avant-Gardes*. The University of Chicago Press, 2003.
2. Pilkington, Hilary. *Dissident Voices: The Politics of Television and Cultural Change in Russia*. Pluto Press, UK.1998
3. Zhuk, S I. *Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960-1985*. Baltimore, Maryland, John Hopkins University Press, 2017.
4. Alekseeva, Liudmila, and Paul Goldberg. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. University of Pittsburgh Press, 1993.
5. Bulldozer: the underground exhibition that revolutionised Russia's art scene | Russia | The Guardian
6. The Rebels: 40 years ago today an underground exhibition changed the face of art in Russia forever — New East Digital Archive (new-east-archive.org)
7. Flowers and hair grow everywhere. (soviethippies.com)
8. "Kino" - the legend of the Russian rock of the 1980s (meetrussiaonline.com)
9. DDT: Notes from Russia's Rock Underground: NPR
10. Interview: Boris Grebenshikov (Akvarium) (louderthanwar.com)
11. Soviet Hippies and Daniil Andreev's Legacy – New Age in Russia (hypotheses.org)
12. Triumphs and tragedies of Russia's hippies - Russia Beyond (rbth.com)
13. Soviet Hippies | TIEFF

The ideology of Russian thinkers on “Life” and its parallels with ancient Indian philosophies

Punsara Amarasinghe

Scuola Superiore Universitaria Sant'Anna di Pisa

Piazza Martiri della Libertà, 33 Pisa, Italy

punsara.amarasinghe@santannapisa.it

Abstract: This paper is an attempt examining how Russian view in life was a parallel to the ancient Indian philosophies and the courses that culled them. While arguing the distinct nature of Russia as a different civilization devoid of East or West, this paper tends to show the similarities that Russian thinkers developed towards life in general with the ancient Indic thought. In particular, the works of Russian authors in the 19th century such as Gogol, Tolstoy and Dostoyevsky are being discussed here as their literary works share certain parallels with the ancient Indian philosophies. Furthermore, this paper investigates the overall value of Russian orientalism as a stark contrast to Said’s depiction of “Orientalism” by evaluating the contributions of two Russian Indologists.

Key Words: Russia, India, Philosophies, Orientalism, Indology, East, West

Introduction

Academic debates on understanding Russia as a distinct civilization devoid of both Western and Eastern grip have been frequent. In writing his celebrated thesis “The Clash of the Civilizations”, Samuel Huntington describes Russia as a unique civilization which is neither Western nor Oriental.(Huntington,1996) Russia’s tryst with the West dates back to the reforms made by Peter the Great in the 18th century, who felt fascinated with the enlightenment of the Western world, but none of his administrative or social changes could obliterate Russia’s link to the East, which had imbued with the Russian way of thinking for centuries. The French historian Fernand Braudal defined a civilization as

“First of all a space, a cultural area...a locus. With the locus...you must picture a great variety of goods, of cultural characteristics, ranging from the form of its houses, the material of which they are built, their roofing, to skills like feathering arrows, to a dialect or group of dialects, to tastes in cooking, to a particular technology, a structure of beliefs, a way of making love, and even to the compass, paper, the printing press” (Braudal, 1954)

Braudal’s explanation was akin to an assessment based on structural changes of civilization than assessing the substance, in that context it makes no justice

to elucidate the special place occupied by Russia in world history. The sui generis status Russia owns is essentially attributed to the way of thinking of Russia, which palpably differs from the West and the Russian attitude towards life resembles the Indic outlook in life. There has not been much of an academic inquiry in examining what impetuses played in Russian minds to view life as a gloomy, lamentable phenomenon, which is a stark contrast to their Western counterparts. The cardinal objective lies in this article is to trace the salient features of Russian writers on life and their parallels to Indian philosophy. The first half of the article contextualizes the depiction of life and suffering in Russian thoughts parallel to Indic philosophy, simultaneously this paper attempts to distinguish the Russian view towards life from the Indian philosophical discourses. While examining this task, the second half of this article discusses the contribution made by the Russian orientalists in the 19th and 20th centuries as a unique one for the novel interpretations in Indic studies. To prove this hypothesis, this article would analyze brief sketches of two prominent Russian orientalists T.H. Shcherbatskoy as completely different narratives from the Western approach to the Indology.

The Russian depiction of India

The idea of India seemed to be an exotic one in the minds of Westerners as a land of all the earthly marvels, which was tantamount to Said's famous analysis of the Orient as the other. However, the Russian idea of India has much deeper roots that date back to the ancient Rus tribes. In the 12th century, the Buddha's biography found its transposition in The Romance of Varlaam and Joseph. Reports on the expeditions led by Alexander the Great to India survived in the ancient Slavic texts that perpetuated the image of India as a land of abundance, but more than the curiosity about the beauties of India, Russian scholars tended to seek wisdom from the East.(Vigasin,1984) In particular, the 18th century witnessed a strong interest espoused by Russian institutions towards India, especially after the formation of the Russian Academy of Sciences in 1724, which buttressed the academic enthusiasm among Russian scholarly circles. By the end of the 18th century, Russian intelligentsia had considerable exposure to Indian classics such as Gita and Mahabharata as they were translated into Russian through English translations (Vigasin, 1984). In 1792 Nikolai Karamazin translated Kalidasa's Shakuntal into Russian from Sanskrit, which signifies the maiden attempt made by a Russian scholar in Sanskrit studies and Karmazin provides an insightful preface. "The creative spirit does not lie in Europe only, it is a citizen of the

Universe. Man is everywhere a man, everywhere he has a sensitive heart and in the mirror of imagination he holds both heaven and earth".(Litman, 1985) It should be noted that this was a remark in an era when Westerners began to scorn the oriental values and literature as inferior to Greco-Latin classics, which was evident in Macaulay's infamous mockery of the Eastern knowledge, "A single shelf of a good European library was worth the whole native literature of India and Arabia".(Sullivan, 2009) But the above-mentioned descriptions denote the authentic zeal that pervaded the Russian space towards the study of India, which resulted in generating impulses in Russian thought among its writers and philosophers.

Russian attitude towards suffering

The notion of impermanence and suffering as fundamental aspects of mundane life was not strange for the Indian philosophical thoughts. Apart from the Lokayath school, most of the other philosophical schools perceived the vanity of material values and emphasized the more sublime ethos that one needs to seek through other means. Especially, the ideas propounded by Buddhist and Jain schools were antithetical to materialism revered by Charvakas.(Chatthopadyaya, 1959) The idea of renunciation from earthly glories and wandering in search of truth became a frequent phenomenon among the sages who lived in 6th century BC India. The same attitude towards a life filled with grief can be seen in the works of Russian writers in the 19th century, which benignly reminds us of the Indic thoughts in antiquity. Nicholai Gogol was one of the first examples indicating Russian denial of hedonism in an era when appeasement of bodily pleasures was taken up by the Westerners as the paramount objective of life. In Gogol's case, he always lived as a disenchanting man with greater remorse. After publishing his masterpiece "Dead Souls", he wrote another work, but it was discarded by him and left Russia. Gogol was a real illustration for a mendicant in India as his whole life journey focused on understanding the true meaning of life, which finally ended up in his tragic demise.

The insatiable intellectual appetite prevailed among the Russian scholars and thinkers to know the realness of life did not reflect the ethos of the Western enlightenment of the 18th century, in which Kantian analogy of "Sapare Aude: Dare to know" had a different intriguing point based on the sheer curiosity to pursue knowledge without relying on the secondary sources.(Said,1977) On the contrary, the Russian attitude resonated among the 19th

century Russian thinkers towards life and knowledge was a pessimistic one without glorifying the triumph of knowledge, which indeed resembled the ancient Indian philosophical quest in denying the marvels of life as vanity of vanities. Revisiting the life of Russia's greatest writer Leo Tolstoy proves the above contention as his life was an embodiment of Prince Siddhartha, who renounced the household to reach Buddhahood. At the apogee of his career as a writer with world fame and luxuries, Tolstoy abruptly began to question his own life as a futile endeavour and the trajectories that accelerated his gloom were rather sudden as how they appeared before Siddhartha in the 6th century BC (Thilakarathne, 1969).

The development of the character of "Levin" in his "Anna Karenina" is a clear reflection of Tolstoy himself and his deepest compunctions in life enabled him look for the philosophical wisdom, which granted him no solace (Thilakarathne, 1969). His next move was to understand the essence of Christianity beyond the pillars of Russian Orthodox church, which he brutally critiqued the church that resulted in his excommunication from the Russian Orthodox church in 1901 (Keys, 1996). His initial focus on personal salvation transformed into a more altruistic one, which slightly reminds us of Buddha's shift from personal liberty to communitarian liberty after reaching his enlightenment. Also, Tolstoy's abhorrence to the accumulation of wealth certainly contains some parallels to the Indic thoughts, especially it relates to the Buddha's critique on the greed as his following statement would echo the Buddhist literature.

"Wealth is an inevitable disaster for those who heap it by a greater labour and those who are less fortunate in possessing it" (Tolstoy, 1881).

This idea was not a novelty for the ancient Indic space, where both Buddhist and Hindu philosophies insisted that craving for wealth would fasten the suffering. Nonetheless, one of the salient features that distinguished Tolstoy's way of life from the ancient Indian philosophers was that unlike the later, Tolstoy paid prime concern in ending the socio-economic inequality prevalent in society than focusing on the life that awaited after death, which he assumed to be a minor issue to ponder after achieving socio-economic equity for the people. In writing an article on the comparison between Russian literature and Buddhist Jataka stories, Martin Wickremasinghe traces some solid evidence showing Tolstoy's knowledge in the rudiments of Buddha's teachings and his

exposure to Indian philosophy. In his visit to Tolstoy's library during a visit to the Soviet Union, Wickremasinghe inquired about the number of Buddhist books available in Tolstoy's personal collection and for his amazement, it consisted of dozens of books on Buddhism including Oldenburg's biography of Buddha (Wickremasinghe, 1971). Wickremasinghe's observation makes no static analysis denoting Tolstoy was a Buddhist, but it was a clue on his association with the Buddhist literature, which may have paved the path for his intellectual transformation.

Another notable aspect from Tolstoy's later life that symbolizes the ancient Indic way was his predilection in ascetic way as a person who subjected himself for torture, but it was fundamentally different from the Christian notion of "self-flagellation", in which the devotees are expected to chastise themselves as a reminder of the passion of Christ (Dillon, 1956). Tolstoy's understanding of self-flagellation was much closer to the practices that existed in ancient India such as Buddha's "Athhakilamathanu Yoga or Korakattiya" as they were used as mechanisms to reach the ultimate truth. In his "My Confessions", Tolstoy states

"I deliberately subjected myself for severe penance for days and weeks with the sanguine expectations that these methods of self-molestation would deliver me to the ultimate truth" (Tolstoy, 1891)

Moreover, Tolstoy's very idea of repentance has salient parallels to the yearning of Buddhist monks in ancient India who opted for the monastic path after abandoning the mundane luxuries of life. In "My Confessions", Tolstoy states

"The life that I spent for past ten years filled with remorse and brutality. I killed fellow men on the battle field. I freely dwelled in debauchery and all kind of other sins, probably I have committed all the sins that a man can commit. Yet none of my peers condemned me as a wicked man" (Tolstoy, 1891)

The chasm between Russian thought and the contemporary Western philosophy truly manifests in the above-mentioned passage by Tolstoy. The general idea prevailed among the European philosophers in the 18th and 19th centuries contained no special emphasis on human suffering as

they were aligned with either idealistic or empiricist traditions. Even Schopenhauer, one of the main German thinkers in the mid 19th century, whose ideas were shaped by Upanishads and other Indian philosophical traditions was not an admirer of following the rigid ways of self-suffering as he often looked debonair and handsome in the public sphere regardless of his philosophical vision of doctrine of pessimism, which depicted that all the human beings are bound to suffer, without any purpose, thus life is not really worth living.

Notwithstanding the pedantic discourses written by either Schopenhauer or Nietzsche under the shadows of Indian influences, none of their ways of living was closer to how Tolstoy lived his life like a true “Sanyasi”. This is a point that one should take into account of the real uniqueness of Russian thought as a resemblance to the ancient Indian way towards liberation and it further proves how differently Russian thinkers adjusted their lifestyle in accordance with the changing visions, which was exactly not the case in Western Europe.

In particular, many of the writings authored by Tolstoy after 1880 contained certain admonitions to the reader and his rejection of the 19th-century movement of “Art for the sake of art” led by Victorian personalities like John Ruskin was a notable one (Steiner, 1959). Tolstoy’s idea of art was more altruistic and broad than the Victorians, who dwelled in a state of mere artistic beauty, which did not extend to the angry folks in England. “What is art?” the monograph authored by Tolstoy reflects his clearer stances on the objectivity of art and he had opted for a path of making social reformations through his work. The works completed by Tolstoy in his last years embody some of the jataka stories from the early Buddhist literature in India, which contained meaningful messages for ordinary folks to lead a better life. One his short stories titled “Two Old Men”, published in 1885 is a work, in which Tolstoy tries to uplift the value of kindness as a universal form that every man should ought to uphold in life. Although one can trace Christian influence upon this plot, the substance that pervaded the story is akin to the Buddhist idea of “Mettha” espoused by the Jataka story writers in Buddhist literature. “Father Sergius” is another short story narrating the story of a wealthy Russian aristocrat, who left his house to become a wandering monk, which was akin to Tolstoy’s own life also the flow of

the story has some salient parallels with the “Makhadeva Jataka” in the Buddhist jataka literature, where the protagonist King Makhadeva becomes a mendicant. (Wickremasinghe, 1962) Writing about Tolstoy’s life with Hinduism, Radha Balasubramanian comments,

“ The inner struggle that plagued Tolstoy can be understood through Hindu philosophical explanations of how the mind works and how it struggles to cleanse itself of the disturbances. Tolstoy was a person who gave into extreme introspection. His aim was to perfect himself and learn from his mistakes. But in doing so, he sensed the discord existing between his true self and the animal self “(Balakrishnan, 2010)

Tolstoy’s quest for knowing the truth was not a random offshoot of the social and economic oppression that he witnessed, but it was a more advanced one driven by different trajectories that encompassed his social life in Russia. Moreover, his denial of consuming non-vegetarian food intended to reduce his sensory pleasures, which profoundly goes parallel to the teaching in Hinduism regarding vegetarianism as Hinduism portrays the body as a result of what one consumes. (Syrkin, 1980) Tolstoy strove to give up most of the sense-driven desires in the last years of his life. This led him to seek an austere life, where he hoped to free himself of his ignorance and get closer to the divine through the guidance of an enlightened soul or simply by leading a life of a simple pilgrim. Possibly with this in his mind he, like a true Sanyasi, left his wife with very few belongings, accompanied by his daughter for the final journey to an unknown destination. (Spence, 1968)

The predilection developed by Tolstoy in his last years of life towards Indian philosophy was largely associated with his correspondences with the freedom fighters in India and there have been several scholarly opinions suggesting that Tolstoy was fairly exposed to the Indian philosophical traditions. The core of the letter he sent to an Indian in 1908 titled “A letter to a Hindu” testifies to his knowledge of Hinduism by virtue of the references that he used in it. (Balakrishnan, 2015)

Russian idea of forgiveness and the notion of compassion in Buddhism

One of the main features in Russian thinking before the reforms of Peter the Great and even after his modernist approach was the susceptibility of Russian folks to many forms of evils in life. The harshness of the geography, the serfdom that existed in the society and the invasions that came from Mongolians, Tartars and Poles made Russian life more miserable. In his analysis of the Russian approach to international law, Lauri Malikso correctly recognizes the Mongol inheritance bestowed on the Russians as a palpable anomaly that bounds Russians to different positions in the international state system. (Malikso, 2017)In fact, Malikso’s apt analysis applies to the intrinsic development of Russian thought by virtue of historical validity. Some of the scholarly opinions mainly sprang from the West such as Isaiah Berlin tended to portray the genesis of Russian thinking and its own system of philosophy as an offshoot concurred due to Peter’s reforms. (Berlin, 1978) Despite the scholarly gestures in the west that admires these view in awe, the reality of the Russian ideological space has much deeper impetuses rotted in its contacts with the East.

When Peter the Great acted on the advice of a German polymath Leibniz in modernizing Russia, he either deliberately or negligently ignored Leibniz’s most famous statement of Russia” Russia’s destiny is to become the link that joins two worlds, the western and the eastern. (van der Oye, 2010) One of the leading figures of the early Enlightenment, Leibniz fully shared his age’s infatuation with the Middle Kingdom. Like many of his contemporaries, he had read the favorable accounts of Jesuits who portrayed the Qing dynasty as the apotheosis of reason and toleration, and he came to see its civilization as the equivalent of his own. According to Leibniz, “human cultivation and refinement [are] today . . . concentrated, as it were, in Europe and in Tschina, which adorns the Orient as Europe does the opposite edge of the earth. (van der Oye, 2010)

However, Russia’s destiny of connecting the West with the East was not an abrupt task and also its philosophical outlook was much closer to India than Chinese Confucianism. Thus, Leibniz’s analogy of linking the Russian path with China is not plausible. From the 19th-century Russian thinkers, the name of Fyodor Dostoevsky comes to the fore as a writer and a philosopher, whose works enshrine a sense of pathos and his fictional characters reflect the way of living of ancient Indian sages. In writing about Dostoevsky’s literary career, Martin Wickremasinghe

points out the parallels between the Bodhisattvas in Buddhist Jataka stories and the characters of Dostoevsky in his fiction as a cardinal feature unifying the Indic influence in Russian thoughts. (Wickremasinghe, 1969) In his diary of a writer Dostoevsky states

“A Russian man is not only an European, he is an Asian too. But we carry a heavy burden that, we may be subjected to the humiliation of Europe which is something that we need to obliterate from our minds”. (Dostoevsky, 1881)

From a vantage point the characters created by Dostoevsky emerge from their development ensuring the saintliness, which is akin to Russian orthodox mysticism. Many of the Western scholars have seen Dostoevsky’s approach to human personality is at once modern and biblical, translating psychological complexity into a struggle between good and evil rooted in biblical narratives. The ideological convictions illuminating from his literary works have uplifted the status of Dostoevsky into Christian thinker and simultaneously his writings were prone for generating a sense of nationalism among the Slavophiles in the 19th century Russia. While it is true that his writings provoked the nationalist ideology, which was in search of an authentic identity for Russia, the deeper reading of Dostoevsky’s works verifies his works lie beyond the central Christian ideas and they often linked to more transcendental concepts. Dostoevsky gives the experience of inward illumination from three major characters: Prince Myshkin, Elder Zosima. The character of Prince Myshkin has been often viewed like a Christ like figure with its salient Christian elements, but the way of Myshkin is much closer to the life of an Indian mystic or a Bodhisattva. Harrison States

“ Myshkin speaks of gleam and flashes of a higher self-perception and self-consciousness of higher existence. There is a feeling of fullness, of proportion, of reconciliation and ecstatic fusion with the highest synthesis of life in which there could be no doubt. Although, this episode is usually studied in the frame of Christian eschatology, inward illumination and sudden change known as metanoia is integral to Orthodox Christianity, where it refers to repentance in a narrow sense, but more broadly, transformations that brings the spiritual knowledge” (Harrison, 2004).

It is by no means an exaggeration in evaluating Dostoevsky's philosophical speculations emanates from his fictional characters as a synthesis of Christian ideas in the New Testament and Buddhist philosophy. Nevertheless, there hasn't been any rigid evidence from his biographic sketches to prove how Buddhist philosophy or Indian philosophical thoughts influenced upon him, but astonishingly many of his fictional characters represent the basic values that Buddha preached in the 6th century BC. For instance, the protagonist in Dostoevsky's "The Humiliated and Wronged" is a young man whose ultimate life goals are much similar to a Bodhisattva in the Jataka stories. The loved developed in his heart towards a woman was altered even after she chose a rich Russian land owner for the matrimony. Instead of seeking revenge, he transformed his love into a spiritual bond with the woman, which eventually paved the path for his personal salvation. In "Brothers Karamazov", the overarching development of Father Fosemma is another saintly character created by Dostoevsky under the same ethos of a Bodhisattva in Buddhist literature, but his initial reaction before the rejection of his love to the woman he wooed was different from the protagonist of the "The Humiliated and Wronged". At first, he developed an antipathy towards the woman who rejected his love and her new suiter, but it gradually transformed into a compassion, which led him to end his ego and all the material desires. While commenting on the character developments of "Brothers Karamazov", Richard Harre compares the character of Foseema to an Indian sadhu as such characters were extremely rare to be found in the 19th century European society. (Harre, 1961)

It is fairly plausible to argue that characters appearing in Dostoevsky's works echo the Russian consciousness shared by Dostoevsky himself in his personal level and it played a profound impact in making characters of good, bad and ugly. But all those characters created by him eventually stood for more humane matters regardless of the deeds they perpetrate, which signifies Dostoevsky's own philosophy in life driven by the existentialist ideas. Even though Dostoevsky wrote after the father of existentialism Kierkegaard, it is Dostoevsky that defined existentialist philosophy the best. Despite all the ostensible human frailties, follies and ill wills of his characters, Dostoevsky still purifies them as they were the products of the society which is carnivorous and pathological. The existential message that Dostoevsky creates in his fictional characters was

to show the purpose of life is to act properly by being authentic to yourself. Dostoevsky's famous statement about Russians "Do not judge our people by what they are, but by what they want to become" is emblematic of his ideology which consists of pure existentialist qualities. The message that Dostoevsky strived in narrating throughout his works contain some similarities with the Indian philosophical traditions, especially the nature of existentialism that arose from Kierkegaard was not a novel concept for some Indian philosophical traditions such as Madhyamika school built by Nagarjuna, who developed a remarkable dialectical method based on pushing the antithesis ad absurdum. (Sandoz, 1978) To reach the caliber of his excellence Dostoevsky may had widely read both western and eastern sources albeit the obscurity of tracing the concrete evidence. In particular, the character of Raskolnikov in "Crime and Punishment" culminates the gravity of existential ideology that Dostoevsky believed and it further buttresses the poignant sense of Dostoevsky's own humanism, which is a mirror of Buddhist idea of "Metta". For an example, Raskolinkov commits a murder and continues to repent. Raskolinkov could not be inauthentic to himself, and that is what made him sick and delirious, forcing him near the point of suicide. But, in the overall character development of Raskolinkov, Dostoevsky turns him into a tragic hero, who eventually gets the pity of the reader. Thus, the pathos generating from Dostoevsky's works are silently affirming the value of commiseration, in which all the despicable characters built by him such as thieves, prostitutes and charlatans eventually invoke compassion. The visible similarities between Dostoevsky's works and Indian philosophical traditions do not provide a fervent speculation to assume that he was inspired by the Eastern wisdom as there have not been substantive historical evidence connecting Dostoevsky to Indian traditions or Buddhism. Thus, the unplumbed depth of human psychological capture arising from his works and its similarities with Buddhist idea of compassion (Metta and Karuna) remains a riddle.

Russian idea of "Orientalism": A contrast to Said

In his celebrated work "Orientalism", Edward Said describes the concept of the "Orient" as a semi mythical construct imposed on a set of countries east of Europe. (Said, 1979) In his vivid analysis Said lambasts the project initiated by Western political powers mainly Napoleon's 1798 invasion of

Egypt, for which a legion of scholars, writers and scientists were enlisted to collect as much information about Egypt as they could. Said depicted the trajectories that aspired all those oriental quests as imperialistic agendas to romanticize the stereotyped narratives on the Non-European people by making them inferior to the West. This has been an apt analysis in terms of the Anglo-French oriental scholarship that emerged parallel to its imperial adventures in Asia and Africa. The intellectual curiosity of William Jones and the Asiatic Society that sprang under British tutelage were no more than some conspicuous identical tools that British used for the consolidation of its power in the Indian subcontinent.

The Russian idea of the Orient, especially its approach to India or Indology differs from the above-mentioned analysis. While writing about the Orientalism discourse in Russia, David van der Oye comments

“Educated Russians never identified themselves more closely with the West than during Catherine the Great’s reign. Confident of their European identity, they did not necessarily look to Asia with haughty disdain, for their age happened to coincide with the Enlightenment’s philo-orientalism. However, toward the end of her rule, even Catherine’s enthusiasm for Western ways began to sour when she learned of the Bourbon monarchy’s sanguinary end. Russians have always known the East. But they only became consciousness of Asia as a separate continent when they began to regard themselves as European under Peter the Great. In turning to the West, Peter taught his subjects to think more systematically about the East. Indeed, it was one of the tsar’s more learned men, the polymath Vasilii Tatishchev, who definitively set the continental boundary along the Ural Mountains. Peter also launched orientology as an academic discipline in his realm, albeit it partly at Gottfried Leibniz’s suggestion” (van der Oye, p.187)

Russia’s scholarly interest in India and its philosophies, and religions continued to intensify in the mid-19th century mainly due to the German translations of Sanskrit classics read by Russian intellectuals. (Knight, 2013) This interest was not akin to the West’s preconceived notion of the Orient as many of the Russian orientalist were genuinely aspired by the wisdom of the East. The 19th-century academic resurgence that pervaded Russian academia parallel to the development of the Slavophile movement dramatically impacted the study of Indology.(Zohrab, 1982)

When Max Muller's Aryan thesis buttressed the colonial superiority of the British administrators in India, the subsequent institutes arose such as Asiatic societies embodied the legitimization of the imperial needs as the cultural curiosity among the colonialists placed them superior to the subjects.(Leopold, 1974) However, the quest that sprang from the Russian Indologists in the later 19th and early 20th centuries freed them from such an avarice for colonial expansion of the state.

Contributions made by two Russian Indologists in the late 19th and early 20 centuries deserve to a special appraisal as their efforts elevated the studies of Buddhism in India into a new juncture, which paved the path for other scholars to divert their studies into different avenues. The first significant Russian Indologist in the line of fame was Ivan Minayev (1840-1890). Within the short span of his life, Minayev's penchant for Indian religions, particularly in Buddhism was remarkable. After having trained by Russia's prominent Sinologist Vasily Vasiliev at St. Petersburg University, Minayev opted for Indology and his interpretation of the history of Buddhism in India was not merely confined to a rudimentary study in tracing its institutional history as Minayev insisted the necessity of studying Pali, the canonical language of Theravada Buddhism in understanding its text. In the socio-cultural development under the British rule that he witnessed during his travel in India, Nepal and Ceylon were recorded in his travelogues, which contained an array of details critiquing the British approach to understand ancient India. He comments

One should not think, however, that it is possible to study English order in India without the knowledge of ancient India or India, not infected by Western civilization: a correct estimate of what was created by the English is possible only when acquainted with a national, a purely Indian point of view; for this, it is necessary to know the old India, the key to the comprehension of which must be its strange and diverse religion. (Ocherki Tselina, p. V)

The affinity shared with Indian culture and the study of Buddhism was more significant in an epoch, where the European interests in India were either politically based or exotic ones that finally distorted the authenticity of studying Indian culture. Moreover, Minayev's greatest contribution to Indology was his work on the phonetics and morphology of the Pali language, which was later translated into many languages such as English, German and French. His writings on the importance of Pali language to

study Buddhism wakened many European Indologists and he was almost the first Orientalist, who took such stances in Pali (Obeyesekere, 1988). It can be argued that the seeds planted by Minayev enticed many later Indologists to conduct more serious works in the fervent connectivity between Pali and the study of Buddhism, especially Sri Lanka's greatest polymath of the 20th century Ananda Coomaraswamy had widely cited Minayev in several of his works on Pali language and Buddhism (Coomaraswamy, 1939).

Fyodor Shcherbatskoy was the other distinguished Russian Indologist whose scholarly contributions were impeccable in the studies of Buddhism in India. Following the paths of Minayev, Shcherbatskoy spent a considerable period in India, which largely carved his training and he was one of the first scholars to imply the term "Buddhist Logic" to refer to the Indian tradition of inference (Anumana), epistemology (Pramana) and science of causes (Hetu Vidya). In his much-celebrated work "Buddhist Logic" published in 1930, Shcherbatskoy refuted the common myth among the European academic circles in accepting the Western hegemony in the positivistic philosophy. He writes

"There is a widely spread prejudice that positive philosophy is to be found only in Europe. It is also a prejudice that Aristotle's treatment of logic was final; that having had in this field no predecessor, he also has had no need of a continuator. This last prejudice seems to be on the wane. There is as yet no agreed opinion on what the future logic will be, but there is a general dissatisfaction with what it at present is. We are on the eve of a reform. (Shcherbatskoy, 1930)

While introducing the basic tenants of Buddhist logic, he unfolded how the system developed by Dignaga and Dharmakirti contained a coherent system of syllogism and for that reason alone deserves the name of logic. As a translator, who continued to translate many of the Pali and Sanskrit texts into Russian, Shcherbatsky followed a method that he had called the philosophical method as against the philological method of literal, or word-to-word translation. He was one of the first European scholars to single out Sanskrit philosophical texts as a special gender of Sanskrit literature. His admiration towards his favourite Indian Philosopher Dharmakeerthi made him regard the latter as Indian Kant.

(Chattopadhyaya, 1975) Though eloquent was his admiration for both Dharmakirti and Kant, such a description has not even a figurative value for those for whom Kant is not the measure of philosophical greatness. Taken in its literal sense, on the other hand, it is likely to interfere with an objective understanding of Dharmakirti's actual philosophical position in its concrete historical context. In writing on Stcherbatsky, Chattopadhyaya states

“ In an important sense, Stcherbatsky did help us—the Indians—to discover our own past and to restore the right perspective of our own philosophical heritage. (Chattopadhyaya, 1975)

Both Minayev and Stcherbatsky truly committed to the studies in Indology driven by a knack for tracing the legitimate roots of the subject and devoid of any preconceived prejudice on the Indic culture. The very enthusiasm shown by the two of them reflects Russia's intellectual stance in the East and it is a sheer contrast to the romanticized version propounded by Edward Said who described the vocation of an Orientalist as a storyteller legitimizing the prejudices of the Westerner's mind. However, examining the robust development in Russia in Indology and the trajectories that set the causes affirm the candid nature of Russian reading of India, which resulted in making greater contributions to the discipline.

Conclusion

The striking parallels between Indic thought and Russian thought, especially in the writings of 19th-century Russian authors do affirm that the latter was mainly influenced by the former as such a conjuncture could stand beyond any parameters. But, the issues discussed in this paper focusing on the great Russian writers such as Gogol, Tolstoy and Dostoevsky tellingly illustrate the same vision of life that many of the Indian philosophers yearned to attain. The ideology of Russian thinkers was indeed an offshoot of the time and the socio-political space built in Russia through the lenses of time was a turbulent one inherited by its historical burdens such as the Mongolian invasion. The calamitous nature of the life that ordinary Russians led reflected in the writings of later Russian thinkers in viewing the very nature of life as a misery. The quest in seeking the ultimate truth of life in ancient India was coloured by similar trajectories as people grappled with many of the difficulties in life

and those discontents bolstered various thinkers such as Buddha to emerge. It is evident that the social dimension that existed in both societies played an indispensable factor in carving the thought process of both Indian and Russian thinkers. But, it is also important to admit that Russian academia showed considerable interest in India in the 18th and 19th centuries and it was one of the obvious effects in the diffusion of Indian philosophical thoughts to Russia. This paper has taken a holistic approach in discussing the overall value of Russian ideology towards life and its similarities with ancient Indian thought. The second half of this paper presented the brief sketches of two Russian Indologists in evaluating how Russian understanding of India becomes unique in terms of unveiling the civilizational legacies of India to the other world. Especially the works altered the stereotyped narratives that dominated Western academia over Buddhism and it was an accomplishment that many of the Western Indologists could not achieve due to their parochial understanding of India as their academic interests based on anthropology, archaeology or languages were mainly coloured by the objectives of the British empire, in which Disraeli's famous saying "The East is a career" stood as a watchword for those young British officers who came to India. (Said, 1993) But, the proclivity for India and its philosophy and languages among the Russian Indologists was a candid one. All in all, the contentions and the discussion that stemmed from this paper prove the salient parallels between Russia and India towards life in the philosophical spectrum, the development of the Russian attitude towards life was fundamentally different from the philosophical discourses in the Western Europe.

Bibliography:

Balakrishnan, R. (2015). Parallels between Tolstoy's life, writing and Hindu philosophical e, writing and Hindu philosophical thought. Russian language and literature papers, Vol.1.No.2

Berlin, I. (1978). Russian Thinkers, London: Penguin.

Braudel, F. (1954). Civilization and Capitalism, Los Angeles: University of California Press.

Coomaraswamy, A. (1939). Some Pali Words. Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol.4, No.2, pp.345-278.

Chattopadhyaya, V. (1975). Papers of Steerbatzky, New Delhi: Vikas

- Chatthopadyaya,V. (1959). LOKAYATA: A Study In Ancient Indian Materialism, Delhi: Manohar
- Harre, R. (1961). Mysticism of Dostoevsky. The Slavic and East European Journal, Vol.12, No.1, pp.341-356.
- Harrison,E.(2004). The Image of the Jesuit in Russian Literary Culture of the 19th Century, Liverpool Review of Humanities , Vol.2.No.2, pp.56-78.
- Huntington,S. (1996). The Clash of Civilizations, New York: Penguin.
- Knight,T. (2013). Russia's fascination with the East, SAU review, Vol.4. No.2, pp.34-49.
- Litman,A. (1985). Leo Tolstoy and India, Moscow: Progressive Publishers.
- Malksoo,L. (2017). Russian Approach to International Law, New York: Oxford University Press.
- Obeyesekere,R. (1988). The Act of Translation. Massachusetts Review, Vol.29.No.4, pp.762-789.
- Ocherki, T. (2017). The historical development of Orientalism in Russia, RUDEN Review, Vol.12.No.1, pp.234-256.
- Said, E. (1993). Culture and Imperialism, New York: Vintage.
- Said,E. (1975). Orientalism, New York: Vintage.
- Sandoz,I. (1978). Philosophical Dimensions of Dostoevsky's Politics, The Journal of Politics, Vol.40, No.3, pp.648-674.
- Shcherbatskoy,F. (1930). Buddhist Logic, London: Dover Books.
- Spence,I. (1968). Russian way of life through Art, Chicago: Chicago University Press.
- Syrkin,V.(1980). Hinduism in the USSR, Delhi: Vikas.
- Steiner,G.(1959). Tolstoy or Dostoevsky?, Chicago: Chicago University Press.
- Sullivan,R. (2009). Macaulay : The Tragedy of Power, Cambridge: Harvard University Press.
- Thilakarathne,M. (1966). Russian Literature and Modern Sinhala Novel, Colombo: Godage.
- Tolstoy, L. (1912). Collected Works. London : McMillan.
- Wickremasinghe, M. (1969). Rise of the Soviet Union, Colombo: Thisara Books
- Wickremasinghe, M. (1969). Buddhist Jataka Stories and the Russian Novel, Colombo: Thisara Books

Van der Oye,D. (2010). *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*, New Heaven: Yale University Press.

Vigasin,H. (1984). *The Image of India – The Study of Ancient Indian Civilization in the USSR*”, Progress Publishers: Moscow.

Zohrab,I. (1982). Slavophil Movement, *New Zealand Slavic Journal*, Vol.3, No.1, pp.123-134.

Reception of Sanskrit Mahakavi Kalidas in Russia: an onset of Indology in Russia

Nidhi Mathur

Kurukshetra University
nidhimathur42@yahoo.com

Abstract: Kālidāsa is considered to be ancient Bharat's greatest poet and playwright. He took Sanskrit language and Bhartiya tradition at international stage. His mysterious and marvelous work is Abhigyan Shakuntalam. The drama set the base of ancient Bhartiya traditional and cultural values all over the world. This drama is still staged in many languages and countries. Until recent times this drama was admired not only by leading lights of philosophy and theater but also by a common layman. The drama showcases the most intrinsic themes of every Bhartiya family like father-daughter relationship, love for environment etc. The tragedy illustrates lifelike sketch of nature, environment and emotions. The English translation of Abhigyan Shakuntalam by William Jones gave birth to an exceptional occurrence that resulted into the onset of Indology in other countries like Russia, Germany, France, and England. By the end of eighteenth century Abhigyan Shakuntalam became world renowned text. This whole incident made Sanskrit a focal point. Indology and Sanskrit are still relevant in contemporary Russian and European universities. Sanskrit and Indology has relished considerable recovery in whole world, and Russia is no aloof from it.

This paper will try to focus on the reception and localization of Kalidas' works and, on the history, and current trends in Indology in Russian and European universities. The paper will also focus on the contribution of Kalidas' works as their translations held the great philosophers of Europe spellbound. The German canonical author, Goethe, was so enthralled after reading the translation that he even copied Kalidas' style of commencing a drama on stage and claimed that Kalidasa' comparison to Shakespear is very lame. This paper is an attempt to critically analyze the take and viewpoint of different Russian and European philosophers on Kalidas' works, and Sanskrit.

Keywords: literary tradition, folk, culture, relationship, oral tradition, storytelling

Introduction

English philologist William Jones was interested in reading about ancient Bharat. In 1784 he initiated the Asiatic Society of Bengal. Since the Britishers had colonized the country, he introduced ancient Bhartiya treasures to his British audience. The West had indeed learnt lot from ancient Bharat's Literature and from good deal of Sanskrit texts through translations. William Jones studied the Vedas and became proficient

Sanskritist. He is credited to produce innumerable works on Bharat, and established modern and systematic subject on the Bhartiya subcontinent effectively in every sphere. He wrote extensively on the ancient Bhartiya values, Bhartiya classical music, Sanskrit and literature and translated canonical works of Bhartiya Literature into English.

Arthur Schopenhauer, the German philosopher, referred Jones's translated texts and publication in his renowned work, which is, *The World as Will and Representation*. He quoted Jones's original words: "[...] how early this basic truth was recognized by the sages of Bharat, since it appears as the fundamental tenet of the Vedānta philosophy ascribed to Vyasa, is proved by Sir William Jones in the last of his essays: "On the Philosophy of the Asiatics [...] are convertible terms." (*Asiatic Researches*, vol. IV, p. 164)

W. Jones is a key figure of Indo-European studies because his talks and speeches of 1786 in the meetings of the Asiatic Society on the history and culture of the Hindus are often cited as the beginning of comparative linguistics and Indo-European studies. He also contributed in Proto-Indo-European. In the words of William Jones, "The Sanscrit language [...] to the same family." (*Asiatic Researches*, vol. IV, p. 164)

Indology has been a subject of academic interest and pushes the boundary of curiosity among European and Russian students. Indology has gained adoration in Russia since long back. As already mentioned in the very beginning that at the end of eighteenth century the Britishers formally designed the academic area Indology, after the translations of Bhartiya texts from Sanskrit to English by William Jones reached Europe. Prior to the translation there was inquisitiveness for Bharat, Hinduism, Sanskrit and Vedic culture.

Purasu Balakrishnan has pointed out in his paper *Kalidasa and Chekhov* that the Russian temperament is allied to the Bharat. *Вишнёвый сад* or *The Cherry Orchard* has lot of resemblances. The plays depicts bond between man and mother earth. It is one of the few plays that can be compared to *Abhigyan Shakuntalam*.

Gerasim Stepanovich Lebedev was actor, musician and scholars from Russia. Lebedev spent 12 years in Bharat. He was in India from 1785 to 1797. He studied the genesis of some of the Indian languages. He is considered to be father of Indology in Russia. He was the first Russian who found out similarities between Sanskrit and Slavonic languages.

All Vedas like Rigved and Atharvved, great and immortal Indian epics like *Mahabharata* and *Ramayana*, Upanishadas, life lessons of *Bhagavad*

Gita, tales of Panchatantra, Hitopadesh, works of Sanskrit classic scholars like Shree Kalidas, Shree Shudrik and Shree Bhartihari, antiquated poetry of Kabirdas, Surdas, Goswami Tulsidas, Mirabai, Amir Khusro, Kavi Vidyapati have been translated into Russian Language by Russian Scholars, pundits of Indian languages, literature, culture, philosophy and folklore who were keen in getting the Russians acquainted with Indian literature. Amongst those are Zhukovsky, Karamzin, Fet, Alexei Baranikov, translator of great poet Goswami Tulsidas's Ram Charit Manas and last, not least, Roerich, Nikolai and his wife, Yelena. Their son Yuri was an Indologist and another son Svetoslav Roerich was an artist.

In 1956 Russia, formerly USSR, issued postage stamps in honor of the Visva Mahakav Kalidasa. The stamp depicted Kālidāsa's Śākuntalam. This is considered as one of the greatest Honors bestowed upon Indian Literature by government of Western country.

The first European scholar of Sanskrit was the Christian missionary. His name was Heinrich Roth. Roth stayed in Bharat, learnt and became fluent in Sanskrit. The actual onset of Sanskrit studies embarked in Europe at the end of the nineteenth century. Indology at universities, where scholars and students were committed to translations of various antique religious texts and poetry. "Germany has had a special affinity for Indian mythology, literature and philosophy, which can be traced back to the country's interest in Sanskrit. Since then, several German philosophers, scholars and even politicians have been inspired by works and ideas originating from India."

Axel Michaels is renowned Indologist from prestigious South Asia Institute situated in Heidelberg. He is strongly of the opinion that Sanskrit is not a dead Language. And this is how an emphasizes on the significance and seriousness of learning Sanskrit and gravity of Indology is done. Few western philosophers like Friedrich Rückert rose to fame after he translated the great legends of Mahabharata. Wilhelm von Humboldt, were also interested in Sanskrit. Humboldt discussed the Bhagavadgita, a sacred text of Hindus, with the philosopher Georg Wilhelm Friedrich Hegel. August Wilhelm Schlegel wrote his one of the most popular work named "On the Language and Wisdom of the Indians (Über die Sprache und Weisheit der Inder)". August Wilhelm Schlegel became the first Lehrkraft of academic area called Indology at University of Bonn in Germany.

One of the most famous Indologist, whose names every Indian knows is Max Müller. The first German publication of the holiest of Hindu texts, the Rigveda, is to his credit. In those times and even in these times, Rigveda is considered to be very complicated text. To this day, Müller is considered to be a far-sighted and perhaps the most accomplished and polished Sanskrit scholar in entire history of Indology. His 50-volume translation titled, "Sacred Books of the East," continues to impress and bewilder its reader. "In an endeavor to fill this significant void in scholarship, "Searching for Shakuntala" is the first comprehensive study of the performance history of Kalidasa's Abhijñānaśakuntala in Europe and India. It argues that Shakuntala has been a critical interlocutor for the emergence of modern theater practice, having been regularly featured on both European and Indian stages throughout the nineteenth and twentieth centuries."

Shakuntala or Abhijñānaśakuntala by Kalidasa has been appreciated by many western philosophers, dramatists and has held a place of distinction as a classic drama of world literature. William Jones translated Abhijñānaśakuntala into English. And this translation opened all doors between Indian and Russian Scholars. The striving for India increased among Russian and other European scholars.

Translations and admiration of Shakuntala by western scholars and intellectuals

The Shakuntala touched the depths of minds and intellect of western scholars. I support this statement with the quote by the first Prime Minister of India, Pundit Jawaharlal Nehru, as mentioned by Prof. Sylvan Levi also: "The name of Kalidasa ... William Jones revealed it to the West." (Jawaharlal Nehru, The Discovery of India) Arthur W. Ryder also translated works of Mahakavi Kalidasa, showed respect and esteem towards Indian classic: The best proof ... spiritual achievement. (Ryder, 1912)

It is not to say that only western audience has found the values and worth of Kalidasa treasures, Kalidasa and his works were also praised by none other than Swami Vivekananda himself who described Shakuntala and Kalidasa as India's boon to the planet: In literature, our epics and poems and drama rank as high as those of any language; our Shaguntala (Shakuntala) was summarized by Germany's greatest poet as heaven and earth united. (Vivekananda, Complete Works, II, 511-12)

The original and translation of the following lines of Johann Wolfgang von Goethe are as follows: „[.....] I name thee, O Sakuntala! And all at once is said.” —translation by E.B. Eastwick (Vivekananda, Complete Works, II, 511-12)

Will Durant in his work *The Story of Civilization: Our Oriental Heritage* believed that the English translation of *Shakuntala* by William Jones entered Germany and influenced great writers and poets like Herder, Goethe and this also touched Schlegel’s whole Romantic Movement. Soon after William Jones’s translation reached Europe, translations into other Languages started getting published, for example *Shakuntala* got translated into German, French, Danish, Italian etc. “*Shakuntala* became one of the most circulated Indian masterpieces- it was reprinted five times in England between 1790 and 1807 and it was retranslated and published many times throughout Europe” (Raymond, 1984). During late eighteenth century, the Indology department was built first in the universities of Heidelberg, Jena, Weimar and then at the universities of Tubingen, Berlin, Bonn. Translations and re-translations of *Sakuntala* into European Languages, along with the *Laws of Manu* and the *Gita Govinda* were deeply studied and researched and kindled passion and *Sehnsucht* among European minds. “*Shakuntala* was the first work ..... absolute model in art. (Samtliche Werke, cited from *Translating the Orient*, 13-14).” (Raymond, 1984)

Johann Gottfried von Herder, Johann Wolfgang von Goethe including Johann Christoph Friedrich Schiller- the three major pillars of German Literature and ardent admirers of Kalidasa agreed to Forster’s opinion on *Shakuntala*. Surprisingly, Johann Wolfgang von Goethe adapted Kalidasa’s style of prolegomenon in his canonical work named *Faust* (Raymond, 1984). In addition, Heinrich Heine’s “spiritual home was on the banks of the holy river Ganga” as mentioned by George Brandes, Danish literary critic. He was influenced by Indian culture and was very much passionate towards Indian literature that he created 3 sonnets on *Abhijñānaśakuntala* and sent the three sonnets to Ernst Friedrich Ludwig Robert for review (Raymond, 1984).

The English translation of *Abhijñānaśakuntala* by William Jones not only entered Europe but also ruled the European minds and intellectuals. With the translation also entered Vedanta philosophy and Indian culture in Europe. The translations of *Shakuntala* and other Sanskrit religious texts forever had inspired Germans who refer Indian as a land of wisdom and

Indians as wise. The German creative minds were also strongly attracted to the Upanishads.

Hundred years after William Jones had translated *Abhijñānaśakuntala*, forty-six translations of this classic work from India got published into twelve European Languages. (Raymond, 1984) “The Everyman’s Library ..... continent.” (Everyman’s Kalidasa, xviii). (Raymond, 1984)

Conclusion

When it comes to spirituality, west has always looked towards India for it. Different nations have always yearned and longed for internal peace. Famous personalities of West got attracted to the teachings of Indian Gurus. They travelled long distance for yoga, meditation and eternal bliss, to name a few Steve Jobs, Mark Zuckerberg. The Indology in west is in continuity. Sanskrit is still ruling great minds of west. Recently, the Sanskrit is declared to be the most compatible language for coding. Grammar of Sanskrit makes it suitable for machine learning and artificial intelligence, and is also being adopted by NASA.

In the course of the 18th century Europe was particularly marked by French revolution, and at the same time industrialization was gaining the pace. Both these events in the European and Russian history had changed social, cultural and political lives of the people across Europe and Russia, which resulted in writers, philosopher and poets looking for an escape from the social realities faced by the then developed, progressed and industrialized Europe and Russia. To their surprise they found ancient Indian literature, in particular, Kalidasa and his works, to be greatest piece of literature and source of knowledge. This also provided them the escape they were craving for during these times.

Indians have conquered the scholarly minds and philosophy in Russia and Europe. Britishers had political and economic interests in India but nations like Russia, Germany, France had intellectual interests in India (Bhatti 2005). This is how with the help of translations, cultural interactions take place between two different continents, nations, languages, thoughts and cultures. Ancient Sanskrit texts have benefitted not only India but also whole world. The tradition still continues.

Bibliography:

1. Schopenhauer, Arthur: *The World as Will and Representation*. Vol.-1. Dover Publications, Inc. New York, 1969.

2. Schwab, Raymond: "The Oriental Renaissance: Europe's rediscovery of India and the East, 1680-1880", translated by Gene Patterson-King and Victor Reinking. Columbia University Press. 1984.
  3. Chandra, Ramesh. Editor. A.H. Edgren, Translator. Abhijnana Sakuntalam. Global Vision Publishing House Delhi, 2004.
  4. John Edwin: A History of Classical Scholarship: From the revival of learning to the end of the eighteenth century. Hafner Publishing Company, 1958
  5. Jones, William. Sacontala or The Fatal Ring: An Indian Drama by Kalidas. Translated From the original Sanskrit and Prakrit. J.Cooper. Calcutta, 1789.
  6. Im Kielwasser des Kolonialismus. Ambivalenzen im deutschen Orientalismus des neunzehnten Jahrhunderts.In: Hans-Jörg Knobloch und Helmut Koopmann (Hg.), Das verschlafene 19. Jhd? Deutsche Literatur zwischen Klassik und Moderne, Würzburg 2005.
- Internet links:
7. Ancient Classics, <http://ancientgems.blogspot.com/2011/10/goethe-on-shakuntala.html>
  8. Mehta, Nitin: A nation born out of Sanskrit, and still in love with it - The Daily Guardian.
  9. Impact of Kalidasa on the West in Arise Bharat.

Возвратные глаголы в русском языке и их омонимичные варианты

Ашутос Ананд

Ассистент Профессор

Центр русских исследований

Школа языковых, литературных и культурных исследований
в университете имени Джавахарлала Неру

Нью Дели, Индия, 110067

aanand@jnu.ac.in

Аннотация: Понятие возвратности в русских глаголах связано с постфиксом -ся. Глаголы с постфиксом -ся образуются как от переходных глаголов, так и от непереходных глаголов. Синтаксические и семантические свойства меняются при присоединении к глаголу постфикса -ся. Данная статья посвящена изучению возвратных глаголов и их омонимичных вариантов.

Ключевые слова: возвратный глагол, омонимы, возвратность, русский язык, переходный глагол

В современном русском языке глаголы, как самостоятельная часть речи, играют вполне активную и разнообразную роль. В языковой системе современного русского языка у глаголов употребляются разнообразные категории такие как время, вид, лицо, залог, наклонение, переходность/непереходность и образуются, бесспорно, больше всех набор словоформ по сравнению с другими частями речи. По словам знаменитого лингвиста Виноградова В.В., который подчёркивает конструктивный характер глагола, определяет: «Глагол – самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [2, с. 349].

Понятие возвратности в русских глаголах связано с постфиксом -ся. Глаголы с постфиксом -ся образуются как от переходных глаголов (мыть - мыться, одевать - одеваться, строить - строиться и др.) так и от непереходных глаголов (спать-спаться, стучать-стучаться, белеть-белеться и др.). Синтаксические и семантические свойства меняются при присоединении к глаголу постфикса -ся. «Конкретные значения постфикса -ся многообразны и связаны с синтаксической деривацией: он выражает широкий спектр значений, в большинстве

из которых делает исходный глагол непереходным или уменьшает количество его синтаксических актантов.» [10]. Видный русский филолог Некрасов Н.П., подчёркивая важность постфикса -ся, пишет: «Вообще наш язык смело приставляет ся к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету» [3, с. 74].

Возвратные глаголы тесно связаны с категорией залога. Шведова Н.Ю. определяет возвратные глаголы как «Категорией залога охватываются все глаголы русского языка, следовательно, и те возвратные глаголы, у которых постфикс -ся не формирует страдательные значения» [8, с. 615]. Иными словами, глаголы, употребляющиеся с постфиксом -ся без страдательного значения называются возвратными и относящиеся к действительному залогу. Например: умываться, ссориться, улыбаться, удариться и др.

Возвратные глаголы, по своему значению, делятся на несколько групп:

i) собственно-возвратные (прямо-возвратные) глаголы – Действие при этих глаголах производится субъектом, являющимся одновременно и объектом действия. Постфикс -ся в таких глаголах близок по значению к местоимению “себя”: одеваться (одевать себя), причёсываться, умываться, бриться, защищаться, обуваться, прятаться и др. Например: Дети разделись и попрыгали в воду. Девочка причесалась аккуратно.

В разряд собственно-возвратных глаголов входят некоторые глаголы при которых не присоединяется постфикс -ся. Для выражения возвратности после них употребляется возвратное местоимение себя: знать себя, уважать себя, любить себя, ругать себя за что-н., видеть себя в зеркале и др.

ii) взаимно-возвратные глаголы - Эти глаголы обозначают действие нескольких лиц или предметов. При таких глаголах действие совершается несколькими субъектами, каждый из которых является одновременно и объектом действия. постфикс -ся здесь имеет значение “друг друга”, “один другого”, “друг с другом”, “между собой”: встречаться, обниматься, целоваться, ссориться, советоваться, видеться, расставаться, бороться и др. Например: Мама и дочка обнялись; Ребята обменялись адресами; Мы часто видимся; друзья встретились.

Иногда “взаимное” значение этих глаголов подчёркивается наличием приставки “пере-” или морфемы “взаимо-”: переписываться, перекликаться, перебраниться, взаимополняться, взаимоуничтожаться и др. Исключение составляют некоторые глаголы, при которых нельзя употреблять постфикс -ся но выражают значение взаимности: спорить, дружить, разговаривать, беседовать и др. При таких глаголах для выражения взаимности употребляются формы словосочетания “друг друга”: любит друг друга, помогать друг другу и т.п.

iii) обще-возвратные глаголы - Действие при таких глаголах совершается в самом субъекте. Эти глаголы выражают внутреннее т.е. психическое состояние или чувство субъекта или лица: беспокоится, сердиться, удивляться, радоваться; процессы и свойства предметов, или изменение в состоянии, положение, движение субъекта: растворяться, отправиться, повышаться, усиливаться, освежиться; начало, продолжение и конец действия или явления: прекращаться, приняться, начинаться, завершаться и др.

Глаголы с частицей -ся, имеющей обще-возвратное значение, позволяют присоединение слов “самому” или “сам”: радоваться (радоваться самому). В предложении “Этот район с каждым годом растёт и украшается”, глагол “украшается” обозначает изменение в состоянии города (город как бы сам растёт и украшается).

iv) косвенно-возвратные глаголы - косвенно-возвратные глаголы обозначают действия, совершаемые субъектом особенно в своих интересах. Иными словами, действие совершается субъектом для себя, в своих интересах, в свою пользу. Частица -ся в таких глаголах имеет значение, близкое к “для себя”, “ у себя”, или “себе”: строиться (строить себе дом или другие постройки), стучаться, плакаться, смотреться, хвастаться и др. Например: Он был парень аккуратный. Всем запасся в путь обратный.

v) безобъектно-возвратные глаголы - безобъектно-возвратные глаголы обозначают действия, выступающие в роли постоянного и характерного свойства субъекта. Иными словами, они обозначают действия вне отношения к объекту, замкнутые в субъекте как постоянное его свойство. Например: Кошки царапаются; Собака кусается; Корова бодается и др.

vi) безличные (пассивно-возвратные) глаголы - пассивно-возвратные глаголы обозначают действие или состояние лица,

переживаемое им помимо его желания, безо всяких усилий с его стороны. Такие глаголы становятся безличными, и лицо, испытывающее влечение, выражается дополнением в дательном падеже или подразумевается. Например: Ему хорошо работается; Ребёнку не сидится на месте; Ночью мне не спалось.

vii) побочно--возвратные глаголы - эти глаголы называют действие как соприкосновение с объектом. При этом объект своим наличием как бы стимулирует, порождает само это действие, делает его возможным. Например: держаться за перила, взяться за ручку двери, цепляться за руку, ушибиться об угол.

Омонимичные слова в любом языке, обычно, представляют трудность употреблять в речи. «Омонимичные слова наряду с многозначными также образуют определенные группы, связанные внутри единством семантически разных слов, сходных в написании, произношении, совпадении грамматических форм. Следовательно, и они, выпадая из системы слов, семантически близких или противоположных, тем не менее представляют собой формально объединяемые синтагмы, т.е. элементы общей языковой системы.» [1, с. 528].

Сравнивая глагольные формы в предложениях “Ребёнок одевается сестрой. - Ребёнок одевается элегантно.”; “Наш район украшается художниками. - Наш район с каждым годом растёт и украшается.”, получается омонимичные словоформы. Словоформа “одевается” в предложении “Ребёнок одевается сестрой.” имеет страдательное значение и поэтому производитель действия употребляется в форме творительного падежа. А словоформа “одевается” в предложении “Ребёнок одевается элегантно.” имеет нестрадательное значение и поэтому в таких предложениях отсутствует производитель действия в форме творительного падежа. Словоформы типа “одевается” или “украшается” в предложениях безстрадательного значения не являются формами глаголов “одевает” или “украшает”.

В заключении можно приводить выводы что возвратный глагол выступает только в активных конструкциях, а омонимичная форма употребляется в пассивных конструкциях. Подлежащее может быть при возвратном глаголе одушевленным или не одушевленным существительным, а при омониминой форме только неодушевленным существительным. Возвратный глагол не

допускает изменение его формы по залогу, а омонимичная форма допускает трансформацию в активную конструкцию.

Список литературы:

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник Под редакцией Н.С. Валгиной. М: Логос, 2002. 528с.
2. Виноградов В.В., Русский язык (грамматическое учение о слове), Москва «высшая школа», 1986, с. 349.
3. Некрасов Н.П., О значении форм русского глагола, СПб., 1865, с. 74.
4. Новиков Л.А. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Учебное пособие для студентов вузов. СПб., 1999.
5. Храковский В.С. Залог и рефлексив // Проблемы теории грамматического залога. М, 1978.
6. Шанский Н.М. Основы словообразовательного анализа. М., 1953.
7. Шведова Н.Ю. (главный редактор), Русская грамматика, Том-I, Изд. Академия наук СССР, Москва – 1980, с. 615.
8. Шведова Н.Ю., Лопатин В.В., Русская грамматика, М. «Русский язык», 1990, с.639.
9. Шелякин М.А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // Теория функциональной грамматики. СПб., 1991.
10. Возвратность [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. URL:
<http://rusgram.ru/%D0%92%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 30.09.2023).

Структурные, семантические и стилистические особенности социальных эвфемизмов в современных СМИ русского языка

Суман Бенивал

Преподаватель,

Центр Русских Исследований,

Школа языковых, литературных и культурных исследований,

Университет им. Джавахарлала Неру,

Нью Дели-110067, Индия,

sumanbnw198@gmail.com

Аннотация: Один из актуальных вопросов языкознания политическая корректность очень тесно связан с эвфемизацией в социальной сфере, так как политкорректность является основным мотивом образования и использования социальных эвфемизмов в современных СМИ русского языка. Социальные эвфемизмы звучат хорошо поэтому они широко используются не только в русском языке но и во всех языках мира. В данной статье анализируются примеры социальных эвфемизмов в СМИ русского языка и их семантические, стилистические и структурные особенности.

Ключевые слова: политическая корректность, социальные эвфемизмы, способы образования, семантические особенности, стилистические особенности, структурные особенности

Социальная сфера является одним из самых активных сфер с точки зрения образования и употребления эвфемизмов. Одной из основных причин употребления социальных эвфемизмов при общении является улучшение денотата обозначаемых понятий. Другой причиной использования социальных эвфемизмов является желание замаскировать неприятные стороны действительности.

В данной статье анализируются примеры социальных эвфемизмов и их семантические, стилистические и структурные особенности в современных СМИ русского языка.

Социальные эвфемизмы – это смягченные слова и выражения, употребляющиеся в социальной сфере к которым говорящий прибегает, когда он не хочет обидеть кого-либо. Цель использования социальных эвфемизмов является положительной. Вежливость является основной причиной образования социальных эвфемизмов.

Полит-корректность является основным мотивом образования и использования социальных эвфемизмов в коммуникации. Рассмотрение вопроса полит-корректности и ее связь с эвфемизацией является актуальным так как оба эти языковые понятия связаны с широким понятием “Verbal hygiene” (Словесная гигиена). Термин “Verbal hygiene” был введен социолингвистом Деборой Кэмерон.

С точки зрения структуры эвфемизация реализуется на разных уровнях: эвфемизация на уровне морфемы, эвфемизация на уровне слов, эвфемизация на уровне словосочетаний и предложений. Можно сказать, что морфемы, слова, словосочетания и даже предложения могут выполнять роль эвфемизмов.

Разные части речи выполняют роль эвфемизмов в СМИ. Все знаменательные части речи могут играть роль эвфемизмов, однако, некоторые из них употребляются чаще. Но, служебные слова не выполняют роль эвфемизмов. Слова и словосочетания чаще всего выполняют роль социальных эвфемизмов, однако, предложения могут быть в роли эвфемистических выражений. При анализе примеров социальных эвфемизмов в современных СМИ русского языка, мы заметили, что на уровне слов знаменательные части речи, такие как существительные, прилагательные и глаголы в основном выполняют роль социальных эвфемизмов. Например,

I. Знаменательные части речи в роли социальных эвфемизмов

1. Имена существительные:

- Имена существительные с суффиксами –оньк-/-еньк-/, -онк-/енк-, -к-, -ц(е), -ц(о), - ец(о), -иц-, -очк-, -ок-, -ушк-/-юшк-, обозначающие эмоциональную оценку, способны быть эвфемизмами. Имена существительные с приставкой не- могут выполнять эвфемистическую функцию. Например, эвфемизм «нехорошо» вместо «плохо».
- Имена существительные, имеющие приставки недо-, небез-/небес-, и начало не-, благо-, недобро-, полу- также могут выполнять эвфемистическую функцию. Например, эвфемизм «недоедание» вместо «голод» в контексте.

Примеры имен существительных в роли социальных эвфемизмов в СМИ русского языка анализируются с точки зрения семантики и стилистики дальше:

01) Конец

- «"Конец близок": сестра Сенцова сообщила об ухудшении состояния режиссера». (Ббс.ру, 08.08.2018)
- «В статье также содержится предупреждение: "Конец близок для тех, кто пытается разрушить Гонконг и противостоять Китаю"». (ТАСС, 02.09.2019)

«Конец» - Данный эвфемизм используется вместо «смерть», так как тема смерти представляется в многих языках метафорически. Эвфемизм обозначает конец жизненного пути. Эвфемистическое существительное образуется на основе метафоризации. Оно имеет стилистически нейтральную коннотацию.

02) Гей-пара

- «Как живет гей-пара, оформившая брак в России: «Менять ничего бы не стали»». (Московский комсомолец, 15.04.2019)
- «Как снимок гей-пары из Петербурга стал фотографией года World Press Photo». (Ббс.ру, 23.12.2019)

«Гей-пара» - Данный эвфемизм используется для обозначения гомосексуальной пары. Слово «голубой» в конце XX века (Например: «Горячие голубые испанцы тоже смогут пожениться» (Утро.ру, 30.06.2005) также имел эвфемистический оттенок но в начале XXI века слово «голубой» потеряло эвфемистический потенциал и стало восприниматься как прямое обозначение.

Тема гомосексуальности является высоко эвфемистической, так как в обществе ее считают табуизированной. Выходом для обсуждения данной темы является употребление эвфемизмов для обозначения гомосексуальности. Политкорректность является основным мотивом образования и использования этого эвфемизма в СМИ.

2. Имена прилагательные:

Прилагательные часто выполняют роль эвфемизмов. Иногда они являются синонимами но одно из них является вежливым словом т. е. эвфемизмом, а другое является грубым словом. Например,

эвфемистическое прилагательное «полный» вместо «толстый». Здесь оба, заменяющее слово и заменяемое слово, являются стилистическими синонимами и в то же время, если «полный» заменяет слово «толстый» в определенном контексте, тогда оно является эвфемизмом.

- Прилагательные, имеющие приставку не- выполняют эвфемистическую функцию. Например, употребление прилагательных «некрасивый» вместо слова «страшный», «неумный» вместо слова «глупый», «нечистый» вместо прилагательного «грязный». Ю. Д. Апресян считает вышеописываемых эвфемизмов, основанных на отрицание противоположного «полуэвфемизмами». (Москвин, 66)
- Прилагательные с приставкой недо-, небез-/небес-, и с началом не-, благо-, недобро-, полу- также могут выполнять эвфемистическую функцию.

Примеры имен прилагательных в роли социальных эвфемизмов в СМИ русского языка анализируются дальше:

03) Павший

- «По официальным данным, Россия потеряла в Сирии менее 20 человек, но российские наемники рассказали о сотнях бойцов, павших в боях и оставшихся в сирийской земле. Они продолжают «возвращаться в мешках», заявили в США, имея в виду последние действия России и провал мирных переговоров». (ИноСМИ, 08.10.2016)

- «В годовщину начала войны в Чечне прошел вечер памяти павших в борьбе с терроризмом. Он стал последним». (Новая газета, 12.12.2019)

«Павший» - Данное прилагательное эвфемистически обозначает смерть солдат на фронте. Эвфемизм «павший» используется с целью вежливости.

Эвфемистическое прилагательное обладает стилистически положительной коннотацией по сравнению с заменяемым словом, которое имеет нейтральную коннотацию.

04) Неблагополучный

- «Мы пытаемся открыть футбольное крытое поле для детей из неблагополучных семей, а также для детей из детских домов, то есть предоставить им возможность совершенно безвозмездно реализовывать себя не на улицах каким-то вредным для них способом, а максимально реализоваться как личность». (Кремлин.ру, 20.12.2018).

- «В РПЦ опасаются возможных доносов при выявлении неблагополучных семей». (РИА Новости, 22.04.2019)

«Неблагополучный» - Данное эвфемистическое прилагательное используется вместо «бедный». Оно образуется морфологическим способом с помощью префикса «не» и слова «благополучный», которое имеет положительный оттенок.

Эвфемистическое прилагательное образовалось и применяется в СМИ благодаря языковой стратегии политкорректности.

05) Невернувшиеся

- «Светом нашей любви и скорби пусть озарятся имена павших. Они всегда с нами, в наших мыслях, делах, домах, улыбках детей. Склоним головы перед светлой памятью не вернувшихся с войны отцов, матерей, сыновей, мужей, братьев, дочерей, сестер, товарищей, друзей, близких». (Новая газета, 12.12.2019)

- «Судьба невернувшихся. Как узнать о родственниках, погибших во Второй мировой войне». (Ббс.ру, 05.05.2019)

«Невернувшиеся» - Данное причастие выполняет роль эвфемизма и используется вместо «убийства солдат на фронте». С целью вежливости используется эвфемизм «невернувшийся» в СМИ.

Эвфемизм образуется на основе метафоризации значения и имеет положительную оценку с точки зрения стилистики.

3. Наречия:

- Наречия как «немного», «немножко» также выполняют функцию эвфемизма. Например, «она немножко толстела» вместо «она толстела».

- Наречие как «недостаточно» в примерах как «недостаточно развитый» вместо «инвалид».

4. Глаголы:

- Глаголы чаще применяются эвфемистически. Например, на страницах газет можно найти много глаголов, таких как, «ликвидировать» в значении убить и «скончаться» вместо «умереть».

Примеры глаголов и разных форм глаголов в роли социальных эвфемизмов в СМИ русского языка анализируются дальше:

06) Терять

- «Конечно, речь не идет о том, что этот прирост произошел только за счет числа умерших с диагнозом Covid-19. И в этом, считает профессор Джон Муттер, скрыта одна из главных опасностей пандемии: врачи теряют тех пациентов, у которых в любое другое время был бы шанс выжить». (Ббс.ру, 12.05.2019)
- «По официальным данным, Россия потеряла в Сирии менее 20 человек, но российские наемники рассказали о сотнях бойцов, павших в боях и оставшихся в сирийской земле». (ИноСМИ, 08.10.2016)

«Терять» - Данный глагол заменяет прямое наименование «умирать». Эвфемистический глагол «терять» образуется с помощью тропа метафоризации. Этот глагол стилистически является нейтральным по сравнению с заменяемым словом.

5. Числительные:

- Числительные также могут быть в роли эвфемизмов. Например, числительное 26/11 обозначает эвфемистически террористическую атаку в Мумбае.

II. Словосочетания в роли политических эвфемизмов:

Словосочетания со различными видами синтаксической связи выполняют роль социальных эвфемизмов в СМИ. Интересно заметить, что не только простые словосочетания, состоящие из одного главного слова и одного зависимого слова, но и сложные по своей структуре, являются эвфемизмами в СМИ. Эвфемистичность многих из них определяется контекстом. Например,

Как известно, слова в простых словосочетаниях могут иметь три основных вида подчинительной связи: согласование, управление и примыкание.

1. Простые по структуре словосочетания:

а) **Согласование:** это вид синтаксической связи между словами в словосочетании при котором зависимое слово согласуется с главным словом в роде, числе и падеже. Например,

07) Неблагоприятные последствия

- «Повторяю еще раз, к сожалению, пришлось пойти на такие не очень, скажем, приятные меры, но мы изначально рассчитывали, что это может и обязательно приведет к неблагоприятным, условно, последствиям на очень короткий промежуток времени. В целом Правительство, Центральный банк оказались правы, и на полгода у нас, к сожалению, подросла инфляция». (Кремлин.ру, 20.06.2019)
- Юрий Высоцкий: «Важно предупредить возможные риски и неблагоприятные последствия для бюджета края». (Приморская газета, 20.02.2020)

«Неблагоприятные последствия» - Данное эвфемистическое выражение применяется вместо прямого выражения «вредные или негативные последствия».

С точки зрения структуры эвфемистическое выражение образуется сочетанием прилагательного «неблагоприятные» и существительного «последствия». Согласование является видом подчинительной связи между словами в данном словосочетании.

Эвфемистическое выражение образуется морфологическим способом с помощью присоединения негативной префиксации «не» к положительному корню «благоприятный» и стилистически представляет собой нейтральное выражение по сравнению с заменяемым выражением.

08) Непокойный регион

- «Весы истории колеблются. Пентагон и коалиция морально готовы оставить непокойный регион (вспоминаем опубликованный "черновик" о выводе войск), ведь противник оказался твердым и высокотехнологичным». (Спутник, 16.01.2020)
- «Бомбардировки непокойного региона США проводят уже около пяти лет. В 2011г. в результате налета американского

беспилотника был уничтожен один из лидеров местных исламистов — аль-Шахри». (РБК, 28.07.2012)

«Неспокойный регион» - Данное словосочетание эвфемистически заменяет выражение «регион, пострадавший от терроризма».

С точки зрения структуры эвфемистическое выражение образуется сочетанием прилагательного «неспокойный» и существительного «регион». Согласование является видом подчинительной связи между словами в данном словосочетании.

Эвфемистическое выражение образуется морфологическим способом с помощью присоединения негативной префиксации «не» к слову «спокойный». Метафоризация значения является способом образования данного эвфемистического выражения.

Стилистически эвфемистическое словосочетание представляет собой нейтральное выражение по сравнению с заменяемым выражением, которое более прямо выражает значение.

09) Необеспеченные слои

- «Социально необеспеченные слои населения будут выплачивать по 40 драмов (0,08 доллара) за 1 кВт/ч в дневные часы и по 30 драмов (0,06 доллара) за 1 кВт/ч в ночное время». (РИА Новости, 24.01.2017)

- «Необеспеченные слои населения редко обращают внимание на шампанское и вино (29 и 37,2 процента соответственно). А с ростом доходов увеличивается доля любителей виски и коньяка, которые становятся основным видом любимого спиртного обеспеченных людей (12 и 31 процент)». (Российская газета, 10.02.2014)

«Необеспеченные слои» - Данное эвфемистическое словосочетание заменяет более прямое выражение «бедные люди». Выше описанное выражение образовался и используется в СМИ благодаря стратегии полит-корректности.

С точки зрения структуры эвфемистическое словосочетание является сочетанием прилагательного «необеспеченные» и существительного «слои». Согласование является видом подчинительной связи между словами в данном словосочетании.

Данное выражение образуется морфологическим образом с помощью приставки «не» и прилагательного «обеспеченный». Оно является более книжной по сравнению с заменяемым выражением и в эвфемистическом выражении используется сочетание «слои населения», которое образуется на основе метафоризации значения. Оно является калькой английского выражения «disadvantaged sections».

b) Управление:

10) Уносить жизни

- «Они были убиты в самом начале Кашмирского конфликта, который и сейчас, спустя десятилетия, продолжает уносить жизни почти каждый день». (Ббс, 19.11.2017)
- «Кульминацией этого противостояния была война во Вьетнаме. Она не только унесла жизни сотней тысяч вьетнамцев, но и оказалась одной из самых мрачных страниц в истории США». (Газета.ру, 02.07.2016)

«Уносить жизни» - Данное эвфемистическое выражение обозначает смерть. Эвфемистическим является целое предложение, используемая в виде пассивной конструкции.

С точки зрения структуры данное выражение образуется сочетанием глагола «уносить» и существительного «жизнь». Управление является видом подчинительной связи между словами в данном словосочетании.

Стилистически данное выражение обладает нейтральной коннотацией по сравнению с заменяемым словом.

11) Контролировать информацию

- «И последнее, что я хотел бы подчеркнуть, конечно, в Китае информация контролируется, но это страна постоянного общения». (Правда, 21.05.2020)
- «Как контролируют информацию о COVID-19 в китайских социальных сетях». (GlobalVoices, 26.04.2020)

«Контролировать информацию» - Данное эвфемистическое выражение используется вместо «манипулирование фактами».

С точки зрения структуры эвфемистическое выражение образуется сочетанием глагола «контролировать» и существительного «информация». Управление является видом подчинительной связи между словами в данном словосочетании.

Стилистически эвфемистическое выражение обладает нейтральной коннотацией по сравнению с заменяемым словом, которое имеет негативную коннотацию.

с) Примыкание:

12) Поддерживать материально

- «На федеральном мы уже делали это неоднократно: мы, если сказать по-простому, поддерживали материально наших ветеранов и участников войны, приравненных к ним лиц и тружеников тыла.» (Кремлин.ру, 18.01.2020)

- «Патриарх Кирилл попросил обеспеченных прихожан материально поддержать священников». (Новая газета, 04.05.2020)

«Поддерживать материально» - Данное эвфемистическое выражение используется вместо прямого сочетания «давать деньги».

С точки зрения структуры эвфемистическое выражение является сочетанием глагола и наречия. Видом подчинительной связи между словами в словосочетании является примыкание.

Данное эвфемистическое выражение имеет нейтральный оттенок.

Политические эвфемизмы в социальной сфере часто применяются, чтобы говорить о различных социальных проблемах: о дискриминации по разным признакам, смерти, лжи и ругательстве и. т. д.

2. Сложные по структуре словосочетания:

- Сложное эвфемистическое словосочетание «Period of negative economic growth» вместо «economic crisis».

III. Предложения в роли социальных эвфемизмов

Предложения тоже могут быть в роли социальных эвфемизмов.

Например,

- Эвфемистическое предложение «Он недослышит» вместо «он глухой», и «Он прихрамывает» заменяет невежливое предложение «он хромой».
- Эвфемистическое предложение которое существует почти во всех языках и часто используется чтобы обозначать смерть «если что-нибудь случилось со мной» вместо «если я умру».

IV. Фразеологизмы в роли социальных эвфемизмов

Фразеологизмы используются часто в роли социальных эвфемизмов в художественной литературе и в каждодневной речи.

- В русском языке существуют многие фразеологизмы, чтобы эвфемистически обозначать концепт «смерть», например, «закрывать глаза» (фразеологический эвфемизм) «приказать долго жить» (устаревшее выражение) «уходить в иной мир», «уходить в другой мир», «уходить в лучший мир», «отходить в другой мир» (устаревшие выражения), «отдать Богу душу», «упокоиться», «отправляться к праотцам», «уходить в небытие».

Заключение

Социальные эвфемизмы и эвфемистические выражения активно используются в современных СМИ русского языка. Множество из этих социальных эвфемизмов в последнее время было образовано под влиянием полит-корректности. Речевой этикет и вежливость является основными мотивами образования и применения социальных эвфемизмов и эвфемистических словосочетаний в русском языке. С помощью социальных эвфемизмов мы представляем действительность в более благоприятном свете, потому что эвфемизмы, обладая позитивной окраской, эмоционально воздействуют на получателя.

В настоящее время язык используется во избежание слов, создающих стереотипы. К тому же, чтобы быть политкорректным, избегаются слова, прямо называющие слабости и болезни человека. Следуя речевой этикет, в сегодняшнее время используются выражения в соответствии с правилом «people-first language» т. е. сначала говорится о человеке и потом о его болезни или особенностях. Примерами таких эвфемистических выражений служат «люди с ментальной инвалидностью» вместо «инвалид», «человек с аутизмом» вместо «аутист», «человек, использующий

коляску» вместо «колясочник», которые образовались в результате правил полит-корректности «people-first language».

В ходе структурного анализа социальных эвфемизмов и эвфемистических выражений, мы обнаружили, что в русском языке из знаменательных частей речи больше всего существительные и глаголы выступают в роли эвфемизмов. Интересно заметить, что эвфемизация в социальной сфере происходит на разных уровнях языка: на уровне морфем, на уровне слов, на уровне словосочетаний, а также на уровне предложений. В ходе анализа примеров социальных эвфемизмов в СМИ, мы заметили, что эвфемизация больше всего реализуется на уровне словосочетания в русском языке. Словосочетания, имеющие различные типы подчинительной связи т. е. согласование, управление и примыкание между словами в словосочетаниях выполняют роль социальных эвфемизмов.

Библиография:

Первоисточники

1. <https://www.bbc.com/russian/news-45115393> от 08 Августа 2018 г.
2. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6832469> от Сентября 02, 2019 г.
3. <https://www.mk.ru/social/2019/04/15/kak-zhivet-geypara-oformivshaya-brak-v-rossii-menyat-nichego-by-ne-stali.html> от 15 Апреля 2019 г.
4. <https://www.bbc.com/russian/media-50894096> от 23 Декабря 2019 г.
5. <https://utro.ru/articles/2005/06/30/454222.shtml> от 30 Июня 2005 г.
6. <https://inosmi.ru/military/20161008/237992384.html> от 08 Октября 2016 г.
7. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/12/83140-pomyani-nas-rossiya> от 12 Декабря 2019 г.
8. <http://kremlin.ru/events/president/news/59455> от 20 Декабря 2018 г.
9. <https://ria.ru/20190422/1552933744.html> от 22 Апреля 2019 г.
10. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/12/83140-pomyani-nas-rossiya> от 12 Декабря 2019 г.
11. <https://www.bbc.com/russian/news-52525331> от 05 Мая 2020 г.
12. <https://www.bbc.com/russian/features-52635062> от 12 Мая 2020 г.
13. <https://inosmi.ru/military/20161008/237992384.html> от 08 Октября 2016 г.
14. <http://kremlin.ru/events/president/news/60795> от 20 июня 2019 г.

15. <https://primgazeta.ru/news/yurij-vysockij-vazhno-predupredit-vozmozhnye-riski-i-neblagopriyatnye-posledstviya-dlya-byudzheta-kraja-20-02-2020-05-42-45> от 20 Февраля, 2020 г.
16. <https://lv.sputniknews.ru/analytics/20200116/13061417/Novye-raketnye-udary-cto-pytaetsya-vydavit-SShA-iz-Iraka.html> от 16 Января, 2020 г.
17. <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2012/5703ad0d9a7947625bd40808> от 28 Июля 2012 г.
18. <https://www.bbc.com/russian/features-42044792> от 19 Ноября 2017,
19. <https://www.gazeta.ru/army/2016/07/02/8342447.shtml> от 02 Июля 2016
20. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/62609> от 18 января 2020
21. <https://novayagazeta.ru/news/2020/05/04/161215-patriarh-kirill-poprosil-obespechennyh-prihozhan-materialno-podderzhat-svyaschennikov> от 04 Мая 2020
22. <https://rg.ru/2014/02/10/alkogol.html> от 10 Февраля 2014
23. <https://ria.ru/20170201/1486901831.html> от 24 Января 2017)
24. <https://ru.globalvoices.org/2020/04/26/89388/> от 26 Апреля 2020

Вторичные источники

Словари русского языка:

1. Ожегов С. И. (1988). Словарь русского языка.. Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз.
2. Словарь АBBYY LINGVO

Труды на русском языке:

1. Баскова Ю. С. (2006). Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков. Автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.19. — Кубанский государственный педагогический университет, Краснодар.
2. Бенвенист Э. (1974). Эвфемизмы древние и современные // Общая лингвистика. — М.: Прогресс.
3. Ковшова М. (2007). Семантика и прагматика эвфемизмов. Москва. Гнозис.
4. Копнина Г. А. (2017). Речевое манипулирование. Москва. Изд.: «флинта»: «наука». – 176 с.
5. Москвин В. П. (2010). Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 4-е., М.: ЛЕНАНД.

6. Прядильникова Н. В. (2007). Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика. Автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Самарский государственный педагогический университет, Самара.

7. Сеничкина Е. П. (2012). Эвфемизмы русского языка. Спецкурс. Учебное пособие. 2-е издание, Москва: «Флинта».

A brief history of languages and their scripts

Radha Mohan Meena

Assistant Professor
Centre of Russian Studies, SLL&CS
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
mohan1385@gmail.com

Mohd. Akram Ansari

Research Scholar
Centre of Russian Studies, SLL&CS
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
akramansari234.aa30@gmail.com

Abstract: This article highlights script-writing systems in different languages. Writing systems are methods for visually conveying language through symbols or characters. Mainly exist, three types of writing systems or styles: right-to-left, left-to-right, and top-to-bottom. These writing systems are used in many languages worldwide, and their historical background and origins shape the development of these languages.

Keywords: language, scripts, writing system

"Script" refers to writing systems, including letters and alphabets, as well as the art or manner of writing. It can also extend to activities such as painting, decorating, or inscribing a surface to convey information. Languages are written using different scripts, each characterized by its unique features or styles. The three primary types of writing systems are:

Right-to-Left (RTL) Script Writing System:

Right-to-left languages are predominantly concentrated in the Middle East. Many historians, scholars, linguists, and researchers suggest that this writing direction may have been influenced by the limitations of ancient writing materials. In ancient times, writing mediums were limited, and people often carved inscriptions into stone using hammers. "It is assumed that since mainly people are right-handed (about 90% of the global population), they would hold the stone with their left hand and carve with their right hand (Koyfman, 2024).

The term "directionality" refers to the direction in which writing progresses. The left-to-right writing system is known as "Sinistrodextal," while the right-to-left system is called "Dextrosinistral." The terms "left" (sinister) and "right" (dexter) are derived from Latin. There are 12

languages that use the right-to-left writing system: Arabic, Aramaic, Azeri, Divehi, Fula, Hebrew, Kurdish, N’ko, Persian, Rohingya, Syriac and Urdu.

Arabic: The origin of the Arabic language can be traced back to the 5th century CE on the Arabian Peninsula. Its history began over 1,500 years ago, emerging as Classical Arabic. Arabic belongs to the Afro-Asiatic family and is a Semitic language. The term "Arab" originally referred to nomadic peoples, as Arabic-speaking communities began to spread to other regions and neighboring countries, leading to intercultural marriages with people from surrounding areas. Initially, Arabic was primarily a spoken language used in trade, poetry, and storytelling. However, with the rise of Islam, the Arabic language gained considerable significance as the language of the Holy Quran, which was written in Classical Arabic. During the Golden Age of Islam, from the 8th to the 13th centuries, Arabic became prominent as the language of science, philosophy, and literature.

Modern Arabic, which began to take shape in the early 19th century, is a simplified and refined version of Classical Arabic. The Arabic script comprises 28 alphabetic letters, each of which represents a consonant. There are no separate vowel letters; instead, vowel sounds are indicated by diacritical marks. Arabic is written from right to left.

Aramaic: Aramaic is a Semitic language that belongs to the eastern branch of the Northwest Semitic language family. Its place of origin, known as Aram, extended from southwestern Syria to Mesopotamia in what is now southern Turkey and northern Iraq. Aramaic language was spoken from around 1100 BCE to the 19th century CE. “In the period when Aramaic first developed (1100–800 BCE), it was divided into two main dialects: Old Western Aramaic (OWA) and Imperial Aramaic (IA). Old Western Aramaic was primarily used by nomadic tribes, while Imperial Aramaic was used mainly by royalty and for administrative purposes. Aramaic is frequently said to be the language of the Bible, with some sections of the Old Testament originally written in it. For example, parts of the books of Daniel and Ezra are in Aramaic” (B, 2023)

Although Aramaic is no longer widely spoken, a few speakers still exist in the Near East, particularly within the Assyrian Christian community in Iraq. Despite its decline in everyday use, Aramaic remains significant for its historical contributions to language and script.

Azeri: The Azerbaijani language, also known as Azeri, belongs to the Oghuz branch of the Turkic language family which is the official language of Azerbaijan and has a rich history dating back to the 6th century, when Turkic peoples first arrived in the region. The language has evolved significantly over the centuries. Azerbaijani has been influenced by Arabic, Russian, and Persian, which has contributed to its use of three different scripts: Cyrillic, Arabic, and Latin. This script diversity makes Azerbaijani unique compared to many other languages. Following Azerbaijan's independence from Soviet rule in 1991, the country adopted the Latin script for writing and made several modifications to the language. Azerbaijani currently has 32 letters.

The language features various dialects, including North Azerbaijani, South Azerbaijani, and Iranian Azerbaijani. The North Azerbaijani dialect is spoken in Azerbaijan and among some Russian communities. South Azerbaijani is used in Iran, while Iranian Azerbaijani is spoken by Turkish, Iranian, and Iraqi communities. Azerbaijani has more than 50 million speakers worldwide, with about 30 million native speakers.

Divehi: “Divehi is the official language of the Maldives and is widely spoken throughout the country. It belongs to the Indo-Aryan branch of the Indo-European language family and is closely related to the Sinhala language of Sri Lanka. The earliest known script for writing Divehi was Eveyla Akuru” (Maldives Languages) In modern times, the script used is called Thaana, which is written from right to left. Divehi is a unique blend of influences from English, Arabic, Sinhala, Urdu, and Hindi. The language developed during the 12th century, with early written forms found on Lomafanu (copper plates) from the 12th and 13th centuries. Divehi features a variety of dialects, including Bahuruva, also known as the Maldivian dialect. Other regional dialects include Huvadhu, Fuvahmulah, and Addu, which are spoken in the southern atolls. The Divehi alphabet consists of 24 letters, with the first nine letters derived from Arabic and the remaining letters from older Divehi scripts.

Fula: “The Fula language, also referred to as Fulfude or Fulani, belongs to the Senegambian branch of the Niger-Congo language family” (T.C. McCaskie). It originated in West Africa around the 5th century AD. The language is known by various names depending on the region: Pulaar and Pular in the western dialects, and Fulfude in the central and eastern dialects.

Fula is written using the Adlam script, a writing system created in the late 20th century. The name "Adlam" is derived from the first four letters of the alphabet: A, D, L, and M, which are pronounced as Alkule, Dandayde, Lenol, and Mulya, respectively. The Fula language has 28 letters, including 5 vowels and 23 consonants. There are approximately 25 million speakers of Fula in West Africa and around 37 million speakers worldwide.

Hebrew: Hebrew is a Northwest Semitic language within the Afroasiatic language family. Hebrew is one of the official languages of Israel and is also the language of the Bible. The term "Hebrew" denotes both the language and the group of people who speak it. "The history of Hebrew is categorized into four primary periods: 1. Biblical or Classical Hebrew Period: This period, which began around the 3rd century BCE, saw Hebrew being spoken and written primarily by the Jewish people. The texts of the Hebrew Bible, or Tanakh, are from this period. 2. Mishnahic Period: Around 200 CE, Hebrew began to spread more widely. This period is notable for the composition of the Mishnah, a key collection of Jewish oral traditions and teachings. 3. Medieval Hebrew Period: Spanning from the 6th to the 13th centuries CE, this period saw Hebrew incorporating words from other languages, including Arabic, Spanish, and Greek. This influence helped shape the language as it was used in scholarly and literary contexts. 4. Modern Hebrew Period: Modern Hebrew, which is the official language of Israel, emerged in the late 19th and early 20th centuries. It is based on Biblical and Medieval Hebrew but has undergone significant standardization and modernization" (Calderwood).

Modern Hebrew consists of 22 letters and does not have vowel letters, though diacritical marks (niqqud) are used to indicate vowel sounds and aid pronunciation. Hebrew has approximately 9-10 million speakers worldwide, with about 6 million native speakers.

Kurdish: "Kurdish is a West Iranian language that belongs to the Indo-Iranian branch of the Indo-European language family" (Balochi language). It is primarily spoken in the region known as Kurdistan, which spans parts of Turkey, Iran, Iraq, and Syria. Kurdish is the third largest spoken Iranian language after Pashto and Persian. It emerged around the first millennium AD and has developed within the Kurdish civilization. Kurdish has three main dialects: 1. Northern Kurdish (Kurmanji): This dialect is primarily spoken in Turkey and Syria. 2. Central Kurdish (Sorani): Spoken mainly by Kurds in Iraq and Iran. 3. Southern Kurdish:

Predominantly spoken in Iran and some regions of Iraq. In modern times, Kurdish uses an alphabet of 33 letters. The language has approximately 40 million speakers worldwide.

N'ko Script: "The N'Ko script was created in 1949 by Soloman Kante to write the Bambara language, one of the Manding languages spoken in Mali, in response to a newspaper article reflecting the colonial misconception that Africans were culturally inferior due to their lack of indigenous writing systems. The word N'Ko means "I say" in all the Manding languages. Kante had travelled widely throughout West Africa, and his knowledge of the Arabic script influenced his invention. The N'Ko alphabet is phonemic, with each sound represented by one symbol. Letter shapes change depending on their position within the word. The alphabet contains 19 consonants, 7 vowels and 8 diacritics. There are two "abstract" consonants, na woloso and nya woloso, which represent mutation by a preceding nasal." (scriptsource)

Persian: "Persian is a Western Iranian language that belongs to the Iranian branch of the Indo-Iranian subdivision of the Indo-European language family. It is known by different names in Iran, Afghanistan, and Tajikistan: Farsi, Dari, and Tajik, respectively" (Persian language). Old Persian emerged during the rule of the Achaemenid dynasty (559 to 331 BCE). After the fall of the Achaemenid Empire, Alexander the Great's conquests led to the Hellenistic period, followed by the rise of the Parthian Empire. Under the Parthians, Middle Persian (Pahlavi) developed. Modern Persian is a blend of Old Persian and Middle Persian influences. It has approximately 62 million native speakers and ranks among the 20 most widely spoken languages in the world. The Persian alphabet consists of 32 letters and is written from right to left.

Rohingya: The Rohingya language is an Eastern Indo-Aryan language belonging to the Bengali-Assamese branch of the Indo-Iranian language family. It is closely related to the Chittagonian language spoken in Bangladesh. Rohingya is primarily spoken by the Rohingya people in the Rakhine State of Myanmar. The earliest known writing of Rohingya dates back approximately 350 years and used the Arabic script. Currently, there is no standardized writing system for Rohingya. Various scripts have been used to write the language, including Arabic, Urdu, Latin, and Hanifi. The Hanifi script, which is a unique script developed specifically for Rohingya, is a modified and unified script based on Perso-Arabic traditions. It was first introduced in the 19th century. The Rohingya

language uses a script written from right to left and consists of 40 letters. It has around 2.5 million native speakers.

Syriac: Syriac is a Semitic language that served as a significant Christian literary and liturgical language from the 3rd to the 7th century. It is based on the East Aramaic dialect of Edessa. Syriac is also known by other names, such as Syrian-Aramaic, Syro-Aramaic, and Neo-Syriac Aramaic. The earliest form of Syriac is known as Old Syriac, which emerged in the 1st century AD, around 73 CE. The Syriac script consists of 22 letters, all of which represent consonants. The script is written from right to left.

Urdu: Urdu developed in the 12th century CE during the period of Muslim rule in South Asia. It began to take shape in North India and evolved from the regional language known as Apabhramsha. Urdu was influenced by Arabic, Persian, and Turkish, and its development is closely linked with Hindi. “Urdu is a member of the Indo-Aryan group within the Indo-European language family” (Urdu language). The Urdu script is based on a variant of the Arabic script. It consists of 36 letters, some of which can be modified to represent different sounds. Urdu is spoken by approximately 70 million people as their first language and around 100 million people as their second language.

Origin and Historical Background of LTR Languages

Left-to-right (LTR) scripts are writing systems in which text is written from the left side of the page to the right. Most modern languages in Europe, South America, North America, India, and Southeast Asia use LTR scripts. This category covers several prominent scripts, including Latin, Modern Greek, Cyrillic, Indic, and Southeast Asian scripts. Many languages derive from these scripts, making it challenging to cover all of them comprehensively.

Here, we will highlight a few notable examples: Hindi, English, Spanish, and Russian.

Origin of Left-to-Right Scripts

Ancient Greek was among the first to adopt a left-to-right writing direction. Initially, the Greeks learned to write right-to-left from the Phoenicians. However, they later reversed the direction to left-to-right (Bellis, 2020). “This change was motivated by the desire to avoid smudging ink, as writing from left to right helped prevent the writer’s hand from coming into contact with wet ink” (MasaKudamatsu).

Adoption of left-to-right scripts became more common after the development of paper in China around 100 BCE. Writing left-to-right on paper was practical for right-handed individuals, as writing from right to left would cause ink to smudge due to the hand's movement over freshly written text. Examples of languages that use left-to-right scripts include those written in the Latin, Greek, Cyrillic, Indic, and some Southeast Asian scripts.

Spanish: Spanish, also known as Castilian, is a Romance language within the Indo-European language family. It evolved from Vulgar (common) Latin and originated on the Iberian Peninsula in Europe. Spanish is widely spoken, primarily in Spain and the Americas. The first systematic written use of Spanish occurred in Toledo, a significant city in the Kingdom of Castile, during the 13th century. Spanish follows a left-to-right writing pattern.

English: English originated in England and uses the Latin (or Roman) script. The English alphabet was initially derived from the runic script used by the Anglo-Saxon tribes of England from the 5th century. However, the Latin alphabet was adopted in the 7th century, which became the standard script for English.

English is the native language of England and has become the dominant language in many countries such as UK, Ireland, Australia, US, Canada, New Zealand, and various island nations in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean.

Hindi: Hindi is written in the Devanagari script, which is an Indic script. Also known as Nagari, “the Devanagari script developed in ancient India between the 1st and 4th centuries CE and was in regular use by the 7th century CE. It is the official scripts of India and Nepal” (Devanagari Script - Overview Of Hindi Language). Approximately 572.4 million people worldwide speak Hindi as their mother tongue. The Devanagari script is a type of segmental writing system and is written from left to right.

Russian: Russian is an East Slavic language and serves as the native or primary language of Russia. It is also used as a second language in several former Soviet republics. The Russian language is written using the Cyrillic script, which was developed in the 9th century by the Thessalonian monks Cyril and Methodius. Russian is an official language

in Russia, Belarus, Kazakhstan, and Kyrgyzstan. It is spoken by an estimated 260 million native speakers and an additional 120 million non-native speakers worldwide.

Top-to-Bottom Scripts: Origin and Historical Background: Top-to-bottom scripts are writing systems in which text is written vertically from top to bottom, typically starting from the rightmost column and proceeding to the leftmost column of the page. This vertical writing direction was traditionally used in several East Asian languages. Inscriptions using vertical writing scripts can be traced back to the latter half of the 6th century CE. Languages that traditionally use top-to-bottom scripts include Chinese, Japanese, Korean, and Vietnamese. In these scripts, characters are arranged in vertical columns, and the text flows from top to bottom and right to left. This writing style is still used in certain contexts, such as in traditional literature and formal documents.

Origin of Top-to-Bottom Scripts: Before the invention of paper, people commonly wrote on bamboo or wooden strips, which were often bound together to form scrolls. In this format, characters were written and read vertically from top to bottom. This vertical writing style was primarily used for traditional Chinese characters. As the Chinese writing system influenced neighboring cultures, Japan adopted Chinese characters and continued to use the vertical writing style. This method of writing is considered more elegant in East Asian cultures and facilitates more compact storage of information, especially in the form of scrolls. The tradition of writing vertically has persisted in East Asia due to its historical significance and aesthetic values, and it remains a preferred format in certain contexts even in modern times.

Chinese: The traditional vertical writing system used in Chinese is called "竖排 (shùpái)." Chinese characters, known as Hanzi (汉字), are used in this writing system. The Chinese language, often referred to as Mandarin, includes characters that date back to the oracle bone inscriptions from the Shang dynasty around 1250 BCE. It is the native language of China, with approximately 1.3 billion native speakers. Unlike alphabetic systems, Chinese does not use letters but relies on characters to represent its writing system.

Japanese: The traditional vertical writing system used in Japanese is known as "tategaki". Japanese is written using a combination of three scripts: Kanji, Hiragana, and Katakana. The Japanese language has its roots in the 4th century CE, not BC, and it belongs to the Japonic

language family, which includes the Ryukyuan languages. Japanese is the native language of Japan, with around 130 million speakers worldwide. Japanese does not have an alphabetic system with letters like those in alphabetic languages. Instead, it uses Kana, which consists of two syllabaries: Hiragana and Katakana. Each kana character represents a syllable, and there are 46 basic characters in each syllabary. Kanji characters are logographic and represent whole words or concepts.

Korean: In South Korea this language is also known as *hangukmal* (한국말) or *hangugeo* (Hangeul: 한국어, Hanja: 韓國語) and in North Korea, *choseonmal* (조선말) or *choseoneo* (조선어, 朝鮮語). “The Korean alphabet is known as *Hangul*, and the alphabetic system used for writing Korean is also referred to as *Chosŏn muntcha* in North Korea” (Martin).

The Korean language has been spoken since around 57 BCE, although the modern form of this language and its script evolved over time. *Hangul* consists total of 24 letters: 10 vowels and 14 consonants. The script is known for its logical and systematic design, which groups characters into syllabic blocks.

Vietnamese: “Vietnamese, known as *Tiếng Việt* in its native form, is an Austroasiatic language that belongs to the Vietic branch and is closely related to the Muong language. It is the official language of Vietnam, known as *Tiếng Việt* in its native form. Vietnamese is believed to have begun developing around 4,000 to 5,000 years ago. Vietnam has two primary writing systems: *Chữ Quốc Ngữ* and *Chữ Nôm*. *Chữ Quốc Ngữ* is the modern writing system used for Vietnamese today” (A Brief History of the Vietnamese Language) It employs a Roman-based alphabet with additional diacritics to accurately represent Vietnamese phonetics. This script was developed in the 17th century by Jesuit missionaries and has become the standard script for Vietnamese. *Chữ Nôm* is an older writing system, which was developed in the 13th century and it is a logographic script that combines Chinese characters with indigenous Vietnamese elements to represent Vietnamese sounds and words. Many historical Vietnamese documents were written using *Chữ Nôm*, often in a vertical writing pattern. Vietnamese has approximately 85 million native speakers. The modern Vietnamese alphabet consists of 29 letters, including 22 basic letters and 7 letters with diacritics used to indicate tones and certain phonetic features.

Conclusion

In conclusion, mainly there are three script-writing systems in the world, having its own significance and unique characteristics. These include left-to-right scripts, right-to-left scripts, and top-to-bottom scripts. While some linguists may argue that left-to-right writing is superior or more "correct" compared to other directions, it is important to recognize that the direction of writing is largely a matter of historical development and cultural context rather than absolute correctness. Each writing system evolved based on practical needs, technological constraints, and cultural preferences.

Determining which writing direction came first or whether one direction is inherently better than another is complex. Each script direction serves its own purpose and reflects the diverse ways in which human societies have adapted to their environments and communication needs. Therefore, no single direction can be considered more right or wrong than another.

References:

Bellis, Mary. (2020) "A Brief History of Writing", ThoughtCo., Mar. 14, 2020.

ShreevatsaR (2010) "An answer to 'Why is English written and read left to right?'" Stack Exchange: English Language and Usage, Dec. 22, 2010.

<https://www.thesaurus.com/e/writing/righttoleft/> accessed on 31.07.2024 2:10 pm

<https://blog.pangeanic.com/right-to-left-languages> accessed on 01.08.2024 3:10 pm

<https://study.com/learn/lesson/arabic-language-origins-history-impact.html> accessed on 01.08.24 3:30 pm

<https://www.britannica.com/topic/Aramaic-language> accessed on 01.08.24 3:59 pm

<https://talkpal.ai/a-brief-history-of-the-azerbaijani-language/> accessed on 01.08.24 4:15 pm

https://www.familysearch.org/en/wiki/Maldives_Languages accessed on 01.08.24 5:00 pm

<https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9781614512349-005/html?lang=en> accessed on 01.08.24 5:30 pm

<https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9781614512349-005/html?lang=en> accessed on 02.08.24 6:00 pm

<https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/fulfulde> accessed on 02.08.24 7:00 pm

<https://www.myjewishlearning.com/article/the-hebrew-language/> accessed on 02.08.24 8:29 pm

<https://www.britannica.com/topic/Kurd> accessed on 02.08.24 10 pm

<https://www.endangeredalphabets.net/alphabets/nko/> accessed on 02.08.24 10:30 pm

<https://asiasociety.org/persian-language> accessed on 02.08.24 11 pm

<https://rccchicago.org/history-of-the-rohingya/> accessed on 03.08.24 12:15 pm

<https://www.britannica.com/topic/Syriac-language> accessed on 03.08.24 12:45 pm

<https://unacademy.com/content/upsc/study-material/medieval-india/rise-of-the-urdu-language/> accessed on 03.08.24 2 am

<https://www.britannica.com/topic/Korean-language> 05.08.24 8 am

https://www.reddit.com/r/linguistics/comments/rai010/why_are_most_writin 03.08.24

<https://www.superprof.co.in/blog/learning-hindi-alphabet/> 05.08.24 8:30 am

<https://www.britannica.com/topic/Russian-language> 03.08.24 9:14 am

<https://linguistics.byu.edu/classes/Ling450ch/reports/russian.html> 05.08.24 2 pm

<https://wisevoter.com/country-rankings/russian-speaking-countries/#:~:text=Russian%20is%20a%20widely%20spoken,120%20million%20onon%2Dnative%20speakers.> 05.08.24 4:23 pm

<https://www.quora.com/Why-do-the-Japanese-and-Chinese-write-from-top-to-bottom-vertically> 05.08.24 6 pm

Gender in the Russian Wonder Tales

Kaushal Kishore

Assistant Professor,

Department of Russian, Faculty of Arts

The Maharaja Sayajirao University of Baroda

kaushaljnu5@gmail.com

Abstract: Folktales are considered as purely fiction or fantasy works but when they are examined closely, they provide new insights on socio-cultural practices of the society of that particular time. This paper elaborates on how the folktales generally reflect the stereotyped gendered roles in the society and how it upholds the patriarchal notion of the society. Here in this article, we will see how wonder tales in particular address the issue of gender, we will analyse this based on various Russian wonder tales like “Vasilisa the Beautiful”, “Baba Yaga”, “The Frog Princess” and “Sister Alyonushka and Brother Ivanushka”.

Keywords: Gender, patriarchy, victim-hero, seeker-hero, socio-cultural, stepmother

Wonder tales follow a strict composition to such an extent that it led Vladimir Propp to conclude his study with the following observation – all wonder tales follow one compositional framework - in other words all wonder tales are one on the basis of their structure. When things repeat themselves for a subsequent number of times, they create patterns and when patterns become rigid, they promote stereotypical representation. Understanding of the gender is to a large extent connected with the stereotypical perception and representation of different gender categories, prominently male and female.

While discussing the issue of gender in any literary form, our attention invariably has been drawn towards the perception and representation of women in that art form. Since most of the art forms are dominated by the male centric narratives, women are either missing from the narratives or they are underrepresented, thus accentuating this absence; making it visible becomes the first priority of gender discussions. Nonetheless, gender is not just about women’s narratives, it concerns all the sexes. While discussing the gender in any literary work or form, we are generally concerned with primary question – whether there have been any discrimination based on the gender categories? Whether there emerged certain patterns in gender representation?

In a wonder tale, the most primary character is the hero – one who leads the story further, so we will begin from there only. Along with the male heroes and protagonists, Russian wonder tales sporadically put forward a female hero

who goes on a quest and defeats the villain with the help of the donor. From the structural point of view, she performs all the things that are assigned to a hero. We also have significant number of female characters that quite often appear in the wonder tales – such as Vasilisa the Beautiful, Vasilisa the Wise, Baba Yaga and The Frog Princess. Baba Yaga is a specific character that requires special attention. Does this imply that Russian wonder tales promote the gender equality? – that anyone can be a hero. I would say – no that is not the case. Merely presenting a female hero does not signify that there is no gender biasness inherent in these folktales. Foundation of folktales lies in the socio-cultural practices of the society in which they emerged and are cherished. They represent the beliefs and prejudices of that particular society. Since most of the societies supported and still conforms to the patriarchy, these values and systems naturally will be present in the folktales.

In this work, we will analyse the issue of gender in comparative framework. We will compare the various Russian folktales, like “Vasilisa the Beautiful” where young maiden “Vasilisa” appears in the role of a hero, with some other folktales with male hero figures.

Let’s focus on how the heroes have been introduced. In Vasilisa the Beautiful, Vasilisa’s mother dies when she was eight-years-old. On her deathbed, mother gives Vasilisa a magical doll (kukla). After mourning her death, father decides to marry again. The Stepmother had two daughters who did not like Vasilisa a bit. They gave her a lot of work. Whenever, a female hero has been introduced, invariably there will be mention of household works. In the tale “The Fenist the Falcon” youngest sister, the main character does all the household chores, whereas both her sisters thought about nothing but dressing up. However, the introduction of a male hero is totally different. His introduction quite often begins with a quest or journey. In “The Tale about Ivan Tsarevich, Fire Bird and the Grey Wolf”, story begins with three princes trying to catch the firebird. In “The Frog Princess”, tale begins with three young princes trying to find a bride for themselves by fulfilling the task given by their father. In both these tales, hero is a male figure where they leave their homes to find their set targets. Thus, we can see that female hero is inevitably connected with the household works, whereas male hero is generally associated with the task that make him leave the premises of the house. In some instances, where hero has been described as ‘fool’- a person who is perceived by others as good for nothing – he does nothing but sit idly in a corner or lie by the stove and whenever he does something he does it wrong. Simple tasks – ploughing the field and others – performed by ‘Ivan the fool’

generally take place outside the premises of home - until the quest begins. When the quest begins, the hero's whole persona transforms.

In Russian wonder tales it is the job of the female member of the family to look after the other members, generally younger ones, when their parents go out for work. It is almost never otherwise. A brother will never be given the task to look after the other family members. In "Swan Geese" it's the girl that is looking after her brother when he goes missing. She leaves home in the quest of finding her little brother. The tale "Sister Alyonushka and Brother Ivanushka" again shows that after the death of their parents, the sister is the only family member left to take care of her little brother Ivanushka. As we know, according to Vladimir Propp, there are two types of hero – seeker-hero and victim-hero. Seeker-hero goes on a quest to seek remedy or solution for someone else's misfortune, whereas a victim-hero, as name suggests – is himself a victim of misfortune. In the case of female-hero we have very few cases of seeker-hero present in Russian folktales. Female hero would never leave home for the sense of duty. She would only leave home when some misfortune befalls on her. She generally leaves home on the quest to find her missing love (The Fenist the Falcon). Similar examples with little variation can be seen when female characters leave home in search of a family member (The Swan Geese) or they have been told to do so by their stepmother (Vasilisa the Beautiful).

From above mentioned examples we can see that nature of the tasks in Russian wonder tales is divided according to the gender categories. But does it affect our understanding or perception of our surroundings? How this caricaturing subconsciously affects our understanding and perception, can be illustrated by following example – in "Vasilisa the Beautiful" mother gives the daughter a 'kukla (a doll), in Russian language Kukla refers to an object that is in human form. It is not a gender specific object – it could be a male, a female and it could be an animal too. But while reading the folktale we invariably perceive it as a female toy figure. This primarily happens for two reasons – first, it is a girl that receives a toy. Our perceptions become so automated that we invariably see world that is already divided on the basis of gender, primarily between male and female. Since she is a girl, she would definitely play with a toy-girl. Second, if the 'Kukla' is doing all the house works, then the 'Kukla' is definitely a female.

In Russian wonder tales not just the introduction, but the whole tale is imbued with gendered perception. Gendered stereotyping, explicitly, can be witnessed in the tasks that are given to the hero. These tasks were generally given to him by the donor. Sometimes these tasks are also given by a family member who

acts as an antagonist or a villain. Since composition of Russian wonder tales is quite rigid, events follow specific sequence. Thus, just after the introduction of the characters some sort of misfortune occurs. In some cases this misfortune is self-induced, a trick to get rid of the hero, by one of the family members. This role is generally played by the stepmother. The Stepmother is another character that appears in a certain light – as negative. Gender biasness is evident in the depiction of the stepmother; however there could be other factors that could have facilitated the subsequent depiction – non-acceptance of second marriages in the society. Most religious systems do not approve the second marriage. Stepmother’s image in wonder tales is equivalent to a witch. In fact, she is often depicted as the sister of Baba Yaga or the witch. It is interesting to note that the term “stepfather” hardly appears in Russian Wonder tales, neither father is shown in a negative role to his stepchildren.

In “Vasilisa the Beautiful” the stepsisters at the order of their mother, send Vasilisa to Baba Yaga to get some light. In reality there is no misfortune, nonetheless Vasilisa goes on a quest to get some light. When she reaches Baba Yaga’s place, Baba Yaga gives her humongous tasks before she gives Vasilisa the light. This sequence occurs in almost all the wonder tales. Male hero goes through same process; however, difference lies in the nature of the tasks that are given to them. In “The Tale about Ivan Tsarevich, Fire Bird and the Grey Wolf”, Ivan Tsarevich had to obtain a horse with a golden mane and had to kidnap Elena the Beautiful. Whereas in the “Vasilisa the beautiful”, Vasilisa had to ‘sweep the yard, clean the hut, cook the dinner, wash the linen, and go to the corn bin and sort out a bushel of wheat’. Here focus is on the nature of the task. The female hero is often given house-hold tasks – cleaning the house, segregating some sort of grain or cereal.

Also, we see that the jealous, evil characters or characters that are craving for money and physical possessions are generally personified through female characters. In the tale “The Golden Fish”, the wife of the old man seems more attracted towards material possession than being happy and content with her old husband represented as innocent and naïve. Similar traits are found in the tale “The Fenist the Falcon” where wife of the hero kept her husband at stake for material possessions. Elder sisters are jealous in the same tale. In “Sister Alyonushka and Brother Ivanushaka” the witch, a lady, replaces the wife of the merchant and takes her shape to act as his wife.

Gendered imagination of Wonder tales is most prominently visible in the overall depiction of the female characters. Most of the times they seem dependent on the male characters for their rescue from the villain. It is the male hero that is destined to fight the evil villain and rescue the princess. This

could happen even in those stances where female figure appeared more powerful than the male character. For example, in “The Frog Princess”, Vasilisa acts as a hero in the first part and rescues Ivan Tsarevich from the task given by the king. Here Vasilisa is playing the central role using her magical powers, and Ivan has been represented as a feeble character. However, in second part, as soon as The Frog Princess, that acted as a hero so far, is revealed as a beautiful young maiden, immediately roles interchange – Ivan acquires the central stage and Vasilisa, a lady, is now transformed into the weak character, even her magic power cannot save her. Saving her becomes the responsibility of the hero i.e. Ivan Tsarevich.

Female characters do play central roles in many of the Russian wonder tales, but they could not get away completely from gender stereotyping – like women performing housekeeping activities, taking care of family members etc. This work is part of the project undertaken at our University (MSU – Vadodara) where we are trying to analyse folktales on various perspectives and, thus helping our students in getting proper understanding of the same. This article provides insights on socio-cultural practices of the Russian society and also reflects certain traits in men and women that can be attributed to a particular gender. With sufficient examples from various tales, the paper highlights the role and depiction of women in Russian wonder tales.

Bibliography:

1. Berezovaya L.G., Berlyakova

Influences and borrowings of Graecism in the Russian language

Priteesh Kumar

Research Scholar,

Center of Russian Studies, SLL&CS,

Jawaharlal Nehru University, New Delhi-110067

priteeshjnu@gmail.com

Abstract: The paper analyzes and shows the importance of Greek in the Russian language, particularly its uses in different sectors and the level at which it penetrated the writings of citizens as well as in everyday use. We presume that everyone speaks these Greek-borrowed words in everyday speech, without noticing it.

The basic objective is to find the basic similarity and differences between both languages at morphological, phonetics, and syntax levels. This paper will be considering the ways of formation of Graecism in Russian and classify its usage in a different sphere. We will be using methods such as observation, analysis, classification, etc. for the analysis of words.

We can find out that both languages have different linguistic roots, but have rich relations because of borrowing. There is a similarity between Greek and Russian in terms of morphology, not due to cultural influence, but as a result of their common origin since they are both Indo-European languages. Graecism can be seen in economic, political, cultural, and social ties, etc.

Keywords: Graecism, Word Formation, Russification, Analysis, Language, Borrowing, Morphology, Phonetics.

Introduction

"Без знания греческого нет образования" - Лев Толстой

("Without knowledge of Greek there is no education" - Leo Tolstoy)

Today, it is believed that the modern Russian language is a difficult European language. But is it so, or just a myth that is carried forward year after year? This paper presents the idea of Greek influences and the borrowings in the Russian language.

In the annals of history, the Slavic alphabet reveals a profound association with the Greek alphabet, stemming from a pivotal event in the 9th Century. This connection emerged through the dedicated efforts of two Greek Monks, St. Cyril and St. Methodius, recognized as The Apostles of the Slavs.

Commissioned as missionaries, they were dispatched to Moravia with the purpose of translating religious texts into the Slavic language and facilitating the conversion of the Slavic people to Christianity. The foundation of this alphabet was laid upon the Greek Glagolitic script, but over time, it underwent modifications to accommodate the distinctive phonetic nuances inherent in the Slavic language. This linguistic adaptation marked a significant development in the cultural exchange between the Greek and Slavic worlds during this transformative period. “Interestingly, part of the reason behind the later developments of the Cyrillic alphabet is political. The Bulgarian ruler wanted to diminish the influence of Byzantium and Byzantine Greek priests who celebrated the liturgy in Greek. Using Old Church Slavonic as both a liturgical and standard language was one way of maintaining distance and independence from the influence of Byzantium.”

The Russian language is the biggest local language in Europe, it is the essential language of 175 million individuals living in Russia, Belarus, Uzbekistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan, and is informally spoken in the vast majority of the nations that were once republics of the USSR, making it the most topographically across the board language of Eurasia. The Russian language is part of the Indo-European language family. In the eastern Slavic branch, you have Ukrainian and Belarusian languages. Greek is the oldest language and has played a significant role in the history of the Western world and Christianity. Old Greek writing includes works like Homer's epics, Greek literature, Iliad and Odyssey poems, scientific and philosophical texts by Plato and Aristotle, and the New Testament of the Christian Bible. In ancient times, Greek was a common language and the official language of the Byzantine Empire. It's one of the earliest recorded Indo-European languages, with its oldest writings dating back to the 15th to 11th centuries in the syllabic script linked to the Cretan-Mycenaean civilization.

The popular word used for the use of Greek words or culture is “Graecism” meaning “a Greek idiom or grammatical feature, especially as imitated in another language. The Greek spirit, style, or mode of expression, especially as imitated in a work of art.” (Oxford Dictionary)

The Greek words in the Russian language first appeared in the period of Kievan Rus. It was at that time that trade and economic relations were established between older Rus and Byzantium. The first Greek words spoken by Russian people were related to shipping and trade. These were terms such as a ship, sail, and penal servitude. Greek words also appeared in the Russian language, meaning the names of those goods that were delivered from Byzantium. Later, the Russian people began to use the words that came from

the mouths of sailors and merchants everywhere. They were firmly established in their everyday life and were no longer associated with the trade. Some words of Greek origin were included in the Russian dictionary of European languages in the 12th and 19th centuries. These are mostly names of various Sciences, as well as political, technical, and medical terms, which is being listed in the paper.

The aim and objectives of the paper are to find the basic similarity and differences between both languages at the grammatical level based on morphology, phonetics, and syntax. The morphological analysis consists of word-making through suffixation and prefixation. Also, to see the process of borrowing in the various spheres by listing the various examples. We will also be looking into the similarity and differences in the alphabet. The paper tries to linkage between the Greek and modern Russian language.

Alphabet formation

There is a long history of the development of the Russian written language, it has the elements of Yiddish, French, Arabic, Dutch, Latin, English, etc. It is quite similar to Greek, because two men from Constantinople known as St. Cyril and St. Methodius, were asked by the emperor to create a written language for the South Slavic people in the 9th Century mainly to facilitate the translation of religious text and spread Christianity. Here is the Greek alphabets- “Α α, Β β, Γ γ, Δ δ, Ε ε, Ζ ζ, Η η, Θ θ, Ι ι, Κ κ, Λ λ, Μ μ, Ν ν, Ξ ξ, Ο ο, Π π, Ρ ρ, Σ σ/ς, Τ τ, Υ υ, Φ φ, Χ χ, Ψ ψ, and Ω ω.”

The Russian alphabets- “А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е, Ё ё, Ж ж, З з, И и, Й й, К к, Л л, М м, Н н, О о, П п, Р р, С с, Т т, У у, Ф ф, Х х, Ц ц, Ч ч, Ш ш, Щ щ, Ъ ъ, Ы ы, Ь ь, Э э, Ю ю, Я я.”

Greek boasts 24 alphabets, while Russian utilizes 33. In Greek, five vowels (α, ε, η, ι, ο, ω, υ) complement consonants. Russian, on the other hand, incorporates ten vowels (а, э, ы, у, о, я, е, ё, ю, и). A resemblance is evident in the modern alphabets: (Φ, Ф), (Λ, Л), (Η, Η), (Υ, У), (Δ, Д), and others. Despite the visual similarity, these languages lack shared roots, and their morphemes and syntax differ. The distinct character of each alphabet contributes to the linguistic richness of Greek and Russian, reflecting their unique linguistic heritages.

The alphabet was developed by The Cyrillic and Methodius, which leads to the Slavic language to the modern language. On the lexical level, Russia borrowed 30,000 words and terms of various branches of scientific knowledge from Greek etyma, as every European language did to an extent. Both

languages have different linguistic roots, hence similarity does exist but because of the borrowings.

Grammatical similarity and dissimilarity

At the phonetic level: The Russian language has some unique features that differ from the Greek language. There are certain sounds in Russian that don't exist in Greek or other European languages, like hissing sounds. To make them closer to the original, adjustments were made. Unlike Greek, Russian doesn't have interdental frictional sounds like "th" in "think" or "th" in "them."

In Russian, the letters "θ" and "δ" have different pronunciations. "θ" is often pronounced as "Ф" (f), as seen in the name Theodore becoming "Fyodor," while "δ" is still pronounced as "Д" (d).

Russian also has some sounds, like "ч" (ch) and "ш/щ" (sh), that are not present in Greek, and vice versa, Greek has sounds like "th" (θ), "ps" (Ψ) absent in Russian. For example, the word "Theatre" in Greek is pronounced as "Teatr" in Russian, and "Democracy" in Greek is pronounced as "Demokratia" in Russian. Both languages have stress marks affecting pronunciation and work with a system of cases; they are stressed and inflected languages.

At morphological and syntactic levels: There are many commonalities between both languages. The noun and the adjective have a common, both have three genders (masculine, feminine, neuter), two numbers (singular and plural), and six falls. Greek and Russian, both are highly inflected* languages. This marks a greater similarity concerning the uses of verbs, nouns, adjectives, and more.

*An inflected language is characterized by modifications to words (inflections) to convey grammatical information such as tense, case, gender, number, or mood. In inflected languages, a single word may undergo changes to represent different grammatical roles. For example, in Russian, nouns change form to indicate case, while in Latin, verbs change endings based on the subject, object, and tense. This system enhances precision in communication but requires speakers to grasp intricate patterns of word modification for accurate expression.

The verb system includes aspects of time, face, number, and mood, with only three tenses. These tenses adequately cover the concept of time in the Greek language. While Greek boasts a rich verb system, it doesn't imply a deficiency in Russian. Both languages have a system for representing the aspectual form

of a verb, distinguishing between perfective and imperfective aspects. “Aspects are used to indicate if an action was completed successfully or is ongoing. Aspects are used to illustrate this difference, however, their use in Russian and Greek languages is much more defined.

The aspects are

1. Imperfective - Incomplete, ongoing, habitual, reversed, or repeated actions
2. Perfective - Actions completed successfully.

Here are some examples of verb pairs.

(Imperfective, Perfective) Жить, Прожить - to live Любить, Полюбить - to love

Делать, Сделать - to do, make Говорить, Сказать - to talk, speak, say.
Работать, Поработать - to work”

There are no articles used in the Russian language, instead “один” (“one”), “некий” (“some kind of”), “какой-то” (“some kind of”) are used.

A third thing that is similar is in the endings in the conjugation of the verbs in Russian and in Greek: The endings of the verbs in the present tense first singular person -ю (Greek: -ω), second singular person -ешь (Greek: -εις), first-person plural: -ем (Greek: -ουμε), and second-person plural -ете, -ите (Greek: -ετε). Both languages have a familiar and formal second-person form of a verb, and both follow similar rules for their use. Verbs in Ancient Greek fall into two categories: thematic, where a thematic vowel like "e" or "o" precedes the ending (e.g., λύ-ο-μεν "we free"), and athematic, where the endings connect directly to the stem (e.g., ἐσ-μέν "we are"). Thematic verbs constitute a significantly larger group in comparison to athematic verbs.

Concerning syntax, the case system, along with falls and personal endings, allows both Russian and Greek to employ a flexible word order, enhancing expressiveness. This characteristic sets Russian apart, making it particularly dynamic in conveying meaning. Each language adheres to its native speaker's natural way of arranging words within a sentence, initially appearing peculiar to others. English, Greek, Latin, French, and German exhibit significant variations in word order, despite the common Subject-Verb-Object (SVO) structure. Variations include the OVS pattern to highlight the object. Additionally, diverse styles are employed for adverbial phrases and modifiers. The flexibility in word order, inherent in the syntax of Russian and Greek, contributes to the richness and nuance of expression in both languages.

Despite being a lot of similarities, there exists a dissimilarity among them such as

- a. The presence of definite and indefinite articles in Greek and their absence in Russian.
- b. While talking about the case system, Russian verbs have a direct relationship with an object in case (Exception: Accusative Case), no Greek direct objects are informally Accusative in form.
- c. The Greek Language has a definite and indefinite article, which Russian doesn't, and Russian has personal pronouns, not available in the Greek Language.
- d. Although both are inflected languages, there are many inflectional paradigms of a verb in Greek, similar to Indo-European languages. With such different types of tenses, Russian is less complex and has a present past future, and past tense showing gender.
- e. Every language possesses its method for conveying temporal concepts; Greek employs an elaborate verb tense structure, whereas Russian utilizes auxiliary temporal designations.

Morphological adaption via prefix and suffix:

Words of Greek origin majorly include words that have a prefix, such as- био-, гео-, гидро-, антропо-, пиро-, хроно-, психо-, микро-, демо-, тео-, палео-, нео-, макро-, поли-, моно-, пара-, алло-, -логия, -графи-, супер-, интер-, экстра-, ре-, ор-, -изация and few others.

The borrowed Greek words were adapted based on a suffix such as -ma (dogma, problema, systema, etc), its neuter gender in Greek but because of -a ending its feminine gender in Russian. Words ending with -is (frazis, bazis, analizis, etc), its feminine gender in Greek, and hard ending its masculine gender in Russian. Many Greek words especially scientific terminology of Greek origin, came to Russian through Latin, French, German, and English. Which can be identified through Greek prefixes such as anti-, auto-, bio-, geo-, hydro-, chrono-, psycho-, macro-, micro-, mono-, theo-, neo-, poly-, para-, etc, and suffixes such as -liz, -logy, -phile, -phobia, -graphy.

Words of different sectors of Greek origin, used in the Russian language

Greek words in the Russian language can be found everywhere, they are so familiar that no one thinks about their foreign origin. These words exist in

everyday life, science, religion, technology, art, politics – these are not only all areas in which there are loanwords.

Greece provides a lot of common and religious words: thermos (термос), magnet (магнит), dialogue, leitourgia (λειτουργία), icon (εικόνα), Bible (βίβλος), patriarch (Πατριάρχης), monk (μοναχός), monastery (μοναστήριον) and few others are- deacon (δьяκον), angel (αγγελ), anathema (αναφεμα), monk (μοναх), monastery (μονασтырь), icon (икона), etc.

A few other words are- biography - βιογραφία (биоγραφία), hippodrome- ιπποδρόμιο (ипподром), disaster- καταστροφή (катастрофа), labyrinth (λαβυρινθ), pathos (παθος), program- πρόγραμμα (программа), sympathy συμπάθεια (симпатия), thermos – θερμός (термос), era- εποχή (эποха), echo- ηχώ (эхо).

The names of most Sciences also came into the Russian language from Hellas (Эλλάδα): mathematics, logic, history, pedagogy, Geology, philosophy, physics, geometry, anatomy, geography (μαθηματικά, λογική, ιστορία, παιδαγωγική, γεωλογία, φιλοσοφία, φυσική, γεωμετρία, ανατομία, γεωγραφία).

In the field of art and literature- poetry, tragedy, comedy, drama, melody, Symphony, epigraph, etc (ποίηση, τραгедία, κωμωδία, δράμα, μελωδία, συμφωνία, επιγραφή).

In the field of Medical Science- analysis, aorta, artery, atom, bacterium, diaphragm, space, metaphor, prism, synthesis, etc.; анализ, аорта, артерия, атом, бактерия, диафрагма, космос, метафора, призма, синтез, etc.; ανάλυση, αορτή, αρτηρία, άτομο, βακτήριο, διάφραγμα, χώρος, μεταφορά, πρίσμα, σύνθεση, etc.

In the field of science- anatomy, grammar, geography, geometry, history, logic, mathematics, mechanics, optics, pedagogy, physics, philosophy, etymology; ανατομία, γραμματική, γεωγραφία, γεωμετρία, ιστορία, λογική, μαθηματικά, μηχανική, οπτική, παιδαγωγική, φυσική, φιλοσοφία, ετυμολογία.

In the field of Politics- Politics, democracy, monarchy, anarchy, hegemony, anarchu; πολιτικοί, δημοκρατία, μοναρχία, αναρχία, ηγεμονία, αναρχία.

In the field of Literature- graphics, drama, comedy, melody, ode, pantomime, poetry, poem, poet, prologue, symphony, stanza, tragedy, epigraph, epilogue, epic; графика, драма, комедия, мелодия, ода, пантомима, поэзия, поэма, поэт, пролог, симфония, строфа, трагедия, эпитафия, эпилог, эпос; γραφικά, δράμα, κωμωδία, μελωδία, οδύνη, παντομίμα, ποίηση, ποίημα, ποιητής, πρόλογος, συμφωνική, στάσα, τραγωδία, επιγραφή, επίλογος, έπος.

Conclusion

Currently, Russian stands as a modern and culturally affluent language, holding the prestigious status of one of the six official languages of the United Nations and being spoken by millions globally. Its literary wealth is commendable, with numerous translations from various languages contributing to its literary tapestry. The Russian language boasts one of the most extensive and varied terminologies globally, a testament to its evolution during the expansive growth of the USSR regime. The language's influence extends far beyond its geographic boundaries, reflecting its significance on the global stage. With a rich linguistic heritage, contemporary relevance, and a vast reservoir of expressions, Russian remains a language of considerable importance in international discourse and cultural exchange.

Contemporary linguistical science depicts entire European languages, geographically, belonging to one family of Indo-European languages (Except Hungary, Finnish, Estonia, and a few others).

Thus, they affect the arrangement of the dialects because of the topographic linkage. In the purview, time causes changes and adjustments, like language is known as the Living System, and that shifts continuously over the way of life. In Greek, there is a constant wide gap between the old and new forms of the Greek language.

Lastly, there is a similarity between Greek and Russian in terms of morphology, not only due to cultural influence but as a result of their common origin since both are Indo-European languages. Plus, like in many European languages, there are thousands of words in Russian of ancient Greek origin, which, of course, are used in Modern Greek, as well.

Note: Words have been taken from different sources from WordPress.com, <https://glosbe.com/el/ru>, <https://www.lexicool.com/online-dictionary.asp?FSP=A14B26>, <https://en.bab.la/dictionary/english-greek/russian> and few other sources from the internet.

References:

- Kozhinov V., *Istoria rusi I russkogo slova*, Moscow, 1999.
- Bandyopadhyay A., *Graecism in Russian*, *Yavanika* vol. 15, New Delhi, 2015.
- Ик-пtz, *Займствованные слова из греческого примеры. Русские слова греческого происхождения*, Портал для школьника. Самоподготовка, 2020, <https://ik-ptz.ru/fizika/zaimstvovannye-slova-iz-grecheskogo-primery-russkie-slova-grecheskogo.html>, retrieved on 12.01.2021
- Учим греческий, *Происхождение русских слов от греческого языка*, *Греческий язык онлайн*, <https://new-greek.ru/russkie-slova-grecheskogo-proiskhozhdeniya>, retrieved on 2.2.2021
- Крючкова Е. В. *Грецизмы как основа славянских языков на примере русского языка*, С. 1011- 1013, URL <https://moluch.ru/archive/132/36720/>, retrieved on 01.03.2020
- Likhachov D., *The Great Heritage: The Classical Literature of Old Rus*, Moscow, 1981. Ulukhanov I. S., *О языке древней руси*, Moscow, 1972.
- *Vsemirnaya, istoria v desyati tomakh*, *Akademiya nauk*, vol. III, Moscow, 1957. *Russian-English Dictionary*, Moscow, 1985.
- *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unbridged*, Könnemann, 1961.
- Wordscene, *WordPress.com*, *Fire and Ice: similarities and differences between Greek and Russian*, 28.03.2016, <https://wordscene.wordpress.com/2016/03/28/fire-and-ice-similarities-and-differences-between-greek-and-russian>, retrieved on 12.01.2021
- *Anatolievna N. K., Слова, заимствованные из греческого языка*, 6 класс, «Слова, заимствованные из греческого языка» г. Зверево 2014, <https://doc4web.ru/russkiy-yazik/slova-zaimstvovannie-iz-grecheskogo-yazika-klass.html>, retrieved on 24.01.2021

Осмысление процесса перевода через понимание роли и места участвующих в нём межъязыковых коммуникантов

Равиндер Сингх

Assistant Professor,

Department of Foreign Languages

Faculty of International Studies

AMU, Aligarh

raoravinder006@gmail.com

Аннотация: Данная статья – попытка ознакомить молодых исследователей, увлекающихся наукой о переводе и начинающих переводчиков с динамичным характером процесса перевода. Она глубоко рассматривает и схематически изображает по-новому систему протекания переводческого процесса от общего к конкретному. Статья также акцентирует внимание на том, как учёт субъективных факторов играет значительную роль в успешности прохождения процесса перевода и в получении адекватного и полноценного перевода.

Ключевые слова: процесс перевода, объективные и субъективные факторы, адекватный перевод, межъязыковые коммуниканты

Переводческая деятельность является самой креативной и востребованной разновидностью межъязыкового посредничества. Она с давних времён не только служит мостом между разными цивилизациями, культурами, историями, эпохами, наследиями, менталитетами, далёкими географическими местоположениями, но и обеспечивает лёгкий доступ к своеобразным достояниям, достижениям и шедеврам иноязычных народов, преодолевая все факторы, вызывающие коммуникативные барьеры при их общении.

Обычно люди (не говоря уже о специалисте по переводу) видят перевод всего результатом преобразования текста исходного языка в текст переводящего языка, не представляя о том, столько знаний, таланта, навыков, умения, мастерства, усилий, труда, внимания и терпения требуется при осуществлении любой переводческой задачи и с какими сложностями и трудностями иногда сталкивается переводчик. Можно сказать, что для человека, не являющегося специалистом по переводу, перевод скорее всего, это замена слов одного языка, словами другого языка.

Из-за своего ограниченного знания о специфике и характере процесса перевода, некоторые, также считают перевод простой практикой, которая всего лишь начинается с восприятия и понимания текста исходного языка переводчиком и заканчивается его передачей им на

переводящий язык. Переводческий процесс на взгляд человека-неспециалиста по переводу, обычно протекает следующим образом:

Однако на самом деле это не так. Перевод как творческая практика, далеко не всегда получается легко. Сам процесс перевода сложен, а без правильного его понимания, невозможно достигнуть поставленной цели и получить ожидаемый результат.

Чтобы осознать целый процесс перевода впервые, нужно знать факторы, непосредственно влияющие на результат любого перевода, а также на характер процесса перевода. Обычно все эти факторы делятся на две категории: объективные и субъективные (Криворучко, 2017, 52-53).

Объективные факторы имеют связь с языковыми факторами т.е. владение языком, специфика языка и понятие о специфике переводческой деятельности. В свою очередь, субъективные факторы имеют дело с участниками межъязыковой коммуникации, т.е. автор текста оригинала, переводчик, рецептор оригинала и рецептор перевода.

Обычно при переводе, гораздо больше внимания уделяется учёту объективных факторов, в то же время, учёт субъективных факторов либо считается вторичным, либо полностью игнорируется. В результате чего, иногда переводчику не удаётся осуществить всеобъемлющий и полноценный перевод.

Перевод – это не просто замена одного языка другим, наряду с языковыми факторами, успешность процесса перевода и качество перевода, также зависит от правильного понимания и учёта субъективных факторов.

Иными словами, каждый из перечисленных факторов (объективных и субъективных) в равной степени играет значительную роль в ходе процесса перевода, поэтому необходимо принимать во внимание оба фактора.

Следует отметить, что перевод также является человеческой деятельностью, поэтому тщательный учёт человеческих особенностей (участников межъязыковой коммуникации в процессе перевода) очень важен, и он помогает переводчику эффективно выполнить свою задачу.

Чтобы освоить суть процесса перевода, необходимо знать, как проходит процесс перевода на самом деле, какую роль и место занимают в нем участники межъязыковой коммуникации.

Переводческий процесс и автор оригинала

Если углублённо исследовать сам характер процесса перевода, то на практике выясняется, что перевод начинается с автора оригинала.

Практику написания автором любого произведения или текста, можно считать специфической разновидностью «перевода», при котором писатель превращает свои мысли и размышления (воображаемый текст) в текст, существующий либо в письменном, либо в устном виде.

По сравнению с обычным переводом, этот особый вид «перевода» осуществляется с исходного языка на такой же исходный язык, на котором пишется данный текст-произведение.

В ходе процесса написания своего текста-произведения, автор выполняет те же задачи, решает те же проблемы и учитывает те же факторы, как любой переводчик при передаче текста оригинала.

Например, когда автор собирается написать что-либо, то сначала он пытается найти ответы на следующие вопросы как переводчик: Что написать? Это похоже на то, как переводчик выбирает текст определённого жанра (это может быть какое-либо художественное произведение, документ делопроизводства, научно-технический текст, газетная статья и т.д.). Кто будет его ожидаемым читателем? Как писать? (т.е. какие языковые средства можно применить в своём тексте)? и т.д. После решения указанных вопросов и используя свои знания и талант, автор создает своё произведение.

Стоит тут отметить, что личностные особенности самого автора также значительно влияют на процесс написания любого текста, т.е. на его форму, содержание и его силу коммуникативного воздействия.

Данный особый вид «перевода» можно изобразить схематически следующим образом:

T1: Текст, который ещё не существует ни в письменной, ни в устной речи, а лишь в размышлениях писателя, в его мыслях.

T2: Текст оригинала, существующего, в письменном или устном виде

P1: Рецептор текста оригинала

Исходя из этого можно сказать, что переводы совершаются обоими участниками межъязыковой коммуникации т.е. и автором оригинала, и переводчиком, но их переводы имеют различные характеры.

Переводческий процесс и рецепторы

Мы не должны забывать, что рецептор оригинала и рецептор перевода тоже занимают важное место в процессе перевода, так как большинство решений, которые принимаются автором при написании текста и переводчиком при переводе текста оригинала, зависят от учёта личных особенностей рецепторов их работ.

Несомненно, читатель оригинала и читатель перевода отличаются друг от друга в силу того, что они принадлежат к разным языковым и культурно-социальным средам. Однако, они оба одновременно имеют и общие человеческие характеристики, которые несмотря на то, к каким языковым и культурно-социальным общинам принадлежат рецепторы, незначительно отличаются.

Таким образом, при написании своего текста-произведения, автор принимает во внимание все характеристики своего ожидаемого читателя, так и при переводе переводчик, учитывает такие же личные особенности своего ожидаемого читателя. Некорректный учёт элементов, касающихся рецепторов, может затруднить работу автора оригинала, и работу переводчика, помешав достигнуть поставленные цели и предполагаемые результаты.

Переводческий процесс и переводчик

В отличие от автора оригинала, задача переводчика оказывается сравнительно более сложной, потому что при выполнении любой переводческой задачи переводчику следует учитывать личные особенности не только своего ожидаемого читателя, но и личные особенности автора и читателя оригинала.

При этом у переводчика остаётся главная задача – преодолеть языковые и внеязыковые различия, чтобы читатель перевода воспринял чуждые ему элементы текста оригинала в переводе, наравне с читателем оригинала. Важно также, чтобы текст перевода произвёл такое же воздействие и вызвал такие же чувства, впечатления и ощущения, как и текст оригинала у своего читателя.

Если создание текста оригинала (по нашему утверждению этот текст есть разновидность перевода) автором сопровождается факторами, относящимися к нему и его рецептору, то создание текста перевода переводчиком ещё сложнее, и должно учитывать факторы, относящиеся

ко всем участникам межъязыковой коммуникации: автору оригинала, его рецептору, рецептору текста перевода и самому переводчику.

Другими словами, если в процессе написания текста участвуют два коммуниканта: автор и его ожидаемый читатель, то в отличие от этого, создание текста перевода включает в себя ещё больше участников, т.е. автора оригинала, рецептора оригинала, переводчика и рецептора перевода.

Таким образом можно полагать, что любой текст перевода представляет собой третий вариант того текста, который создаётся впервые в размышлениях автора оригинала.

Исходя из вышесказанного и нашего исследования, можем предположить более конкретную модель процесса перевода следующим образом:

Схема: роль и место всех межъязыковых коммуникантов в процессе перевода

T1: Текст, который ещё не существует ни в письменной, ни в устной речи, а лишь в размышлениях писателя, в его мыслях.

T2: Текст оригинала, существующего в письменном или устном виде

R1: Рецептор текста оригинала

T3: Текст перевода

R2: Рецептор текста перевода

Благодаря вышеуказанной схеме выясняется, что переводчик как промежуточное звено межъязыковой коммуникации играет более ответственную роль в процессе перевода. Так как при переводе ему приходится аккуратно и внимательно учитывать все особенности автора оригинала, рецептора оригинала, рецептора перевода, которые сильно влияют на ход и результат процесса перевода. Кроме этих факторов, есть и факторы, относящиеся к самому переводчику, которые также оказывают влияние на его решение и качество его перевода.

Также есть мнение о том, что в процессе перевода, переводчик одновременно выполняет две роли: роль рецептора оригинала и роль языкового посредника, однако внимательное исследование процесса перевода чётко нам показывает, что в ходе процесса перевода, переводчик фактически выполняет не двойную, а тройную роль, т.е. роль в качестве рецептора оригинала, языкового посредника и также

роль как соавтора текста перевода. Данная тройная роль усложняет процесс перевода, делая очень не лёгкой задачу переводчика. Тройная роль переводчика может быть продемонстрирована схематически:

Схема: тройная роль переводчика в процессе перевода

Благодаря этой схеме становится понятно, насколько сложным является процесс перевода и что успешность результата, значительно зависит от эффективного взаимодействия переводчика с каждым субъективным фактором (автор оригинала, рецептор оригинала, рецептор перевода, самим собой).

Итак, чтобы обеспечить адекватность и полноценность перевода, избавиться от разных переводческих ляпов, необходимо в первую очередь, освоить процесс перевода. При этом переводчик должен быть профессионально подготовлен таким образом, чтобы с первых моментов осуществления перевода текста оригинала, мог осознать и решить, как будет проходить процесс перевода и какого он будет характера, в зависимости от жанра текста оригинала. Чтобы сделать это эффективно, переводчик кроме объективных факторов, не должен забывать подробно изучить субъективные факторы, относящиеся к участвующим межъязыковым коммуникантам. Иначе недобросовестный учёт субъективных факторов в процессе перевода, может негативно повлиять на результат, что станет причиной искажения цели и сути перевода.

Библиография:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. Москва: Изд-во "Международные отношения", 1975.
2. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский язык. Москва: Изд-во "УРАО", 1998.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва: Изд-во "Международные отношения", 1980
4. Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь: Изд-во "Тверской государственной университет", 1997.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. Москва: Изд-во "Издательство Московского университета", 2007.
6. Криворучко А.И. "О соотношении понятий «субъективное»/«объективное» при переводе текста." Вестник Челябинского государственного университета. 106 (2017): 52-56.

Geometric puzzle of *Shri-Yantra*

by Alexei Pavlovich Kulaichev

Dr Preeti D Das

Associate Professor

CRCAS, SIS

JNU

shrivastavavibha148@gmail.com

Abstract: The article ‘Geometric Puzzle of Shri-Yantra’, written by Alexei Pavlovich Kulaichev, a faculty of Moscow University (Biology), was originally published in Science and Life (Наука и Жизнь) No. 11 of 1987. This was the time when drastic changes were introduced under perestroika and publishers were open to alternative approaches. Prior to the publication of the Geometric puzzle Alexei Pavlovich published several other works on the unfolding mathematical properties of Shri Yantra. The picture of Shri-Yantra used herein is taken from the Russian version of the article used in the Journal Наука и Жизнь.

Keywords: Geometric, Puzzle, Shri-Yantra and Kulaichev

Evidence about knowledge and a fairly high level of development of ancient people has reached us. Although still, several achievements of the ancient period continue to be unclear that do not quite fit into the framework of existing ideas about the possibilities of ancient cultures. Until now, we get amazed by Stone Age structures, and Mezo American & Egyptian pyramids, sculptures of Easter Island, as well as many other structures that have a much more than foreseeable “manual” size. The last class of objects can be attributed to Sri-Yantra - an ancient Indian schematic image that has more than two thousand years of history.

Sri-Yantra (Figure 1) consists of a central 14-angled star or polygon with the intersection of nine large triangles, which in turn give rise to 43 small triangles. The star is enclosed in two 8- and 16-lotus petals, which are divided into four circles with a frame having four doors to the four cardinal points, the so-called "square protection". Each element of Sri (Or Great) – Yantra – Large and small triangle, petal lotus, a framing line, and so on, is associated with a certain aspect of ancient cosmogonic ideas. In India and in Tibet, the Sri-Yantra is used, primarily, as a ritual composition. The Atharva Veda mentions the same - a collection of ritualistic formulas and spells. The hymns of Atharva Veda that reached us were formulated around the 12th century BC on the basis of an older (ancient) oral tradition.

What is interesting about the outline of Sri Yantra? Let's turn to the central star, which attracts the beauty of the geometric pattern. On closer inspection, one can see that each forming line passes through three, four, five, and even six points of intersection of other lines. Thus, the ancient geometers ensured that the intersection points lay on the same straight line while constructing Sri-Yantra. Under the given condition, the process of building an entire star turns out to be an extremely time-consuming process, which was beyond the capabilities of the then-existing manual methods.

To get convinced of the above-mentioned, one does not need super-technical means and mathematical knowledge. It is enough to use all available tools of the drawing board and build a copy of the image shown here with 5 times magnification using a pencil, compass and ruler. In this case, it is necessary to achieve a visually accurate coincidence of all points of intersection. One can use graph paper and transfer the dimensions of the design with their proportional increase. For the purity of the experiment, it is advisable to start solving the puzzle without reading the subsequent presentation.

During the solution, it turns out that some lines can be drawn independently, initially given their position. Others are drawn uniquely by the obtained intersection points. As a result, it turns out that some intersection points do not overlap. When trying to eliminate these discrepancies, inconsistencies appear at other points, and so on to infinity, leaving no hope for ultimate success. Already at this stage, many may lose patience.

Let's suggest a way to gradually reduce inaccuracies, using the discovered property of decomposition of the star of the Sri-Yantra into four structural components.

Consider the construction of the first component (Figure 2) for one of the vertically symmetrical halves of the star image. Having drawn the outer circle, we will draw two symmetrical large triangles, initially given some position of their base relative to the center, that is, the ordinate Y_a . Let us choose the position of the point, A' , on the base of the triangle, perfect at the top, and draw the line $1-A'$ until it intersects with the vertical diameter, obtaining point 2. Now let's draw a horizontal line through point 2 until it intersects with the outer diameter, watering point D. Then we draw a straight line through points $3-A'$ until it intersects with the outer circle at some point D' , the position of which in the general differs from the position of point D.

Moving point, A' should achieve the most accurate alignment of points D and D' . To do this, we select a new position of point A' and repeat the indicated constructions. The following rules must be used to continue the process:

- a) If there is less difference between points D and D' in the new construction than in the first construction, then point A' should be moved in the same direction;
- b) If there is a difference in the position of the points D and D' in the new construction than in the first construction, then the point A' is shifted in the opposite direction;
- c) If, in the first construction, the points D and D' have changed places or swapped in, then the intermediate position of point A' should be tested further.

The above rules are an example of the so-called Iteration (Iterative) method or methods of successive approximations, which are considered in computational mathematics. Numerical Iterative methods, in contrast to analytical methods for solving simple algebraic equations, do not provide an absolute exact solution, but allow one to achieve sufficient accuracy in a finite number of steps. Our task is only to achieve a visually accurate alignment of the intersection points. When constructing the first component, we actually look for the approximate value of the abscissa point and A', that is, X_a , which, given Y_a , uniquely determines its geometry.

The iterative construction of the second structural component (Figure 3) is almost symmetrical to the construction of the first component and independent of it in the sense that the results of its construction are not used.

The difference lies in the need, along with Y_a , to be set by the value of another parameter Y_b , which determines the position of point 6. The geometry of the 2nd component for given Y_a and Y_b is determined by the abscissa of point A (X_a), an approximate value that is found during construction similar to the one considered above.

The third structural component (Figure 4) uses the results of the constructions of the first two, being internal to them. First, draw a horizontal line through point 6 and get point 7. Then draw a straight line through points 8-7, getting to point 9. Now draw a horizontal line through point 9, getting point 10.

Further, by changing the position of point 6, that is, by varying the parameter Y_a , it is necessary to achieve alignment of the points of intersection of the line 6 - 7 and 10 -11 with the straight line 3 - D. As one can see, here one has to vary the parameters Y_a , which were set when constructing component 2. At

the same time, at each step and building component 3, it is required to complete the full cycle of building component 2.

The construction of the fourth component (Figure 5) aims to achieve the correlation of the inner, inscribed and outer circumscribed circles by varying the parameter Y_a , which was originally set when constructing the first three components. At each step of building component 4, it is required to complete full cycles of building components 1, 2, 3.

Thus, in order to achieve a sufficiently accurate construction of the Sri Yantra Star, iterative (rational) construction of the four structural components must be performed. The possibility of implementing such a construction by manual methods is doubtful, as was obvious by trying to do it manually.

It is obvious that the considered process is the only way to construct a Sri Yantra star with a directed increase in its accuracy. This follows from the obvious uniqueness of splitting the star into four structural components. The statement does not concern the details of the construction, which may differ, for example, in the order in which the components are built, the parameters by which the accuracy of the construction is evaluated, the parameters chosen as variables, and so on. However, this does not imply a restriction on the freedom to search for "heuristic" ways to draw Sri Yantra.

Thus, the geometry of the star of the Great Yantra is uniquely determined by the set of values of the four parameters Y_a , Y_b , X_a , X_b or any set equivalent to this one. It remains unclear whether the values of these parameters were known in ancient times, and if so, how were they obtained.

We associated each of these parameters with the condition of accuracy in the coordinate of some point. Thus, the star of the Sri Yantra turns out to be rigid, since there is not a single free parameter left in it. If you make a star from movably articulated rods, then it will not be possible to continuously deform it by applying stress to any rod.

On the other hand, like an n -degree algebraic equation with n roots, some of which may be real rather than imaginary, a star can admit other discrete arrangements by jumping from one to another, as it were. In this regard, iterative methods are "blind". They allow one to find one of the solutions that one can accidentally stumble upon. But in order to find all the solutions of the iterative method, it is necessary to guide the knowledge of the boundaries of the location of these solutions. Such knowledge can only be obtained by methods of general analytical research.

For a general analytical study of the star Sri Yantra, it is necessary to compose its algebraic description. At first, this task seems simple, since here it is required to use the controls of a straight line and a circle known from school mathematics in Cartesian (de map) coordinates and perform elementary methods of analytical transformations related to reduction to a common denominator and getting rid of radicals. But already at this stage, we are faced with the limitations of human capabilities. Note that there are no effective systems for automating complex analytical transformations on available computers, so they, as a rule, have to be performed manually.

In general, the Sri Yantra star is described by a system of four non-linear algebraic equations from four unknowns to the 16th degree in individual variables and containing from 16 to 512 members. The disappointing conclusion is that the complexity of the algebraic study of the system goes far beyond the capabilities of computers. The level of modern scientific and technological progress is insufficient to resolve the issue of the number of different locations of the Sri Yantra star. This is all the more surprising since such super-complicated problems are encountered in the analysis of a graphic scheme originating from ancient times and formed by the intersection of a small number of the simplest geometric shapes.

So how did the image of Sri Yantra reproduce over the centuries? Partially, this question can be answered. Along with the considered one, there are simpler images of the star, in which the points C and D are not fixed on the outer circle (Figure 6) and misalignment of the inner and outer circles is often observed. This greatly simplifies the design and eliminates the execution of iterative cycles for components 1, 2, and 4. Similar originals are more common in one medieval manuscript; it is recommended that the construction, which consists of the sole extension of the sides of the figure, begins with an internal small triangle (Figure 7). However, it appears to be purely speculative. We invite readers to make sure that by this method (without using scrupulous transfer of dimensions) it is not possible to obtain any tolerable image of a star due to an avalanche-like increase in errors.

Another treatise contains a set of instructions of a purely heuristic nature, which boil down to the following:

- 1) Draw a vertical diameter on the outer circle;
- 2) divide the diameter into 48 different parts;

3) draw horizontal lines of the star at the level of serifs with serial numbers 6, 12, 17, 20; 23, 27, 30, 36, 42;

4) according to the obtained points, complete the sides of the triangles. By this method, a satisfactory image of a star of the simplest type can be obtained. It is easy to see that even in such a simple case, I feel that there are significant inconsistencies in the series of intersection points.

In contrast to the considered "hard" type of star, the simplified versions will be "soft", that is, allowing continuous deformation. It is possible that by geometric transformations of these types of images to achieve some "simple" ratios between the sides of the triangles, the knowledge of which greatly simplifies the copying process. The study of these questions is offered to readers as a geometric puzzle.

As for the existing forms of the star of the Great Yantra, which are more complex than those described in the article, the question of how to reproduce them remains open. There is no historical information on this.

Reference:

Kulaichev A. P. (1987), Geometric Puzzle of Shri-Yantra, Nauka I Zhizn, No. 11, Moscow, Leningrad 16th August 1987, ISSN – 00281263

Arata Osada's *Genbaku No Ko* (Children of the atomic bomb) in Russian as *Deti Hirosimy*

M. V. Lakshmi

Assistant Professor,

Centre for Japanese Studies, SLL&CS, JNU

mvlakshmi@gmail.com

Abstract: *Genbaku no Ko: Hiroshima no Shonen Shoyo no Uttae* (Children of the Atomic Bomb: Testament of the boys and girls of Hiroshima) is a collection of 105 testimonials by young children, based on their first-hand account of having experienced the Atomic Bomb at Hiroshima, Japan on 6 August 1945. The atomic bomb created a new genre of literature called *Genbaku Bungaku* (Atomic bomb literature).

The author Arata Osada, a professor at Hiroshima University is a survivor of the Hiroshima Atomic bombing and his efforts culminated in the compilation of the book of testimonials by children. The work has been translated into many languages including Russian. Maria Kirichenko translated the work into Russian as *Deti Hirosimy*, in the year 2010. Her work helped to create awareness about the Hiroshima atomic bombing, especially amongst Russian school children. Her efforts have been duly recognised in Japan as well.

The book while being a compilation of children's accounts about the Hiroshima bombing, is addressed to the adult readers to whom it appeals for peace. The paper is based on discussing the work and its core message, while highlighting Kirichenko's role in taking the work to Russian readers.

Keywords: Atomic Bomb literature, Arata Osada, Maria Kirichenko, *Deti Hirosimy*, *Genbaku no Ko*

Introduction

Russia and Japan share a profound and enduring literary connection. In the Meiji period, (1868-1912) Japan opened to the outside world and major works of Russian literature were translated into Japanese language, including those by Turgenev, Tolstoy, and Gorky. The current paper focusses on discussing a piece of literature that centres on the Hiroshima atomic bombing and the message it takes to Russia and the world through its translation. The Hiroshima and Nagasaki atomic bombings which shook not just Japan, but the world are marked by the two dates of August 6 and August 9, 1945 respectively, and have not only been documented in nonfictional historical records but have also found a place in fiction, movies, and other media such as animation and manga as well.

The atomic bombings gave birth to a new category of literature namely Genbaku Bungaku, or ‘atomic bomb literature.’” Hiroshima and Nagasaki the two sites of the atomic bombing in Japan, have been the themes of literary works as well as movies and have found a place in popular media such as Manga and animation as well. One of the first animation movies to have been made on the theme of atomic bombing in Japan is Pikadon which loosely translates into a lightning like bolt, directed by Renzo Kinoshita in 1978. Other representative works include Hadashi no Gen (Barefoot Gen) by Keiji Nakazawa -a manga series that featured in multiple magazines from the year 1973 to 1987 which was later adapted into animation and broadcast on television.

The book by Arata Osada Genbaku no Ko: Hiroshima no Shonen Shojō no Uttae (Children of the Atomic Bomb: Testament of the boys and girls of Hiroshima), has been translated into many languages besides English, such as Chinese, Indonesian and Russian as *Deti Hirosimy* by Maria Kirichenko.

The paper attempts to reaffirm the significance of the atomic bomb literature through the said work, while highlighting the importance of translations in taking not just the work to other countries such as Russia but underlining their potential to spread the message of peace and nuclear disarmament among children and adults of the world-in this case through Maria Kirichenko’s translation. The work is a compilation of testimonials and first-hand eyewitness accounts of the Hiroshima atomic bomb devastation experienced by children as the disaster unfolded in front of their eyes on August 6, 1945 at Hiroshima.

Literature that revolves around the atomic bombing in Japan

Atomic bomb literature in Japan is a sub-genre of literature to which many writers have contributed to, starting from Ota Yoko’s *Kaiteki no youna Hikari* (Light as on the bottom of the sea) being one of the earliest works in this category written in August 1945. The book was published before the coinage of the term Genbaku and before laws restricting Genbaku bungaku as a phenomenon came into effect. Many of the works which were written around this time, were scrutinised, and censored based on the laws imposed within a month’s time of the incident occurring. Other representative works of the genre include Ibuse Masuji’s representative work *Kuroi Ame* (Black Rain) serialised in magazines in 1965. While some of the works have been first person accounts of having experienced the bombing as by Ota Yoko, others are eyewitness accounts of the devastation witnessed, and still other notable works belong to neither of the abovementioned two categories. For instance,

Nobel laureate Kenzaburo Oe and his account of the event titled Hiroshima Noto (Hiroshima Notes) is a work which is neither a first-hand account nor an eyewitness account of the incident but largely based on second hand sources.

Genbaku no Ko is a compilation of 105 testimonials by children having witnessed the atomic bombing in Hiroshima as it unfolded. The testimonials that are published in the book were selected from a collection of nearly two thousand testimonials which were written by children from grade 4 to grade 12 to college. The compilation represents not the voice of a single author who may have experienced the war first hand or even witnessed it but the voices of many little children, which may otherwise not be heard. The following is an outline of the work and the author.

Genbaku no Ko and its translations

The first edition of Genbaku no Ko was published in 1952 in Japan. (Osada, 6) The present paper discusses the English translation of the book (Kindle E book), by Jean Dan and Ruth Sieben-Morgen, 1959. The book was translated into multiple languages including Russian, which continued even after the author Arata Osada's death. Translating the work into multiple languages of the world was a movement that his son Goro Osada took forward. Besides Japanese, the book is available in English, Indonesian, Chinese, and Russian among other languages.

What may have been the reason for the work to have sold across the globe, even as the event is very specifically about the Hiroshima bombing of August 6, 1945, in Japan? The appeal of the work lies in touching the hearts of people across nations, time, and geopolitical boundaries. Besides being translated, the work has been made into two motion pictures in Japan, the first one called by the name Genbaku no Ko in 1952, under the direction of Kaneto Shindo and Hiroshima in the following year directed by Hideo Sekikawa as prominent on-screen adaptations.

About the author Arata Osada

Even as Genbaku no Ko is a compilation of testimonials of children rather than a single person's account, it was because of the persistent efforts of Arata Osada (1887-1961) that the multitude of voices could be brought together. The author was a professor in the Department of Education, Hiroshima University. The author's own specialisation was related to Pestalozzi (A Swiss educationist), however, the work Genbaku no Ko, went on to become his bestselling work, and started a movement working for peace across the world.

Maria Kirichenko and Deti Hirosimy

The book *Genbaku no Ko* was translated into Russian by Maria Kirichenko. A graduate of Moscow State University, a resident of Japan for some seventeen years including her stay in the country as a student, Kirichenko published the Russian version of the book in 2010 which sold around three thousand copies. An ambassador of Japanese culture in Russia, the author is a teacher of Japanese Language in Russia. However, her role is significant in not only disseminating Japanese language in Russia, but of carrying the message of peace in the backdrop of the atomic bombing at Hiroshima, amongst Russian children. Here she plays a sensitive role, given Russia's own stance on nuclear potential. Maria Kirichenko continues her work by acting as a bridge of communication between Russian and Japanese people through her work, and her profession as a teacher of Japanese language in Russia.

The responses to the atomic bombing in Hiroshima, are revelatory of the stance that the two countries take on the incident. The Japanese response in one of the leading national daily newspapers *Asahi Shinbun* was one where it described the event using the term *Shingata Bakudan* or a new type of bomb. The term *Genbaku* was not used till then. In a few years after the incident, the term- *Genshi Bakudan* (Atomic Explosion), was prohibited from being used by common people. *Asahi Graph* used the term in the year 1952 in the article *Genbaku Higai no Shokokai* (Evidence of Atomic Bomb destruction) (Utsumi, 2)

In comparison to this, the Russian response to the Atomic Bombing provides a completely different perspective on the incident. A delegation from Russia came to Japan as an immediate response to the bombing in September 1945 and prepared a report thereafter. The report adopted a tone wherein it would seem that Japan may have exaggerated the damage and destruction owing to the atomic bomb to save face from the defeat in the war. Also, the report mentioned the damage done to inanimate objects be it places or things, buildings, and structures than to people's lives. This perspective of Russia perhaps kept the possibility of developing nuclear potential itself too.

In this scenario, the translation of *Genbaku no Ko* into Russian is a significant step, of taking the message of peace to Russia and appealing for peace by disseminating information about the devastation caused by the Hiroshima Atomic Bombing through Deti Hirosimy.

Flash! A blinding Light. Crash! – Excerpts from the book

A compilation of testimonials by children who had experienced the atomic bombing first hand at Hiroshima, and witnessed the devastation unfold in front of their eyes, the book is powerful in bringing the rawness and severity of the event to the reader. The testimonials are written by third graders to senior high school students.

The book is structured in a way that it gives the name of the child, the grade he or she is studying in, and their age in 1945. The appendix provides the schools which they were attending. While some children remember the incident vividly, for others, the memory is blurred. The book documents a range of emotions and experiences as narrated by the children, a few of which have been thematically discussed below from the English translation of book *Genbaku no Ko*.

The compiler while acknowledging having received their responses, states how he dedicates his remaining life to the “Education of Peace.” (Osada, Appendix II) He conveys his own hope for the good health and wellbeing of the contributors and for the larger good of Japan and peace in the world, the latter being the prominent message of the book.

Dealing with personal loss of a parent or family member

As described above, the children who have given their testimonials are from various age groups. What follows is the account of one such girl who witnessed the gory death of her mother, a memory she doubts is true at all.

Sachiko Habu, a 5th grade girl aged 5 years old in 1945 describes her experience of the bomb as follows.

At that time, I was only five, so I don't remember all the things that happened very well.

...Since my house was at Togiya close to the place where the bomb fell, my mother was turned into white bones before the family altar. Mother is now living in the temple at Nakajima. On the sixth of every month Grandfather and I go to visit Mother... (ch. 2, par. 1)

Witnessing suffering and experiencing survivor's guilt

For some of the children, who witness the pain and suffering of a family member, are left guilt ridden for having survived the disaster themselves as is described by Sanae Kanoh's testimonial.

Sanae Kanoh, a 5th grade girl, aged 4 years old in 1945 witnessed the suffering of her siblings while feeling guilty of having escaped it herself.

...When we came to the river there was a man who was really suffering; he was black all over and he kept saying, "Give me water, give me water!" (ch. 3, par. 2)

On top of all this my little sister's thumb was almost cut right off. Fortunately, however it got better...I am so sorry for my little brother and sister that I can hardly bear it. I was the only one who didn't get hurt. (ch. 3, par. 6)

Testimonials of Hope

The children whose testimonials are compiled in the book not only share their pain, suffering, guilt as illustrated above. Their testimonials also provide a light of hope and resilience in the darkest of times. In other words, the book is not just a compilation of testimonials of suffering but of hope amidst the devastation that occurred.

Hiroaki Ichikawa, 5th grade girl, aged 5 years old in 1945 narrates his experience as follows.

Every year on the sixth of August I kept remembering that day. In summer when the flowering sycamore bloomed in the garden of that house in the country, ... Somebody was saying that no plant could grow for about twenty years in the place where an atom bomb has fallen; but that is wrong isn't it? (ch. 4, par. 8)

Other similar accounts of hope are those where children look forward to their future and hope for peace not just for themselves, but for the world at large, such as Chizue Sakai's testimonial.

...I want to do my best to enjoy each bright day as it passes and to study as hard as I can while I am in school. After I have graduated I want as soon as possible to become a person who is of some use to the world...this may become a world without discord- a world of peace.

Chizue Sakai, 9th grade boy. In 3rd grade in 1945 (ch. 60, par. 28)

Remembering the horror

Fear and possibly avoiding the pain of having experienced the atomic bomb is revealed through some of the testimonials of the children. The memory of the traumatic event as it is reimagined in the minds of the children brings to the fore their own understanding and emotions of the event as exhibited in the

following example. It is rather an attempt to suppress the memory by the child who is unable to do so in this case given below.

I really hate to think about war and I hate to remember the day when the atom bomb fell. Even when I read books, I skip the parts about the war. And I shiver at the newsreels in the movies when the scenes of the war in Korea appear.

Ikuko Wakasa, 5th grade girl, 5 years old in 1945 (ch. 5, par. 1)

Aftermath of the bombing

The Atomic bombing had far reaching effects on the lives of people. The destruction wreaked was visible much after August 6 as Ikuko Wakasa a 5th grade girl, aged 5 years in 1945 reveals.

A half year ago a ten-year old girl suddenly developed sickness. All her hair fell out and she became entirely bald and the doctor at the Japan Red Cross hospital frantically did everything he could for her but she vomited blood and died after twenty days. (ch. 5, par. 19)

On War and Peace

The fact that many children wrote about their own comprehension of what they understood war to be, and their hope of peace is shown in the work. As Kiyoko Tsumiga's testimonial reflects his thoughts below,

...Every single day I am praying that no matter what happens there will be peace. (ch. 13, par. 12)

Aversion to war is evident from Daiji Nakamura a 6th grade student's account as well.

I have been thinking that even when I grow up I don't ever want to fight. Right now since there is a war in Korea lots of aeroplanes are flying full of bombs. I feel sorry for the people of Korea. (ch. 36, par. 9)

And finally, the appeal for peace is strong and resounding through many of the accounts such as that of Masataka Asaeda a 9th grade boy student from grade 3.

What is war? What is peace? Why do we need that terrible atomic bomb to defend peace? Why do not humanity and science make the same rate of progress.? (ch.55. par. 13)

The paper cannot fully represent all the voices compiled in the book. Even as it presents some of the testimonials, there are many more through which the readers of the book can grasp the actual horror that the children experienced. The compiler Arata Osada has acknowledged and expressed his gratitude to all the children whose testimonials were received for the book by sending a letter to each one of them, given as the Appendix II of the book as “Compiler’s Letter to the Writers.”

Conclusion

Genbaku no Ko is a work that holds universal relevance and its translation into Russian as *Deti Hirosimy*, addresses the issue of remembering the aftermath of atomic bombing, and spreading the message of peace even in the current context where no country is insulated from any other. The work appeals to the voice of peace, and goodwill and this message is powerfully conveyed through the voice of children who are one of the most vulnerable categories of people affected by the war and atomic bombing. The multitude of emotions of despair, helplessness, survivor’s guilt, and hope for peace make the book not only a compilation of testimonials but also serve the purpose of revealing the hardest truths and facets of an incident which can never be blotted out of the public memory of Japan or any country by putting forth the details of the incident from the eyes of little children.

The testimonials show that while there were accounts of hopelessness, and guilt on the one hand by children who could not even make sense of what had happened to them; there were those that could rise above their personal grief and circumstances to hope and appeal for a brighter and more peaceful future for Japan and the world, strongly condemning war.

Maria Kirichenko’s Russian translation *Deti Hirosimy* is pertinent in taking this message to children in Russia. Her own stance is especially significant, for she takes the message of peace, despite what Russian political stance may have been towards Japan.

The fears, the trauma, the devastation, and the aftermath of August 6, 1945, Hiroshima bombing serve as a warning to the future generations. In the case of Japan, the nuclear accident of 2011 owing to the Fukushima earthquake and Tsunami is a bitter reminder of the nuclear disaster of 1945. Maria Kirichenko’s contribution in taking the message of peace to Russian children and adults alike as a peace activist through her translation in Russian schools, has made an invaluable contribution in bringing awareness about this indelible piece of history, in the hope for a peaceful future where a similar incident does not ever repeat.

Bibliography:

1. Arata, Osada. "Children of the Atomic Bomb- Testament of the Boys and Girls of Hiroshima", Trnsl. Jean Dan and Ruth Sieben Morgen, Pickle Partners Publishing, 1959 Kindle file
2. Kojin, Karatani. Brett de Barry, "Origins of Modern Japanese Literature", Duke University Press, 1993.
3. Numano, Mitsuyoshi. "The Role of Russian Literature in the Development of Modern Japanese Literature from the 1880s to the Present: Some Remarks on its Peculiarities", Gendai Bungeiron Kenkyushitsu Ronshu, 2016.
4. Takayuki, Kawaguchi. "Barefoot Gen and "A-Bomb literature Recollecting the nuclear experience" Trnsl Nele Noppe, International Manga Research Centre, Kyoto Seika University. ISBN 978-4-905187-01-1 <http://imrc.jp/>
5. Utsumi, Hirofumi "Nuclear Images and National Self Portraits: Japanese Illustrated Magazine Asahi Graph, 1945-1965", Annual Review of the Institute of Advanced Social Research, Vol. 5.

ताबूत वाले की बेटी की कहानी: अनुवाद एवं विश्लेषण

राधा मोहन मीना

सहायक प्राध्यापक

रूसी भाषा केंद्र

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली

radhamohan@jnu.ac.in

सार- संक्षेप: फ़योदर कुज़्मिच सलागुब का जन्म सन् 1863 में सेंट पीटर्सबर्ग में हुआ। वह पहले लेखक थे जिन्होंने रूसी गद्य में यूरोपीय 'फिन डी सिएकल' साहित्य और दर्शन की विशेषता वाले निराशावादी तत्वों को पेश किया। इस लेख में उनकी कहानी 'ताबूत वाले की बेटी की कहानी' का रूसी से हिन्दी में अनुवाद और उसका विश्लेषण किया गया है।

मुख्य शब्द: ताबूत वाले की बेटी की कहानी का अनुवाद, अनुवाद की चुनौतियाँ

ताबूत वाले की बेटी की कहानी

इसमें कुछ भी अजीब नहीं है कि युवा अधिकारी, लियोन्ती वसिलिविच येल्निट्सकी को एक युवा बुर्जुआ लड़की, ज़ोया इलिना से प्यार हो गया। वह एक शिक्षित और सुशील लड़की थी, उसने हाई स्कूल खत्म किया था, अंग्रेजी जानती थी, किताबें पढ़ती थी और पढ़ाती थी। और, इसके अलावा, वह आकर्षक थी। कम से कम येल्निट्सकी के लिए।

वह चाव से उसके पास जाता और जो बात शुरुआत में उसे परेशान करती थी अब वह उसका आदी हो चूका था। उसने अपने आप को यह सांत्वना दी कि जो भी हो आखिरकार ज़ोया के पिता गैवरिल किरिलोविच इलिन इस शहर में अपने शिल्प के पहले मास्टर थे।

गैवरिल किरिलोविच ने कहा: मेरा व्यवसाय कभी खत्म होने वाला नहीं है। यह बढ़ाई नहीं है। मेरे माल के बिना एक भी आदमी का काम नहीं चल सकता है। इसके अलावा, मेरा काम पूरी तरह से साफ है। ताबूत में गंध नहीं होती है, और अपार्टमेंट में, इससे निकलने वाली हवा तेज और स्वस्थ होती है।

ज़ोया अक्सर उस गोदाम में बैठी थी, जहाँ अकस्मात जरूरत के लिए तैयार ताबूत रखे थे। रंगीन और सुन्दर कपड़े पहने -- मेरे पिता के पास बहुत सारा बचा हुआ रेशमी कपड़ा, जरी और सिल्क है, --और ज़ोया बड़े उत्साह से अक्सर अपने दोस्त को भी वहाँ बुलाती थी। उसने कहा - चलो गोदाम में चलते हैं, लियोन्ती वसिलिविच वहां गर्म और सूखा है। वहां परियों की कहानी बताना चाहती हूँ। वहां हर बोर्ड में कुछ कहानी है।

वे गोदाम में चले गए। वहां ज़ोया ने किताबों से पढ़ी हुई कहानियाँ, और परियों की कहानियों में अपने विचार मिलकर और उन्हें अच्छा खासा बदलकर लियोन्ती वसिलिविच को सुनाया।

पहले तो येल्निट्सकी थोड़ा काँपा और उदासी से देखा, और फिर उसने ज़ोया के सामने अपने विचार रखना शुरू कर किया।

कभी-कभी ज़ोया के पिता यहाँ काम से या ऐसे ही उनकी बातें सुनने के लिए आते थे। यदि काम से आते थे, तो ज़ोया और येल्निट्सकी दूसरे कमरों में चले जाते। यदि ऐसे ही आते थे, तो वे बातें करते रहते, और वह अपनी लंबी सफ़ेद मूँछों को घुमाते और अपनी बेटी के जैसी, अभी भी जवान चमकीली नीली आँखों से देखता रहता। जो कोई भी इन आँखों में गौर से देखेगा, उसे समझ आ जायेगा कि उन्होंने बहुत कुछ देखा है, और बहुत कुछ देखने की आदी हैं।

एक दिन जब वे तीनों गोदाम में बैठे थे तो बूढ़े ने येल्निट्सकी से कहा: "मैं सब देखता हूँ, मैं सब जानता हूँ। जाहिर है, मेरी प्रसिद्धि को देख कर छोटे- मोटे लोग तो आते ही नहीं हैं। जहाँ तक हमारी कौम के सम्मानित निवासियों की बात है, मैं प्रत्येक का जीवनकाल और आकर जानता हूँ। जैसे ही कोई मरा, मेरा सब कुछ तैयार रहता है। दिखावे के लिए नाप लेना होता है। सच में कहूँ तो मरे हुए व्यक्ति को अस्त-व्यस्त करना नहीं चाहता। रिश्तेदारों की इच्छा के लिए यह करना पड़ता है।

लियोन्ती वसिलिविच अप्रत्ययी रूप से मुस्कुराया, और बूढ़ा व्यक्ति कहता रहा: देख रहे हो, यहाँ विभिन्न आकारों के ताबूतों का ढेर लगा है; लंबाई, चौड़ाई सब कुछ किसी न किसी पर फिट है। मेरी आँख प्रशिक्षित है, और मेरा नाप पक्का है।

ज़ोया थोड़ा शरमा गई और मुस्कुराई, और लियोन्ती वसिलिविच ने पूछा:

- क्या नाप है?

बूढ़े ने उत्सुकता से समझाया: मैं अपनी ज़ोया को चर्च, सैर कराने और थिएटर ले जाता हूँ। जिसके पास जरूरत हो उसके पास खड़ा करते ही मैं समझ जाता हूँ कि ऊंचाई में, चौड़ाई में कितना अंतर है। एक सेंटीमीटर की भी गलती नहीं करूंगा। बेशक, शहर में बहुत से लोग हैं, आकार में भी समानता हैं, और ताबूत में भी कई उम्मीदवार हैं। मैं सूचियाँ रखता हूँ।

लियोन्ती वसिलिविच को याद आया कि कैसे एक दिन ज़ोया आई और उसके बगल में खड़ी हो गई, और बूढ़े ने उन्हें ध्यान से देखा। उसके रोंगटे खड़े हो गए। उसने ज़ोया की ओर तिरस्कारपूर्वक देखा। वह दूर हो गई, और कोमल हाथ से एक ताबूत की ओर इशारा किया।

यह मेरा आकार है - उसने उदासीन होकर कहा

- तुम्हें डर नहीं है? - येल्निट्सकी ने पूछा।

मैं यहाँ पली-बढ़ी हूँ - उसने शांति से उत्तर दिया।

उस शाम जब येल्निट्सकी घर गया, तो उसने सोचा कि वह कभी भी गोदाम की दहलीज पर कदम नहीं रखेगा। लेकिन अगले ही दिन ज़ोया उसे फिर से वहाँ ले गई, और वह

शांति से उसके पीछे हो लिया। उदास आँखों से, उसने ताबूतों की कतार के चारों ओर देखा और मजाकिया लहजे में बोलने की कोशिश करते हुए पूछा:

यहाँ मेरे आकार का कौनसा है?

और उसकी चिंतित, कांपती आवाज सुनाई दी।

ज़ोया शांति से मुस्कराई और बोली:

- इतनी जल्दी समय नहीं आएगा।

वह इतने आत्मविश्वास से बोली, जैसे वह जानती हो। और उसके शब्दों की ध्वनि से युवक की आत्मा को एक अद्भुत शांति मिली। और ज़ोया ने प्यार से अपने ताबूत के किनारों को सहलाया और कहा "और इसमें कोई और लेटेगा, मैं नहीं। मुझे खेद है - मुझे इसकी आदत हो गई है, और मुझे इसके बोर्डों की बनाबट याद आ गयी।

येल्निट्सकी को दिन ब दिन यह स्पष्ट रूप से समझ आ रहा था की वह जोया से प्यार करता है। उसे पूरा विश्वास था की वह भी उससे प्यार करती है। उनकी मुलाकाते अक्सर और आनंदकारी होती, उनकी बातें -- विश्वासपूर्ण और स्पष्ट। वे बिना किसी ख्याल के एक दूसरे को तुम कह कर संबोधित करते। लेकिन प्यार को लेकर अभी तक चुप थे। कुछ तो था जिसने येल्निट्सकी को रोके हुए था। और जोया शांति, धर्य और विश्वास के साथ सब कुछ जानते हुए इंतजार करती रही ।

एक बार येल्निट्सकी ने उससे पूछा:

ज़ोया, तुम एक सपने देखने वाली हो। लेकिन क्या इस उदास माहौल में प्यार का सपना देखना संभव है?

जोया ने उसे गौर से और स्नेह से देखा, उसकी आवाज मीठी और मधुर थी जब उसने कहा:
--कब्रों पर गुलाब खिलते हैं, नमूनों पर प्यार उमड़ता है। धरती माँ जब हम फलते-फूलते हैं तब भी और जब हम ढलने लगते हैं, तब भी नम होकर हमसे प्यार करती है। जब भी व्यक्ति पैदा होता है तो वह आनन्दित होती है और हर बार भगवान को धन्यवाद देती है।

दिसंबर के मध्य में, एक दिन शाम को येल्निट्सकी ज़ोया के पास आया। बत्ती जली हुई थी, शांति थी। वह गोदाम में गया। जोया दिखाई नहीं दी। वह स्टोव के पास में बैठने, आग तापने और इन्तजार करने के लिए ताबूतों के पास से निकला। हॉल में उसे लगा कि ज़ोया घर पर है। उसकी आँखें अचानक एक बेंच पर खड़े एक ताबूत पर टिकी: वहाँ उसने ज़ोया को देखा, वह कांप गया और रुका।

लड़की तख्तों पर लेटी हुई सोई थी; उसका सिर उसके मुड़े हुए हाथों पर टिका हुआ था; होठों पर प्यारी मुस्कान, और उसकी सांसें शांति से चल रही थीं।

येल्निट्सकी ने धीरे से कहा:

- ज़ोया!

लड़की ने आँखें खोलीं।

अरे,-- तुम हो, उसने उठते हुए कहा। -- आज मैं बहुत थक गयी थी। और अगर बहुत थके हो तो खुले बोर्डों पर भी मीठी नींद आती है।

सबसे प्यारी चीज खाली बोर्डों पर आराम करना है।

"बाहर आओ," उसने उदास होकर कहा।

उसने उसे कंधों से पकड़ा और अपनी ओर खींच लिया। वह हल्के से और चतुराई से फर्श पर कूद गई।

मैं गिरते-गिरते बची हूँ-- उसने कहा। -- तुमने मुझे इतनी जोर से खींचा। या फिर तुम इतने निर्दयी ही हो?

--निर्दयी? क्यों? येल्निट्सकी ने दबी हुई आवाज में पूछा।

लोगों ऐसे ही हैं, - ज़ोया ने कहा, - क्रूरता हर चीज में प्रकट होती है, केवल अलग-अलग तरीकों से, कम -ज्यादा। खंजर से दिल पर वार या आंख पर, काटना, चुम्बन, एक ही श्रृंखला की अलग-अलग कड़ियाँ हैं। क्या तुमने आज पढ़ा इस बारे में कि उन्होंने नर्स के साथ क्या किया? क्या? नहीं, मैंने नहीं पढ़ा, - येल्निट्सकी ने कहा।

ज़ोया ने अखबार "रेच" का पन्ना लिया। उसे दिखाया।

- लो पढ़ो इसे ।

उसने पढ़ा। अचानक गुस्से से चिल्लाया:

- कैसे दुष्ट है!

ज़ोया ने कहा:

जरा उसकी पीड़ा की भयावहता की कल्पना करो! ठंडी रात में वह नग्न, पेड़ से बंधी होती है। उसके ऊपर लाइट जगमगा रही है, एक दर्जन युवा, हिंसक लोग हंस रहे हैं और उस पर चाकू फेंक रहे हैं। यह मजाक काफी देर तक चलता है शरीर से खून बहता है आँखों में चाकू लगा है सोचो, कल्पना भी कर सकते हो! अब मुझे बताओ -- हो सकता है यह झूठ हो, और असत्यापित और ऐसे ही अफवाह हो? तो फिर अखबार की इसे छापने की हिम्मत कैसे हुई? और यह सच है? तो फिर क्यूँ सारी दुनिया इस से भयभीत क्यूँ नहीं, इन दुष्टों को खत्म करने के लिए खड़ी क्यूँ नहीं होती ?

ऐसे निष्कर्ष नहीं निकाल सकते, ज़ोया - येल्निट्सकी ने कहा। ऐसे उपद्रवी, अपराधी हर देश में हो सकते हैं।

ज़ोया ने सिर हिलाया।

अगर यह हर देश में हो सकता है, अगर एक फ्रांसीसी और एक अंग्रेज, एक बहन को इस तरह गाली दे सकते हैं, तो यह इतना भयानक है कि आप पागल हो सकते हैं या पूरी मानवता को कोस सकते हैं।" मुझे पता है कि लोग इसे वैसे ही पढ़ेंगे जैसे वे किसी भी अपराध के बारे में पढ़ते हैं। कुछ लोग थोड़े उत्तेजित हो जाते हैं। लेकिन हर कोई परवाह नहीं करता।

जब तक हमें छुआ नहीं गया है, हमें परवाह नहीं है। हम सब निर्दयी प्राणी हैं।

येल्लिन्सकी ने महसूस किया कि उसके विचार बिखरे हुए थे, इन बेतुकी और अन्यायपूर्ण बातों के खिलाफ तर्क दिया जा सकता था, लेकिन पता नहीं क्यूँ उसका बोलना का मन नहीं किया।

ज़ोया ने उसकी ओर देखा और ज़ोर से हँस पड़ी।

मैं देख रही हूँ कि तुम मुझसे सहमत नहीं हो। सुनो, मैं तुम्हें इस किताब से एक परी कथा सुनाती हूँ। यह किताब पढ़ी है ?

येल्लिन्सकी ने चूल्हे के पास एक पुरानी टेबल से सफेद कवर पर हरे और सुनहरे डिजाइन वाली किताब ली और उसका शीर्षक पढ़ा: तूती - नाम। तोते की कहानियाँ। मास्को. के.एफ. नेक्रासोव की पुस्तक।

-- नहीं पढ़ी।

ज़ोया, हमेशा की तरह, अपनी पढ़ी हुई परी कथा को अपने हिसाब से बदलते हुए, इत्मीनान और दृढ़ता से बोली:

बगदाद में खालिस नामक एक दयालु और अमीर व्यापारी ने अपनी सारी संपत्ति फकीरों, गरीबों और अनाथों में बांट दी। उसके कोई संतान नहीं थी, जैसे कहाँ लेके जाता! लेकिन, देखिए, जब आप कुछ कर रहे होते हैं, तो बहक जाना आसान होता है। उसने सब कुछ बाँट दिया, सब कुछ मतलब सब कुछ, समझे, तो अब उसके पास बस खाली घर बचा। ना कुछ खाने को न खाना खरीदने को था। फिर उसने सोचा: ठीक है, मैं घर बेच दूँगा, जैसे बाँट दूँगा, मैं किसी तरह रह लूँगा, - अकेले को क्या कमी और फिर अकेले रहना भी तो गरीबी ही है। उसने दूसरे व्यापारियों को बताया कि वह कल जैसे लाएगा, और खालिस उसे घर देगा। वह व्यापारी लालची था, उसने देखा कि खालिस इस मामले को जल्द खत्म करना चाहता है, उसने खुद को गलत तरीके से अमीर बनने के लिए इस मौके का फायदा उठाया, मैंने खालिस को घर की लागत से बहुत कम जैसे की पेशकश की। खैर, खालिस ने मोलभाव नहीं किया। लेकिन फिर रात में उसने सपने में चमकते कपड़े पहने एक आदमी को देखा। वह बहुत डरा हुआ था, उसने सोचा, वह मेरी आत्मा के लिए आया है। और फिर शांति से सोचा, ठीक है, मैं ज़मीन पर कुछ भी नहीं छोड़ रहा हूँ। लेकिन तेजस्वी आदमी ने उसके विचारों को पहचान लिया और उससे कहा: "भगवान तुम्हारी मृत्यु और तुम्हारी गरीबी नहीं चाहते। तुम इस घर में रहोगे, और तुम्हारी एक पत्नी होगी, और वह तुम्हारे बेटे और बेटियों को जन्म देगी। सुनो, कल मैं ब्राह्मण

का रूप धारण करके तुम्हारे पास आऊँगा। मेरे सिर पर छड़ी मारना, मैं टुकड़े-टुकड़े होकर सोना बन जाऊँगा। जो उसने कहा खालिस ने उसकी बातों को याद रखा। लेकिन तुम इसके बारे में सोचो, मेरे दोस्त - तुम्हें अपना खजाना खोजने के लिए हमला करना होगा। हमारे द्वेष और क्रूरता की क्या सच्ची छवि है! ज़ोया चुप हो गयी। फिर उसने धीरे से कहा: शायद यह कहानी खत्म करने लायक नहीं है। आप खुद ही अंदाजा लगा सकते हैं कि ऐसा ही हुआ है। अच्छे को पुरस्कार दिया गया, लालची को दण्ड दिया गया।

लेकिन, कहानी से प्रभावित होकर, उसने जारी रखा:

- पूछो कि लालची को कैसे सज़ा दी गई? तो ऐसे। सुबह व्यापारी पैसे लेकर आया - उसने जल्दी आने की तत्परता की ताकि कोई और अधिक न दे दे। और उसके बाद एक ब्राह्मण खालिस के घर में दाखिल हुआ। उसने पीले रेशम के कपड़े पहने हुए थे, उसका चेहरा झुर्रीदार और पीला था, पीली ब्रोकेड टोपी के नीचे से सुनहरे बालों की विरल किस्म दिखाई दे रही थीं, और उसके हाथ पीले थे, जैसे कि वह पूरी तरह से सोने से बना हो। और उसने खालिस से कहा: खालिस, इस व्यापारी को दूर भगाओ, वह तुम्हें बहुत कम पैसे दे रहा है। खालिस ने कहा: हम एक दूसरे से सहमत हैं, और मुझे उसके पैसे स्वीकार करने होंगे और उसे घर देना होगा। लेकिन ब्राह्मण खालिस और लालची व्यापारी के बीच खड़ा हो गया और उन्हें पैसे नहीं गिनने दिए। तब खालिस को अपना सपना याद आया, उसने एक छड़ी ली और चिल्लाया: यहाँ से चले जाओ, नहीं तो मैं तुम्हें मार डालूँगा। आखिरकार, वह एक दयालु व्यक्ति था, और उसका हाथ बिना किसी चेतावनी के किसी व्यक्ति पर प्रहार करने के लिए नहीं उठा। लेकिन ब्राह्मण नहीं गया और अपनी ज़िद पर अड़ा रहा। तभी खालिस ने ब्राह्मण के सिर पर वार कर दिया। ब्राह्मण चमका, उसका सिर बजा, और अचानक सोने के सिक्कों के एक विशाल ढेर बदल गया। खालिस ने निन्यानवे सिक्के गिने, उन्हें लालची व्यापारी को दे दिया और कहा: "अब आप स्वयं देख रहे हैं कि मुझे वैसा ही करना होगा जैसा कि यह सोना, जो एक ब्राह्मण के रूप में मेरे पास आया था, ने मुझे आदेश दिया। यह पैसा ले लो और जो तुमने यहाँ क्या देखा इसके बारे में किसी को मत बताना।" व्यापारी ने कहा: ठीक है, मैं इन निन्यानबे सिक्कों के लिए हमारा सौदा अस्वीकार कर दूँगा, लेकिन इसके अलावा मुझे अपनी छड़ी भी दे दो। खालिस सहमत हुआ। वह जानता था कि ताकत छड़ी में नहीं है। और लालची व्यापारी ने सोचा कि इस छड़ी में चमत्कारी शक्ति है, और यदि आप इसे किसी ब्राह्मण पर मारेंगे, तो वह सोने में बदल जायेगा। लालची व्यापारी घर गया और अपने नौकरों को उस शहर के सभी ब्राह्मणों के पास भेजा, जिन्हें वह जानता था, और उन्हें उसी शाम दावत पर आमंत्रित किया। ब्राह्मण आए और व्यापारी ने उन्हें खूब शराब पिलाई। जब वे नशे में हो गए, तो उसने उनके साथ झगड़ा शुरू कर दिया, खालिसोव की छड़ी ली और उनके सिर पर मारना शुरू कर दिया। बहुत सारा खून बह

गया, लेकिन सोने का एक भी सिक्का नहीं था। ब्राह्मणों ने भयंकर चीख पुकार मचायी, बहुत से लोग दौड़कर आये, व्यापारी को हिरासत में ले लिया गया और सुबह होते ही उन्हें जज के पास लाया गया। न्यायाधीश ने पूछा: "तुमने ब्राह्मणों को क्यों पीटा?" व्यापारी ने उत्तर दिया: "खालिस ने मुझे यह सिखाया।" और उसने बताया जो उसने खालिस के यहाँ देखा था। उन्होंने खालिस को बुलाया, और न्यायाधीश ने कहा: "सुनो कि यह आदमी तुम्हारी ओर क्या इशारा कर रहा है।" खालिस ने व्यापारी की कहानी सुनी और न्यायाधीश से कहा: "महोदय, मेरे पड़ोसियों से पूछें जिन्होंने ब्राह्मण को मेरे घर में प्रवेश करते देखा था, और ब्राह्मणों से पूछें कि क्या उनमें से कोई गायब हो गया है, जिसे वे ढूँढ रहे हैं और मिल नहीं रहा है।" ब्राह्मण को खालिस के घर में घुसते किसी ने नहीं देखा, और ब्राह्मणों में कोई गायब भी नहीं था, जिसे उन्होंने ढूँढा हो और न मिला हो। जज ने व्यापारी को लाठियों से पीटने का आदेश दिया, उन्होंने उसका सारा सोना छीन लिया और नाराज ब्राह्मणों में बाँट दिया। ज़ोया चुप हो गयी। येल्नित्सकी ने कहा:

ज़ोया, तुम रोज मुझे कहानियाँ सुनाती हो। लेकिन तुम जानती हो कि सबसे अच्छी परी कथा कौन सी है? मुझे पता है - ज़ोया ने कहा - जिसे हम अपने जीवन में बनाते हैं।

ज़ोया, उसने पूछा, "क्या तुम मुझसे प्यार करती हो?"

"मुझे नहीं पता," ज़ोया ने कहा, "आखिरकार, तुमने अभी तक मेरे सिर या दिल पर एक बार भी वार नहीं किया है, जिससे की मैं तुम्हारे जीवन के खजाने का सोना बन जाऊँ।"

वह हँसी और निर्भीक, उदंड दृष्टि से उसकी ओर देखा।

- मैं तुम्हें कैसे मार सकता हूँ? - उसने उलझन में पूछा।

ज़ोया ने उत्तर दिया, "आप कोई भी खज़ाना नहीं ले सकते।"

वह येल्नित्सकी के सामने खड़ी, उसे उसी ढीठ मुस्कान, काली, शैतानी भरी निगाहों से चिढ़ा रही थी।

- मैं तुम्हें कैसे मार सकता हूँ? - येल्नित्सकी से पूछा। - तुम मुझसे कमज़ोर हो।

उसको लगा कि उसका सिर घूम रहा है और उसका दिल तेजी से धड़क रहा है। एक दुष्ट जुनून ने उस पर कब्ज़ा कर लिया। ज़ोया हँस पड़ी। उसकी हंसी अप्रिय रूप से कठोर थी।

-- अरे! - उसने कहा, - मैं इतनी असहाय नहीं हूँ। देख रहे हो, चाकू मेज पर है। यह नुकीला होता है और इसका सिरा पतला। अगर तुमने कोई गलती को तो वह आसानी से तुम्हारे दिल में घुस जाएगा।

वह पीली पड़ गई, उसके होंठ कांपने लगे और उसका हाथ चाकू की ओर बढ़ गया।

-- दुष्ट चुड़ैल! - येल्नित्सकी चिल्लाया।

मानो किसी और की इच्छा से उसने ज़ोया के गाल पर तमाचा मारा। तमाचे कि जोर से आवाज आयी, येल्निट्सकी ने उसकी झनझनाहट महसूस की। कोमल लड़की के गाल लाल हो गए। ज़ोया काँप गई और किनारे हो गई। जो कुछ हुआ उससे येल्निट्सकी भयभीत हो गया। "मैंने क्या किया? मैंने उस लड़की को मारा जिससे मैं प्यार करता हूँ! कितनी शर्म की बात है!" - उसने तुरंत सोचा। ज़ोया अचानक ज़ोर से चिल्लाई, चाकू उठाया और येल्निट्सकी पर झपट पड़ी। उसका चेहरा उग्र क्रोध से विकृत हो गया था, उसकी नीली आँखें असहनीय तेज़ बिजली की तरह छोटे-छोटे वृत्तों में विलीन हो गई थीं। येल्निट्सकी ने डर और प्रसन्नता से उसकी ओर देखा - ज़ोया कभी इतनी सुंदर नहीं थी जितनी उस गुस्से वाले क्षण में थी। एक हाथ से उसने उसका दाहिना हाथ पकड़ लिया, जिसमें चाकू चमक रहा था - वह मुश्किल से उसे पकड़कर नीचे खींचने में कामयाब रहा - चाकू के सिरे ने पहले ही उसके कपड़े काट दिए और उसकी छाती की त्वचा को तेजी से खरोंच दिया था - उसने दूसरे हाथ को उसके कंधे और गर्दन पर रखा। अचानक उसके बाएं पैर में दर्द हुआ, वह चिल्लाया और गिर गया, ज़ोया को अपने साथ घसीटते हुए ले गया। उसने अपना सिर बेंच के किनारे पर मारा, और होश खोते हुए, उसने अपने ऊपर ज़ोया की हताश चीख सुनी।

जब उसकी नींद खुली तो वह लिविंग रूम में सोफे पर लेटा हुआ था। ज़ोया उसके सामने घुटनों के बल बैठी थी, रोई और उसके हाथों को चूमा। बूढ़े ने मज़ाकिया नज़र से देखा और कहा: कुछ नहीं, दो हल्की खरोंचें हैं। शादी से पहले ठीक हो जाएँगी। येल्निट्सकी को याद आया कि इन्हीं शब्दों के साथ उसकी बूढ़ी नानी ने उसे बचपन में सांत्वना दी थी। वो हंसा...

"ज़ोया, उसने कहा, "तुम मेरा खजाना हो।" तुम मुझे अपनी कहानी कब बताओगी?"

"ज़ोया एक कहानीकार है," बूढ़े व्यक्ति ने उसकी जगह जबाब दिया, "वह अपने बच्चों को परियों की कहानियाँ सुनाएगी।"

"ज़ोया अपने बेटे को बताएगी," येल्निट्सकी ने चुपचाप कहा, "उसके पिता युद्ध में कैसे गए।" देखो, ज़ोया, मैंने अनुमान लगाया - यह अफ़सोस की बात है, थोड़ी देर बाद - तुम्हें कैसे मारा जाए, - दिल से, - तुमसे दूर जाने के लिए, हमला करने और जीतने के लिए।

"तुम मेरे पास वापस आओगे," ज़ोया ने अजीब आत्मविश्वास के साथ कहा।

"मैं नहीं जानता, ज़ोया," उसने उत्तर दिया, "लेकिन किसे परवाह है?"

बूढ़े उपक्रमकर्ता ने अपना सिर हिलाया और कहा:

अभी ज़्यादा समय नहीं लगेगा, बच्चों, तुम्हारा समय तंग घरों में जाने का आ जाएगा।

विश्लेषणः किसी भी साहित्यिक विधा के अनुवाद में अपने-अपने तरीके की चुनौतियाँ अवश्य ही आती हैं विशेषकर यदि अनुवाद किसी भारतीय भाषा से विदेशी भाषा में किया जाए। अनुवाद की प्रक्रिया में न केवल भाषा बल्कि एक दूसरे से भिन्न भाषाई और सांस्कृतिक तत्व विशेष प्रकार कि जटिलता पैदा करते हैं। विद्वानों ने अनुवाद में आने वाली इन चुनौतियों को दूर करने के लिए अनेक तरीके सुझाए हैं जिन्हें अनुवादक अपनी आवश्यकतानुसार चुन सकता है। जैसे उपरोक्त कहानी के अनुवाद में व्यक्तिवाचक संज्ञाओं अर्थात् व्यक्ति, शहर आदि के नामों के अनुवाद के लिए लिप्यंतरण या लिप्यंकन विधि को अपनाया गया है (ज़ोया, येल्निट्सकी आदि)। मूल भाषा के मुहावरे, लोकोक्ति या अभिव्यक्ति को (дом с голыми стенами, одна голова не бедна, а и бедна, так одна) उनके अनुवाद के लिए समकक्ष अभिव्यक्ति खोजना प्राथमिकता रही है लेकिन जिनके नहीं मिले हैं उनका भाव अनुवाद किया गया है। उपरोक्त कहानी में ऐसे अनेकों उद्धरण हैं जिनका संबंध भारत से रहा है जैसे 'Тути – Намэ' तूतीनामा – यह तोते कि कहानियों का संग्रह है जिसे मुगलकाल में बादशाह अकबर ने अपने महलों में महिलाओं को कहानी सुनाने के लिए चुना। अनुवाद में ऐसे शब्दों का खास ध्यान रखा जाना चाहिए (जैसे - ब्राह्मण, योग, सारि इत्यादि) जो मूल रूप से भारतीय संस्कृति और परंपराओं से संबंध अवश्य रखते हैं लेकिन दूसरे देशों के शब्दकोशों में भी उन्हें जोड़ा जा चुका है। जैसे - Слушай, -- завтра я приду к тебе, принявши облик брамина. शब्द (ब्राह्मण) ब्राह्मण या ब्रामिन चूंकि रूसी शब्दकोश में है अतः उसे अनुवाद में ज्यों का त्यों रखा गया है।

संदर्भ सूची:

http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_0340.shtml

जंगल और मैदान - इवान सेरगेयेविच तुर्गेनेव

विनय कुमार अम्बेदकर

सहायक प्राध्यापक, रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली
vinay.ambekar@gmail.com

उज्ज्वल कुमार विद्यार्थी

शोधार्थी, रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली
vidyarthi131097@gmail.com

लेखक परिचय: इवान सेरगेयेविच तुर्गेनेव का जन्म 9 नवम्बर 1818 को पश्चिमी रूस के ओर्योल शहर के एक कुलीन घराने में हुआ था, जो कि अपने साहित्यिक धरोहर के लिए जाना जाता है। उन्होंने रूसी उपन्यास, लघु कथा लेखन, कविता, नाटक, अनुवाद, आदि विधाओं में ख्याति प्राप्त की थी। प्रारंभिक शिक्षा के उपरांत उन्होंने मॉस्को विश्वविद्यालय में एक वर्ष तक अध्ययन किया। उसके बाद वे सेंट पीटर्सबर्ग विश्वविद्यालय चले गए, जहाँ उन्होंने 1834-1837 तक रूसी साहित्य, भाषा विज्ञान के साथ साथ रूसी आदर्श कृतियों का भी अध्ययन किया।

उनकी पहली प्रमुख कृति “शिकारी की डायरी” (जापिसकी अखोतनिका) थी, जो कि एक कहानी-संग्रह है। यह 19 वीं सदी के रूसी यथार्थवाद में मील का पत्थर साबित हुई। इस कहानी-संग्रह में उन्होंने अपनी ओर्योल शहर के दूर-दराज के इलाकों में यात्रा के दौरान रूसी किसानों का जीवन – खास तौर पर दास प्रथा एवं पश्चिमी रूस की प्राकृतिक सुंदरता से अवगत कराया है। “जंगल और मैदान” इस कहानी-संग्रह की अंतिम कहानी है। यह कहानी पश्चिमी रूस की प्राकृतिक सुंदरता के बारे में है।

मुख्य शब्द: रूसी, साहित्य, यथार्थवाद, अनुवाद, हिन्दी, शिकारी, डायरी और तुर्गेनेव

और न जाने किस प्रेरणा ने...

उसके हृदय को,

वापस गाँव की ओर खींचना शुरू किया,

उस घने बाग की ओर,

जहां बड़े-बड़े नींबू के पेड़ हैं, और बहुत ही छायादार,

जहां लिली के फूल अपनी सुगंधित खूशबू बिखेरते हैं,

और पानी के आस-पास बेंत की घनी झाड़ियां उगी हुई हैं...

बांध पर झुके हुए घनी झाड़ियों में,

और जहां खेतों में मोटे-मोटे ओक के पेड़ उगे हुए हैं,

भांग और कटीले पत्तों वाली झाड़ियों की गंध आती है,
 इधर-उधर हर जगह दूर तक फैले खेतों में,
 जहां की धरती सम्पन्न और मखमल-सी काली है,
 जहां तक देखें, हर तरफ राई ही राई है,
 सरसराती निशब्द मीठी तरंगित लहरों में,
 और जहां गोल-मटोल, सफेद बादलों के बीच से
 सूरज की सुनहरी किरणें आती हैं, वहीं रमता है मन...
 (आग की लपटों को समर्पित कविता से।)

पाठक मेरी कहानियों से पहले ही ऊब चुके होंगे; मैं पाठकों को कम लिखने का आश्वासन देता हूँ! और इसके साथ ही पाठकों से अलविदा कहते हुए मैं शिकार के बारे में कुछ शब्द कहे बिना नहीं रह सकता।

बन्दूक और कुत्ते के साथ शिकार करना अपने आप में खूबसूरत है, खुद के लिए, जैसा कि वे पुराने दिनों में कहा करते थे; मान लीजिए कि आप एक पैदाइशी शिकारी नहीं हैं: लेकिन आप अभी भी प्रकृति से प्यार करते हैं; इसलिए, आप हमारे भाई से ईर्ष्या नहीं कर सकते... तो अब आगे सुनिये।

क्या आप जानते हैं, उदाहरण के लिए, वसंत ऋतु में भोर होने से पहले बाहर जाना कितना आनंददायक होता है? आप बाहर बरामदे में जाते हैं... अंधेरे-धूसर आकाश में तारे इधर-उधर टिमटिमा रहे होते हैं; नम हवा कभी-कभी हल्की लहर में आती है; रात की एक संयमित, अस्पष्ट फुसफुसाहट सुनाई देती है; पेड़ हल्के से सरसराहट करते हैं और छाया में लिपटे रहते हैं। यहां उन्होंने गाड़ी पर एक कालीन बिछाया और अपने पैरों के पास समोवार के साथ एक बक्सा रखा। तेज चलने वाले घोड़े थरथराते हैं, खर्राटे लेते हैं और धीरे-धीरे अपने कदम बढ़ाते हैं; सफेद हंसों का एक जोड़ा, जो अभी-अभी उठा है, चुपचाप और धीरे-धीरे सड़क को पार करते हैं। बाड़ के पीछे बगीचे में चौकीदार शांति से खर्राटे ले रहा है; हर आवाज हवा में रुकी, जमी हुई और स्थिर लगती है और गुजरती नहीं है। आप अपनी जगह पर बैठिये; घोड़े अचानक से दौड़ना शुरू करते हैं और गाड़ी जोर से खड़खड़ाहट के साथ चलने लगती है... आप गाड़ी चला रहे हैं - आप बर्च से होकर, पहाड़ी के नीचे दाहिनी ओर, बांध के पार चला रहे हैं... तालाब अभी भी धुंध में लिपटा हुआ है। आपको थोड़ी ठंड लगती है, आप अपने चेहरे को अपने ओवरकोट के कॉलर से ढक लीजिये और सो जाइये। तालाब के किनारों पर घोड़े अपने पैरों को तेजी से चलाते हैं; कोचवान सीटी बजाता है। और अब आपने चार मील की दूरी तय कर ली है... आकाश का किनारा लाल हो गया है; वे बर्च के पेड़ों के बीच जागते हैं, जैकडॉ पक्षी अजीब तरह से उड़ते हैं;

अंधेरे में सूखी घास के पास एक गौरैया चहकती हैं। हवा साफ़ है, रास्ता अधिक स्पष्ट है, आसमान चमक रहा है, सफेद बादल दिख रहे हैं और हरे-भरे खेत दिखाई दे रहे हैं। झोपड़ियों में जलती हुई दीये की लाल बत्ती छोटों जैसी दिखाई देती हैं, और फाटकों के बाहर खराट की आवाज सुनाई देती हैं। और इस बीच भोर की चमक फैलती है; आकाश में सुनहरी धारियाँ पहले से ही फैली हुई हैं, और खड्डों में अभी भी कुहासा है; अबाबील (एक प्रकार का पक्षी) जोर से गाते हैं, भोर से पहले की हवा चलती है - और धीरे-धीरे गहरा-लाल सूरज उगता है। जलधारा के समान उजियारा फूटेगा; आपका हृदय पंछी की तरह फड़फड़ाएगा। ताजा, मज़ेदार और प्यार भरी! अब चारों ओर देखा जा सकता है। उपवन से परे एक गांव है; आगे एक सफेद चर्च के साथ एक और गांव है, पहाड़ पर बर्च (सन्टी) के पेड़ों का एक जंगल है; उसके पीछे दलदल है, आप कहाँ जा रहे हैं... वाह, मेरे घोड़े, वाह! और तेज गति से आगे बढ़ो!.. अब तीन मील बाकी हैं, ज्यादा नहीं। सूरज तेजी से ऊपर आ रहा है; आसमान साफ है... मौसम सुहावना रहेगा। लोगों का झुण्ड गाँव से निकलकर आपसे मिलने पहुँचा है। आप पहाड़ पर चढ़ गए... क्या नज़ारा है! कोहरे के माध्यम से मंद नीली नदी दस मील तक बहती हुई दिखाई देती है; इसके पीछे पानी से भरे हरे घास के मैदान हैं; घास के मैदान से परे कोमल पहाड़ियाँ; कुछ दूरी पर रोने की आवाज के साथ लैपविंग नामक पक्षी दलदल के ऊपर मंडराते हैं; हवा में फैली नम चमक के माध्यम से, दूरी स्पष्ट रूप से सामने आती है... गर्मियों की तरह नहीं। छाती कितनी आज़ादी से सांस लेती है, हाथ-पैर कितनी खुशी से चलते हैं, वसंत की ताज़ी साँस से आलिंगन करके पूरा व्यक्ति कैसे मजबूत हो जाता है!..

और जुलाई की गर्मी की एक सुबह! शिकारी के अलावा कौन जानता है कि भोर में झाड़ियों के बीच घूमना कितना सुखद होता है? आपके पैरों के निशान सफेद ओस वाली घास पर हरे रंग का निशान बनाते हैं। आप भीगी हुई झाड़ियों को अलग करते हैं और रात की संचित गर्म गंध से अभिभूत हो जाते हैं; नागदौन (बहुत कड़वी पत्तियों वाला एक पौधा) की ताज़ा कड़वाहट, एक प्रकार के अनाज से बने शहद और दलिया जैसी मिठास हवा में भरी हुई है; कुछ दूरी पर ओक का एक जंगल एक दीवार की तरह खड़ा है और धूप में चमकता और लाल हो जाता है; यह अभी भी ताजा है, लेकिन गर्मी की निकटता पहले से ही महसूस की जा रही है। अधिक सुगंधित होने से सिर बुरी तरह घूम रहा है। झाड़ी का कोई अंत नहीं है... कहीं दूर कुछ जगहों पर, पकने वाली राई की पीली झलक और एक प्रकार के अनाज की संकरी लाल धारियाँ हैं। यहाँ पर घोड़ागाड़ी लड़खड़ाती है; एक आदमी अपने कदमों से रास्ता बनाता है, घोड़े को पहले से छाया में रखता है... आपने उसका अभिवादन किया, और दूर चले गए - आपके पीछे दरांती की स्पष्ट सुरीली आवाज सुनाई दे रही है। सूरज ऊँचा और ऊँचा होता जा रहा है। घास जल्दी सूख जाते

हैं। यह पहले से ही गर्म है। एक घंटा बीत जाता है, फिर दूसरा... किनारों पर आसमान में अंधरा छा जाता है; शांत हवा भीषण गर्मी के साथ धधकती है।

- भाई, पीने का पानी कहाँ मिलेगा? - आप घास काटने वाले से पूछते हैं।

- वहाँ पर, खड्डे में एक कुआँ है।

लताओं से उलझे हुए घने हेज़ेल झाड़ियों के बीच से होते हुए, आप नीचे खड्ड के तल तक उतरते हैं। वास्तव में, चट्टान के ठीक नीचे एक छोटा सा झरना है; एक ओक की झाड़ी ने लालच से अपनी पंजे वाली शाखाओं को पानी के ऊपर फैला दिया; बड़े चांदी के बुलबुले लहराते हुए नीचे से उठते हैं, जो महीन मखमली काई से ढके होते हैं। आप भर पेट पानी पीते हैं और खुद को जमीन पर गिरा देते हैं, लेकिन आपको हिलने-डुलने में बहुत आलस आता है। आप छाया में लेटे रहते हैं, आप गंधयुक्त नमी में सांस लेते हैं; आपको अच्छा लगता है, लेकिन आपके सामने की झाड़ियाँ गर्म हो जाती हैं और धूप में पीली पड़ने लगती हैं। लेकिन यह क्या है? अचानक हवा का तेज झोंका आता है; और चारों ओर तेज हलचल होने लगती है: क्या यह गड़गड़ाहट नहीं थी? आप खड्डे से बाहर निकलते हैं...आसमान में यह सीसे के समान कैसी लकीर है? क्या गर्मी बढ़ रही है? क्या कोई बादल आ रहा है?... लेकिन बिजली की एक फीकी चमक है... एह, हां, यह एक गरज है! सूरज अभी भी चारों ओर चमक रहा है: आप अभी भी शिकार कर सकते हैं। लेकिन बादल बढ़ रहा है: इसके सामने का किनारा एक आस्तीन सा फैला हुआ, एक मेहराब में झुक जाता है। घास, झाड़ियाँ, सब कुछ अचानक काली हो गई... जल्दी करो! वहाँ पर, ऐसा लगता है, आप एक घास का मैदान देख सकते हैं... जल्द करो!.. आप भागे और झोपड़ी में अंदर घुसे... क्या बारिश है? क्या चमक है बिजली की? कहीं-कहीं छप्पर से सुगन्धित घास पर पानी टपकता था... तूफान शांत हो चुका है; अब आप बाहर आइए। मेरे भगवान, हर चीज कितनी खुशी से चारों ओर चमक रही है, हवा कितनी ताजगी भरी है, जंगली स्ट्रॉबेरी और मशरूम की क्या महक है!..

लेकिन फिर शाम हो जाती है। सांझ आग सी धधक उठी और आधे आकाश को अपनी चपेट में ले लिया। सूरज डूब रहा है। आस-पास की हवा में कांच की तरह एक अजीबोगरीब पारदर्शिता है; कुछ दूरी पर नरम धुंध है, जो दिखने में गर्म होती है; ओस के साथ, एक लाल रंग की चमक घास के मैदान पर पड़ती है, जब तक कि हाल ही में तरल सोने की धाराओं में भीग नहीं जाती; पेड़ों से, झाड़ियों से, ऊंचे घास के ढेर से लम्बी-लम्बी परछाईं बनती है... सूरज ढल गया; सूर्यास्त के ज्वलंत समुद्र में तारा चमक उठता है और टिमटिमाता है... अब सूरज पीला हो जाता है; और आकाश नीला चमकता है; व्यक्तिगत छाया गायब हो जाती है, हवा धुंध से भर जाती है। घर जाने का समय हो गया है, गाँव में, उस झोपड़ी में जहाँ आप रात बिताते हैं। अपने कंधों पर बंदूक रखकर, आप थकान के बावजूद भी तेजी से चलते हैं... और इस बीच रात हो

जाती है; अब आप अपने से बीस कदम दूर नहीं देख सकते; कुत्ते अंधेरे में मुश्किल से सफेद दिखाई देते हैं। वहां काली झाड़ियों के ऊपर, आकाश के किनारे (क्षितिज) पर एक अस्पष्ट चमक है... यह क्या है? यह आग है?... नहीं, चाँद उग रहा है। और नीचे, दाईं ओर गाँव की बत्तियाँ पहले से ही टिमटिमा रही हैं... और यहां अंत में आपकी झोपड़ी है। खिड़की के माध्यम से आप एक सफेद मेज़पोश से ढकी एक मेज, एक जलती हुई मोमबत्ती और रात का खाना देखते हैं...

और फिर आप घोड़ागाड़ी को रोकने का आदेश देते हैं और हेज़ल ग्राउज़ का शिकार करने के लिए जंगल में जाते हैं। ऊंची-ऊंची राई के दो खेतों के बीच, संकरे रास्ते पर चलने में मज़ा आता है। गँहू की बालियाँ चुपचाप आपके चेहरे पर थिरकते हैं, मकई के फूल आपके पैरों से चिपके रहते हैं, बटेर चारों ओर चिल्लाते हैं, घोड़ा एक आलसी चाल से दौड़ता है। और यहां जंगल है। जंगल में छाया और शांति है। आपके ऊपर शानदार ऐस्पन पेड़ सरसराहट करते हैं; बर्च पेड़ों की लंबी और लटकी हुई शाखाएं शायद ही कभी हिलती-डुलती हैं; एक सुंदर लिंडन (नींबू) के पेड़ के बगल में एक शक्तिशाली ओक का पेड़ योद्धा की तरह खड़ा है। आप हरे-भरे और छायादार रास्ते पर घोड़ागाड़ी चला रहे हैं; बड़ी पीली मधुमक्खियाँ सुनहरी हवा में गतिहीन हो जाती हैं और अचानक उड़ जाती हैं; छोटे कीड़े खम्भे में जाला बुनते हैं, जो छाया में चमकता है, धूप में काला पड़ जाता है; पक्षी शांति से गा रहे हैं। रॉबिन चिड़ियाँ की सुनहरी आवाज मासूम और बड़बड़ाती हुई खुशी से भरी हुई लगती है: यह घाटी के लिली की गंध तक जाती है। आगे, और आगे, जंगल की गहराई में... जंगल और घना होता जाता है... आत्मा में एक अतुलनीय शांति प्रवेश करती है; और परिवेश कितना मदहोश और शांत है। लेकिन फिर हवा आई, और पेड़ की चोटी समुद्र की गिरती लहरों की तरह सरसराहट करने लगते हैं। पिछले साल के गिरी हुई भूरी पत्तियों के बीच से इधर-उधर लंबी घास उग आई है; मशरूम अपनी टोपी के नीचे अलग उगे हुए हैं। अचानक एक सफेद खरगोश बाहर निकलता है और जोर से भौंकने वाला कुत्ता उसके पीछे भागता है...

और बाद में शरद ऋतु में यही जंगल कितना अच्छा लगता है, जब वुडकॉक नामक पक्षी आते हैं! वे जंगल में नहीं रहते: उन्हें किनारे पर खोजना पड़ता है। कोई हवा नहीं है, और कोई सूरज नहीं है, कोई प्रकाश नहीं है, कोई छाया नहीं है, कोई गति नहीं है, कोई शोर नहीं है; शीतल हवा में शराब की गंध के समान शरद ऋतु की गंध फैली हुई है; कुछ दूरी पर पीले खेतों के ऊपर एक पतली धुंध लटकी हुई है। पेड़ों की नग्न, भूरी शाखाओं के माध्यम से, आप शांत और सफेद आकाश देखते हैं; कहीं-कहीं नींबू के पेड़ पर आखिरी सुनहरे पत्ते लटकते हुए दिखाई देते हैं। नम धरती पैरों के नीचे लचीला महसूस होता है; घास के लंबे सूखे पत्तियाँ नहीं हिलते हैं; पीली घास पर मकड़ी के लंबे-लंबे जाले चमकते रहते हैं। आप शांति से सांस लेते हैं, लेकिन आत्मा में

एक अजीब सी बेचैनी होती है। आप जंगल के किनारे पर चले जाते हैं, कुत्ते की देखभाल करते हैं, और इस बीच पसंदीदा चित्र, प्यारे चेहरे, मृत और जीवित, सभी दिमाग में आते हैं, ऐसे विचार जो लंबे समय से सोए हुए हैं, अचानक जाग जाते हैं; आपकी कल्पना उड़ान भरती है और एक पक्षी की तरह उड़ती है, और सब कुछ स्पष्ट रूप से चलता है और आंखों के सामने खड़ा हो जाता है। आपका दिल अचानक जोर से धड़कने लगता है, जोश से भर जाता है, और फिर निराशाजनक रूप से यादों में डूब जाता है। सारा जीवन एक फिल्म की तरह आसानी और तेज़ी से सामने चलता है; ऐसे क्षणों में एक आदमी अपने सारे अतीत, अपनी सारी भावनाओं, ताकतों, अपनी सारी आत्मा के पूर्ण अधिकार में होता है। और उसके चारों ओर उसे विचलित करने के लिए कुछ भी नहीं होता है - ना सूरज, ना हवा, ना शोर...

और शरद ऋतु, स्पष्ट, ठंडी सुबह, जब बर्च, एक परी-कथा के पेड़ की तरह सभी सुनहरे, हल्के नीले आकाश में खूबसूरती से खड़ा होता है, जब सूरज आकाश में नीचे होता है तब गर्म नहीं होता है, लेकिन गर्मियों की तुलना में अधिक चमकता है, एक छोटा ऐस्पन उपवन हर तरफ से चमकता है, जैसे कि उसके लिए नग्न खड़ा होना आसान और मज़ेदार है, घाटियों के तल पर ठंड अभी भी सफेद हो जाती है, और ताजी हवा धीरे-धीरे चलती है और गिरे हुए पत्तों को आगे ले जाती है - जब नीली लहरें खुशी से नदी के किनारे झूमती हैं, तो यह बिखरे हुए कलहंस और बत्तखों को तालबद्ध रूप से उठाती हैं; कुछ दूरी पर चक्की (मिल) के चलने की आवाज सुनाई देती है, जो एक प्रकार के बेंत की झाड़ियों से आधी ढकी होती है, और तेज हवा में उड़ते हुए कबूतर जल्दी से उसके ऊपर चक्कर लगाते हैं...

गर्मियों के धूमिल दिन भी अच्छे होते हैं, हालांकि शिकारी उन्हें पसंद नहीं करते हैं। ऐसे दिनों में आप गोली नहीं चला सकते: एक पक्षी आपके पैरों के नीचे फड़फड़ाता है, तुरंत स्थिर कोहरे की सफेद धुंध में गायब हो जाता है। लेकिन चारों ओर कितनी शांति है, सब कुछ कितना अकथनीय रूप से शांत है! सब कुछ जागा हुआ है, फिर भी सब कुछ खामोश है। आप एक पेड़ के पास से गुजरते हैं - वह हिलता नहीं है: वह आलस से भरा हुआ है। हवा में समान रूप से फैली एक पतली भाप के माध्यम से, एक लंबी पट्टी आपके सामने काली हो जाती है। आप इसे जंगल के नजदीक मानते हैं; और आप पास जाते हैं - सीमा पर जंगल नागदौन (चिरायता, एक किस्म का पौधा) के ऊंचे बिस्तर में बदल जाता है। आपके ऊपर, आपके चारों ओर - हर जगह कोहरा है... लेकिन अब हवा मंद गति से चलती है - हल्के नीले आकाश का एक भाग पतली भाप के माध्यम से अस्पष्ट रूप से उभरता है, जैसे धुएं के रंग की भाप की तरह, सुनहरी-पीली धूप की किरण अचानक फूटती है, एक लंबी धारा में बहती है, और खेतों और उपवन पर चमकती है - और यहाँ फिर से सब कुछ बदल जाता है। यह संघर्ष लंबे समय से जारी है; लेकिन वह दिन कितना शानदार और स्पष्ट हो जाता है, जब अंत में प्रकाश की जीत होती है और गर्म कोहरे की

आखिरी लहरें या तो लुढ़क जाती हैं और मेज़पोशों की तरह मैदानी इलाकों में फैल जाती हैं, या फिर चक्कर लगाती हैं और गहरी और धीरे-धीरे चमकने वाली ऊंचाइयों में गायब हो जाती हैं... लेकिन अब आप गंतव्य स्थान के मैदान के लिए रवाना हो गए हैं। आपने स्थानीय सड़कों से लगभग दस मील की दूरी तय की - और फिर अंत में आप हाईवे पर पहुंच जाते हैं। अंतहीन काफिले से होकर, पिछले रास्ते के किनारे शराबखाने के एक तम्बू के नीचे से होकर, चौड़े खुले दरवाजे और एक गांव, एक गांव से दूसरे गांव तक, हरे-भरे भांग के खेतों से होकर, आप काफी लंबे समय तक घोड़ागाड़ी चलाते हैं। नीलकंठ एक झाड़ी से दूसरे झाड़ी तक उड़ते हैं; औरतें हाथ में लंबी हंसिया लिए मैदान में भटकती हैं; एक राहगीर जर्जर नानकिन कोट में, अपने कंधों पर एक थैला लिए हुए, थके हुए कदम के साथ चलता है; जमींदार की एक बड़ी घोड़ागाड़ी, छह लम्बे और थके हुए घोड़ों से सुसज्जित, आपकी ओर बढ़ रही है। तकिए का एक कोना खिड़की से बाहर निकल जाता है, और पायदान पर, एक बैग पर, एक रस्सी को पकड़े हुए, एक ओवरकोट में एक दास बगल में बैठा है, जो अपनी भौंहों तक कीचड़ से लथपथ है। यहां टेढ़े-मेढ़े लकड़ी के घर, अंतहीन बाड़, व्यापारियों के निर्जन पत्थर की इमारतें, एक गहरे खड्डे के ऊपर एक पुराना पुल है... आगे, और आगे!.. चलो मैदानी इलाके में चलते हैं। तुम पहाड़ की चोटी से देखो - क्या नज़ारा है! गोल, नीची पहाड़ियाँ, जुताई की गई और ऊपर तक बोई गई खेत चौड़ी लहरों में बिखरे हुए हैं; उनके बीच में हवा के झोंकों के साथ झाड़ियां उग आयी हैं; छोटे उपवन आयताकार द्वीपों में बिखरे हुए हैं; एक गांव से दूसरे गांव तक संकरे रास्ते हैं; सफेद चर्च हैं; चार स्थानों पर बांधों द्वारा अवरुद्ध एक नदी लताओं के बीच चमकती है; मैदान में बहुत दूर गुलजारों का एक समूह रहता है; एक पुराना जागीर घर, उसकी बाहरी इमारतें, फल का एक बाग और एक खलिहान, एक छोटे से तालाब के पास स्थित है। लेकिन आप और आगे जाइये। पहाड़ियां छोटी और छोटी होती जा रही हैं, शायद ही कोई पेड़ दिखाई दे। और यहां अंत में - एक असीमित और अंतहीन मैदान है!

और सर्दियों के दिनों में, खरगोशों के पीछे-पीछे ऊंचे बर्फ के टीलों पर चलना, ठंडी और तेज हवा में सांस लेना, अनजाने में नरम बर्फ की चकाचौंध वाली महीन चमक को देखना, लाल जंगल के ऊपर आकाश के हरे रंग की प्रशंसा करना! और वसंत ऋतु का पहला दिन, जब चारों ओर सब कुछ चमकता है और टूट जाता है, पिघली हुई बर्फ की भाप के माध्यम से पहले से ही गर्म धरती की गंध आती है, पिघले हुए रास्तों पर सूरज की तिरछी किरणों के नीचे लार्क नामक पक्षी आत्मविश्वास से गाते हैं, और एक मधुर शोर और गर्जना के साथ, धाराएं एक खड्डे से दूसरे खड्डे तक घूमती हैं...

हालांकि, अब खत्म करने का समय आ गया है। वैसे, मैंने वसंत ऋतु के बारे में बातें की: वसंत ऋतु में विदा लेना आसान होता है, वसंत में खुशियों को भी दूरी का खिंचाव महसूस होता है... अलविदा, पाठक; मैं आपके निरंतर कल्याण की कामना करता हूँ।

Рецензия на учебное пособие Ромашка (Дели 2019, 184 с.)

Суман Бенивал

Преподаватель

Центра русских исследований

Университета им. Джавахарлала Неру, Нью Дели

Abstract: Romashka is a book authored by Dr. Vinay Kumar Ambedkar, Prof. Richa Sawant, Dr. Ashutosh Anand and Dr. Subhash Kumar Thakur. The book indeed is another beautiful flower (Romashka or Chamomile) in the bouquet of about twenty modern Russian language textbooks and thematic dictionaries published in India as Nikolay R. Kudashev, Former Ambassador of Russia to India writes in the forward of the book. Romashka is an important resource of learning Russian language by analysing texts of different fields such as literature, science & technology, tourism and newspapers etc. Romashka is primarily designed for under-graduate students. An important aspect of the book is that it covers texts of different styles and texts are divided into two parts i. e. Intermediate level and Advanced level therefore the book can be used as per the needs of the students learning Russian in India.

Ромашка - это учебное пособие, которое в первую очередь предназначено для студентов, изучающих русский язык в разных индийских вузах. Оно может быть использовано на занятиях курсов «Анализа текста», а также для организации самостоятельной работы учащихся.

Ромашка отличается от других учебных пособий тем, что в данном пособии тексты носят разнообразный характер и они подобраны в консультации со студентами уделяя особое внимание интересам учащихся. Данное учебное пособие по своему характеру ориентировано на учащихся и отвечает потребностям учащихся, изучающих русский язык как иностранный в Индии.

В пособии тексты выбраны из разных областей, таких как политика, русская литература, наука, культура, СМИ, бизнес и экономика. Как известно, текст является образцом того, как функционирует язык, поэтому при коммуникативном подходе он является исходной и конечной единицей обучения, поэтому работая с текстом следует обращать внимание учащегося на жанр и тему текста. Ромашка имеет тексты, относящиеся к разным жанрам и областям поэтому дает возможность преподавателям эффективным образом работать с текстами, включающимися в нем.

Пособие включает две разделы в которых тексты даются в соответствии с уровнями владения русским языком как иностранного. Первый раздел включает в себя 12 текстов разных жанров. В разделе включены следующие рассказы: «Верность», «Старый повар», «Толстый и Тонкий», «Новое платье короля», «Состязание», «На даче», «Голос и глаз», «Нина Комарова» и «Горячий камень».

При преподавании иностранного языка преподаватель должен пользоваться текстами разного рода, включая «живой поток текстов» т. е. информацию газет. В данном разделе есть такие тексты, как «Путешествие в Гоа», «Индия с первой попытки вывела спутник на орбиту Марса», которые выбраны из разных газет и журналов. В первом разделе есть текст «Легенда о происхождении шахмат», вызывающий живой интерес у индийских учащихся.

Второй раздел пособия начинается с известного рассказа «Снег» Паустовского. В раздел включены тексты разных жанров: рассказы, такие как «Снег», «Кольцо», «Всево каких-то десять цифр» и «Уроки французского», тексты из газет, такие как «Волга - портрет реки», «Механика как раздел физики», «Памятники литейного искусства» и

«Россия на мировом рынке нефти», «Прибытие Путина в Индию», «В Индии пройдут дни российского кино», которые выбраны из разных газет и журналов.

В пособие включены послетекстовые задания по каждому тексту для закрепления материала. Послетекстовые задания основаны на сложных, для индийских студентов, темах русской грамматики. т. е. на использовании падежей, глаголов движения, причастий и деепричастий. При работе с текстом создаются упражнения по разделам «лексика», «словообразование», «перевод» и «грамматика». Авторы осуществили большой объем работы над каждым текстом и сделали особенные упражнения в зависимости от отдельного текста. Однако, было бы лучше, если были бы включены ключи к заданиям в пособие.

Данное учебное пособие является полезным ресурсом для индийских студентов, изучающих русский язык как иностранный. Желаю авторам самого наилучшего и надеюсь, что в ближайшем будущем будут больше таких учебных пособий.

Литература:

Ambedkar V., Sawant R., Anand A., Thakur S. Romashka: A Textbook of Text Analysis, Langers International. New Delhi. 2019. ISBN: 978-93-85478-91-8

Рецензия на книгу треснувшее зеркало: Индийские дебаты об опыте и теории

Irshad Abdulkarim Vadagaonkar

PhD Student,
Centre of Russian Studies,
JNU, New Delhi.
irshadruss@gmail.com

Гопал Гуру и Сундар Саруккай, Издательство Оксфордского университета, 2012, 248 стр., цен. 625 руп. (The Cracked Mirror: An Indian debate on experience and theory by Gopal Guru & Sundar Sarukkai)

Лауреат Нобелевской премии Амартия Сен в одной из своих книг называет индийцев «индейцами-спорщиками» и тем самым указывает на давнюю традицию аргументации в публичном дискурсе Индии. Книга «Треснувшее зеркало» является убедительным свидетельством его притязаний в рамках современного индийского интеллектуального дискурса в академических кругах. Это очень уникальная книга, написанная в сотрудничестве двумя авторами в своеобразной диалогической форме с целью проведения систематических дискуссий и исследований феноменов опыта и теории в контексте практики социальных наук в индийских академических кругах. Гопал гуру — политический теоретик — и Сундар Саруккай — философ науки — собирают их статьи в этой диалогической книге, чтобы провести «Индийскую дискуссию» о проблемных вопросах опыта и теории, начиная с анализа природы опыта, за которым следует аргумент в пользу этики, для теоретизирования пережитого опыта. Эти темы обсуждаются в контексте теоретизирования опыта далитов (одной из основных групп маргинализованного общества в современной Индии) и концептуализации категории неприкасаемости с помощью идей как из индийской, так и западной интеллектуальной традиции. Участники дебатов пытаются исследовать онтологическую и эпистемологическую природу опыта, тем самым демонстрируя политику опыта, когда дело доходит до его теоретизирования в мире социальных и гуманитарных наук в Индии. Своими аргументами авторы пытаются подчеркнуть необходимость альтернативных рамок для теоретизирования многогранного индийского социального опыта, отличных от уже существующего корпуса западных теоретических схем.

Книга в двести сорок восемь страниц представляет собой сборник из восьми эссе этих двух авторов, из которых четыре уже были

опубликованы в журнале EPW (Economic and Political Weekly) - популярный еженедельный рецензируемый академический журнал) до публикации книги, а четыре были написаны для книги в форме диалога. Оба автора написали по четыре эссе каждый. Эти эссе объединены введением и резюмированы авторами в заключении в конце книги. В своих трудах они затронули пять зависимых тем: природу опыта и теории, взаимосвязь между опытом и социальным теоретизированием, концепции социальной справедливости и пространства, этические проблемы теоретизирования и эпистемологии, политику теоретизирования и неприкасаемость. В книге принципиально поднимается вопрос о правомерности социальной теоретизации жизни далитов и неприкасаемости с помощью западного теоретического канона теми, кто сам не испытал этой социальной жизни этого общества. Они также рассматривают отношение теоретических практик социальных наук в Индии к явлению опыта с точки зрения его эпистемологии, политики и пытаются преодолеть разрыв между этикой и теорией, подчеркивая необходимость первой для второй.

Суть аргумента, представленного авторами в их эссе-беседах, можно изложить следующим образом: западные социологи-теоретики всегда отдавали предпочтение идеям над опытом, и за этим долгое время следовали социологи-теоретики, доминировавшие в индийских социальных науках. Академики открыто игнорировали родные интеллектуальные и философские традиции. В течение очень длительного периода разнообразный опыт индийских обществ с их неоднородностью в основном описывался теоретической лексикой и методами, заимствованными из основных западных академических традиций. Это породило два вида асимметрии в производстве знаний в социальных науках. Во-первых, зависимость от западных теорий для интерпретации не-западного опыта. Во-вторых, пагубное невежество и неприятие родных интеллектуальных традиций. Авторы пытаются выявить политику процессов, посредством которых опыт не-запада преимущественно определяется теоретическими рамками западной академии. В этой книге авторы горячо призывают создать новые рамки для описания современного индийского социального опыта. С этой целью они используют диалогическую форму и ставят реальность неприкасаемости и жизни далитов в центр своего анализа онтологической и эпистемологической природы опыта. При этом они сами пытаются создать новые концептуальные категории для понимания реальности индийского социального опыта.

Первые четыре эссе обсуждают природу и аспекты опыта, а остальные говорят о том, какую роль этика играет в теоретизировании опыта. Во вступительном эссе Гопала Гуру мы находим его критику индийского академического сообщества социальных наук и обсуждение в нем проблемы отсутствия принципа эгалитаризма. Гуру утверждает, что в то время, как недалиты-академики, в основном брамины в индийских социальных науках, занимаются теоретической работой, шудры - далиты остались с «глиняным горшком, полным эмпирических деталей» (стр. 22). По его мнению, недалиты присвоили дискурс далитов: «далиты пытаются компенсировать теоретический недостаток, заменяя его блестящей поэзией» (стр. 22). Для Гуру этого недостаточно, он подчеркивает, что теория нужна далитам как социальная необходимость, и не только чтобы вымещать свой протест и гнев литературой. По его мнению, «жизненный опыт» ('lived experience') далитов поможет разработать такую теорию. Но главным препятствием на пути к этому, как считает Гуру, является нежелание индийских теоретиков социальных наук рассматривать опыт как действующую категорию в теоретизировании.

Ответ Саруккая на вопросы, поднятые в первом эссе Гуру, дан в двух его эссе. Первое — «Опыт и теория: от Хабермаса до Гопала-гуру» (первоначально впервые опубликовано в журнале EPW), а второе «Понимание опыта». В этих эссе Саруккай обсуждает теоретические проблемы, связанные с самим понятием опыта, излагает отношения между опытом и знанием. Он обсуждает условия, необходимые для теоретизирования, и то, как опыт может функционировать как действующая категория для теории. И Гуру, и Саруккай выдвинули очень подробные аргументы о природе опыта и процессе его теоретизирования. Для Гуру нельзя получить опыт далита, если теоретик сам не является далитом, но Саруккай предлагает более широкую возможность опыта и его реализации. Оба согласны с тем, что теоретизирование должно основываться на опыте, особенно маргинализованном и виктимизированном. Саруккай исследует пределы опыта как такового и необходимость дальнейших размышлений о нем, чтобы понять смысл того опыта. «... решающим пунктом здесь является то, что опыт сам не может диктовать авторство... это мы, находящиеся вне этого опыта во всех отношениях, можем опираться на эту теорию» (стр. 45). Сам Гуру полагает в своем эссе «Опыт и этика теории», «Получатель опыта несет особую ответственность за осмысление опыта для более широкого теоретизирования» (стр. 113).

В следующем эссе «Опыт, пространство и справедливость» Гуру пытается показать, как теория развивается с опыта и материализуется при помощи концепции пространства и справедливости. Далее и Гуру, и Саруккай обращают внимание читателей на сложную тему этики теоретизирования. В эссе «Опыт и этика теории» Гуру анализирует связь между опытом и этикой теории. В то время Саруккай имеет дело с самой природой теоретизирования и этической позицией, которая должна быть вовлечена в сам акт теоретизирования. Оба автора утверждают, что эта этическая позиция является необходимой, неотъемлемой частью для теоретиков социальных реалий в Индии. Но для авторов отношения между теорией и опытом имеют много сложностей. Поэтому они использовали метафору треснувшего зеркала, где отражение немного искажено. Опыт и теория точно так отражают друг друга. Последние два эссе авторов посвящены философскому исследованию феномена неприкасаемости в индийском обществе и академических кружках. Этими двумя эссе заканчивается книга.

Основные дебаты касаются, как подчеркивает Гуру в самом начале, политики опыта и авторитетной культуры, которая широко распространена в практике социальных наук в Индии. Поэтому Гуру предупреждает читателей, особенно молодых честолюбивых ученых: «Теория как авторитетная практика имеет разрушительные последствия, особенно для молодых ученых, которые в своем желании следовать за авторитетной академической личностью жертвуют своими взглядами, которые могут процветать вне авторитетной интеллектуальной практики» . (с.12) Гуру решительно выступает за введение эгалитарного принципа в индийскую практику социальных наук, без которого доверие маргинализированных (далитов, адиваси, племен, женщин) к ученым было бы подорвано. Его требование заключается в расширении социальной базы концептуального ландшафта социальных наук в Индии. Далее он рассуждает о том, зачем далитам нужна теория. Для него далиты нуждаются в теории в основном по двум причинам: как социальная необходимость и как внутренняя нравственная необходимость. Он ожидает, что далиты возьмут на себя инициативу и моральное лидерство в создании теории в стране, что устранил культурные иерархии, которые имеют тенденцию делить социальную науку на, как выразился Гуру, «теоретических браминов и эмпирических шудр» . (с.12) Гуру утверждает, что приверженность как к профессии, так и общественному делу — это ответственность далитов-теоретиков.

Саруккай анализирует и объясняет аргумент Гуру против морального права теоретизировать о сообществе посторонним с помощью понятия «жизненный опыт» ('lived experience'). Подтекстом первого эссе Гуру является его раздражение по поводу того, что недалиты присваивают дискурс далитов и теоретизируют опыт далитов. Его основное утверждение заключалось в том, что только «жизненный опыт» далитов является действующим и подлинным опытом, чтобы строить теории о нем, и поэтому недалиты не имеют морального права делать то же самое в отношении опыта далитов. Саруккай, который является философом по профессии, уточняет, что такое «жизненный опыт» и чем он отличается от простого опыта. В «жизненном опыте» ('lived experience') нет элемента выбора или свободы; Это такой опыт, в котором у субъекта нет выбора, испытывать его или нет. И в «простом опыте» субъект может покинуть его в любое время, когда пожелает. Так что у человека, рожденного далитом, нет другого выбора, кроме как испытать это. Кроме того, Саруккай выявляет дихотомию, присущую владению опытом и авторству опыта. Он полагает, что мы владеем своим опытом, но не описываем его. Он возражает против утверждения Гуру, полагая, что мы можем теоретизировать об опыте другого человека, потому что «В этом опыте есть пространство, не связанное с получателем того опыта.» (стр. 39). Саруккай сравнивает попытку Хабермаса своей теоретической интерпретацией распределить вину за зверства и насилие нацистов с практиками теоретиков-социологов в социальных науках в Индии, которые стремятся сделать то же самое, распределяя вину за социальные беды, такие как неприкасаемость, их теоретизированием индийской реальности.

Будучи философом по профессии, Саруккай пытается решить проблему понимания природы опыта философским путем в третьей главе. Он делает это, используя как западные, так и индийские концептуальные рамки. Проблемным элементом в опыте является его субъективность, а опыт, по мнению Саруккай, в основе своей является чувством, эмоцией. Эмоции не порождают знание, и, следовательно, научное знание начинается со сдерживания эмоций. Но в социальных науках, поскольку присутствует эмоция, сложная взаимосвязь между опытом, эмоциями и теорией является проблемой для теоретизирования опыта, утверждает Саруккай. Далее он объясняет взаимосвязь между опытом и знаниями. Он подробно описывает, как в западных философских традициях мыслители смотрели на концепцию знания, и как смотрели на нее мыслители из индийских школ мысли. Для большинства индийских философов опыт является конечной основой для произведения знания.

Но их понимание термина «опыт» было шире. Опираясь на западных философов, таких как Гуссерль, и индийских школ философии, Саруккай утверждает, что опыт и знание неразрывно связаны друг с другом. Но он также признает, что в опыте есть некоторые знания, которые не могут быть получены теми, у кого этого опыта нет. Здесь он, кажется, соответствует основному аргументу Гуру о том, кто должен иметь право теоретизировать. Саруккай разъясняет разницу между «я» ('the self') и «субъектом» ('the subject') и утверждает, что «я» — это «общее место, где встречаются опыт и теория» (стр. 66). Еще одно важное наблюдение, которое делает Саруккай, заключается в том, что западной концептуализации «я» ('the self') и опыта может быть недостаточно, чтобы объяснить сложность социального опыта в других культурах.

В следующей главе Гуру с понятием «пространства» (space) предлагает другой набор концептуальных категорий для моделирования индийского социального опыта. Гуру утверждает, что идеи и концепции имеют смысл только в том пространстве, которому они принадлежат. Он полагает, что понятие пространства, заложенное в опыте, является источником как формирования мысли, так и ее артикуляции. Здесь используется термин «пространство» не только для обозначения территориального пространства, но и добавлены значения пространств, структурированных по экономическим, социальным, политическим, колониальным, культурным и идеологическим осям. Чтобы доказать, что опыт субъективно реализуется, но объективно производится посредством логики пространства, Гуру - в основном - опирается на концепцию «эмпирического пространства» (experiential space) Лефевра. Для него именно через это пространство опыт находит свое теоретическое представление опосредованным. «производство опыта зависит от воспроизведения пространств.» (стр. 72) Гуру иллюстрирует, как Ганди и Амбедкар противостояли различным пространствам, враждебным их освободительным проектам, и это привело к тому, что оба они создали разный набор концептуальных категорий для мобилизации масс для реализации своих целей. В случае Ганди они были моральными, а в случае Амбедкара — политическими. Но здесь Гуру подчеркивает, что оба сформировали свои категории, не просто прочитав книги, но приобретая знания, переживая контекст. Таким образом, путешествия в разные части страны предоставили им эмпирическое пространство, сформировавшее их понимание социальной реальности Индии.

Гуру утверждает, что «пространство» — это объяснительная категория, лучше приспособленная для понимания колониального влияния на различные аспекты индийской действительности. Он показывает, как в индийском контексте социальное и политическое движение Амбедкара стремилось расширить пространства, пытаясь реструктурировать их, поскольку Гуру утверждает, что сила и расширение идей и концепций зависят от текучести и гибкости пространств, населенных людьми. Так что реструктуризация пространств - это необходимо. Гуру объясняет, как пространства представляют собой культурные явления, созданные доминирующими социальными группами, ссылаясь на обращение, которое правители браминов Пешвы применяли к неприкасаемым в начале XIX века, когда тела неприкасаемых были превращены в культурные пространства. Гуру утверждает, что разные иерархические пространства порождают разные концепции. Он показывает различную концептуализацию Ганди и Амбедкара как ответ на один и тот же курс традиции, поскольку они принадлежали к разным пространствам в иерархии этой традиции. Для Ганди это было «самоуправление» ('self-rule') -политическое и моральное- и «царство Рама» ('Рамараджья') как идея нации, для Амбедкара это были «самоуважение и социальная справедливость» ('self-respect' и 'social justice'), и от 'Бахискрута Бхарата' до 'Прабудха Бахарата' «из отлученной Индии в просвещенную Индию» - как концепция Индии. Первичным эпистемологическим источником Амбедкара был «жизненный опыт» (Анубхава), возникший из эмпирических пространств, т. е. священных пространств в индуистском обществе, тех самых пространств, которые движение начинавшее Амбедкаром пыталось нарушить, по мнению Гуру.

В следующих двух главах Гуру и Саруккай обращаются к этическим вопросам, связанным с самим актом теоретизирования. Гуру утверждает, что Западные школы философии почти не обращали внимания на этику, связанную с выполнением теории, т. е. оценивая акт теоретизирования на этической основе. Как он видит, мучитель (тот, кто причиняет опыт) никогда не пишет истории социальных бед, за которые он несет ответственность. Дополнительным обязательством мучимого (тот, кто испытывает опыт) становится воссоздание истории опыта, осмысление ее с помощью своего разума и использование ее для политической и интеллектуальной организации с целью уничтожения структур господства. С этой целью Гуру рассматривает опыт как «начальное условие» для теоретизирования, а теорию — как «существенное условие» для производства единого знания. Саруккай конкретизирует свою позицию по этому вопросу этики теоретизирования: «создание

теории означает выбор определенных видов понятий и структур, и этот выбор не может быть легитимирован только на эпистемологической основе, но также должен быть этически ответственным перед тем, что правильно и неправильно говорить об определенных опытах» (стр. 153). Он требует, чтобы об избранных концепциях судили не только на основании того, являются ли они «правильными» ('correct') или нет, но и на основании того, являются ли они «морально правильными» ('right') или нет.

В последних двух главах авторы подробно обсуждают природу явления неприкасаемости. Это блестящая философская попытка интерпретации неприкасаемости в индийском контексте и с точки зрения индийского явления. Эти две главы отражают присущее им богатство подходов к теме. До сих пор почти не предпринималось никаких философских попыток понять неприкасаемость таким образом. Подходы авторов к анализу социального опыта неприкасаемости различаются. Саруккай пытается понять неприкасаемость с помощью феноменологии и использует концепции индийских и западных школы философии. В ответ Гуру развивает альтернативный подход к изучению явления неприкасаемости – археологический. Оба автора своими подходами стремятся разработать концептуальные категории для анализа неприкасаемости. При этом они также обращаются к политике опыта социальных реалий, столь присущей дискурсу неприкасаемости в индийских кругах социальных наук и академических обществах.

Для обоих авторов пренебрежение индийскими теоретиками со стороны западного академического мира означает политическую программу всего теоретизирования. Они утверждают, что сама по себе теория не универсальна, и что в индийском контексте она означает нечто иное. Для них сама идея теории в индийской традиции всегда интегрировалась с эмпирическим и этическим. Она не следует платоновской модели теории как «экстраординарной» (the extraordinary) . Для них не существует единой теории. Саруккай утверждает, что некритическое присвоение теоретических понятий и структур с западного академического мира происходит из-за этого мифа об универсальном в социальных науках. Писатели утверждают, что теория и опыт в индийском контексте стали подчиняться доминирующим идеологиям и, следовательно, стали политическими. Они напоминают читателям, как теория использовалась для легитимации превосходства европейских обществ над колонизированными. Поэтому авторы этой книги просят, чтобы определение теории было пересмотрено заново, а теоретики должны

начать более глубоко размышлять о самой природе теоретизирования. В конце книги дуэт авторов предупреждает читателей, а также теоретиков из Индии, что, если мы не научимся творчески взаимодействовать с культурными и интеллектуальными категориями (как из прошлого, так и из настоящего), мы можем оказаться в зависимости от других и предоставить категории для родного теоретизирования. Их собственная книга «Треснувшее зеркало» ('The Cracked Mirror') — один из ярких примеров такого творческого взаимодействия.

निकलाई गोगल के नाटक: पुस्तक समीक्षा

खुशबू रॉय

पी-एच.डी. शोधार्थी

रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली
roykhushboo68@gmail.com

उत्कर्ष दीक्षित

रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय, नई दिल्ली
utkarshdixit.india@gmail.com

सन् 2021 में शुभद्रा प्रकाशन द्वारा प्रकाशित पुस्तक “निकलाई गोगल के नाटक” जो 216 पृष्ठों में संकलित है। इस पुस्तक में निकलाई वसिलेविच गोगल के नाटक इन्स्पेक्टर (रेविजोर) और विवाह (झेनिट्बा) संकलित हैं। जिसकी कीमत मात्र 500 रुपये है। यह पुस्तक रूसी भाषा केंद्र, जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय के सहायक प्रोफेसर डॉ विनय कुमार अम्बेदकर और शोधार्थी श्री चंदन कुमार द्वारा मूल रूसी भाषा से हिन्दी भाषा में अनूदित है। इस पुस्तक के माध्यम से निकलाई गोगल के नाटक को भारतीय समाज से परिचय कराया गया है।

निकलाई वसिलेविच गोगल यूक्रेनी मूल के रूसी साहित्यकार थे, जिन्होंने कहानी, लघु उपन्यास और नाटक आदि विधाओं में समकालीन आवश्यकताओं के अनुरूप लेखन किया है। गोगल रूसी साहित्य में प्रगतिशील विचारधारा और यथार्थवाद के आरंभिक प्रयोगकर्ताओं में प्रमुख हैं तथा उनकी प्राथमिकता जनकल्याण तथा उन्मुखता की पर्याय थी। वे 19वीं सदी के यथार्थ दृश्य को नाटक के माध्यम से समाज के सामने

रखते हैं। उन्होंने 19वीं सदी की रूस की सामाजिक व्यवस्था पर तीखा प्रहार किया है।

यह नाटक 5 अध्यायों में विभाजित है। प्रत्येक अध्याय को विविध दृश्यों में बांटा गया है। नाटक में समाज में फैले भ्रष्टाचार और सामाजिक बुराइयों से साक्षात्कार कराया गया है। “इन्स्पेक्टर” नाटक में मुख्यतः 23 पात्र हैं।

नाटक की शुरुआत होती है कीव, शहर का मेयर (अंतोन), न्यायाधीश अम्मोंस, अरतेमी धर्मार्थ संस्थानों के ट्रस्टी, लुका विद्यालय के निरीक्षण, इवान श्पेकिन डाकिया, दोबचिन्सकी और बोबचिन्सकी शहरी जमींदार, खिशियान स्थानीय चिकित्सक, मिश्का मेयर की नौकर, स्विपान पुलिस अधीक्षक यह खबर सुनकर चिंतित हो जाते हैं कि शहर में गुप्त इन्स्पेक्टर निरीक्षण के लिए आने वाला है। शहर के सभी अधिकारियों का होश गुम हो जाता है। सभी अपने अपने भ्रष्ट कार्यों को छुपाने में लग जाते हैं। वह सोच कर चिंतित हो जाते हैं कि कौन आएगा? हमारा भविष्य क्या होगा? वे गोपनीय तरीके से पता चलता है कि कोई अधिकारी पीटर्सबर्ग से आया है। इसके बाद वे उससे मिलने की तैयारी करते हैं।

नाटक में खिलस्ताकोव (पीटर्सबर्ग का क्लर्क) होटल के छोटे से कमरे में है तथा उसकी स्थिति बहुत बुरी है, उसके पास पैसे नहीं हैं। खाने की कमी है। बेहद विचित्र ढंग से व्यवहार करता है। वह खाने के लिए अजीब - अजीब हरकतें करता है। पहले मेयर के आने पर वह डर जाता है, परंतु उसे समझ में आ जाता है कि इन लोगों को होटल वाले ने नहीं बुलाया है, फिर धीरे-धीरे सब समान हो जाता है।

मेयर के घर में अन्ना और मारिया, गुप्त इन्स्पेक्टर के ठहरने का इंतजार करते हैं। दोनों शहरी जमींदार, मिश्का (मेयर का नौकर) घर को अनुकूल बनाने में लग जाते हैं ताकि गुप्त इन्स्पेक्टर को किसी भी प्रकार की तकलीफ ना हो। खिलस्ताकोव का मेयर के घर में धूमधाम से स्वागत किया जाता है। सभी अधिकारी अपने क्षेत्र के बारे में बताते हैं कि अब वह अपना काम कितनी लगन और मेहनत से कर रहे हैं। मेयर के परिवार से परिचय होने के बाद वह अपने प्रशंसा के पुल बांधने शुरू कर देता है। वह समाज में अपनी स्थिति के बारे में बताता है कि मैं हमेशा किसी न किसी महफिल में जाता रहता हूँ नहीं तो हम ताश का एक खेल खेलते जिसमें फ्रांसीसी विदेशी मंत्री, राजदूत, इंग्लैंड और जर्मनी के राजदूत और हम सब एक साथ बैठते हैं। यह सुनने के बाद, खिलस्ताकोव के प्रति उनका सम्मान और भी बढ़ जाता है। सबसे

विशेष यह होता है कि अन्ना और मारिया की आपसी बहस शुरू हो जाती है। खिलस्ताकोव की नजर मेरे ऊपर थी? मेयर और मारिया, उसके नौकर असिफ से उसके मालिक की सामाजिक स्थिति और उन्हें क्या पसंद है? अन्य छोटी-छोटी बातें पूछते हैं।

शहर के सभी अधिकारी बारी-बारी से खिलस्ताकोव से मिलते हैं। साथ ही साथ इस बात से डरते हैं कि उनके बारे में कोई नकारात्मक बिंदु रिपोर्ट में ना लिखें। खिलस्ताकोव सबसे अपने लिए उधार के रूप में रूबल मांगता है और उन्हें विश्वास दिलाता है कि वह पीटर्सबर्ग पहुँच कर ब्याज सहित वापस कर देगा। सबसे मजेदार बात यह है कि भ्रष्ट अधिकारी और कहानी का नायक दोनों प्रसन्न होते हैं। भ्रष्ट अधिकारी सोचते हैं कि गुप्त इन्स्पेक्टर ने कोई हिदाएत नहीं दी। वे कुछ रूबल दे कर ही बच गए। खिलस्ताकोव प्रसन्नचित है कि उसे यह लोग पैसे दे रहे हैं। हवलदार की विधवा की बातें सुनकर दुखी होता है। वह सब सुनकर परेशान हो जाता है। वह असिफ से कहता है कि लोगों को अंदर मत आने दो। फिर गुप्त इन्स्पेक्टर अपने दोस्त को एक पत्र लिखता है और असिफ से कहता है कि उसे डाकघर तक पहुंचा दे। फिर मेयर आकर सभी बातों का खंडन करता है कि हवलदार की विधवा की बातें सही नहीं हैं।

खिलस्ताकोव को मारिया अच्छी लगती है, फिर खिलस्ताकोव मारिया से प्यार का इजहार करता है, मेयर और अन्ना की खुशी का ठिकाना नहीं होता। उनके तो दोनों हाथ में लड्डू हो जाते हैं। खिलस्ताकोव शादी के लिए समय मांगता है। वह कहता है कि अपने बूढ़े अंकल से मिलने जा रहा है, एक दिन मैं वापस आ जाएगा। वह मारिया को ढेर सारा प्यार देकर चला जाता है।

खिलस्ताकोव के जाने के बाद बधाइयों का मौसम आता है मारिया के पांव जमीन पर नहीं होते। अन्ना और मेयर तरह-तरह के सपने बुनने लगते हैं परंतु तभी डाकिया आता है। वह पत्र को पढ़ लिया रहता है। वह जब आकर कहता है कि वह कोई गुप्त इन्स्पेक्टर नहीं था। पहले कोई विश्वास नहीं करता परंतु पत्र पढ़ने के बाद वास्तविकता से रूबरू हो जाते हैं। उस पत्र में अपने को इन सभी लोगों की मूर्खता के बारे में जिक्र किया रहता है। तभी उन्हें पता चलता है की जेडर्ग एक विशेष पुलिस अधिकारी का शहर में आगमन हो गया है और शहर के सभी अधिकारियों को होटल में रिपोर्ट करने

का आदेश देता है। नाटक का अंत बेहद दुख भरा है। मारिया के सभी सपने चूर हो जाते हैं, शहर के जर्मींदार एक दूसरे को इसका कारण मानते हैं।

नाटक में 19वीं सदी में रूस में लगे प्रेस की सेंसरशिप को प्रदर्शित करता है। साथ ही विवाह को समस्या का समाधान के रूप में प्रयोग किया गया है। दुख की बात यह है कि विवाह को भी भ्रष्टाचार के रूप में प्रयोग होने की कड़वी सच्चाई को लेखक ने दिखाया है। “इंस्पेक्टर” नाटक का हिंदी अनुवाद रूसी भाषा में पढ़ने के बाद ऐसा प्रतीत होता है कि नाटक मूल रूप से रूसी में नहीं हिन्दी में लिखा गया है।

तत्कालीन समय में रूस की सरकारी तंत्र की दशा और दिशा क्या थी? पूरा समाज भ्रष्ट और गैर जिम्मेदारियों की ओर अग्रसर दिखाई दे रहा है।

“विवाह” नाटक में मुख्यतः ग्यारह पात्र हैं। इस नाटक के मुख्य नायक पदकोलेसिन जो कि पेशे से एक सरकारी क्लर्क है एवं मुख्य नायिका अगाफिया है जो एक व्यापारी की बेटी है। इस नाटक को मुख्यतः 2 अध्यायों में बांटा गया है। नाटक की शुरुआत इस प्रकार होती है कि पदकोलेसिन जो कि नाटक का मुख्य पात्र चुपके-चुपके अपनी शादी की तैयारी कर रहा है। पदकोलेसिन की उम्र ढलती जा रही है। वह अकेलेपन से परेशान है, तो वह शादी करने की बात सोच रहा है। वह अपने नौकर से पूछता है कि उसका सूट तैयार हो गया की नहीं? इस बात की भनक तो नहीं लगी की मैं शादी की तैयारी कर रहा हूँ? दर्जी शक तो नहीं किया? दर्जी ने ऐसा तो नहीं पूछा की इतने अच्छे कपड़े का क्या होगा?

पदकोलेसिन मन ही मन रंगभेद की बातें करता है। मुझे लगता है कि काले सूट की कीमत समाज में ज्यादा है। रंग बिरंग सूट कैशियारों, पार्षद और छोटे ओहदों के लोगों के लिए बने हैं। पदकोलेसिन अपने नौकर से पूछता है कि वज्नीसेन्सकी पथ के दुकानदार पॉलिश के बारे में तो नहीं पूछा? उसने यह तो नहीं पूछा कि पॉलिश की क्या जरूरत है। पदकोलेसिन हर बात पर बहुत ज्यादा सोचता है। वह जूते और पालिश की बारे में भी सोचता है। वह सोचता है कि अगर आपके जूते की बनावट सही ना हो और उस पर पालिश ना लगा हो तो एक सभ्य समाज में आप को तिरस्कार का सामना करना पड़ सकता है। वह अपने नौकर से कहता है कि मोची से कहे तो हो ना? कि कठोर चमड़े के जूते ना बनाएं। फिर वह सोचने लगता है कि शादी करना कितनी कठिन काम है।

तभी फन्योकला पदकोलेसिन के घर आती है। उससे वह अगाफिया के उम्र और खूबसूरती के बारे में पूछता है; साथ ही इस बात पर भी चर्चा करता है की दहेज में क्या मिलेंगे? वह कहता है की कोई और लड़की नहीं है?

फन्योकला यह जवाब देती है की माफ कीजिए एक तो आप सटीक जवाब नहीं दे रहे हैं। मैं तीन महीने से आपके पास चक्कर लगा रही हूँ। मेरा दावा है कि इससे योग्य वधु आपको मिल ही नहीं सकती। आप भी तो अपने आप को देखिए आप के भी तो सफेद बाल हो गए है। पदकोलेसिन का यह मानना है की सफेद बाल, चेचक से भी खतरनाक है।

तभी पदकोलेसिन का मित्र कचकारोव उसके घर आता है और जो फन्योकला को देखकर आश्चर्यचकित होता है कि वह यहां क्या कर रही है। उससे कहता है कि तुमने मेरी शादी क्यों कराई? वह यह अनुमान लगाता है कि कहीं पदकोलेसिन शादी की तैयारी तो नहीं कर रहा है। फिर क्या, वह अपने मित्र से कहता है कि तुम बेफिक्र रहो। तुम्हारी शादी की सारी तैयारियां मैं करूंगा। वह लड़की का नाम जानकर दावा करता है कि वह अगाफिया को भली - भाँति जानता है। फिर से कचकारोव और फन्योकला आपस में पदकोलेसिन की शादी को लेकर बात करने लगते हैं। फन्योकला मन ही मन सोचती है कि यह तो मेरे मुँह से निवाला छीनने का काम कर रहा है। कचकारोव, पदकोलेसिन से शादी के लिए हामी भरवाता है, साथ ही साथ शादी के बाद उसका जीवन कितना आरामदायक हो जाएगा, उसकी जिंदगी कितनी बदल जाएगी? यह सब कल्पना से बोध कराता है। फिर दोनों अगाफिया के घर के लिए रवाना हो जाते हैं। अगाफिया एक ऐसी लड़की थी जो कार्ड रीडर से भविष्यवाणी में विश्वास रखती है। वह कार्ड पढ़ते - पढ़ते अपनी चाची से इस बात से चर्चा करती है की उसका पति कैसा होगा? कौन होगा? वह कहती है की फन्योकला उसकी मदद करेगी।

फन्योकला, अगाफिया के घर बहुत जल्दी में आती है और वह कहती है की मैं तुमको सभी लड़के के बारे में बताती हूँ। कौन कैसा है? वह इवान पावलोविच याइचनिट्सा को एक सबसे श्रेष्ठ वर मानती है। पदकोलेसिन की बुराई के अलावा कोई विशेष बातें नहीं बताती। तभी दरवाजे पर खटखटाने की आवाज होती है। फन्योकला कहती है यह तो वही लड़के हैं जिनकी मैं चर्चा कर रही थी। सभी कमरे को व्यवस्थित करने में लग जाते हैं। इवान पावलाविच का आगमन होता है दुन्याशका उनका स्वागत करती

है। फिर अनुचकिन का आगमन होता है। दोनों एक दूसरे को आने का मकसद नहीं बताते। फिर झेवाकिन का और फिर कचकारेव के साथ पदकोलेसिन भी उसके घर पहुंच जाते हैं। कचकारेव सब समझ जाता है कि लोग क्यों आए हैं, फ़योक्ला से वहां भी कचकारेव कहासुनी करने लगता है।

अगाफ़्या की मां सबसे अलग - अलग बातें करती है और उनसे आने का मकसद पूछती है। याइचनित्सा कहता है कि समाचार पत्र के माध्यम से उसे ज्ञात हुआ कि यहा लकड़ियों का विक्रय होने वाला है। झेवाकिन कहता है की उसे समाचार पत्र से पता चला है की लकड़ियों का विक्रय होगा, इसी बात की पुष्टि करने के लिए आया है। लेकिन कचकारेव अपना परिचय देते हुए उन्हें बताता है कि हम पहले मिल चुके हैं। तभी स्तारिकव का आगमन होता है। कहता है कि बाजार में एक लड़के ने मुझसे कहा कि आप लकड़ियों को बेचना चाहती है।

सभी लोग अपनी अपनी विशेषताएं बताते हैं कि वह कितने निपुण है सभी अपने पेशे के बारे में बताते है यह सब सुनकर अगाफ़्या को शर्म आ जाती है और उठकर वह अंदर चली जाती है। सभी आपस में बातें करने लगते हैं कि लड़की अंदर क्यों चली गई? फ़योक्ला आकर बताती है कि उसे यहां बैठने में शर्म आ रही है। वह सबसे शाम को चाय पर मिलेगी। फिर धीरे-धीरे सब चले जाते हैं। बस कचकारेव और पदकोलेसिन वही रह जाते है, वह दोनों लड़की की सुंदरता के बारे में बात करते हैं। इधर अगाफ़िया अकेले कमरे में बैठकर कार्ड रीडिंग की मदद से उचित लड़का चुनने की कोशिश करती है। तभी कचकारेव उसके पास जाता है, वह कहता है कि मैं एक बेहतर आदमी को जानता हूं। मैं आप की मदद करूंगा। तभी कमरे में बारी - बारी से याइचनित्सा, झेवाकिन और अनुचकिन प्रवेश करते हैं। सभी अपनी अपनी प्रशंसा करने लगते हैं, इन सभी की बातें सुन कर अगाफ़्या परेशान होकर, गुस्से से चिल्लाती है। कचकारेव और याइचनित्सा के बीच भी कहासुनी होती है और फ़योक्ला कहती है कि लड़की के बारे में जो भी कही थी, वह बात सही नहीं है।

अगाफ़्या, झेवाकिन को शादी के लिए मना कर देती है। कचकारेव ने ही अगाफ़्या के कान भरे है, जिस कारण वह मना कर देती है। फिर, झेवाकिन कहता है कि तुम दुखी मत हो, मैं तुम्हारी शादी की बात करूंगा।

कचकारेव, पदकोलेसिन को अगाफ़्या से बात करने के लिए कहता है तभी अगाफ़्या आती है, कचकारेव कमरे से बाहर चल जाता है। पदकोलेसिन से मिल कर, उससे

बातें कर के अगाफ़्या को मोहित कर लेता है। अगाफ़्या भी मन ही मन पसंद कर लेती है। कचकारेव के सामने दोनों एक दूसरों से शादी की बात स्वीकार करते हैं। अगाफ़्या यह बात अपनी चाची को बताने चली जाती है।

नाटक का चरम उत्कर्ष तब आता है जब पदकोलेसिन सोचता है कि शादी एक डरावनी चीज है। इस जाल में फंसे तो फंसे रह जाते हैं। फिर उसका मन बदलता है। खिड़की से कूद कर सिमेनोव्स्की ब्रिज के पास गाड़ी से चला जाता है। अरीना और अगाफ़्या उसे खोजती है। फिर कचकारेव भी उसे खोजता है। तभी दुन्याशका बताती है की उन्हे मैं खिड़की से कूद कर भागते हुए देखी हू। यह बात सुन कर अगाफ़्या निराश हो जाती है। कचकारेव कहता है कि मैं उसे लेकर आऊँगा। फ़्योकला कचकारेव को खरी - खोटी सुनाती है। इस तरह इस नाटक का भी दुखद अंत होता है।

दोनों नाटकों में मुख्य आकर्षण इसमें दर्शाये मनोभाव हैं। पहले नाटक "इंस्पेक्टर" के शुरुआती भाग में सभी पात्र परेशान हैं कि आगामी समय में हमारा क्या होगा। इंस्पेक्टर कौन है? कब आएगा? एवं नाटक "विवाह" में मुख्य पात्र पादकोलेसिन भी परेशान रहता है। मेरी शादी किससे होगी? कब होगी? किसी को पता तो नहीं है कि मैं शादी की तैयारी कर रहा हूँ। "विवाह" नाटक में अगुआ (विवाह ठीक करनेवाला) की मानसिकता को भी प्रकट किया गया है की शादी कचकारेव और फ़्योकला की आपसी दौड़ है, मैं कुशल अगुआ हूँ। विवाह नाटक के मध्य भाग में हंसी की प्रचुरता है। पाठक इस भाग को पढ़ते समय अपनी हंसी को नियंत्रित नहीं कर सकता है, परन्तु अंत दुखद है। यह विशेषता लगभग निकलाई गोगल के सभी नाटकों में स्पष्ट रूप से मिलता है। डॉ अंबेदकर और श्री चंदन कुमार ने इस नाटक को ना केवल हिंदी में अनूदित किया है बल्कि हिंदी भाषा के देशज शब्दों के सकशल प्रयोग से नए रंग में रंग दिया है। जिससे पढ़ते वक्त पाठक को ऐसा प्रतीत होता है कि यह नाटक रूसी भाषा से नहीं बल्कि हिंदी भाषा में ही मूल रूप में लिखी गई हो। जैसे - "मेयर की नजर तलवार की धार पर भोथरा गई है"। और "भाइ मैं जाए तुम्हारा एक सेकंड" यह कहना गलत नहीं होगा, ऐसे शब्दों से रूसी साहित्य को भारतीय पाठकों के अनुरूप कर दिया गया है; साथ ही साथ भारतीय मुहावरों और लोकोक्तियों से नाटक अलंकृत हो गया है। जैसे - "दिमाग फिर गया है", "गाल बजाना", "गधों को कहां से उठा आए", "बौखलाई बिल्ली की तरह क्यों दौड़ रही हो" इत्यादि।

"इंस्पेक्टर" नाटक में लेखक रूसी समाज की क्षतिग्रस्त सरकारी तंत्र को दर्शाते हैं कि विद्यालय तो हैं, परंतु अध्यापक की साहित्यिक कुशलता बंद से बंदतर है। इससे समाज का वर्तमान ही नहीं भविष्य भी अंधकारमय हो गया है। जब पदाधिकारियों को पता चलता है कि गुप्त इंस्पेक्टर शहर में आ गया है तो कहते हैं कि "नौजवान को बेवकूफ बनाना ज्यादा आसान है" इससे प्रकट होता है कि शिक्षा का दुष्प्रभाव पड़ चुका है। इस नाटक से यह भी साफ प्रकट होता है कि भ्रष्टाचार का अंत असंभव है क्योंकि सरकारी कार्यालय में बैठे क्लर्क और अधिकारी कैसे इसके महामहिम हैं और न्यायपालिका भी इससे बचा नहीं है। सब आपसी सहमति से भ्रष्टाचार के सामाजिक दैत्य का पालन पोषण करते हैं। उन्हें पूर्ण विश्वास है। अगर कोई निरीक्षण करने आएगा। उसे भी इस भ्रष्टाचार की मलाई खिलाकर अपना साथी बना लेंगे और फेवरोन्या की तरह उसे समस्याओं का सामना करना पड़ेगा, उसे इसके खिलाफ आवाज उठाने का अवसर ही नहीं मिलेगा। अगर कोई अधिकारी से शिकायत करेगा तो कोई कार्रवाई होने वाला ही नहीं है; क्योंकि वह उन्हीं का साथी है। उन्हें अपने बुरे कर्मों का कोई पछतावा नहीं है। उनका मानना है कि धर्म के सहारे वे पाप से मुक्त हो जाएंगे। उनका मत है इंसान कोई ना कोई पाप करता है, परंतु धार्मिक स्थल पर जाने से भगवान पापों को नष्ट कर देते हैं जैसे कि ओं को दिखाते हुए साथ-साथ समाचार पत्र पर लगे सेंसरशिप को भी दर्शाते हैं। चिट्ठियां भी खोल कर पढ़ी जाती है क्योंकि सेंसरशिप के कारण चिट्ठियों संचार का माध्यम है। डाकिया कहता है- "काफी ज्ञानवर्धक बातें भी होती हैं और कभी कभी तो अखबार की बातों से भी ज्यादा ज्ञानवर्धक बातें इन चिट्ठीओ में होती हैं" ऐसे अनेक विचारों, सामाजिक जागरूकता के प्रकाश को रूसी रूपी टापू से भारतीय जनमानस रूपी टापू से जोड़ने के लिए डॉक्टर अंबेदकर एवं चंदन कुमार ने सेतु का कार्य किया है। इस पुस्तक के अनुवाद से केवल दो भाषाओं का शाब्दिक रूपांतर नहीं होता, बल्कि इससे दो देशों की संस्कृति एवं साहित्य का मिलन और स्थानांतरण होता है।

